Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 17

Москва
Академия исторических наук
2015

УДК 82-92 ″1941/45″
ББК 84Р7-4
О80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 17. - М.**:** Академия исторических наук, 2015. - 466 с.:ил.

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696 (on-line)

ISBN 978-5-903076-30-7 (т.17)
ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и кавалеров ордена Красного Знамени – участников боевых действий, проходивших во время Второй мировой войны, подготовленные в рамках целевой программы Научного учреждения «Академия исторических наук». Воспоминания представлены в авторской редакции.

Книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также может быть полезна людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются ветераны - авторы статей, их помощники - студенты и преподаватели университетов. По четыре экземпляра передаются бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в музей, университет, ветеранскую организацию и в библиотеку главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек зарубежных университетов.

На Web-странице **www.ainros.ru** Академии исторических наук все тома размещаются для бесплатного чтения и копирования.

Издание тома осуществлено на средства гранта, выделенного в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 23 марта 2015 года № 62-рп «О присуждении грантов Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства».

УДК 82-92 ″1941/45″
ББК 84Р7-4

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696(on-line)

ISBN 978-5-903076-30-7 (т.17)
ISBN 5-903076-05-X

© Академия исторических наук, 2015

Посвящается величию
Подвига Солдата

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

		Стр.
	Предисловие к изданию	9
	Антошкин Николай Тимофеевич *Важная составляющая исторического образования*	22
	Предисловие к 17-му тому	25
1.	**Андреев Александр Петрович** *200 полётов на разведку*	31
2.	**Артамонов Михаил Ионович** *18 июня 1945 года нас опять вызвали в штаб*	39
3.	**Артюшин Михаил Андреевич** *Вдоль границы на погранзаставу «Порхач»*	47
4.	**Белов Михаил Ипатович** *Преодолевая вал «Восточный» (продолжение, начало в 3-м томе).* *Дважды в битве за Венгрию*	54
5.	**Белова (Соловьева) Серафима Андреевна** *Три раза рвало антенну осколками снарядов и мин*	61
6.	**Белоусов Николай Иванович** *Возвращение из тыла противника после авиакатастрофы (продолжение, начало в 7-м томе)* *Выполнил еще 135 боевых вылетов*	69
7.	**Берендс Кирилл Константинович** *Отныне считать её Краснознаменной (продолжение, начало в 3-м томе).* *В моей руке была наша последняя граната*	75

8. **Бессараб Александр Никитович** 78
Бой первый - у Кубинки,
бой последний - у Рейхстага

9. **Ботян Алексей Николаевич** 91
Командир разведывательно-диверсионной группы

10. **Брюхов Василий Павлович** 95
Влево 20, «пантера», бронебойным, огонь!

11. **Быстров Виктор Иванович** 106
Предотвратили уничтожение штаба дивизии

12. **Вендров Ефим Ефремович** 112
«Гонки» по-пластунски

13. **Глазунов Юрий Николаевич** 116
Выполняя задачи по разминированию
и сооружению переправ

14. **Демина (Михайлова) Екатерина Илларионовна** 120
Санинструктор батальона морской пехоты

15. **Дрозд Иван Григорьевич** 125
Гранат у нас уже не было,
патроны тоже кончались

16. **Есин Виктор Васильевич** 131
Пакет с приказом генерала Рокоссовского

17. **Загайный Павел Алексеевич** 137
Штурман ночных бомбардировщиков

18. **Калиниченко Андрей Филиппович** 145
Самолёт терял равновесие:
то клевал, то уходил влево

19. **Каприн Дмитрий Васильевич** 170
Недосчитались 17 «юнкерсов» и
«мессершмиттов»

20. **Кислянский Василий Семенович** 178
Всем, по танкам, бронебойными, огонь!

21. **Коровушкин Александр Иванович** 188
Уходит в ночь разведка (продолжение, начало в 7-м томе).
Полшага от смерти

22. **Крамаренко Сергей Макарович** 194
До верхушек деревьев метров 15

23. **Крюков Георгий Иванович** 201
Нагрузка на понтонеров была огромной (продолжение, начало в 6-м томе).
По нашей «жердёвке» прошли танки и артиллерия

24. **Лёвкин Василий Андреевич** 206
Это был крейсер «Адмирал Шеер»

25. **Марков Владимир Иванович** 211
Партизанский отряд «За Родину»

26. **Микоян Степан Анастасович** 219
Взлетали и уже в воздухе получали по радио команды

27. **Мильченко Николай Петрович** 240
По самолёту, гранатой, темп пять, огонь!

28. **Москалев Алексей Владимирович** 246
Две гранаты швырнул прямо из-под берега

29. **Оловянников Николай Ефимович** 252
Боевой 200-й вылет

30. **Орлов Владимир Иосифович** 259
От школьной парты на защиту осажденного Ленинграда

31. **Орлов Николай Григорьевич** 263
Они пошли в прорыв ещё в темноте

32. **Панкратьев Георгий Тимофеевич** 268
Халхин-Гол, Ржев, Калач, Украина, Румыния и Большой Хинган

33. **Переладов Владимир Яковлевич** 278
Русское «Ура» в горах Италии

34. **Петрищев Василий Петрович** 283
Вызываю огонь на себя

35. **Плотников Павел Михайлович** 288
Броском противотанковой гранаты подбил передовой танк

36. **Полянская Ирина Николаевна** 292
Это что за октябренок?

37. **Протасов Николай Степанович** 300
3-й добровольческий отряд моряков

38. **Прохорова Вера Павловна** 308
В телеге под кожаным пальто лежали боеприпасы

39. **Ракобольская Ирина Вячеславовна** 312
Другого такого полка не было

40. **Решетников Василий Васильевич** 362
Бомбили Берлин в сентябре 1942 года

41. **Рунов Борис Александрович** 394
Сопротивление бесполезно, вы будете уничтожены (продолжение, начало в 1-м томе). Когда жизнь «висела на ниточке»

42. **Рыбалка Виталий Викторович** 398
Моя четвёрка сбила пять фашистских истребителей

43. **Рябчун Константин Прокофьевич** 404
Выскочил на дорогу и открыл из пулемёта огонь

44. **Седельников Петр Иванович** 410
На бреющем полёте

45. **Тихонов Иван Семёнович** 414
На врага обрушились тысячи мин

46. **Ткачев Владимир Яковлевич** 421
Форсирование Дуная

47. **Федотов Николай Федорович** 424
Оборудовали переправу во время десятиминутного артиллерийского налёта

48. **Хомяков Иван Борисович** 441
Пинский десант

49. **Челяпин Алексей Иванович** 454
В третьей траншее мы пошли врукопашную

50. **Яковлев Сергей Иванович** 459
Техники насчитали более 120 пробоин

Благодарность Оргкомитета 464

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали

появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, героизма, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с

учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны (председатель Слухай И.А.) проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии (председатель Пархоменко В.И.), Московского комитета ветеранов войны и факультета военного обучения (начальник Луценко В.Н.) Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета;
- Московского государственного горного университета;
- Московского государственного лингвистического университета;

- Московского государственного строительного университета;
- Московского государственного технического университета имени А.Н. Косыгина;
- Московского государственного университета природообустройства;
- Московского инженерно-физического института (государственного университета);
- Московского энергетического института (технического университета);
- Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
- Российского государственного технологического университета имени К.Э. Циолковского;
- Московского государственного агроинженерного университета имени В.П. Горячкина;
- Кубанского государственного аграрного университета;
- Кубанского государственного технологического университета;
- Кубанского государственного университета.

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института (заведующий Порохня В.С.) была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей (том 8), Краснодарского края (том 9), Республики Коми (том 13).

По инициативе Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации (директор Порохня В.С.), Федеральное агентство по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации письмом № ФАО-14868/12-16 от 1 октября 2008 года рекомендовало учреждениям высшего профессионального образования России провести работу по привлечению студентов и преподавателей истории для создания каждым Вузом своего тома. Благодаря такому

предложению, в учебном процессе российских университетов внедряется новая элективная форма учебно-исследовательской работы студентов, которая позволит оказать помощь российским ветеранам войн и военных конфликтов в подготовке рукописей их мемуаров для публикации в настоящем издании. В результате на момент издания 13-го тома в Академию исторических наук переданы рукописи для публикации 20 новых томов мемуаров ветеранов-фронтовиков Великой Отечественной войны, подготовку которых осуществили:

1. Брянская государственная инженерно-технологическая академия;
2. Брянская государственная сельскохозяйственная академия;
3. Брянский государственный технический университет;
4. Брянский государственный университет;
5. Воронежский архитектурно-строительный университет;
6. Горский государственный аграрный университет (Владикавказ);
7. Дагестанский государственный педагогический университет;
8. Ивановский государственный архитектурно-строительный университет;
9. Ивановский государственный энергетический университет;
10. Институт экономики и управления в медицине и социальной сфере (Краснодар);
11. Казанский государственный технический университет имени А.Н. Туполева;
12. Калмыцкий государственный университет;
13. Калужский филиал Российского государственного аграрного университета МСХА имени К.А. Тимирязева;
14. Кемеровский филиал Российского торгово-экономического института;
15. Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова;
16. Краснодарский университет МВД России;
17. Кубанский государственный медицинский университет (Краснодар);

18. Кубанский государственный медицинский университет;
19. Кубанский социально-экономический университет;
20. Курская государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Павлова;
21. Курский государственный технический университет;
22. Курский государственный университет;
23. Липецкий государственный технический университет;
24. Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева;
25. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева;
26. Московский авиационно-технологический университет;
27. Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);
28. Московский государственный агроинженерный университет имени В.П. Горячкина;
29. Московский государственный горный университет;
30. Московский государственный лингвистический университет;
31. Московский государственный строительный университет;
32. Московский государственный текстильный университет имени А.Н. Косыгина;
33. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
34. Московский государственный университет печати;
35. Московский государственный университет природообустройства;
36. Московский инженерно-физический институт (государственный университет);
37. Московский энергетический институт (технический университет);
38. Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского;
39. Санкт-Петербургский государственный университет водных коммуникаций;

40. Саратовский государственный социально-экономический университет;
41. Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;
42. Северо-Кавказский филиал Правовой академии Минюста России (Махачкала);
43. Сибирская автомобильно-дорожная академия (Омск);
44. Славянский-на-Кубани государственный педагогический университет;
45. Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России;
46. Старооскольский филиал Воронежского государственного университета;
47. Институт экономики и культуры.

Работа студентов и преподавателей кафедры истории (заведующий Антипин Л.Н.) Московского государственного текстильного университета имени А.Н. Косыгина опубликована в 2011 году в 14-м томе настоящего издания.

В конце 2008 года Академия исторических наук, совместно с кафедрой истории (заведующий Порохня В.С.) Московского авиационного института и Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы, организовала подготовку ветеранами-интернационалистами воспоминаний об их участии в боевых действиях в 1979-1989 годах в составе Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане. В результате этой работы был создан 11-й том мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне».

Студенты и преподаватели кафедры истории Московского авиационного института начали работу по подготовке мемуаров участников боевых действий во Вьетнаме и Корее.

Важным событием в развитии проекта явилось пребывание в ФРГ делегации российских ветеранских организаций с 20 по 25 апреля 2010 года в рамках мероприятий по празднованию 65-летия окончания Второй мировой войны. Инициатор и организатор поездки делегации - Научное учреждение «Академия исторических наук». Главная

цель поездки - вручение комплекта 13-ти томов мемуаров фронтовиков «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» библиотеке Бундестага.

Делегация состояла из 13-ти человек, в которую вошли:

- руководители двух ветеранских организаций России: Карабанов Дмитрий Иванович (председатель Совета Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов) и Антошкин Николай Тимофеевич (Герой Советского Союза, Заслуженный военный летчик, председатель Правления Клуба героев Советского Союза, героев Российской Федерации и полных кавалеров «Ордена Славы», доктор военных наук, профессор, генерал-полковник);
- три фронтовика Великой Отечественной войны: Рунов Борис Александрович (Герой Советского Союза, член Президиума Всероссийской общественной организации ветеранов войны, действительный член Академии исторических наук, бывший заместитель министра сельского хозяйства СССР, участник штурма Берлина), Дементьев Василий Дмитриевич (заместитель председателя Совета Региональной общественной организации инвалидов Великой Отечественной войны - ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, действительный член Академии исторических наук, доктор военных наук) и Колесникова Зинаида Андреевна (член Совета Региональной общественной организации инвалидов войны - ветеранов 4-й гвардейской танковой армии);
- ветеран тыла Великой Отечественной войны Епихин Виталий Иванович;
- руководитель университетского исторического сообщества России Порохня Виктор Сидорович (директор Межвузовского центра по историческому образованию технических вузов России, заведующий кафедрой истории Московского авиационного института, профессор, доктор исторических наук);
- представители Научного учреждения «Академия исторических наук»: Шоль Евгений Иванович (президент, действительный член Академии исторических наук); Лидяева Наталия Игоревна (исполнительный секретарь,

действительный член Академии исторических наук), Бояр Александр Михайлович (действительный член Академии исторических наук), Федулова Татьяна Михайловна (действительный член Академии исторических наук, редактор), Головушкин Вадим Игоревич (действительный член Академии исторических наук) и Новиков Игорь Михайлович (военный врач-терапевт).

Финансирование мероприятий делегации осуществлено на благотворительные средства, предоставленные Заслуженным конструктором России Гнездиловым Владимиром Алексеевичем, депутатом Московской областной Думы Аристарховым Владимиром Владимировичем и Академией исторических наук. По поручению первого заместителя Министра иностранных дел России Денисова Андрея Ивановича делегации оказали помощь Посольство России в Берлине (посол Котенёв В.В.) и Российский дом науки и культуры в Берлине (руководитель Владимир М.М.).

От имени Всероссийской общественной организации ветеранов войны делегация провела следующие мероприятия:

- 20 апреля в Трептов-парке (Берлин) и 21 апреля в музейном комплексе на Зееловских высотах (Зеелов) возложила венки к памятникам советским воинам;
- передала в дар восемь комплектов 13-ти томов мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне»: 20 апреля - посольству России в Берлине, 21 апреля - музею Зееловских высот (Зеелов), Германо-Российскому музею капитуляции Берлин-Карлсхорст (Карлсхорст) и представителю университета города Лейдена (Голландия, Leiden, Campus Den Haag), 22 апреля - библиотеке Бундестага (Берлин), Российскому дому науки и культуры в Берлине и гимназии имени Лессинга (Берлин), 23 апреля - Фонду «Саксонские мемориалы» (Дрезден).

Важным результатом создания многотомника является проявление социальной ответственности предпринимателей и руководителей органов государственного управления в форме благотворительной помощи в издании мемуаров ветеранов-фронтовиков. Безвозмездную финансовую помощь в издании первых 15-ти томов мемуаров ветеранов-фронтовиков «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» оказали:

- *Аристархов Владимир Владимирович* (6-й и 8-й тома, депутат Московской областной Думы);

- *Благотворительный фонд «Вольное дело»* (5-й том, председатель совета директоров Дерипаска Олег Владимирович);

- *Гнездилов Владимир Алексеевич* (2-й и 10-й тома, *заслуженный конструктор России);*

- *Крошнев Евгений Альбертович* (4-й том, генеральный директор Рекламного агентства «Профис»);

- *Левочкин Станислав Анатольевич* (4-й том, генеральный директор Группы компаний «Бауфлекс»);

- *Московский комитет ветеранов войны* (15-й том, председатель Слухай Иван Андреевич);

- *Муниципальное образование Басманное города Москвы* (11-й и 15-й тома, руководитель Мороз Ивисталина Васильевна);

- *ООО «Газпром трансгаз Ухта»* (13-й том, генеральный директор, депутат Государственного Совета Республики Коми Захаров Анатолий Алексеевич);

- *Префектура Северо-Восточного административного округа города Москвы* (10-й том, префект Рабер Ирина Яковлевна);

- *Префектура Юго-Западного административного округа города Москвы* (12-й том, префект Челышев Алексей Валентинович);

- *Префектура Южного административного округа города Москвы* (14-й том, префект Смолеевский Георгий Викторович);

- *Российская инновационная топливно-энергетическая компания* (9-й том, генеральный директор Грайфер Валерий Исаакович);

- *Российский благотворительный общественный фонд помощи инвалидам и участникам Великой Отечественной войны «Виктория-1945»* (14-й и 15-й тома, президент Магомедов Магомед Гаирбекович)

- *фирма Japan Tobacco International в России* (14-й том, генеральный менеджер Кевин Томлинсон)

- *Читипаховян Петр Степанович* (7-й том, генеральный директор Балтийской строительной компании);

- *Шапошников Юрий Анатольевич* (3-й том, генеральный директор типографии МВД);

- *Шоль Евгений Иванович* (1-й том, президент Академии исторических наук).

Имена спонсоров публикуются на обороте титульной страницы соответствующего тома.

Предисловия к каждому тому написаны российскими общественными, военными и научными деятелями. Среди них:

- *Азаров Виктор Яковлевич* (6-й том, председатель Московского областного Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов);

- *Антипин Леонид Николаевич* (14-й том, заведующий кафедрой истории Московского государственного текстильного института имени А.Н. Косыгина, доктор исторических наук, профессор);

- *Аристархов Владимир Владимирович* (8-й том, депутат Московской областной Думы);

- *Вураки Андрей Фёдорович* (4-й том, член Президиума Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке);

- *Дементьев Василий Дмитриевич* (2-й том, председатель Мемуарного совета Академии исторических наук, профессор);

- коллектив кафедры истории Московского авиационного института (7-й том);

- *Михалкин Владимир Михайлович* (10-й том, маршал артиллерии);

- *Мороз Ивисталина Васильевна* (11-й и 15-й тома, руководитель Муниципального образования Басманное города Москвы);

- *Николаев Сергей Дмитриевич* (14-й том, ректор Московского государственного текстильного института имени А.Н. Косыгина, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор);

- *Пархоменко Владимир Иванович* (1-й том, председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке);

- *Петрик Анатолий Алексеевич* (9-й том, ректор Кубанского государственного технологического университета);

- *Порохня Виктор Сидорович* (1-й том, директор Межвузовского центра по историческому образованию технических вузов России, заведующий кафедрой истории Московского авиационного института, профессор, доктор исторических наук);

- *Слухай Иван Андреевич* (3-й том, председатель Московского комитета ветеранов войны, генерал-майор в отставке);

- *Трунов Михаил Петрович* (5-й том, председатель Совета всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов);

- *Цхадая Николай Денисович* (13-й том, ректор Ухтинского государственного технического университета);

- *Челышев Алексей Валентинович* (12-й том, префект Юго-Западного административного округа Москвы).

В декабре 2011 года студенты и преподаватели кафедры истории (заведующий Паршин В.В.) Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана совместно с Местной общественной организацией «Общество воинов-интернационалистов Афганистана района «Басманный» города Москвы передали в Академию исторических наук рукописи воспоминаний ветеранов Афганских событий 1979-1989 года. Эти материалы опубликованы в 15-м томе.

С юбилейного 15-го тома начинается международный этап развития настоящего многотомного издания. В отличие от предыдущих томов, в 15-й том включены воспоминания зарубежных ветеранов-фронтовиков. В нем представлены воспоминания пяти ветеранов Вооружённых сил Республики Афганистан (1979-1989) и одного ветерана Вермахта Германии (1945).

Публикация в 15-м томе воспоминания германского солдата Вермахта стала результатом работы в Берлине вышеупомянутой делегации российских ветеранских организаций с 20 по 25 апреля 2010 года, в соответствии с рекомендациями посольства России в Берлине. Руководство ветеранских организаций России и Академия исторических наук считают необходимым участие зарубежных ветеранов и студентов в настоящем издании для объективного отражения военных событий, борьбы с фальсификациями истории и, на

их основе, укрепления взаимопонимания и дружбы между народами

В 16-м томе представлены воспоминания участников боевых действий в Корее, Вьетнаме, Афганистане, Сирии, во время Карибского кризиса, а также ветерана службы советской внешней разведки.

17-й том посвящен 70-летию Победы советского народа во Второй мировой войне. Авторами мемуаров в этом томе являются фронтовики, удостоенные звания Героя Советского Союза и Героя Российской Федерации, а также кавалеры ордена боевого Красного Знамени. Помощь ветеранам в подготовке рукописей оказали студенты кафедры истории гуманитарного факультета и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета), а также студенты кафедры истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана и других университетов.

Шоль Евгений Иванович,
президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович,
председатель Совета ветеранов
4-й гвардейской танковой армии,
генерал-майор в отставке

Важная составляющая исторического образования

Уходят в историю годы Второй мировой войны. Всё меньше остаётся в живых очевидцев Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. По состоянию здоровья они уже не могут часто приходить в школы, чтобы рассказать о героизме советских солдат, спасших мир от коричневой чумы фашизма.

Правду об этой войне молодежь может теперь узнать из воспоминаний непосредственных участников боевых действий, опубликованных в книгах.

Такими книгами являются сборники мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне», В настоящее время изданы 16 томов участников боевых действий войн и военных конфликтов, в каждом из которых представлены воспоминания 50 ветеранов.

Инициаторами создания многотомных мемуаров в 2002 году стали члены Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, среди которых был Герой Советского Союза Рунов Борис Александрович.

Воспоминания Рунова Б.А. и его однополчан кавалеров ордена Славы Квитченко Я.П., Карягина Д.И., Кузовникова Е.С., Лященко П.Г. и Следина Л.Н., опубликованные в 1-м томе мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» стали для ветеранов примером передачи новому поколению важных исторических знаний о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

В следующих томах опубликовали свои воспоминания Герои Советского Союза Фокин Виктор Никитович (том 2), Кравцов Борис Васильевич, Миронов Александр Ильич и Романов Михаил Яковлевич (том 5), Гапиенок Николай Иванович, Мясницин Виктор Александрович и Орлов Яков Никифорович (том 8), Козлов Владимир Васильевич и Сорокин Михаил Иванович (том 9), Фесенко Михаил Ильич (том 10), Пстыго Иван Иванович (том 14), Кот Виктор Севастьянович (том 16), Герой Российской Федерации Копыркин Анатолий Степанович (том 16), а также полные кавалеры ордена Славы Сысоев Иван Егорьевич (том 7), Ермаков Александр Алексеевич, Дрозд Михаил Алексеевич,

Сафонов Серафим Георгиевич и Татаринцев Николай Петрович (том 8).

Вместе с ними в этом многотомном издании опубликовали свои воспоминания кавалеры двух орденов Славы Квитченко Яков Порфирьевич (том 1) и Карягин Дмитрий Иванович (том 1 и том 5), Федотов Константин Сергеевич (том 6), а также кавалеры ордена Славы Кузовников Евгений Сергеевич, Лященко Павел Гаврилович и Следин Леонид Никитович (том 1), Антонов Николай Гаврилович, Гребнев Анатолий Михайлович, Ковальский Антон Владимирович, Кузовников Евгений Сергеевич, Семенов Виталий Петрович, Титов Сергей Фёдорович и Шабанов Виктор Григорьевич (том 2), Горячев Анатолий Петрович, Иванов Виталий Петрович и Федотов Степан Фатеевич (том 6), Баров Соломон Соломонович, Мусраэлян Эрик Суренович и Уланов Василий Григорьевич (том 7), Волкова-Музылёва Марина Васильевна и Хлынина Александра Петровна (том 8), Залога Степан Семёнович, Компаниец Павел Гаврилович и Савв Рашид Ханашхович (том 9), Костин Сергей Тихонович, Кубецкий Олег Михайлович, Михаленков Лев Васильевич, Фруль Гораций Иссидорович и Хребтов Владимир Александрович (том 10), Илюхин Николай Иванович, Маркин Николай Александрович и Сторожук Владимир Адамович (том 12), Артеев Митрофан Анатольевич, Левин Михаил Наумович и Щанников Михаил Ильич (том 13), Кочурин Анатолий Михайлович и Хутарев Дмитрий Дмитриевич (том 14), Юркевич Иван Иванович (том 16).

В 17-м томе опубликованы воспоминания Героев Советского Союза Дёминой Екатерины Илларионовны, Каприна Дмитрия Васильевича, Крамаренко Сергея Макаровича, Микояна Степана Анастасовича, Оловянникова Николая Ефимовича, Петрищева Василия Петровича, Плотникова Павла Михайловича, Решетникова Василия Васильевича, Рунова Бориса Александровича, Седельникова Петра Ивановича, Ткачева Владимира Яковлевича, Героев Российской Федерации Андреева Александра Петровича и Брбхова Василия Павловича и Ботяна Алексея Николаевича, кавалера ордена Славы Рябчуна Константина Прокофьевича.

Каждый из них является примером служения Отчизне.

Подготовка материалов для публикации в многотомном сборнике мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» проводится в форме элективного исторического образования студентов. Её содержанием является адресная безвозмездная помощь ветеранам в подготовке воспоминаний об их личном участии в войнах и военных конфликтах. Распоряжением от 23 марта 2015 года № 62-рп Президента Российской Федерации В.В. Путина этот проект признан творческим проектом общенационального значения в области культуры и искусства.

Участие в этом проекте является важной частью деятельности ветеранских организаций России и должно стать обязательной составляющей программы учебного процесса исторического образования во всех университетах России. Десятилетняя практика взаимодействия российских ветеранских организаций и университетов по созданию рукописей для публикации в многотомном сборнике мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» при методическом руководстве Научного учреждения «Академия исторических наук» показывает, что с помощью студентов университетов можно сохранить для исторической науки важные знания о военной истории России.

Антошкин Николай Тимофеевич,
Герой Советского Союза,
депутат Государственной Думы Российской Федерации,
председатель Клуба Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы,
член Правления «Российской ассоциации Героев», заслуженный военный лётчик Российской Федерации, генерал-полковник в отставке, доктор военных наук, профессор.

Предисловие к 17-му тому

Московским комитетом ветеранов войны в 2001 году был учреждён Клуб кавалеров ордена Красного Знамени «Краснознамёнец». За прошедшее время Клуб возглавляли полковник Федотов Николай Иванович, генерал-лейтенант Устюгов Василий Сергеевич, генерал-лейтенант Филиппов Виктор Иванович, генерал-майор Нижегородов Анатолий Григорьевич. В настоящее время Клуб возглавляет генерал-майор Канаев Вячеслав Михайлович.

По инициативе председателя Московского комитета ветеранов войны генерал-майора в отставке Слухая Ивана Андреевича и полковника Николая Павловича Черкасова члены Клуба с помощью студентов университетов города Москвы в 2002 году подготовили воспоминания о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, 50 из которых были опубликованы в 3-м томе мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» Научного учреждения «Академия исторических наук». Подготовка воспоминаний ветеранов войны для публикации в этом издании стало важной составляющей в дальнейшей деятельности Клуба «Краснознамёнец».

Став в декабре 2011 года председателем Клуба, по предложению членов Клуба, я начал проводить работу по подготовке ещё одного тома воспоминаний ветеранов-краснознамёнцев. Председатель Московского комитета ветеранов войны генерал-майор в отставке Слухай Иван Андреевич, опубликовавший в 3-м томе свои воспоминания, поддержал инициативу ветеранов.

С этой целью Московский комитет ветеранов войны обратился к руководителям кафедр истории московских университетов с просьбой оказать ветеранам организационно-техническую помощь в подготовке рукописей воспоминаний о войне.

В числе авторов воспоминаний - пехотинцы, танкисты, артиллеристы, лётчики, штурманы, зенитчики, десантники, разведчики, партизаны-подпольщики, связисты, медики. Это мемуары непосредственных участников боевых действий -

рядовых, сержантов, командиров экипажей, взводов, рот, батальонов и полков. Среди них четыре женщины – начальник штаба женского авиаполка, медсестра морской пехоты, радистка воздушно-десантной дивизии, санитар стрелкового полка.

В ходе работы мы убедились в том, что собирать рассказы ветеранов надо было раньше. Многие ветераны рассказали о своих подвигах, но не успели подготовить воспоминания в письменном виде и ушли из жизни. Ушли из жизни и некоторые ветераны, подготовившие свои воспоминания. На церемонию вручения авторских экземпляров 17-го тома придут их родные и товарищи.

В благотворительной работе по подготовке рукописей мемуаров приняли участие более 300 студентов двух московских университетов - Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета) и кафедры истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана (национального исследовательского университета). В соответствии с методическими рекомендациями Академии исторических наук они подготовили рукописи мемуаров в электронном и в печатном виде.

Я с президентом Академии исторических наук провел девять встреч в университетах с преподавателями и студентами, принявшими участие в этом проекте, для разъяснения методики взаимодействия студентов с ветеранами и правил оформления рукописей ветеранов. Вместо студентов, имевших учебные задолженности, работу по подготовке рукописей заканчивали в следующем семестре другие студенты. Каждый студент, успешно закончивший работу с ветераном, получил письмо-благодарность Академии исторических наук.

Для решения вопроса финансирования тома председатель Совета Всероссийской организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов Карабанов Д.И., представитель Московского комитета ветеранов войны, Клуба

«Краснознамёнец» Нижегородов А.Г. и президент Академии исторических наук Шоль Е.И. в сентябре 2014 года представили в Министерство культуры Российской Федерации проект создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» Научного учреждения «Академия исторических наук» и обратились с просьбой оказать помощь в финансировании проекта.

Большим успехом нашего сообщества ветеранов, преподавателей истории, студентов и ученых стало распоряжение от 23 марта 2015 год № 62-рп Президента Российской Федерации В.В. Путина «О присуждении грантов Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства», в котором проект «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» Научного учреждения «Академия исторических наук» признан творческим проектом общенационального значения и для его развития выделен грант Президента Российской Федерации.

Ветераны войн, преподаватели и студенты, участники проекта благодарны Министру культуры Российской Федерации В.Р. Мединскому, первому заместителю Министра культуры Российской Федерации В.В. Аристархову, заместителю Министра культуры Российской Федерации А.Ю. Маниловой, директору департамента туризма и региональной политики О.С. Яриловой и заместителю директора департамента туризма и региональной политики Ж.В. Алексеевой за высокую оценку проекта по созданию многотомных мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» и представление этого проекта на присуждение гранта Президента Российской Федерации.

Благодарю всех членов Совета Клуба «Краснознамёнец» за работу по подбору ветеранов-краснознамёнцев для участия в создании мемуаров, а также членов Клуба за личный пример в подготовке своих воспоминаний для 17-го тома.

Главное содержание книги составляют воспоминания солдат и офицеров, награждённых за ратный подвиг орденом боевого Красного Знамени, многим из которых было присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящем томе

представлены воспоминания 50 ветеранов, среди которых 11 Героев Советского Союза и 3 Героя Российской Федерации, которые прошли свой боевой путь на разных фронтах с 1939 по 1945 год в Маньчжурии, Европе и Монголии.

Воспоминания краснознамёнцев также представлены в других томах.

Семью орденами Красного Знамени награжден Заварухин Павел Филиппович (том 5 и 12).

Тремя орденами Красного Знамени награждены: Лилин Анатолий Васильевич (том 8), Анашкин Иван Николаевич (том 10), Ломакин Михаил Алексеевич (том10), Борзенков Иван Степанович (том 12).

Двумя орденами Красного Знамени награждены: Шишкин Николай Константинович (том 1), Белоусов Николай Иванович и Примак Николай Тимофеевич (том 7), Нестеров Павел Иванович, Швебиг Анатолий Петрович и Уткин Борис Павлович (том 8), Родин Марк Борисович (том 10), Быков Сергей Петрович (том 11), Безденежный Николай Дмитриевич (том 14).

Орденом Красного Знамени награждены:

- Вураки Андрей Фёдорович, Захаров Борис Петрович, Иванов Михаил Константинович, Лященко Павел Гаврилович, Пархоменко Владимир Иванович, Рогов Сергей Павлович, Рябушко Владимир Михайлович, Серов Иван Семёнович, Фишман Михаил Семёнович и Якушов Михаил Иванович (том 1);
- Колишер Леопольд Гаврилович и Наливалкин Дмитрий Алексеевич (том 4);
- Брусницын Николай Александрович, Добковская Нина Алексеевна, Миронов Александр Ильич, Пичков Борис Петрович, Романов Михаил Яковлевич и Сергеев Артём Федорович (том 5);
- Горобец Александр Алексеевич, Илларионов Борис Михайлович, Лисенков Василий Семёнович, Романюк Иван Дмитриевич, Сидоренков Иван Иванович, Худенко Василий Макарович, Шмелёв Анатолий Александрович, Шугаев Борис Александрович (том 6);

- Плешаков Виктор Викторович и Сапетко Андрей Семёнович (том 7);

- Аксёнов Николай Артёмович, Жебит Александр Анатольевич, Казаков Михаил Иванович, Козлов Николай Петрович, Кравец Николай Дорофеевич, Краснов Александр Борисович, Орлов Яков Никифорович и Шиян Иван Сильвестрович (том 8);

- Карюков Валентин Дмитриевич, Степанов Николай Петрович и Суржан Григорий Иванович (том 9);

- Аветикян Аршавир Аршавирович, Козлов Николай Петрович, Краснов Александр Борисович, Максименко Алексей Афанасьевич, Малкин Василий Максимович, Пистунов Андрей Иванович, Полторак Андрей Филимонович, Ярошевский Владимир Иванович (том 10);

- Хромцов Вячеслав Иванович (том 11);

- Балк Александр Львович, Ерастов Фёдор Григорьевич, Колесников Иван Васильевич, Романов Алексей Андреевич, Росол Николай Степанович, и Синяков Игнатий Харитонович (том 12);

- Худяев Борис Николаевич (13 том);

- Колониченко Валентин Федорович, Орлов Николай Григорьевич, Рапота Алексей Никифорович, Тесля Григорий Кузьмич, Фадин Александр Михайлович и Щепкин Георгий Павлович (том 14);

- Демченко Юрий Алексеевич, Ершов Игорь Алексеевич, Казаков Рим Александрович, Колесник Николай Николаевич, Константинов Владимир Михайлович и Юркевич Иван Иванович (том 16).

Учёные могут найти в опубликованных мемуарах ранее неизвестные подробности боевых действий, а преподаватели и офицеры - реальные примеры для проведения воспитательной и патриотической работы.

Воспоминания ветеранов, опубликованные в настоящем многотомном издании, – это награда нашим ветеранам-краснознамёнцам в год 70-летия Победы во Второй мировой войне, увековечение их подвига, а также возможность передать молодёжи наследие боевой славы России, чтобы

каждое новое поколение гордилось великим прошлым своей страны, сохраняло и преумножало её боевые традиции.

Издание 17-го тома проекта «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» с воспоминаниями ветеранов-краснознамёнцев в год 70-летия Великой Победы члены Клуба «Краснознамёнец» считают важным вкладом в развитие военной истории нашей Родины, а также в борьбу с фальсификациями истории.

Нижегородов Анатолий Григорьевич,
председатель Клуба «Краснознамёнец»
Московского комитета ветеранов войны
с 2011 по 2014 год,
генерал-майор в отставке

Андреев Александр Петрович

200 полётов на разведку

Я родился 5 мая 1923 года в деревне Берёзово недалеко от города Рязани.

Жили небогато. Семья состояла из семи человек: родители, брат, три сестры и я. Родители в летнее время занимались хлебопашеством, а в зимнее время отец уезжал на заработки в Подмосковье.

В начале тридцатых годов наш жизненный уклад изменился. Отец окончил курсы механизаторов и стал шофером. Затем его выбрали председателем колхоза. Он был призван в армию, сражался на Сталинградском фронте и героически погиб в 1942 году.

Многие заботы по хозяйству в отсутствии отца, особенно в довоенное время, легли на меня, как старшего в семье. Усердно помогал матери на огороде, в поле и на других работах.

Учился в неполной средней школе. Времени на подготовку к урокам было совсем мало, но на спортивные занятия оно находилось. Играли в волейбол, городки и даже гоняли босиком футбольный мяч и состязались с ровесниками из соседней деревни.

После окончания семи классов поступил в Пронскую среднюю школу, находящуюся в 12 километрах от нашей деревни. Это расстояние приходилось преодолевать 2-3 раза в неделю. Шли компанией, босиком, с песнями и прибаутками.

Было как-то радостно и никаких забот. Была одна мечта - стать полезным и уважаемым человеком среди сельчан, а также познакомиться с хорошими девчатами.

Я хотел быть учителем или лётчиком. После окончания 9 классов я поступил в Рязанский учительский институт, а также в городской аэроклуб. Днем занимался в институте, а вечерами и в воскресные дни обучался летному мастерству.

В аэроклубе изучал конструкцию самолёта У-2 (ПО-2), мотора М-11 и теорию пилотирования, а затем проходил летную практику.

Но произошло непредвиденное. Как в нашем институте, так и в других неожиданно была приостановлена выплата стипендий. Я, не имея других источников финансирования для оплаты жилья и питания, был вынужден оставить институт. Устроился рабочим на вещевой склад военного артиллерийского училища, надеясь в свободное время продолжить освоение летной программы.

Осенью 1940 года приступил к летной практике. Обучение проводилось напряженно, ощущалась предвоенная обстановка.

Навсегда в памяти остался первый самостоятельный вылет. Был рад, что сам (без инструктора) совершил полёт на самолёте.

С началом войны, в июне 1941 года, мы, с налетом в 60 часов, ускоренно окончили программу обучения в аэроклубе и заявили о желании отправиться добровольцами на фронт.

Нас направили в Руставскую авиационную школу истребителей, которая находилась в 20 километрах от Тбилиси.

Там, после небольшой теоретической подготовки в классах и на аэродроме, приступили к учебным полетам на самолетах УТ-2 и УТИ-4, а затем на истребителе ЛаГГ-3. Летную программу я усваивал без затруднений и был включен в состав группы ускоренной подготовки.

Находясь в районе расположения нашего училища, мы уже слышали гул немецких самолётов и разрывы зенитных снарядов. С приближением фронта возникли проблемы с доставкой на аэродром авиационного топлива и продуктов питания. Резко сократилась интенсивность полетов.

Получив в Рустави минимальную летную подготовку на самолете ЛаГГ-3, с налетом в 20 часов, нас направили на аэродром недалеко от Тбилиси, в 26-й запасной авиационный полк.

В течение одного месяца мы выполняли стрельбы по мишеням на полигоне и конусам, буксируемым в воздухе, а также провели несколько воздушных боев с условным противником.

Эти полеты заметно улучшили нашу подготовку для ведения боя, и мы с уверенностью отправились на фронт, хотя знали, что воевать придется с опытным противником, имеющим на вооружении более совершенную технику.

Воевать начал в декабре 1943 года в составе 249-го истребительного авиационного полка 229-й истребительной авиационной дивизии 4-й воздушной армии (ВА).

Полк базировался на аэродроме Фонталовская Таманского полуострова. Командовал полком замечательный летчик, мудрый наставник и воспитатель Герой Советского Союза подполковник П.К. Козаченко, который до этого, сражаясь в небе Китая, сбил 11 японских самолетов, а затем зимой 1939-1940 годов воевал на Карельском перешейке.

Моими непосредственными боевыми наставниками были С.И. Харламов, П.И. Щебылкин, Н.М. Онопченко, Д.П. Подоляк и А.М. Калагин.

На Северо-Кавказском фронте началась подготовка к форсированию Керченского пролива. Основное сражение развернулось в ноябре-декабре с высадки наших десантов на побережье: первого - около Керчи в районе Маяк-Еникале, а второго - в районе поселка Эльтиген.

4-я воздушная армия обеспечивала воздушное прикрытие наземных войск и плавсредств в районах их сосредоточения, на переходах и в местах их высадки. Штурмовыми ударами армия подавляла огонь вражеской артиллерии и поддерживала наступление наших войск и освобождение города Керчь и населенного пункта Багерово.

В условиях плохих климатических условий, характерных для этого времени года (туман, низкая облачность, дожди), а также сильного противодействия зенитной артиллерии и вражеских истребителей, авиация 4-й ВА ежедневно непрерывно прикрывала свою группировку войск, штурмовала

войска противника, вела воздушную разведку, особенно в его тактической зоне.

Воздушная разведка, особенно переднего края обороны противника, в основном проводилась истребителями нашего авиаполка. Истребители, имеющие малый размер, высокую маневренность в пространстве, могли на малой высоте и большой скорости успешно преодолеть сильный огонь ПВО противника и выйти на цель, а при необходимости молниеносно повторить заход для её обстрела или фотографирования.

Вот в таких условиях в течение войны мне удалось выполнить более 200 полетов на разведку. Мой самолёт не раз прошивался пулями и осколками снарядов. На подбитом самолете неоднократно приходилось производить вынужденную посадку на фюзеляж в районе боевых действий, дважды был ранен, получил ожоги. Всякий раз, не закончив лечения, возвращался в строй и снова в бой.

Ни с чем не сравнить то моральное удовлетворение, которое получал, когда узнавал, что благодаря полученным разведданным и сведениям других разведчиков, командованию фронта и 4-й воздушной армии удавалось вскрывать намерения противника, что делало возможным своевременно принимать решения по проведению операций по нанесению ударов по его войскам и объектам.

Теории ведения воздушного боя нас начали обучать в авиационном училище. Практические занятия по ведению воздушного боя мы проходили в 26-м запасном полку, а более конкретно уже в 249-м ИАП непосредственно на фронте.

В 1944 году, перед началом операции «Багратион» (2-й Белорусский фронт), попал к нам в плен немецкий летчик на новейшем самолете ФВ-190Д.

Наш командарм, генерал Константин Андреевич Вершинин, решил показать летчикам эту новинку, говоря, что не так страшен черт. Он пригласил несколько летчиков из каждого авиационного полка на полевой аэродром нашей (229-й) ИАД и организовал показательный воздушный бой. Без стрельбы, конечно. В кабине «фокке-вульфа» место занял опытный летчик - инспектор воздушной армии майор Михаил Зорин, а я в советской машине Ла-7.

Ох, и покружились мы с тем «фокке-вульфом». Смысл был в том, чтобы на виражах и вертикалях зайти в хвост «противнику» и сблизиться метров на 100-200, на дистанцию открытия огня на поражение. Ну, я одолел его и показал, что наша машина Ла-7 не хуже немецкой. Довольны были все, особенно пилоты, ведь им предстояла возможная встреча с этим «феноменом».

И случилось именно так, вскоре после этого показа, причем со мной. Возвращаясь после разведки с напарником лейтенантом А. Сидоровым, заметил в стороне, несколько ниже нас, пару точно таких же «фоккеров». Зная маневренные возможности и слабые места противника, мы без промедления атаковали их и в считанные минуты сбили ведущего. Летчик другого «фоккера» крутым пикированием вышел из боя. За этот бой и за полученные разведданные мне вручили орден Боевого Красного Знамени.

Во время войны в небе Тамани, Крыма, Белоруссии, Польши и Германии более чем 50 раз мне приходилось участвовать в воздушных боях, при этом уничтожить и подбить около десятка или более вражеских самолетов.

Почему более? Истребителям, выполняющим разведывательный полет, разрешалось вступать в бой с воздушным противником только в порядке самообороны. Приходилось в некоторых случаях отступать от этих правил. Поэтому, для избежания всяких неприятностей, мы иногда умалчивали о некоторых воздушных боях и сбитых вражеских самолетах.

С тех военных лет прошло много лет. Многие детали боев забыты, но главное осталось в памяти. Лётная книжка - объективный хранитель боевой работы летчика. В ней адъютант эскадрильи записывал каждый вылет и его результат. Я храню её как зеницу ока и нередко показываю школьникам. Этот документ - правда о войне.

Листая лётную книжку, видишь запись, что в день выполнено 2-3, а то и больше боевых вылетов. Так, в Крыму 11 апреля 1944 года я сделал четыре вылета на разведку в районы Турецкого вала и села Султановка.

В ходе этих полетов выполнил специальное задание - сбросил несколько тысяч листовок в местах дислокации немецких и румынских войск. Истребитель для решения этой

задачи не приспособлен. Приходилось открывать фонарь и выбрасывать их вручную. В общей сложности в этот день пробыл под огнем противника более 3 часов.

Привожу страницы моей летной книжки, заполненные во время завершения Севастопольской битвы.

7 мая в составе шести ЛаГГ-3 совершил четыре боевых вылета по сопровождению штурмовиков Ил-2, почти в каждом из них приходилось отражать атаки вражеских истребителей. Один из них, самолёт Ме-109Г, мне удалось подбить, и он горящим упал на землю.

8 мая опять сопровождение ИЛов и штурмовка войск противника.

9 мая, после второго вылета, в моей летной книжке значится запись: «Не вернулся с боевого задания». Во время полета над Севастополем зенитный снаряд попал в мотор самолета. Я кое-как дотянул через линию фронта и с убранными шасси «плюхнулся» на поле вблизи позиции наших войск.

От удара самолет развалился, меня выбросило из кабины. Получив значительные травмы лица, рук и повреждение позвоночника, был доставлен на самолете ПО-2 в Мелитопольский госпиталь. Подлечился и снова в бой. И в июле 1944 года в Белоруссии совершил 53 боевых вылета.

Нередко приходится слышать вопрос: «Было ли страшно на войне, под огнем врага, когда по тебе стреляют зенитки, атакуют истребители?»

Отвечаю откровенно: было страшно, особенно в первых вылетах на боевое задание. Потом привык, хотя знал, что огонь зенитной артиллерии непредсказуем и может погубить в любую секунду.

Вспоминается один случай, когда я по-настоящему оторопел и даже мысленно обратился к Богу. В полете на боевое задание на самолете ЛаГГ-3 вдруг неожиданно по плечу кто-то дважды стукнул и начал меня трясти. Повернул слегка голову и увидел пальцы… Я оторопел.

Мелькнула мысль - неужели это нечистая сила, зря я в детстве перестал ходить в церковь и записался в пионеры?

Резко повернулся и увидел испуганное лицо техника моего самолета Яши Сенечева.

Доложил по радио о случившемся, вернулся на аэродром вылета. Выяснилось, что после приземления самолета техник Сенечев на стоянке через люк забрался в просторный фюзеляж самолета и заснул там. Не услышав команды на вылет по тревоге, он во время полета начал подавать сигналы о себе таким необычным образом. На разборе этого полета было много смеха. На войне как на войне - всякое бывает.

Что касается атак истребителей, то здесь от опасности можно уходить, но это надо делать мгновенно и грамотно. В войну я остался жив и одержал несколько побед, как мне представляется, за счет хорошей всесторонней подготовки к каждому боевому вылету и, конечно, благодаря моему ведомому - лейтенанту Александру Сидорову.

Это был настоящий боевой товарищ и самоотверженный летчик, который нередко, рискуя своей жизнью, прикрывал меня в бою. Он был сбит зенитным огнем противника в районе реки Одер, обгоревший попал в плен, сбежал от немцев и вернулся к своим. К сожалению, он незаслуженно пострадал, из-за того что оказался в плену. Его уволили из Вооруженных Сил и, соответственно, из авиации, которую он страстно любил. В Золотой Звезде Героя, которую я заслужил, есть большая доля подвига Александра Федоровича Сидорова.

В послевоенный период я окончил Военно-воздушную академию имени Ю.А. Гагарина и Военную академию Генерального штаба.

Командовал 704-м учебным авиационным полком Качинского авиационного училища летчиков, где на самолетах МиГ-15 за 6 лет было подготовлено более 400 молодых пилотов.

В 1961 году был назначен заместителем, а в дальнейшем командиром 11-й гвардейской истребительной авиационной дивизии, которая входила в состав ВВС Южной группы войск в Венгрии и имела на вооружении самолеты МиГ-19 и МиГ-21. За успешное освоение новой техники и безаварийную летную работу был награжден орденом Ленина, а также мне было присвоено почетное звание «Заслуженный военный летчик СССР».

В конце 1960 годов был создан Средне-Азиатский военный округ под командованием генерала армии Лященко и

73-я воздушная армия под моим командованием, тогда я был генерал-майором авиации.

В трудных климатических условиях и пустынно-гористой местности, при отсутствии аэродромов нам удалось в предельно сжатые сроки сформировать воздушную армию, довести полки и дивизии, входящие в её состав, до полной боевой готовности и создать необходимую структуру для ведения боевых действий.

В конце 1973 года я был назначен командующим 17-й воздушной армии и переведен в город Киев.

В конце военной службы исполнилась моя мечта стать педагогом. В 1979 году мне поручили возглавить кафедру оперативного искусства Военно-Воздушных Сил в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Лично подготовил и издал более 15 научных работ, в том числе монографию «Воздушные операции на ТВД», которая и по сей день используется в военных высших учебных заведениях и в войсках.

Кандидат военных наук, доцент.

За работу в академии был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

В октябре 1989 года в звании генерал-полковника вышел в отставку.

За время Великой Отечественной войны я совершил более трехсот боевых вылетов. Мои заслуги перед Родиной в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период высоко оценены государством - в 1995 году мне было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Награжден: орденом Ленина, тремя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, польским Кавалерским (Рыцарским) крестом ордена «Виртути Милитари».

Неоднократно избирался делегатом съездов КПСС, КП Украины. Казахстана, Киргизии, был депутатом Верховного Совета Украины и Казахстана.

Май 2009 года

Артамонов Михаил Ионович

18 июня 1945 года нас опять вызвали в штаб

Я родился 24 апреля 1918 года в деревне Никитино Сафоновского района Смоленской области. В 1932 году окончил 7-летнюю школу.

В 17 лет я поступил в педагогический техникум в городе Москве. Но педагогом я так и не стал: с третьего курса пошел работать на авиазавод № 1, который был на Беговой улице, вблизи Белорусского вокзала.

В 1938 году я был призван в пограничные войска, где прослужил один год. После окончания школы сержантского состава был направлен в Саратовское пограничное училище.

Здесь я учился один год и, как отличник учёбы, был выпущен досрочно офицером в звании младшего лейтенанта. В апреле 1940 года был направлен служить на западную границу нашей Родины помощником начальника 3-й заставы 90-го пограничного отряда (деревня Выдранка).

В июле этого же года я был назначен начальником 2-й пограничной заставы (деревня Чернявка). Обстановка на западной границе в это время была напряженная. Фашистская Германия, захватив Польшу, готовилась к нападению на нашу страну. Пограничники усиливали бдительность.

Приближался 1941 год. Резко возросло число нарушений государственной границы, только в феврале пограничными нарядами заставы было задержано пять нарушителей границы. Большую помощь в задержании нарушителей пограничникам оказывали местные жители населенных пунктов Заремба и Стенжаричи. С их помощью были задержаны и обезврежены десятки вражеских разведчиков и диверсантов.

С наступлением весны немцы усилили свою разведку на нашей территории.

Вражеская деятельность гитлеровской разведки не ограничивалась только засылкой на нашу территорию своих лазутчиков. Ими предпринимались неоднократные попытки подключиться к линии связи пограничных застав с штабом.

Командование 1-й комендатуры принимало необходимые меры для обнаружения мест подключения. Была создана специальная группа, которой руководил начальник связи комендатуры Хлебников. Проверяя линию связи и дно реки Западный Буг, связисты на участке нашей заставы обнаружили и подняли со дна реки провод, который был подключен к пограничной линии связи.

В один из дней с наблюдательного пункта нашим нарядом было замечено, как из огородов местечка Городло, расположенного на территории сопредельной стороны (Польша), трое в штатском на протяжении дня вели наблюдение за нашей территорией.

Мы усилили охрану границы в ночное время. На направлениях вероятного движения нарушителей были выставлены дополнительные наряды-секреты и засады, а в глубь участка высланы дозоры.

На одном из участков границы после полуночи пограничники услышали в шуме листвы еле различимые всплески воды. Было похоже на то, что играет рыба. Внимательно наблюдая за рекой, пограничники вскоре заметили плывшую к нашему берегу лодку. Людей в этой лодке видно не было, создавалось впечатление, что лодку просто прибивает к берегу. Когда лодка стала приближаться к берегу, наряд заметил, что на дне ее притаился человек. Выйдя на берег, неизвестный подал условный сигнал, и лодка, увлекаемая невидимым с берега тросом, стала удаляться к противоположному берегу, неизвестный осмотрелся и стал

осторожно двигаться в глубь нашей территории. После того как нарушитель прошел некоторое расстояние по нашей территории, пограничный наряд его задержал. Как стало известно впоследствии, задержанным оказался польский священнослужитель (ксёндз), завербованный и переправленный на нашу территорию для ведения враждебной пропаганды среди местного населения.

Немцы широко использовали контрабандистов из местных польских жителей. Среди них были и немецкие агенты.

С наступлением весны немцы активизировали воздушную разведку. Вражеские самолеты систематически нарушали наше воздушное пространство по всей границе. Несмотря на то, что в 20-60 км от границы находились наши аэродромы с самолетами, не было ни одного случая, чтобы наши самолеты попытались пресечь эти полеты.

В середине июня 1941 года нас, начальников застав, вызвали в штаб 90-го погранотряда, куда прибыл высокопоставленный представитель Красной Армии. Нам было объявлено, что обстановка с Германией обострилась, поэтому в ночь, примерно, на 15 июня 1941 года части Красной Армии будут занимать боевые позиции вдоль границы укрепрайона, расположенного в 800-метровой пограничной полосе. Нам было приказано перенести наряды охраны непосредственно к восточному берегу реки Западный Буг. Что и было сделано.

18 июня 1941 года нас опять вызвали в штаб отряда и объявили, что обстановка с Германией разрядилась, а все спорные вопросы якобы урегулированы дипломатическим путем. В этой связи, в ночь на 19 июня 1941 года, части Красной Армии должны будут покинуть укрепрайон. Заставам поставили задачу: проследить за уходом военнослужащих с оборонительных сооружений и перейти на нормальный режим охраны границы.

Но обстановка на границе продолжала обостряться, немцы все чаще устраивали провокации, умышленно обстреливали нашу территорию, помогали переходить через границу на нашу сторону реки украинским националистам.

Кроме того, немцы в ночное время планомерно отселяли местных жителей из прилегающих к границе населенных

пунктов. Жители с домашним скарбом, живностью и скотом уходили в тыл.

Обо всем этом и очевидной подготовке к военным действиям мы докладывали в вышестоящий штаб погранвойск как письменно, так и по специальной радиосвязи, но всегда получали приказ — не поддаваться провокациям и продолжать службу в обычном порядке.

Приближалось воскресенье - 22 июня 1941 года. Участок нашей 2-й пограничной заставы стал активнее использоваться разведкой Красной Армии в силу его скрытых подступов к границе. Здесь планомерно проводилась переброска наших агентов на сторону немцев и встреча их по возвращении. К этой работе был допущен и я, как начальник заставы.

За несколько дней до начала войны мы с уполномоченным офицером разведки несколько ночей подряд находились на границе, но встретить агента в условленном месте так и не удалось, он не пришел. После доклада об этом своему руководству, уполномоченный офицер разведки уехал, поручив мне продолжать находиться ночью в условленном месте для встречи нашего агента.

21 июня 1941 года, с наступлением темноты, я получил условный сигнал с противоположной стороны реки Западный Буг от агента, и мне с большими трудностями удалось переправить его на нашу сторону.

Он сообщил мне, что в течение нескольких недель пробирался сюда, что немецкие войска с боевой техникой и понтонами двигаются в сторону границы. Движение происходит только в ночное время, к рассвету войска располагаются в населенных пунктах, тщательно маскируются, хорошо охраняются. Передвижение местных жителей в это время приостанавливается, а с наступлением ночи передвижение продолжается. Он сообщил, что немцы 22 июня 1941 года должны напасть на СССР.

Об этом мною была послана шифрограмма по радио. Я получил ответ: на заставу срочно выехали начальник штаба комендатуры Васильев вместе с офицером разведки. Мне стало позже известно, что они погибли в районе местечка Устилуг, на границе. Агент остался на заставе и был передан в особый отдел 62-й стрелковой дивизии, когда мы вышли из окружения и присоединились к частям Красной Армии.

22 июня 1941 года в 4 часа утра немецко-фашистские войска без объявления войны напали на нашу Родину. Ранним утром тишина была нарушена артиллерийским и минометным огнем и разрывами снарядов. Обстрел велся преимущественно зажигательными снарядами, которые вызвали многочисленные пожары. Горели села и лес.

Паники среди пограничников не было. С самого начала нападения нам было очевидно, что это не частный конфликт или провокация. Личный состав в полной боевой готовности занял круговую оборону в специальных оборонительных сооружениях.

С началом боевых действий связь с соседними заставами и комендатурой была прервана. Данные боевой обстановки поступали от войсковой разведки, а также от местных жителей.

Фашисты в течение всего первого дня предпринимали неоднократные попытки форсировать Западный Буг, но пограничники не давали им переправиться через реку. В первый день войны на участке нашей заставы фашисты потеряли убитыми более 70 человек.

В тыловой блокгауз, которым командовал заместитель политрука заставы Гвоздев, пришел неизвестный в форме офицера Красной Армии и сказал, что отстал от своей части и хочет вместе с пограничниками участвовать в боях с фашистами. Я приказал Гвоздеву проверить у него документы и, если они в порядке, разрешить остаться, но присматривать за ним. Документы оказались в порядке. «Офицер» был оставлен. Гвоздев установил за ним наблюдение.

Во время одной из атак фашистов, когда их боевые порядки были в 70 метрах от наших позиций, «офицер» через амбразуру стал подавать им какие-то сигналы. Он был арестован и передан в особый отдел 62-й стрелковой дивизии.

Бои шли с нарастающей силой. Видя, что сопротивление пограничников сломить не удается, немцы обрушили на наши позиции шквальный ружейно-пулеметный огонь. Но все их попытки форсировать реку по-прежнему не имели успеха.

К этому времени все строения заставы были разрушены и сожжены. Мы заняли оборону на правом фланге участка заставы. К исходу дня врагу удалось на ряде участков мелкими группами форсировать Западный Буг и углубиться на нашу

территорию на 7-10 километров, но, несмотря на это, пограничники не оставили своих позиций и продолжали вести неравный бой.

На второй день удалось установить связь с командиром 124-го стрелкового полка 62-й стрелковой дивизии. Нашей заставе командир полка приказал не дать переправиться немецким войскам на стыке между 1-й и 2-й заставами. Для выполнения этой задачи заставе было придано одно орудие с расчетом личного состава для стрельбы прямой наводкой. Всю ночь с 23 на 24 июня пограничники заставы вели тяжелые бои с превосходящими силами немцев, которым переправиться через реку так и не удалось.

На нашем рубеже обороны была лесистая местность и возвышенность, тогда как со стороны противника река и все подступы к ней находились на открытой местности, что позволяло нам хорошо освещать местность ракетами и вести прицельный огонь.

Враг нёс большие потери, но, не считаясь ни с чем, пытался прорваться на нашу территорию. В тяжелых боях несли потери и мы. Уже были убиты 12 пограничников, тяжело ранен командир орудия 124-го полка, из-за прямого попадания мины погиб пулеметный расчет Попова. Когда смолк станковый пулемет Попова, создалась угроза прорыва противника в тыл наших позиций, пограничник Левченко Н.П. под ураганным огнем врага подполз к пулемету и открыл стрельбу по фашистам. Он уничтожил много немецких солдат и офицеров, а остальные вынуждены были отступить.

Когда на участке 1-й заставы стало особенно тяжело, я им на помощь отправил группу пограничников, которая незаметно для противника проникла в населенный пункт Корытница, и немцы, понеся большие потери, в очередной раз отступили за реку Западный Буг.

К рассвету вокруг наших позиций горел лес. Пограничники нашей и 1-й заставы, отразив очередную атаку противника, по приказу командования оставили свои позиции, уничтожив секретные документы, и отошли в тыл на соединение с частями Красной Армии.

Пробиваться к своим пришлось с боями, так как мы оказались в тылу врага. Выходя из окружения, мы постоянно вели бои с мелкими группами противника.

После присоединения к частям Красной Армии, оставшийся в живых личный состав нашей заставы был переформирован в разведывательную роту, а я был назначен её командиром. Рота в боях прикрывала отход частей и контролировала район стыка между ними.

После выполнения одной из задач, рота была переформирована в комендантскую, а я был назначен комендантом военного трибунала корпуса.

К осени 1941 года пограничники были отозваны из частей Красной Армии, а на базе 90-го погранотряда был сформирован 90-й полк с задачей охраны тыла действующей армии. В этом полку, не раз участвовавшего в боях, я был командиром стрелковой роты, начальником штаба батальона, командиром батальона.

В августе я был награжден орденом Красного Знамени, мне было присвоено звание старшего лейтенанта. В те же дни меня приняли в Коммунистическую партию.

Мой боевой путь в 1941 году проходил через Украину, города Ровно, Станислав и Киев. В 1942 году - через Курск и Воронеж.

Затем была Польша, Германия и Чехословакия (Братислава), где я и закончил войну в должности командира батальона в звании капитана.

Как опытного фронтового офицера меня направили в 1945 году в Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1948 году, по окончании академии, я был направлен в Управление внутренних войск.

Восемь лет командовал соединением в Томске-7 и войсковой частью 3272. Был заместителем начальника Управления специальных частей МВД СССР. С 1971 по 1978 год я был начальником Управления специальной охраны Министерства финансов СССР.

Одним из запомнившихся мне эпизодов войны - это сражение на Курской дуге в районе Прохоровки.

Такого количества техники и войск, собранных в одном районе, мне не приходилось видеть.

В 4 часа утра 5 июля 1943 года наша артиллерия обрушила огонь на исходные позиции немцев, готовившихся к наступлению. Наши войска этой артподготовкой разгромили стратегические резервы немцев. С 5 по 12 июля немцам

удалось вклиниться в нашу оборону на отдельных участках всего лишь на 12 километров.

12 июля 1943 года мы перешли в контрнаступление, когда силы противника были сильно потрёпаны. В этот день в районе деревни Прохоровка развернулось крупнейшее за годы войны встречное танковое сражение. С обеих сторон на небольшом пространстве схлестнулось огромное количество танков. Жестокая схватка длилась до позднего вечера и закончилась победой наших танкистов.

Наш батальон находился во втором эшелоне обороны. Нам был дан приказ расстреливать тех, кто пойдёт назад. Но не один человек за время обороны не сделал ни шагу назад.

Награжден: орденом Красного Знамени (за бои на границе в первые дни войны), орденом Отечественной войны 2-й степени (за участие в боях на Курской дуге в районе Прохоровки в 1943 году), орденом Красной Звезды (за участие в испытаниях нового оружия), орденом Октябрьской революции (за командование войсковой частью 3272), орденом Отечественной войны 1-й степени (1985), орденом Красной Звезды (за службу в управлении специальных частей), орденом Знак Почета (за службу в Минфине) и 25 медалями.

В звании генерал-майора закончил военную службу.

Май 2003 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Лытов Сергей Александрович****, курсант военной кафедры Московского университета природообустройства*

Артюшин Михаил Андреевич

Вдоль границы на погранзаставу «Порхач»

Я родился 8 ноября 1921 года в деревне Гостерачки Молоковской волости Краснохолмского уезда Рыбинской губернии. По национальности русский. Состоял в КПСС.

В 1938 году окончил 9 классов средней школы и поступил в Пензенское артиллерийское училище. Через месяц наш учебный дивизион был переведён в 1-е Киевское артиллерийское училище имени П.П. Лебедева, которое я досрочно окончил в феврале 1940 года. Мне было присвоено звание лейтенанта.

Я был направлен в 3-ю кавалерийскую дивизию имени Г.И. Котовского, где был назначен командиром взвода в школе младших командиров 27-го отдельного конно-артиллерийского дивизиона.

Первый день войны

«Товарищ лейтенант, тревога!» - доложил мне ординарец воскресным утром 22 июня 1941 года.

Отдельный артиллерийский дивизион, куда я недавно был назначен командиром второй батареи, был уже построен перед казармой. Вскоре прибыли командиры взводов - лейтенант Попко, лейтенант Соломин и младший лейтенант Саранча.

Командир дивизиона капитан Жеребило объявил, что немцы нарушили государственную границу. Наши пограничники со стрелковыми частями и частями дивизии ведут бой у города Рава-Русская и погранзаставы Порхач. Второй и четвертой батареям старшего лейтенанта Плаутина И.В. он приказал направиться к городу Рава-Русская для уничтожения противника.

Вскоре в небе мы увидели самолеты с черно-желтыми крестами на крыльях, летевшие с востока на запад.

- Санитарные летят.

- Да нет, это немецкие самолеты.

- А почему с крестами?

Такие разговоры солдат и командиров слышались в колонне. Сомнения исчезли, когда нас начали обстреливать.

Прибыл связной от командира дивизиона с приказом двигаться вдоль границы на погранзаставу Порхач, где 158-й кавалерийский полк вел бой с превосходящими силами немцев.

Стемнело. Небо сплошь затянуло тучами, пошел сильный дождь. По грунтовым дорогам, в сплошной темноте батареи продолжали движение. Притихли солдаты. К рассвету вышли в район боя 158-го кавалерийского полка.

Я приказал лейтенанту Попко занять огневую позицию и подготовиться к стрельбе, а сам с двумя разведчиками и связистом выдвинулся вперед и занял наблюдательный пункт на небольшой высотке.

Шел бой, в котором на первых порах было трудно разобраться и что-либо понять. Слышалась стрельба пулемётов, автоматов, раздавались одиночные выстрелы из карабинов, рвались снаряды и мины. Атаковали легкие танки танкового полка нашей дивизии. Уже горело несколько наших танков, подожженных немецкой артиллерией. Не было понятно - где противник и куда батарее вести огонь.

Увидеть все поле боя мешали заросшие кукурузой и подсолнухом поля и огороды.

«Товарищ лейтенант, пригнитесь! Вон из сарая строчит пулемет, я его сейчас сниму!» - послышался голос Бачманова, командира орудия. С чердака сарая по нашим кавалеристам стреляли из пулемета. Прозвучали два залпа сорокапятки Бачманова, и пулемет умолк.

Постепенно и я разобрался в обстановке. Стали поступать доклады разведчиков-наблюдателей об обнаруженных огневых точках. Лейтенант Попко доложил о готовности батареи открыть огонь.

Я решил открыть огонь по немецкому противотанковому орудию. От его огня уже горели два наших легких танка, которые танкисты впоследствии прозвали - «Прощай, Родина». В мирное время эти танки казались современными, показывали чудеса маневра и огня, а в бою они горели как свечки, поскольку имели слабую броню и легковоспламеняющееся горючее. И уже после первых дней боев на границе наш танковый полк перестал существовать как боевая единица. Дивизия в первый год войны так и воевала без поддержки танков.

Я быстро подготовил исходные данные для стрельбы. После команды батарея открыла огонь, орудие противника замолчало.

Еще одна цель - группа пехоты с пулеметом. И уже в ходе стрельбы на поражение этой цели огневая позиция нашей батареи подверглась огневому налету артиллерии противника. Как доложили мне на наблюдательный пункт, кто-то корректировал эту стрельбу из нашего тыла. Был тяжело ранен лейтенант Попко, командир отделения связи сержант Сазонов и еще кто-то из бойцов батареи

Вскоре батарея получила приказ свернуть боевой порядок, совершить форсированный марш в направлении на город Крехов и занять огневую позицию на подступах к Крехову, где развернулся один из эскадронов 34-го кавалерийского полка дивизии для отражения наступления противника.

С боями мы отходили через Золочев, Тернополь, Бердичев, Киев.

Ошибка командира

В первые дни войны ощущалось подавляющее преимущество немецких войск.

В одном из боев летом 1941 года батарея поддерживала 99-й кавалерийский полк, которым командовал майор А.Н. Инаури. Полк занял оборону на подступах к украинскому селу. На окраине села стояла ветряная мельница и была

узкоколейная железная дорога. Я выбрал наблюдательный пункт в одном из домов, с которого хорошо наблюдались подступы к селу. Штаб кавалерийского полка находился недалеко за селом возле узкоколейки. Огневой взвод с двумя 122-мм гаубицами развернулся на закрытой огневой позиции.

На исходе ночи командир сказал мне по телефону.

- Вы где находитесь?

Я доложил:

- На наблюдательном пункте в одном из домов.

- Вам надо переместиться на окраину села и занять наблюдательный пункт перед моим штабом.

- Товарищ майор, там проходит узкоколейка и стоит ветряк, это ориентиры для немецких артиллеристов.

- Неважно. Выполняйте приказ.

Я не тропился выполнить приказ, поскольку понимал абсурдность его и предполагал, что командир полка отменит приказ. Но я ошибся. Через некоторое время А.Н. Инаури опять потребовал сменить наблюдательный пункт. Пришлось выполнять это категорическое требование.

На чердаке крайнего дома разведчик установил стереотрубу, через которую отлично просматривалось село, занятое противником. Утром на окраине села появилась группа немецких офицеров. Двумя снарядами мы их уничтожили. Через некоторое время появились немецкие солдаты. Мы открыли по ним огонь.

Немцы, как я и предполагал, открыли артиллерийский огонь, и первые же снаряды стали взрываться в расположении штаба полка, а затем и перед домом, где мы находились.

Один снаряд ударил по дереву, которое стояло за нашим домом. За домом в это время находились командир взвода управления лейтенант Башкирцев и командир отделения связи сержант Арутунян. Лейтенант был тяжело ранен, а сержант погиб.

Вместе с разведчиком мы смотали телефонный кабель и прибыли на огневую позицию. Батарее я скомандовал: «Два снаряда, беглый огонь!» Затем подал команду «отбой» и повел батарею в тыл. Буквально через несколько минут после этого бойцов батареи догнали офицеры штаба полка во главе с майором А.Н. Инаури.

- Ты почему снялся без приказа? - потребовал от меня ответа командир полка.

- Товарищ майор, благодаря вашему приказу батарея понесла неоправданные потери, я остался без связи, связиста и командира взвода управления, а полк без артиллерийской поддержки, - ответил я.

- Ладно, комбат, впредь договорились, что наблюдательный пункт выбираешь где-то вблизи моего командного пункта.

В одном из боев немцы неожиданно прорвались к возвышенности, где находились батарея и наблюдательный пункт А.Н. Инаури, и открыли плотный автоматно-пулеметный огонь.

Рядом с Инаури никого не было, а со мной был только связист. Я перенацелил огонь батареи так, чтобы снаряды рвались в 150-200 метрах перед нами. Мы стали отходить. Перенося огонь батареи для прикрытия отхода, мы вышли на рубеж, откуда командир полка смог ввести в бой резервный эскадрон и спасти полк.

Таращи

Во второй половине июля 1941 года наша кавалерийская дивизия вела тяжёлые бои в районе города Тараща. Несколько суток наша дивизия вела ожесточенные бои с танковыми частями противника.

Под натиском превосходящих сил противника, дивизия отступила на новый рубеж у города Богуслава. Эти бои позволили выиграть время для организации обороны Киева.

Елецкая операция. Ранение

В конце ноября наша дивизия ночными маршами в 30-градусные морозы совершила 150-километровый переход из района Волчанска на правый фланг Юго-Западного фронта для участия в контрнаступлении наших войск под Москвой.

Утром 6 декабря мы пошли в наступление. 13 декабря 1941 года я был ранен в бою под деревней Сухоголовище Орловской области и отправлен в медсанбат, затем был эвакуирован в Борисоглебский госпиталь. Через месяц я

возвратился в свою дивизию, где опять принял батарею, которой до этого командовал.

В декабре 1941 года нашей дивизии было присвоено звание гвардейской, она стала именоваться 5-й гвардейской кавалерийской дивизией имени Г.И. Котовского 3-го гвардейского кавалерийского корпуса.

23 января 1942 года я был опять ранен в бою за село Стаканово Курской области. Опять был отправлен в Борисоглебский госпиталь.

Высота 220,0

В апреле 1942 года после госпиталя я был направлен в 5-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, где меня назначили командиром батареи, которой я командовал до ранения. Командир дивизиона капитан Плаутин И.В. сказал мне, что к нам на вооружение поступила 76-мм пушка ЗИС-3 и снаряды от 76-мм полковых пушек с дистанционными трубками, но без таблиц стрельбы. Нужно было эти таблицы составить.

Прибыв на наблюдательный пункт, я приступил к пристрелке этих снарядов. Мне удалось быстро составить таблицы соответствия установки прицела и трубки.

После неудачного наступления войск Юго-Западного фронта, 3-й гвардейский кавалерийский корпус, уже под командованием И.А. Плиева, с боями отошел за Дон и был временно выведен в резерв.

В августе дивизии было приказано расширить Букановский плацдарм, захваченный стрелковыми частями на правом берегу Дона.

Мы переправили орудия на изготовленных плотах, а сами переплыли Дон на подручных средствах.

Наблюдательный пункт батареи был выбран на господствующей высоте 220,0, где уже находился наблюдательный пункт командира 17-го гвардейского кавалерийского полка подполковника П.П. Брикеля.

Рано утром немецкие танки при артиллерийской поддержке перешли в наступление.

По высоте 220,0 противник нанес массированный артиллерийский удар. В результате общего наступления

немцам удалось оттеснить наши части с этой высоты. Командир дивизии полковник Н.С. Чепуркин ввел в бой полк второго эшелона. С высоты 220,0 противник был выбит.

Войну закончил начальником штаба 178-го артиллерийско-минометного полка.

Окончил Артиллерийскую академию имени Ф.Э Дзержинского.

Награжден: орденом Красной Звезды (№33429), орденом Отечественной войны 2-й степени (№60321), орденом Красного Знамени (№133980), орденом Отечественной войны 1-й степени (№118100), медалью «За Отвагу» (№108510), медалью «За оборону Сталинграда» (21 августа 1943 года, №36756).

После войны был награжден: орденом Красной Звезды (30 апреля 1954 года, №3171910), орденом «За службу Родине в ВС СССР» 3-й степени (21 февраля 1978 года, №33102), орденом Отечественной войны 1-й степени (№1185192), медалью «За боевые заслуги» (24 марта 1950 года, №457730), медалями «За оборону Киева» (7 мая 1962 года, №107577), «За оборону Москвы» (16 февраля 1983 года, №029040), «За взятие крепости Кенигсберг», «За победу над Германией».

Декабрь 2003 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Петров Андрей Сергеевич****, студент 1-го курса 9-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Белов
Михаил Ипатович

Преодолевая вал «Восточный»
(продолжение, начало в 3-м томе)

Дважды в битве за Венгрию

Я родился 7 ноября 1924 года в деревне Алексеевка Мишкинского района Башкирской АССР в крестьянской семье. В нашей семье было десять детей: девять мальчиков и одна девочка. Мне и еще шестерым моим братьям довелось сражаться с фашистскими захватчиками за Советскую Родину, вернулись живыми с фронта лишь четверо.

Учился в Тынбаевской средней школе. С 1939 года по февраль 1942 года - в Бирском педагогическом училище. С февраля по декабрь 1942 года был курсантом Гурьевского военно-пехотного училища, куда поступил по добровольному комсомольскому набору. Училище окончил в звании лейтенанта и сразу был направлен на Сталинградский фронт.

Прошел дорогами войны от Сталинграда до Вены в стрелковых войсках Южного, 4-го, 3-го и 2-го Украинских фронтов. Участвовал в изгнании врага из Ростовской области и Донбасса, в битве за Днепр, в освобождении от оккупантов Украинской и Молдавской ССР, Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии.

Четырежды ранен в боях. После войны продолжил военную службу в мотомеханизированных и воздушно-десантных войсках, в военных академиях.

В Будапештском сражении

В конце 1944 года я, 20-летний старший лейтенант, был заместителем начальника штаба в 107-м гвардейском стрелковом полку 34-й гвардейской дивизии 4-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта.

На исходе декабря 1944 года наш полк овладел крупным населенным пунктом Альше-Галла, а частью левофланговых сил ворвался в Банхиду. Немцы контратаковали нас крупными силами, включая 4-й танковый корпус СС, действуя даже ночью, что для них не было обычным делом.

Выписка из представления меня к награде: «Гвардии старший лейтенант Белов в ночь с 1 на 2 января 1945 года у села Альше-Галла (Венгрия), когда противник силою до двух рот пехоты и 8 танков атаковал 1-й стрелковый батальон и оттеснил 1-ю и 2-ю роты, был послан в батальон с десятью автоматчиками для восстановления положения. По пути в батальон они подверглись обстрелу противника, проход к батальону был невозможен.

Оставив автоматчиков, гвардии старший лейтенант Белов пробрался до рот, собрал их под огнём танков противника и повёл в контратаку, восстановил положение. Руководя контратакой, старший лейтенант Белов уничтожил до сорока солдат противника и двадцать солдат пленил.

За мужество и отвагу старший лейтенант Белов достоин награждения орденом Красного Знамени.

Командир 107-го стрелкового полка подполковник Мусаэлян. 9 января 1945 года».

- Гвардейцы! – обратился я к автоматчикам перед выходом на задание. – Нас меньше дюжины, но фрицы этого не знают, да и не привычны они вести бой ночью. Главное – ошарашить их внезапностью, заставить думать, что нас большая орава…

Не подвели гвардейцы. Не жалея глоток вопили «Ур-ра», дерзко атаковали по указанным направлениям. Автоматной стрельбой, взрывами гранат и пуском осветительных ракет

стали теснить фашистов, а два их танка попали в ямы и заполыхали огнём.

В суматохе ночного боя я заметил стрельбу в районе Банхиды. Спросил вызволенного комбата Львова, не было ли видно там раньше стрельбы.

- Да там же кто-то из батальона Морозова вторую или третью ночь бой ведёт. Их тоже, похоже, выручать нужно.

- Спасибо, тебе, синок, самое большое спасибо! – стиснул меня в объятиях полковник Мусаэлян после доклада о выполнении задания. – Не только батальон ти спас, но и чест полка…

- Да ты просто герой, старший лейтенант! – добавил замполит полка майор Пястелов, имевший серьёзное основание для недовольства мной по иному поводу. – Ведь мы уже начали подумывать, что по Львову придётся, видимо, писать похоронную…

Мой доклад о виденном в Банхиде бое подполковник Борис Артемьевич Мусаэлян воспринял с недоверием. Ведь в конце декабря с наблюдательного пункта на одной из высот за Альше-Галлой мы явственно видели с Мусаэляном, как фашистские танки и автоматчики ворвались с двух сторон в Банхиду.

А в Банхиде действительно уже несколько суток кипел бой, который вела группа лейтенанта И. Панина, закрепившаяся на железнодорожной станции.

Ночью в КП полка пришёл солдат.

- Из Банхиды! – отрапортовал автоматчик из охраны, не скрывая сомнения.

- Проходи, проходи, дорогой, – пригласил Мусаэлян солдата в освещённую комнату.

- Садис, пожалуйста, расскажи есть ли там ещё кто из наших…

- Гвардии ефрейтор Сорока, – доложил, жмурясь от света, крепкого сложения гвардеец. Устало, не торопясь сел на краешек предложенного стула. – Не один я в Банхиде (по-своему назвал он станцию). Фашист отрезал там наших…

Гвардеец не робел перед начальством. Но держался скромно и уверенно. Одно тревожило, волновало душу солдата, и это было видно по всему – судьба товарищей.

Солдат рассказал о том, как в наступательном порыве они не заметили отхода подразделений на флангах. Как, увидев надвигающиеся «фердинанды», с неожиданной для себя самих быстротой вырыли окопы и изготовились к бою. Рассказал о том, как умело руководил их действиями в начале боя и показывал пример личной отваги, возглавивший группу, гвардии лейтенант И. Панин.

- Только убит наш лейтенант, - с грустью сказал Сорока. – Молодой был ещё и не больно осторожный. А как увидел, что фрицы обходят нас, сразу велел делать «крепость» …

- Кто же теперь командует у вас? Какую вы сделали «крепость»? – спросил подполковник.

- Крепость у нас нынче – один дом кирпичный, двухэтажный, около станции, - доложил ефрейтор. – А командует гвардии старший сержант Стариков.

Многие подробности действий группы стали известны позднее. Лейтенант Панин, оценив сложившуюся обстановку, поставил боевую задачу каждому гвардейцу. Кирпичное двухэтажное здание и прилегающие к нему пристройки были быстро приспособлены к обороне. По периметру выдвинуты и расставлены имевшиеся огневые средства.

Как только фашисты начали непосредственно штурмовать опорный пункт, бойцы открыли огонь. Во время первого штурма погиб Панин, находившийся на первом этаже здания. Командование группой взял на себя парторг 7-й роты гвардии сержант М. Стариков.

После неудачи первого штурма гитлеровцы попытались обойти опорный пункт с флангов, но снова получили решительный отпор.

Гвардии ефрейтор В. Сорока незаметно выдвинулся к одному из бронетранспортёров противника и забросал его гранатами. Машина загорелась, а оставшиеся в живых гитлеровцы бросились в бегство.

Гвардии старшина Н. Онопа вместе с бойцами ползком подобрались к «фердинанду» и гранатами подорвали его гусеницы, огнём в упор уничтожили экипаж самоходки.

Расчёт ручного пулемёта, в составе гвардии сержанта Ф. Столбова и гвардии рядового И. Авдеева, часто меняя позицию, не позволяли фашистам обойти опорный пункт.

Когда же фашисты прорвались к кирпичному зданию, то со второго этажа на них полетели гранаты. С первого этажа огонь вели гвардии рядовые Н. Евстратов, Т. Лебеденко, В. Раскопанский и М. Могилевич.

Понеся новые потери, гитлеровцы вынуждены были отступить. Они попытались огнём артиллерии разрушить здание, превращённое в крепость, но по команде Старикова бойцы укрылись в подвале, оставив наверху лишь наблюдателей. Как только фашисты снова начали штурм, они снова получили решительный отпор.

Не добившись успеха в дневных боях, гитлеровцы пытались взять «крепость» ночной атакой. Им даже удалось ворваться на первый этаж. В завязавшейся рукопашной схватке верх одержали гвардейцы. Будучи раненым в начале рукопашной, гвардии сержант Стариков застрелил из трофейного «парабеллума» фашистского офицера, возглавлявшего штурм, и несколько солдат.

Когда кончились боеприпасы, гвардейцы выдвинулись ночью на передний край и подобрали оружие убитых немцев.

Со слов Сороки было ясно одно – гвардейцы с трудом, но продолжают удерживать позицию под Банхидой и просят, чтобы им побыстрее доставили боеприпасы, провиант, дали артиллерийскую поддержку и отогнали бы, как выразился Сорока, уж больно надоедливых «фердинандов».

Командир полка предложил ефрейтору временно остаться на командном пункте. О наступлении сейчас не могло быть и речи: ожидался новый сильный удар противника, было приказано создать прочную оборону по занимаемому рубежу.

- А как же товарищи? - с недоумением спросил Сорока. - Нет… Они же меня послали. Хоть как, хоть с чем, но я должен идти к ним…

Ефрейтору Сороке разрешили вернуться к боевым друзьям и передать им приказ отходить. Мусаэлян приказал мне, с парой автоматчиков, проводить ефрейтора до места, где он должен был перейти к своим товарищам, и определить, как лучше вызволить храбрецов из Банхиды.

- Как дальше-то будем действовать? – спросил я Сороку, когда мы подходили к КП Морозова. – Может, попросим комбата хороший фейерверк фрицам устроить, чтобы вам незаметно проскользнуть к своим?

- Нет, нет. Без пальбы лучше будет. Они же смекалистые, черти. Меньше шуму – больше толку. Я по-охотницки прошмыгну, чтоб не взбулгачить их. Ребята меня уже ждут…

Прошмыгнул-таки Сорока незаметно в свою «крепость», никого, даже своих, не «взбулгачив». Также незаметно по уже проторенному пути вышла вся группа - 28 гвардейцев, среди которых было шестеро раненых.

Бойцы оставили свои позиции в Банхиде лишь по приказу, нанеся врагу значительный урон. За этот подвиг все 28 отважных воинов были награждены орденами, а гвардейцам М. Старикову, Н. Онопе, Ф. Столбову, В. Сороке и И. Авдееву было присвоено звание Героя Советского Союза.

В операции «Вихрь»

После Великой Отечественной, в период так называемой «холодной войны», выполнял задания командования за рубежом. Одно из них - ликвидация антиправительственного путча в Венгерской Народной Республике, инспирированного западными спецслужбами.

Это была операция советских войск «Вихрь», проводимая осенью 1956 года. В начале ноября, стремительными действиями возглавляемого мной парашютно-десантного батальона, очистили от мятежников город Веспрем, затем ночным маршем прибыли в Будапешт и очистили его улицы и площади от вооруженных отрядов западных наёмников, а также занятый ими университетский городок.

Мы выполнили это задание командования, к сожалению, не без потерь.

За выполнение боевых задач в операции «Вихрь» Правительство СССР наградило меня орденом Красного Знамени.

Семь лет возглавлял кафедру оперативно-тактической подготовки Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Четыре года был советником начальника Высшей военной академии Вооруженных Сил Сирийской Арабской Республики.

В отставку вышел в 1988 году в звании генерал-майора. Доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Автор более 300 научных работ, посвященных вопросам тактики боя, военной истории России.

Март 2014 года

В подготовке воспоминаний оказала помощь ***Толстенко Анна Константиновна****, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Белова (Соловьева) Серафима Андреевна

Три раза рвало антенну осколками снарядов и мин

Я родилась в 1923 году в деревне Федяевка Рязанской области. Вскоре наша семья переехала в город Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области, где и прошли моё детство и юность.

Сначала мы жили на улице Деповской в маленькой землянке. Потом папа построил небольшой дом с земляной крышей. В нашей семье было семеро детей.

Отец работал на железной дороге, он рано ушел из жизни. В то время старшей сестре было шестнадцать, самому маленькому брату - три месяца, а мне - тринадцать. Как-то ночью крыша в нашем доме обвалилась, и мама отвела всех к соседям. Они отнеслись к нам очень хорошо, а муж соседки даже починил нам крышу.

В школе я училась одна из всей семьи. Старшие шли работать, чтобы помогать маме, а младшие занимались хозяйством. В число их забот входил и сбор угля, который выпадал из проходящих составов, потому что в трескучие морозы зачастую нечем было топить печь.

Когда началась война, я училась в 10 классе.

Во время Великой Отечественной войны в Ленинск-Кузнецкий из европейской части страны были эвакуированы многие заводы. Например, в 1942 году в наш город из Москвы

был эвакуирован московский завод «Мосэлемент». В Сибири этот завод был переименован в «Кузбассэлемент». В годы войны «Кузбассэлемент» обеспечивал 30% выпуска химических источников тока для нашей страны. Некоторое время я проработала на этом заводе в охране.

В апреле 1942 года поступила добровольно в Красную Армию.

С мая по сентябрь 1942 года училась на курсах радистов в городе Новосибирске, после чего была направлена в Москву, где проходила обучение воздушно-десантному делу.

Начала воевать в звании ефрейтора на Северо-Западном фронте. На фронте служила радисткой при командире штаба 10-й гвардейской Криворожской Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени воздушно-десантной дивизии. Командиром дивизии был генерал-майор В.П. Иванов. Я была во второй гвардейской воздушно-десантной роте связи. Находилась в резерве при форсировании реки Ловать, участвовала в боях у Старой Руссы и под Харьковом, в форсировании Днепра, в освобождении Кривого Рога, в форсировании Южного Буга и Днестра, в освобождении города Бендеры. Участвовала в Ясско-Кишиневской операции. Освобождала Румынию, Болгарию, Югославию (Белград), Венгрию. Окончание войны встретила в австрийском городе Грац в звании старшего сержанта. Летом 1945 года дивизия из города Грац была передислоцирована в район города Тульча (Румыния), где в ноябре 1946 года была расформирована.

Ранений на фронте не имела.

Член комсомола (со школы) и партии (вступила во время войны).

В годы войны была награждена двумя медалями «За отвагу» и орденом Красной Звезды.

Из наградного листа к медали «За отвагу» (27 марта 1944 года):

«Товарищ Соловьева Серафима Андреевна, работая радисткой радиостанции ФБ без устали, не покладая рук, работает на обеспечение бесперебойной связи командира 10ГВДКД с командующим 37 армии. Высоко дисциплинирована. За период наступательных действий дивизии тов. Соловьева показала храбрость и отвагу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. 22 февраля с/г под

сильным артиллерийским и минометным огнем противника, в деревне Александровка, за 2 минуты развернула рацию и вошла в связь со своим корреспондентом. Три раза в это время у тов. Соловьевой рвало антенну осколками снарядов и мин, тов. Соловьева быстро устраняла неисправности, не прерывая связи ни на минуту с командующим 37 армии. Отлично владеет врученной ей техникой и упорно добивается еще большего усовершенствования. Предана делу партии Ленина-Сталина и социалистической Родине. Тов. Соловьева достойна правительственной награды медали ”За отвагу”».

После войны вернулась в свой родной город. Там получила образование – обучалась в техникуме маркшейдерскому делу. Эта специальность была востребована в нашем городе – так как Ленинск-Кузнецкий был одним из главных центров добычи угля. Нас учили исследованию с помощью геодезических приборов породы в шахте.

Потом переехала на Сахалин. В то время на Сахалин приехали ученые в поисках нефти. Для этого требовалось проведение тщательного исследования пород, и мои знания и навыки как раз пригодились. Здесь я занималась исследованием рельефа местности, только уже не в шахте, а на поверхности.

На Сахалине я вышла замуж за москвича, потом переехала вместе с мужем и детьми в Москву. Всю жизнь провела в геологических экспедициях, ездила в командировки не только по России, но и на Кубу, в Германию.

В «морзянке» - лучше всех

Когда я пошла в десятый класс, началась война. Школу перевели в район шахты имени Кирова. Морозы стояли страшные, а у меня было только демисезонное пальто. В нем ходила в школу и сидела на занятиях, поскольку в классах было холодно.

Потом заболела. После выздоровления работала охранником на заводе, который сейчас называется «Кузбассэлемент». Когда зима прошла, подумала: «Что же это я – комсомолка, а на фронт не иду?» Тайком от мамы я написала заявление в военкомат.

Уже тогда мне пришлось почувствовать, какое горе приносит война, ведь соседям приходили «похоронки», и это было общей болью. Особенно взволновала меня гибель молодого преподавателя физики. Это просто не укладывалось в моем сознании.

В Красную Армию поступила добровольно в апреле 1942 года. Мать об этом не знала, узнала об этом намного позже: какой-то налог с нее неправильно взяли, и она пошла в райвоенкомат жаловаться комиссару. Он стучал кулаками по столу и говорил: «Безобразие, у нее дочь записалась добровольцем на фронт, а с матерью так поступают!»

Через пару дней пришла повестка, в которой меня вызывали в военкомат. Мне предложили учиться на радистку. Когда мама меня провожала, она плакала, а я думала: «Ну почему она плачет? Нас семь человек. Останется шестеро - будет легче».

Многих девушек из Ленинска-Кузнецкого, в том числе и меня, направили в Новосибирск на курсы радистов. В мае 1942 года мы начали учиться. Я была счастлива от того, что взяли на курсы, что одета, как все, и, главное, сыта. Своей формой гордилась, «морзяночка» (азбука Морзе) у меня пошла хорошо, и мою фамилию даже заносили на стенд «Лучшие из лучших».

Через четыре месяца нас направили в Москву. Ехали в железнодорожных эшелонах. Здесь я побывала на гауптвахте, потому что съела свой дорожный паёк раньше времени. Но поскольку в период наказания все-таки подкармливали, то путешествием осталась довольна.

Потом училась воздушно-десантному делу. Нас часто поднимали по тревоге. Мы делали большие переходы с полной выкладкой (вещмешок, карабин, радиостанция за плечами, скатка). Зарядка по утрам в любую погоду, бег на 3-5 километров. Потом - прыжки с трамплина, позже - с парашютных вышек. Первый тренировочный прыжок с самолета мы совершили 2 декабря 1942 года в районе деревни Тейково Ивановской области. Нас было 4 девушки. Затем и для меня началась та самая война, которая никого не щадит.

Воробей необстрелянный

Нас перекинули на Северо-Западный фронт. Сначала стояли в резерве в деревушке у реки Ловать. Я была радисткой при командире штаба 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии: обеспечивала связь с полками передовой. Позывные были разные. Была «Котлом» и вызывала «Бомбу», потом - «Ипподромом», вызывавшим «Тропинку».

Спустя некоторое время наша дивизия участвовала в боях у Старой Руссы.

Двигались на фронт большими колоннами, в основном по ночам. Зима была тогда морозная. Как-то ночью в одной из деревень мы остановились. Дома были все переполнены солдатами. Стучаться в дом было бесполезно. Мы стоим на улице, на морозе. Хозяйка одного дома услышала девичьи голоса и сказала: «Доченьки, идите ко мне». Уложила нас на кровать (деревенская кровать была широкая). Обняла она нас, а сама плачет. Мы дрожали. И так она нас согрела. Утром мы ей оставили концентрат из гречневой каши. Она не хотела брать. Провожая нас, она все время плакала. «После победы приезжайте ко мне», - говорила она.

В дороге я натерла ногу. Неожиданно для себя, я очутилась среди незнакомых мне солдат. До назначенного пункта мне оставалось пройти 3-4 километра. Я решила добраться одна. Населенные пункты почти все были сожжены фашистами. Были только опознавательные знаки.

Только отошла я от деревни, а время шло к вечеру, вижу убитого нашего солдата: лежит на спине. Мне так стало страшно, что я закричала. Оглянулась по сторонам, а их столько лежало, что они казались кочками.

Долго не могла я прийти в себя. Села и навзрыд реву, одна среди убитых… Вдруг подходит ко мне один из наших военных – это был посыльный. «Эх ты, еще не обстрелянный воробей! Посмотри по сторонам… Недавно здесь прошли бои… Вон трофейщики ходят. Пойдем… И не реви!»

Добралась я до своей части, легче стало. Дивизия наша вначале была в обороне недалеко от города Старая Русса. Штаб дивизии находился в деревне Рамушево на берегу реки Ловать. Фашисты часто обстреливали штаб дивизии. Ранило в ногу радистку Лизу Троицкую. На боевое задание послали

мою подругу Надю Шмелёву (с радиостанцией). Связь с ней держала я. До нее радист Максимов погиб, выполняя такое же задание… Когда услышала я голос Нади в эфире, у меня трубка даже выскочила из руки. Моя радиостанция находилась в небольшой землянке.

Летом 1943 года из обороны мы перешли в наступление. Очень тяжелые были бои под городом Старая Русса. В то время я находилась с рацией в землянке на наблюдательном пункте командира дивизии. Там места были болотистые, поэтому под ногами была вода. Наблюдательный пункт часто обстреливался. Не спали трое суток. Телефонная связь с полками почти не работала. Связь поддерживалась только по радио. Прорвать глубоко развитую оборону противника было очень трудно. На моих глазах гибло много наших солдат, было очень много раненых.

Перед наступлением была проложена дорога, выстланная досками, чтобы без тряски везти раненых с передовой. Наша дивизия в то время так и не смогла освободить от фашистов Старую Руссу.

Бои шли трое суток. Из-за усталости я еле добралась до штаба дивизии. Здесь было немного тише. Уснула я так крепко, что не слышала, как в эту ночь бомбили наш штаб. Утром я увидела, сколько моих товарищей было убито.

Как тяжело смотреть на убитых в бою своих товарищей! Нашей роте связи было дано задание, собрать в общую братскую могилу погибших наших солдат. Мы, девушки (Надя Шмелева, Лиза Троицкая, Катя Толстых и я), делали цветы из маскировочных белых халатов. Часть ребят рыли общую могилу, часть на самодельных носилках собирали убитых и клали в могилу. Потом мы с девушками убрали могилу цветами. От нашей дивизии остался, наверное, всего один полк…

Приказ надо выполнять!

3 февраля 1944 года наша дивизия освобождала город Кривой Рог. Штаб дивизии находился в деревне Веселые Терны. Перед наступлением нам очень помогало гражданское население. К передовой (дороги были очень плохие – грязь,

слякоть) женщины, дети-подростки, старики подносили снаряды на руках - шли цепочкой.

На радиостанции работали вдвоём - радист Калинин и я.

Вечером вызвал нас к себе начальник связи майор Быстров, дал задание. Наша радиостанция должна быть на наблюдательном пункте сегодня ночью. Мы проверили радиостанцию, полностью укомплектовали и ночью двинулись. А в то время была дождливая, слякотная погода. Шли мы к передовой вдвоем. Изредка останавливали нас патрули. Говорили пароль. Осталось только подняться на небольшую горку, где должен был быть наш наблюдательный пункт.

Вдруг начался налет. Залегли. Пришлось переждать. На горку подняться я не могла. Устала. Радист Калинин молча взял меня за руку и помог добраться. Перед рассветом прибыл командир дивизии (генерал). Мы ему доложили о своем прибытии.

Вскоре началось наше наступление. Связь работала хорошо. Привели целый взвод пленных. Допрашивали. Какие они были трусливые, дрожали, рассказывали всё!

Вскоре пришлось нам менять наблюдательный пункт. Шли пешком по грязи. Командир дивизии, группа разведчиков, я и радист. Рация за плечами. Идем и молчим. Все вооружены. Вдруг командир дивизии подзывает к себе лейтенанта из разведки, что-то ему сказал. Тот подошел к одному из разведчиков и сказал ему, чтобы он у меня взял рацию. Я запротестовала, так как я такой же солдат. Тогда на меня крикнул генерал: «Приказ надо выполнять!» Пришлось мне отдать рацию солдату.

С верой в счастливую звезду

Война для меня закончилась в городе Грац в Австрии. В тот день, когда прозвучало официальное сообщение об окончании войны, на улице было столько военных! Столько самолетов летало в небе! Но было уже не страшно. В общем-то, я всегда оставалась оптимисткой и верила в свою счастливую звезду. И тот День Победы был настоящим счастьем!

С двумя медалями «За отвагу» и орденом Красной Звезды на гимнастерке, я вернулась в родной Ленинск-Кузнецкий. Приехала в Егозово. Мужчина на лошади подвез меня до города. Переехали Иню, ему нужно было в другую сторону от моего дома. Я слезла с телеги. Смотрю – коров гонят. И разревелась. Неужели дома, неужели все закончилось?!

Я пришла в тот самый домик, где провела детство. Сколько же тогда было радости и счастья! А главное, все остались живы. Все шестеро братьев и сестер и сейчас живут в городе Ленинске-Кузнецком, с которым у меня связаны самые трогательные воспоминания.

Март 2014 года

В подготовке воспоминаний оказала помощь ***Толстенко Анна Константиновна****, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Белоусов Николай Иванович

Возвращение из тыла противника после авиакатастрофы

(продолжение, начало в 7-м томе)

Выполнил еще 135 боевых вылетов

А товарищи мои в полк не вернулись. Их судьба мне неизвестна. Возможно, все они погибли…

30 ноября 1942 года я был назначен заместителем командира авиаэскадрильи. Выполнял вылеты на бомбардировку не только аэродромов, но и крупных городов в тылу противника: Кенигсберга, Данцига, Варшавы. За успешное выполнение бомбовых ударов по объектам глубокого тыла, а также за участие в операциях по обеспечению перехода морем караванов судов с оружием из Америки в Мурманский порт Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 декабря 1942 года был награжден орденом Отечественной войны II степени (№ 6567).

Командование придавало большое значение дальним полетам нашей авиации для бомбардировки глубокого тыла противника. Летчики и техники применяли оригинальные технические идеи. Мой экипаж 12 апреля 1943 года выполнил свой самый продолжительный полет на объекты Кенигсберга,

длившийся 10 часов 15 минут, с подвесными топливными баками. 20 апреля бомбовый удар был нанесен по Тильзиту. А 17 июля 1943 года приказом Главкома ВВС за успешные боевые вылеты на бомбардировку объектов глубокого тыла я был награжден вторым орденом Красного Знамени (№ 3135).

4 сентября 1943 года мне доверили командование авиаэскадрильей в 109-м авиационном полку 48-й авиадивизии авиации дальнего действия. В составе этого полка участвовал в боях за освобождение Белоруссии, Прибалтики и Польши, Восточной Пруссии.

Из наградного листа:

«С 22 июня 1941 года по 26 августа 1944 года командир авиаэскадрильи 109-го авиационного полка дальнего действия майор Белоусов Н.И. совершил 165 боевых вылетов. После награждения его в 1943 году орденом Красного Знамени совершил 48 боевых вылетов на железнодорожные узлы Минска, Орши, Брянска, Витебска, Орла, Резекне, Полоцка, Выборга, Вильно, а также 4 боевых вылета на уничтожение аэродромов в Олсуфьево, Лиде, Балбасово, Идрице и 15 боевых вылетов на укрепленные узлы сопротивления противника в районах: Мга, Духовщина, Березино, Божедары, Бояры. 14 июня 1944 года в сложных метеорологических условиях и под огнем зенитных средств противника в районе Выборга точным бомбометанием уничтожил артиллерийскую батарею противника и эшелон с военной техникой».

За нанесение противнику значительных потерь в ходе бомбардировки железнодорожных узлов и аэродромов противника на северо-западном направлении действия наших войск, приказом командующего авиацией дальнего действия № 0665/н от 6 ноября 1944 года я, командир эскадрильи 109-го авиационного полка 48-й авиационной дивизии дальнего действия, был награжден орденом Александра Невского (№ 19001).

Всего в ходе войны с фашистской Германией я совершил 180 боевых вылетов, в том числе из них по объектам глубокого тыла противника: Кенигсберг, Данциг, Варшава, Инстербург, Берлин (24 марта 1945 года), Хельсинки (6 февраля 1944 года), Тильзит.

30 апреля 1945 года выполнил последний боевой вылет по морскому порту Свинемюнде. Приказом командующего 18-й

воздушной армии от 13 июля 1945 года был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени (№ 225117).

Однако война для меня на этом не закончилась. Неожиданно последовал приказ – группу опытных экипажей в составе сводной эскадрильи перебазировать на Дальний Восток. Я был назначен командиром этой эскадрильи из 10 экипажей. Временно исполняя должность командира 433-го авиаполка дальнего действия 55-й авиадивизии дальнего действия, принимал участие в бомбардировке стратегических объектов Квантунской армии на территории Китая.

Выполнил два боевых вылета, последний из которых, 15 августа 1945 года, был произведен по укрепленному району Шиминза.

Мой общий налет к концу 1945 года составил 1500 часов, из которых 814 часов - ночью.

Летели на Дальний Восток не на боевых самолетах Ил-4, а на транспортном самолете Си-47, в период с 20 по 28 июля 1945 года. В ходе перелета было произведено несколько посадок, конечный пункт - аэродром Каменка.

На другой день я был вызван к командиру авиационного корпуса генерал-майору авиации Волкову. Он интересовался моим боевым опытом – к тому времени у меня было 182 боевых вылета, а также опытом летчиков прибывшей эскадрильи. Каждый из прибывших летчиков имел не менее 100 боевых вылетов. В заключение нашей беседы командир корпуса предложил мне занять должность командира 433-го авиаполка 55-й авиационной дивизии. Командир корпуса разрешил мне перейти в соседний полк со своим летным экипажем.

На ознакомление с подготовкой летного состава 433-го авиаполка, с условиями полета и средствами обеспечения на новом аэродроме мне отводилось 2 дня.

В ночь на 9 августа 1945 года планировался боевой вылет для нанесения бомбового удара по ж/д узлу японцев Тасиндзе. В полку было подготовлено 20 экипажей, способных выполнять боевую задачу ночью. Объект удара располагался на расстоянии 400 километров на территории Китая и был занят японцами. Все 20 экипажей взлетели перед наступлением темноты и направились к объекту, набрав заданную высоту.

Вскоре впереди показались вспышки очень яркой молнии. Её неожиданная особенность состояла в том, что удары молнии направлялись не к земле, а по горизонту, в направлении ближайших сопок.

Опытные экипажи приняли правильное решение - обходить грозовое облако слева. То же сделал и я со своим экипажем. Мы успешно выполнили боевую задачу. Однако некоторые экипажи не изменили маршрута, попали в сильнейшую грозу, поэтому 3 экипажа не вернулись.

В период с 10 по 14 августа наш 433-й полк нанес еще 2 удара: 11 августа – по крупному штабу японских войск и 13 августа – по ж/д станции с эшелонами войск и боеприпасов. Эти боевые задачи выполнялись днем. Мы с экипажем в этих вылетах не участвовали, но провели тщательную подготовку экипажей. Поставленные боевые задачи были без потерь успешно выполнены.

Следует особо отметить весьма эффективное выполнение боевой задачи днем по разрушению укрепленного района японцев Шиминза. Накануне меня вызвал командир авиакорпуса и возложил на меня задачу по организации подготовки нанесения удара в составе трех полков дивизии.

Мой экипаж назначался ведущим дивизионной колонны. Конечно, это была функция командира дивизии полковника Абраменко. Но командир корпуса сказал, что у него нет боевого опыта. Особая ответственность и точность выполнения этой задачи была обусловлена тем, что укрепленный район был почти вплотную окружен нашими войсками.

Для детальной проработки боевого порядка сбора дивизионной колонны в составе девяти эскадрилий и нанесения точного удара по цели на КП были вызваны все командиры и штурманы эскадрилий.

Как ведущий дивизионной колонны особое внимание я сосредоточил на решении двух задач: во-первых, на плавное выполнение эволюций самолета с тем, чтобы сохранить установленные параметры боевого порядка; во-вторых, на точность обозначения центра укрепленного района. Для этого я при подготовке дал команду подвесить на мой самолет бомбу ФАБ-1000.

В назначенное время начался взлет самолетов с последующим маневром для взлета эскадрильи, полков и дивизионной колонны. После окончания сбора в боевом порядке дивизии было 80 самолетов. При проработке задания у меня было сомнение в том, что в полете будут выдержаны установленные параметры общего боевого порядка дивизии, так как летный состав готовился к боевым действиям ночью. Но эти сомнения не оправдались, дивизионная колонна в полном порядке в заданное время направилась к объекту действия.

В районе цели погода была хорошая, средства ПВО японцев совершенно не действовали, и взрывом бомбы ФАБ-1000 с моего самолета был точно обозначен центр площади (800х800м) укрепленного района японцев. Бомбы последующих экипажей дивизий взрывались в площади цели, наши войска, окружавшие цель, повреждений не получали. Как потом стало известно, через 2 часа после удара японцы выставили белые флаги, гарнизон капитулировал.

Это был последний боевой вылет дальних бомбардировщиков 55-й дивизии. В этом вылете потерь самолетов не было.

Таким образом, в ходе войны с Японией в августе 1945 года дальние бомбардировщики 55-й дивизии произвели 4 успешных боевых вылета. Наиболее эффективным был бомбовый удар по укрепленному району Шиминза 15 августа 1945 года.

В послевоенный период работал на различных командных и штабных должностях.

Окончил Военно-воздушную академию имени Ю.А. Гагарина.

Послевоенный период моей службы отмечен рядом государственных наград. За длительную и безупречную службу в рядах Советской Армии был награжден медалью «За боевые заслуги» (№ 3208302) и орденом Красной Звезды (№ 3067813).

За успехи, достигнутые в боевой и политической подготовке - орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени (№ 17804), а к 40-летнему юбилею со Дня Победы - орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 1059911).

Защитил кандидатскую, а в 1965 году - докторскую диссертацию по автоматизации управления частями и соединениями дальней авиации.

После увольнения из армии в воинском звании полковника, в июне 1979 года, был принят в научно-исследовательскую группу Военно-воздушной академии имени Гагарина, где проработал до декабря 1991 года, после чего вышел на пенсию.

Награждён: двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, орденами Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени. Также награждён многими медалями.

Март 2014 года

В подготовке воспоминаний оказала помощь ***Толстенко Анна Константиновна****, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Берендс
Кирилл Константинович

Отныне считать её Краснознаменной
(продолжение, начало в 3-м томе)

В моей руке была наша последняя граната

Мы вышли к Десне недалеко от Шостки (Абражиевка-Дегтяревка). В предшествующих боях имели потери в людях и технике. Без долгих приготовлений переправились через Десну, завоевали плацдарм и заняли оборону.

Ночью наша батарея заняла оборонительный рубеж на открытых позициях. Я, вместе с разведчиком нашей батареи Саклаковым Сашей, выдвинулся на километр вперед. Там, на склоне одного из оврагов, мы выбрали и оборудовали для себя наблюдательный пункт (НП). С батареей у нас была проводная телефонная связь. Мы должны были вести наблюдение за противником, обнаруживать цели и корректировать огонь из наших орудий по ним. При себе мы имели полевой телефон, бинокли, ручные гранаты, карабин и мой пистолет, а также небольшую саперную лопату, чтобы окапываться.

Вдоль того же оврага разместилась одна из стрелковых рот нашего же полка.

На рассвете мы увидели небольшую поляну и на ней копну сена. Чтобы как-то замаскировать наш НП, я пошел за охапкой сена к этой злополучной копне. Я был уже в одном

шаге от неё, как услышал Сашин голос. Он мне громко кричал: «Не ходи, там немцы...» И тут я увидел, как из-за копны выскочили несколько человек с винтовками в руках и побежали в лес.

Вскоре немцы предприняли контратаку, в ней принимали участие даже штурмовые самолеты противника. Бой продолжался на протяжении всего дня, связь с нашей батареей часто прерывалась из-за повреждений линии связи. Рота несла большие боевые потери, наши боеприпасы были на исходе. Я и Саша находились на наблюдательном пункте. В моей руке была наша последняя ручная граната.

Вокруг нас шел рукопашный бой. Я слышал немецкую речь совсем близко от нас. Мы ждали, как только появится немец, я тут же освобождаю взрыватель: взрыв и мы погибаем оба...

Уже наступал вечер, я увидел немца с автоматом в руках. Я бросил в него гранату.

Вскоре стало тихо. Мы решили покинуть наш НП. В окопах живых не было. Огневая позиция нашей батареи и орудия были разбиты. Совсем близко дымились подбитые немецкие танки. На земле - окровавленные человеческие тела. В наступившей темноте трудно было увидеть, чьи это - свои или чужие?

В Берлине

В Берлине со мной был такой случай. Мы медленно продвигались вперед по улицам города. Между разрушенными домами, как правило, оставались узкие проходы. И вот однажды нам навстречу из таких развалин выскочил немец с револьвером в руке. Я шел впереди и поэтому стал для него целью номер один.

От неожиданности я замер на месте. И вдруг из-за моей спины раздалась автоматная очередь. Немец упал, из его руки выпал револьвер. Я услышал голос нашего старшины Степана Чумакова: «Комбат, ты в рубашке родился...»

Старшина подошел к лежавшему немцу, поднял его револьвер, достал из него патрон и протянул мне: «Возьми его, на память». Я носил этот патрон до конца войны в нагрудном

кармане своей гимнастерки. И до сих пор храню его в нашем семейном музее.

Апрель 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Ионов Дмитрий Владиславович****, студент 2-го курса факультета «Робототехнические и интеллектуальные системы» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Бессараб Александр Никитович

Бой первый - у Кубинки, бой последний - у Рейхстага

Я родился 9 апреля 1918 года в многодетной крестьянской семье в селе Сигнаевке Шполянского района Киевской области. Рано лишился родителей.

По окончании семилетки учился в фабрично-заводском училище, окончил рабфак при Харьковском институте торговли, затем учился 1,5 курса на геодезическом факультете Харьковского инженерно-строительного института имени С.М. Кирова.

По комсомольскому набору, я был зачислен курсантом Одесского артиллерийского училища имени М.В. Фрунзе. Через полтора года учебы (осенью 1937 года) был отчислен из училища по состоянию здоровья.

Два года работал учителем математики в школе родного села (5-7 классы) и по совместительству – немецкого языка (9-10 классы).

В начале 1940 года экстерном сдал экзамены за первые два курса Института иностранных языков (факультет немецкого языка) и перешел на дневное обучение.

В конце сентября 1941 года в составе группы студентов нас эвакуировали в город Марксштадт Саратовской области. А в первых числах октября 1941 года из города Пугачев Саратовской области я ушел добровольцем на фронт и был

зачислен в штаб 60-й отдельной стрелковой бригады Западного фронта. В составе этой бригады начал свой боевой путь, участвуя в оборонительных боях под Наро-Фоминском, Кубинкой и Звенигородом, а затем в наступательных боях бригады в составе войск Западного фронта в Подмосковье и Смоленской области. В этих боях я командовал взводом пешей разведки и стрелковой ротой.

Бой первый

Декабрь 1941 года. Атака у деревни Поречье.

Ознакомившись с моими биографическими данными, командир 3-го отдельного батальона бригады Федосеев А.Т. приказал: «Писарем батальона его, а на фронте – переводчиком».

Я попал в подчинение начальника штаба батальона младшего лейтенанта Гринина.

60-я отдельная стрелковая бригада, совершив марш-бросок из-под Звенигорода, вечером 8-го декабря заняла исходное положение для наступления. Мы находились в лесу на северном берегу Москвы-реки западнее города Кубинки.

Пока комбат вместе с ротными, а потом в группе с комбригом и комиссаром бригады, были на рекогносцировках местности и изучали места дислокации противника в районе деревни Васильевское за Москвой-рекой, мы с Грининым подготовили проекты боевых распоряжений подразделениям, рабочую карту комбата и комиссара Е.И. Ронина.

Одним из первых я узнал поставленную командованием задачу в предстоящем наступлении батальона и бригады на позиции гитлеровцев 10 и 11 декабря 1941 года. 3-му батальону предстояло при поддержке батареи 45-мм пушек и роты 82-мм минометов наступать на поселок Красный Октябрь, деревню Поречье, овладеть ими, не допустить отхода противника на Ладыгино, передовым отрядом закрепиться в Морево.

Ровно в 10 часов 11 декабря поступил сигнал: «Атаковать!»

Бойцы дружно скатились с крутого берега на лед и - вперед! К сожалению, немцы не были застигнуты врасплох. Противник открыл шквальный пулеметный огонь. В самой

гуще атакующих рвались мины. Атака захлебнулась. Нашим подразделениям было приказано вернуться на исходное положение.

Как выяснилось, атака была разведкой боем. Командиры учли допущенные ошибки, приняли меры по улучшению организации наступления. Бригада получила дополнительную поддержку от приданной артиллерии. В том числе на участок предстоящего наступления прибыли четыре установки «катюш». Саша и Николай видели их накануне, хотели подойти и рассмотреть, но охрана не разрешила подойти близко.

На следующий день, 12 декабря, картина боя выглядела уже совсем иначе. Артподготовка началась еще затемно. Небо полосовали снаряды, пущенные из установок реактивных минометов, полыхая огненными стрелами. Залп за залпом, от которых ни спрятаться, ни убежать. В Васильевском полыхали избы, горела немецкая техника, фашисты разбегались кто-куда.

Тут же захотелось выбраться из окопа: очередь пехоты настала. Все мы скатились на скользкий лед. Уцелевшие гитлеровцы ответили огнем из автоматов и пулеметов.

Первый и второй отдельные стрелковые батальоны наступали на флангах, третий - двинулся к лесу, настигая убегавших вражеских солдат. Мы с Николаем Трошиным и Сашей Симоновым, приписанные к комендантскому взводу батальона, наступали со всеми.

Пока бежали по льду, пули не достигали нашей группы. Стоило только взбежать на берег, как они роем «запели» над головами. Кто-то рядом охнул, кто-то молча уткнулся в снежную порошу.

Когда группа комбата подбежала к пылающим на окраине деревни избам, передовые подразделения батальона вели уже бой на её выходе. Нам пришлось обходить объятую огнем технику: рвались бензобаки в мотоциклах.

У крайней избы из-за угла в бойцов командирской группы целился немец. Саша Симонов молниеносно направил на немца винтовку, тот бросил автомат и поднял руки. Низкорослый, худосочный, в обвисшей на плечах шинельке мышиного цвета. Это был первый немец, которого я увидел на войне.

Вдруг от опушки по боевым порядкам, во фланг стрелковым ротам, застрочил пулемет - это уцелевшие гитлеровцы опомнились и заняли выгодную позицию. Цепи бойцов залегли, а станковый пулемет бил не переставая, прижимая левофланговую роту Александра Большакова к земле.

Саша Симонов обратился к комбату:

- Товарищ капитан, разрешите, мы «снимем» этих гадов!

Как он собирался «снимать» пулемет, я не сразу понял, но, следуя его примеру, выхватил из брезентовой сумки гранату, и, низко пригибаясь, побежал за ним. Николай Трошин – следом.

Три взрыва брошенных нами гранат раздались один за другим, пулемет замолчал.

К концу дня овладели поселком Красный Октябрь, достигли Поречья и Морева. Меня – бригадного переводчика по совместительству, отозвали в штаб допросить пленных, разобраться в трофейных документах.

В разведке

К исходу третьего дня наступления сопротивление немецко-фашистских частей значительно усилилось, стало более организованным. Где-то противнику удалось остановить наше продвижение вперед, нанести в ходе контратак чувствительные удары по боевым порядкам атакующих частей. На участке 60-й бригады фашисты, несмотря на значительные потери в технике и живой силе, оправились от испуга и, получив подкрепление, упорно сопротивлялись. Обстановка резко ухудшалась.

Не ожидавшие этого, командиры батальонов майор Богданов и капитан Федосеев, откровенно говоря, растерялись и забыли об основных требованиях боя: непрерывной разведке противника, огневом обеспечении флангов и стыков между наступающими подразделениями, не установили связь с соседями и допустили образование больших неохраняемых разрывов между ними.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, немцы ударили по флангам – третий батальон был отрезан от остальных частей бригады. Начальник штаба бригады майор

Ф.Ф. Бочков послал группу связистов и разведчиков восстановить связь с 3-м батальоном. Группа не вернулась, вторая группа тоже пропала.

Третью группу приказано было возглавить мне, как знающему немецкий язык. На карте показали, куда я должен был их вывести, где занять оборону, чтоб не допустить прорыва фашистов на Васильевское.

В ночь возглавляемая мной группа разведчиков была отправлена для выполнения приказа.

Неожиданно что-то резко свистнуло, пролетев над верхушками деревьев. Раздался сухой треск, яркая вспышка ослепила глаза, мне что-то сильно ударило в правое плечо, боль резанула виски, зазвенело в ушах, перед глазами, меняя очертания, расплывались пни, кусты и еловые ветки. Душил кисловатый дым с едким запахом серы…

Очнулся от нестерпимого холода. У самого лица колыхались зеленые иголки – срезанная миной еловая макушка, чуть позже выяснилось, спасла мне жизнь. Подняться сразу не получилось – правая рука онемела. Наконец все-таки выбрался из-под дерева, огляделся - где ребята? Разведчики лежали в том порядке, в котором шли: два присыпанных снегом бугорка впереди меня, два позади. Бросился к одному, к другому… Осколками мины все были убиты наповал.

Перепугался жутко: один в лесу. Хотел бежать назад, но мысль о том, что задание не выполнено, остановила. «Не паникуй, - стал твердить себе, - дело не сделано, вперед надо идти!»

Так, уговаривая сам себя, успокоился. Попытался сориентироваться на местности. Подобрался к опушке, вконец замерз. Пополз, опасаясь встретить немцев.

Вдруг откуда-то выскочил красноармеец и побежал прямо на меня. Узнав этого парня, я поднялся и пошел ему навстречу. В тот миг роднее человека не было на всем белом свете! Удача, нашел все-таки своих!

А он, тот красноармеец, в крик: «Немцы!» И деру! Рискуя быть убитым, я, на сколько хватало сил, побежал за ним. Не в силах крикнуть – от холода горло перехватило, зуб на зуб не попадает. Я увидел еще несколько красноармейцев с

винтовками наперевес бегущих ко мне. Все в замешательстве остановились.

И вдруг услышал спасительный возглас: «Это же Бессараб, наш переводчик!» Я, оказывается, встретил бойцов одного из разыскиваемых взводов батальона (взвод младшего лейтенанта Турижанова). Я узнал, что командир ушел в штаб батальона. Вокруг костра сидели бойцы и завтракали. Каждого из них, как бывший батальонный писарь во время формирования бригады, я знал наперечет.

Меня усадили, укрыли полушубком. Я с жадностью выпил кружку горячего чая. Попросив помощника комвзвода разбудить меня, как только появится младший лейтенант, я мгновенно уснул.

Примкнуть штыки!

Проснулся минут через пятнадцать-двадцать. Бойцы суетились, были встревожены: неподалеку, но где – непонятно, шел бой. Грохотали пушки, строчили пулеметы, гремели винтовочные выстрелы.

Помощник командира взвода, назвав меня «товарищем командиром», доложил, что, вероятнее всего, бой ведет их батальон, с которым они были вчера на подступах к совхозу «Красный Октябрь». Здесь всего пятьдесят пять бойцов, а командир взвода до сих пор не вернулся.

- В таком случае, - говорю, - вы поступаете в мое распоряжение.

Приказал без команды не стрелять, выслать вперед и на фланги боевое охранение, о котором помкомвзвода не позаботился раньше.

Развернув карту, попытался определить свое местоположение. Совхоз должен быть справа, оттуда и канонада. Значит, наши слева. Двинулись в этом направлении. Звуки боя слышались все четче и четче. Ко мне подбежал разведчик и доложил, что в ста метрах отсюда – немцы!

- Какие немцы? Вы не напутали?

- Нет, товарищ командир, все точно – фашисты. А мы у них в тылу. Там большая поляна. На опушке стоит подвода, лошади распряжены, два немца возятся у станковых пулеметов. А дальше – четыре орудия на позиции ведут огонь

по деревне, а еще дальше залегли их солдаты и тоже ведут огонь.

Взвод, которым мне пришлось в то утро командовать, наполовину состоял из уже обстрелянных воинов-фронтовиков и курсантов одного из среднеазиатских военных училищ, составлявших костяк всей нашей бригады. Люди подготовленные, многие в совершенстве знали не только отечественное, но и немецкое стрелковое вооружение. Поэтому без колебаний принял решение: захватить пулеметы у подводы и атаковать гитлеровцев с тыла.

Мы с помкомвзвода развернули отделения в цепь, без шума подошли к опушке сосняка. Бойцы залегли. Все получили приказ огонь открывать только по команде, которая будет дана, как только уничтожим гитлеровцев у подводы и захватим их пулеметы. Мы с тремя курсантами, знавшими, по их словам, материальную часть немецких станковых пулеметов МГ-34, присоединились к боевому охранению и залегли в непосредственной близости от подводы.

Вокруг немцев, находившихся рядом с пулеметами, стояло много металлических коробок с пулеметными лентами и еще три МГ-34. Нам надо было спешить.

Солдат у пулеметов «сняли» незаметно – на наши выстрелы никто не обратил внимания. Захваченные пулеметы МГ-34 расставили на флангах взвода, и через минуту курсанты по моей команде открыли огонь.

В первую очередь были уничтожены огневые расчеты артиллерийской батареи. С такого расстояния не промахнешься: до них и сотни метров было не насчитать!

Затем ударили в спину вражеской пехоте. Солдаты первой линии в панике выскакивали из наспех оборудованных в снегу ячеек. Тут-то и настигал их огонь наших пулеметов.

Принимая нас за своих, не разобравшихся в обстановке идиотов, они в гневе потрясали оружием, посылая в нашу сторону проклятья, и замертво падали, сраженные очередями. Я приказал помкомвзвода открыть по бегущим гитлеровцам огонь из винтовок и ручных пулеметов. Залпы трехлинеек окончательно ошеломили немцев: они в панике заметались по полю… Настал момент поднять взвод в рукопашную:

- Примкнуть штыки! За Родину, за Сталина, вперед! Ура-а-а!

Раскатистое наше дружное «Ура!» подняло в атаку бойцов отрезанного батальона.

Гитлеровцы, зажатые с трех сторон, метались по полю, убегали. Лишь немногим из них это удалось.

На меня бежал с автоматом огромный рыжий детина. Глаза навыкат, страшные. А у меня – лишь пистолет «ТТ». И правая рука как плеть повисла. Вот он уже совсем рядом, меня кто-то из наших сильно толкает в плечо. Падаю, но глаз от рыжего не отрываю. Блеск штыка у его бока успел заметить. Рыжий падает буквально у моих ног. Это красноармеец отвел от меня смерть, побежав дальше. Я за ним.

Через 15-20 минут все было кончено. Радости бойцов батальона не было границ. Красноармейцы и командиры обнимались, целовались. У многих в руках – трофейные автоматы. Помкомвзвода принес мне новенький немецкий автомат с несколькими снаряженными магазинами, лежащими в кожаной сумке, снятой, по его словам, с какого-то не то офицера, не то унтера.

За длинной канавой, только что служившей бойцам батальона и укрытием, и огневым рубежом, увидел батальонного фельдшера. Надя перевязывала кого-то из раненых. Она молча показала на него глазами. Это был начальник штаба батальона младший лейтенант Гринин. Через несколько минут он умер.

Подошел капитан Федосеев. Приближался нетвердой походкой, шатался из стороны в сторону, будто с похмелья. Но комбат не был пьян.

Пока гитлеровцы не опомнились и не перехватили образовавшийся проход в сторону Васильевского, необходимо было как можно скорее приступить к выполнению приказа комбрига - развернуть подразделения батальона на указанном рубеже, увезти раненых и убитых, не забыть и о собранных трофеях, особенно о станковых пулеметах и целой машине боеприпасов к ним.

Федосеев продолжал безучастно стоять, никому не говоря ни слова. Даю команду строиться.

Обращаюсь к Федосееву:

- Товарищ капитан, батальон по вашему приказанию построен, пора уходить!

- Хорошо, ведите батальон. Я контужен, ничего не соображаю…

И вот указанный командованием рубеж! Роты начали окапываться, сооружая снежные накаты, перемежая сыпучий снег с еловыми ветками и утрамбовывая их для прочности.

И тут – неожиданность: фельдшер батальона Надя мне пожала на прощание руку, и я взвыл от резкой боли. В пылу боя забыл о ранении, почти не чувствовал его.

Вместо капитана Федосеева командовать батальоном назначили младшего лейтенанта Винокурова.

В результате проведенного вышестоящим командованием расследования причин окружения стрелкового батальона, 12 декабря в командование бригады был назначен новый комбриг и комиссар.

В сентябре 1943 года, в дни моего командования 2-м стрелковым батальоном 597-го стрелкового полка 207-й стрелковой дивизии, бойцы батальона освободили деревню Холм Смоленской области.

Вот как об этом написано в выписке из архива:

«…На протяжении 20-21 сентября 1943 года противник упорно удерживал д. Холм, имея в наличии сильные укрепления, много пулеметов и артиллерии в глубине обороны. Помимо этого, врагу способствовали местность, река и болото.

Капитан Бессараб, получив задачу на овладение населенным пунктом Холм, повел свой батальон в обход справа и, в сочетании умелого маневра со смелым броском, при поддержке других подразделений, овладел населенным пунктом, развивая наступление».

В соответствии с приказом по 5-й армии Западного фронта от 18 октября 1943 года № 0462, от имени Президиума Верховного Совета СССР (вх. № 020470), за этот бой я был награжден орденом Красного Знамени.

Бой последний

29 апреля 1945 года. Королевская площадь в центре Берлина. В 3.30 передовые части 79-го стрелкового корпуса генерала С.Н. Переверткина после двух штурмов захватили лишь часть здания канцелярии Министерства внутренних дел.

Солдаты окрестили это массивное строение «домом Гиммлера».

С северной стороны несколькими подразделениями 171-й стрелковой дивизии полковника А.И. Негоды удалось приблизиться к стенам здания фашистского парламента.

С северо-запада путь наступающим батальонам 150-й стрелковой дивизии генерал-майора В.М. Шатилова преграждал широкий и до половины заполненный водой ров строящейся линии метрополитена. Он простреливался огнем пулеметов фашистов, и попытка преодолеть препятствие с ходу не увенчалась успехом.

Рейхстаг и Кроль-опера, объятые пламенем и дымом, защищались гитлеровцами яростно.

Вражеские зенитчики стреляли по наземным целям прямой наводкой и не позволяли нам ввести в бой танки и самоходные орудия. Лишенные возможности маневрировать, они становились легкой добычей фашистских зенитчиков и солдат, вооруженных фаустпатронами.

Чтобы сломить сопротивление врага, необходимо было усилить наши соединения артиллерией прямой наводки. 420-му дивизиону была поставлена задача: прямой наводкой подавить огневые точки, пулеметные гнезда в центральной и северо-западной части Рейхстага, воспрепятствовать действиям зенитных орудий врага, расположенных у колонн здания и на Королевской площади. Было объявлено время готовности – 10:00 30-го апреля.

В ночь на 30 апреля дивизион выдвинул свои батареи на Королевскую площадь. Я приказал нацелить на Рейхстаг батарею старшего лейтенанта Василия Носова, а на Кроль-оперу два орудия второй батареи лейтенанта Ивана Батышева и взвод ПТР младшего лейтенанта Антона Бородина.

Всем была поставлена боевая задача. Орудийные расчеты держали под огнем амбразуры в замурованных окнах первого этажа и полуподвала, а расчеты противотанковых ружей подавляли огневые средства в амбразурах верхних этажей. За каждым из них были закреплены по одному-два окна. Аналогичные команды получили и те подразделения дивизиона, которые были нацелены на Кроль-оперу.

Наблюдательный пункт я выбрал в одной из комнат южного крыла здания МВД, отсюда хорошо просматривался

Рейхстаг, Королевская площадь и Тиргартен. Позже здесь же выбрал свой НП и командир 598-го стрелкового полка подполковник А.А. Вознесенский, батальоны которого были нацелены на Кроль-оперу.

От «дома Гиммлера» до Рейхстага приблизительно пятьсот метров. С помощью стереотрубы командиры подразделений внимательно рассматривали фасад здания, обращая внимание на устройство амбразур всех этажей, расположенных у подоконников: их было по две бойницы в каждом окне. Стены и крыша здания выщерблены снарядами, башни на углах и в центре полуразрушены. От купола Рейхстага остались одни стальные ребра.

К высоко поднятому портику парадного подъезда ведет широкая лестница, заваленная битым кирпичом и камнями. Шесть закопченных колонн на высоких пьедесталах поддерживают массивный лепной фронтон. В глубине подъезда входная дверь в несколько створок. Они тоже были замурованы снизу доверху, с бойницами.

Час атаки приближался. У нас было все готово. Одиннадцать часов двадцать минут. Комбаты докладывают о готовности к бою. Одиннадцать двадцать пять.

- Зарядить!

Одиннадцать тридцать.

- Огонь!

Мощная артиллерийская подготовка началась. Солдаты Кандыбина из пушек и бойцы Носова из противотанковых ружей открыли точный огонь по Рейхстагу.

Наша 207-я дивизия полностью блокировала гитлеровцев в Кроль-опере и в примыкающих к ней зданиях, подавив огонь оборонявшихся, обеспечив успех взятия Рейхстага.

Наконец долгожданное событие: впереди взвились зеленые ракеты – это сигнал, запрещающий ведение всякого огня с закрытых позиций, а артиллерии прямой наводки – по окнам и амбразурам полуподвала Рейхстага.

Там уже находились наши пехотинцы, проникшие в здание с северо-западной стороны.

Но вот перед парадным подъездом рассыпался целый сноп красных ракет. Это вновь был сигнал прекращения огня орудиям прямой наводки. К широкой лестнице Рейхстага со всех сторон устремились штурмующие.

Орудийные расчеты Михаила Рудика и Сергея Барышева укрыли свои пушки в оконных проемах за прочной стеной цокольного этажа МВД и уничтожили в тот день несколько зениток и пулеметных гнезд врага на площади перед Рейхстагом и Кроль-оперой.

В ночь на 2 мая была взята Кроль-опера.

В соответствии с приказом Командующего артиллерией 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта от 18 мая 1945 года № 019/Н, от имени Президиума Верховного Совета СССР, я был награжден орденом Александра Невского.

Мой боевой путь прошел из Подмосковья через Смоленщину, Белоруссию, Прибалтику, Польшу, немецкую Померанию и завершился в Берлине.

Я автор книг-воспоминаний о войне: «В прицеле – танки», «Какими мы были», «В боях закаленная 207-я Краснознамённая», «Вместе с матушкой пехотой», «Комендант Берлина».

Награждён: орденом Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», знаком отличия «За заслуги», орденом «За заслуги перед Отечеством» в золоте (ГДР), орденом Грюнвальда 2-й степени (ПНР). Имею более 30 юбилейных государственных наград.

Почетный гражданин города Бернбург, района Панков в Берлине, почетный житель муниципального образования Гольяново в городе Москве.

После войны, в 1946 году, в составе 601-го минометного полка я участвовал в демонтаже военных объектов Берлина и в отправке в Советский Союз по репарациям заводского оборудования, приборов и агрегатов.

В 1952 году окончил Харьковскую радиотехническую академию имени маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

Половник в отставке.

Февраль 2015

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Прудников Федор Евгеньевич****, студент 2-го курса Аэрокосмического факультета и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Ботян Алексей Николаевич

Командир разведывательно-диверсионной группы

Я родился 10 февраля 1917 года в крестьянской семье, проживавшей в белорусской деревне Чертовичи Вильненской губернии, которая в марте 1921 года отошла к буржуазно-помещичьей Польше.

По окончании школы был призван в польскую армию, служил в зенитной артиллерии наводчиком, старшим унтер-офицером. Командуя расчётом зенитного орудия, в сентябре 1939 года участвовал в боях с гитлеровскими оккупантами. Под Варшавой наш расчет сбил три самолета «юнкерс».

После воссоединения Белоруссии стал гражданином СССР и, пройдя подготовку, стал работать преподавателем в начальной школе.

Начало нелегкого пути

В 1940 году по путевке комсомола был направлен в разведшколу НКВД СССР, окончание которой в 1941 году совпало с началом Великой Отечественной войны. В июле 1941 года зачислен в состав Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), подчинявшейся 4-му управлению НКВД СССР.

Участвовал в обороне Москвы. В ноябре 1941 года, в качестве командира разведывательно-диверсионной группы, я был переброшен за линию фронта для ведения разведки и уничтожения коммуникаций и линий связи противника. Пускали под откос поезда, добывали «языков».

Тогда, в 1941 году, под Москвой стояли морозы, очень сильные морозы, спасибо за это природе и Господу. Это нам очень помогало, так как немцы наших морозов не любили. А мы надевали телогрейки, белые маскхалаты - и в тыл к врагам. Проходили по 30-40 километров на лыжах, подбирались к их позициям, брали «языка» и тихонько уходили.

В 1942 году был направлен в глубокий тыл врага для работы в западных районах Украины и Белоруссии. Действовал там как самостоятельно, так и в составе крупных партизанских отрядов. Там я был заместителем по разведке командира партизанского соединения Героя Советского Союза Виктора Александровича Карасёва.

Под моим непосредственным руководством проведена операция по взрыву немецкого гебитскомиссариата в городе Овруч Житомирской области Украинской ССР, когда там находилась инспекция из Германии. В результате этой операции 9 сентября 1943 года уничтожено 80 гитлеровских офицеров. За эту операцию я был представлен к званию Героя Советского Союза, но когда встал вопрос о награде, в Москве что-то не сложилось. В итоге мне дали орден Красного Знамени.

Спасение Кракова

В мае 1944 года по заданию Центра во главе группы из 28 человек совершил переход в Польшу для организации разведки расположения и передвижения противника в районе города Кракова. Благодаря хорошему знанию польского языка и интуиции я находил хороших и надежных людей среди поляков. Они мне много помогали и, в частности, помогли уничтожить склад, где у немцев было большое количество взрывчатки и оружия.

В конце 1944 года моя группа захватила инженера-картографа из штаба тыловых подразделений вермахта, поляка

Зигмунда Огарека. При нем были карты оборонительных сооружений Новы-Сонча, где находился огромный склад взрывчатки, в том числе предназначенной для уничтожения исторического центра Кракова, Рожновской плотины и мостов через реку Дунаец. Огарек согласился сотрудничать с нами. Выяснилось, что с ним был знаком поляк, который служил в вермахте и имел чин гауптмана. Вот он и принес, под видом грузчика, на склад английскую мину замедленного действия, положил ее между штабелями фауст-патронов и взрывчатки.

Взрыв прогремел 18 января 1945 года рано утром в самый разгар наступления Красной Армии. Взрыв был такой силы, что погибло человек 400 немцев, которые приехали туда за боеприпасами. Тем самым мы обезоружили немцев. А 19 января в Краков вошли передовые части 1-го Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза Конева Ивана Степановича. И вот второй раз меня представляли к званию Героя, но опять наградили лишь орденом Красного Знамени. Чиновников смутило, что в 1939 году я был унтер-офицером в армии Пилсудского. Но воевали мы не ради наград.

Послевоенная карьера

С 1945 года проходил службу в оперативном составе 1-го Управления (внешняя разведка) Наркомата государственной безопасности СССР (с 1946 года – Министерство государственной безопасности СССР, с 1954 года – Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР). Неоднократно выезжал в заграничные командировки в различные европейские страны для выполнения сложных и ответственных заданий.

В 1983 году в звании полковника уволен в отставку по возрасту.

До 1989 года продолжал работать в органах КГБ СССР в качестве гражданского специалиста.

Награждён: два ордена Красного Знамени, орден Мужества, орден Отечественной войны 1-й степени, орден «За воинскую доблесть» («Виртути Милитари», Польша), орден Трудового Красного Знамени, медаль «За боевые заслуги», медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Почетный гражданин города Илжа (Польша).

Указом Президента Российской Федерации № 614 от 9 мая 2007 года «за мужество и героизм, проявленные в ходе операции по освобождению польского города Кракова и предотвращению уничтожения его немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов» мне присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда».

Декабрь 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Бахтин Сергей Николаевич****, студент 2-го курса факультета «Радиоэлектроника летательных аппаратов» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Брюхов Василий Павлович

Влево 20, «пантера», бронебойным, огонь!

Я родился 9 января 1924 года в городе Оса Молотовской области (ныне Пермского края). В 1941 году окончил 10 классов средней школы.

Сегодня трудно сказать, как сложилась бы моя судьба, если бы не война. Комсомольский активист, чемпион области по лыжам...

Все переменилось в жизни молодых людей в том горестном июне. Часть друзей призвали в армию, других, молодежь до семнадцати лет, направили на военные заводы. Я стал кузнецом, но рвался на фронт. И добился-таки своего - от военкомата меня направили в формирующийся лыжный батальон.

В декабре 1941 года воинская часть убыла на фронт под Москву. Но повоевать я не успел - при выгрузке из эшелона налетела вражеская авиация, и станция превратилась в ад. Из трехсот шестидесяти шести человек списочного состава в живых осталось чуть больше сорока...

Несколько месяцев в госпитале - и меня направили в Пермское авиатехническое училище. Несмотря на перспективу получения вполне привлекательной профессии и гарантированное трехлетнее пребывание в тылу, я написал рапорт об отчислении и переводе в другое училище. Рапорт

подписали. Так я оказался в танковом училище в Сталинграде, которое затем перевели в город Курган.

Учился я на «отлично», поэтому по окончании училища мне предложили остаться в нем командиром взвода. Я отказался и был отправлен на фронт в составе 159-й танковой бригады 1-го танкового корпуса.

Первый наш бой случился под Прохоровкой. Кромешный ад творился на поле боя. Горели свои и чужие. Повезло, однако.

Танк подбили, ремонтники потащили его в тыл. Мне, молодому лейтенанту, навсегда запомнились огромные клубы пыли, дым горящих машин, смрад. Самолёты, находившиеся в воздухе. Именно там я понял, что такое сплоченность экипажа, что в бою надо быть очень осмотрительным.

Затем были бои по освобождению Орла, Брянска, других городов.

Памятен мне сентябрь. В середине месяца я вызвался провести со своим взводом разведку боем: требовалось «вскрыть» систему огня противника. Все прекрасно понимали цену этой разведки.

Атака. Первые выстрелы немецких противотанкистов. Обучены они были хорошо. Вначале подбили две машины справа и слева, а затем и мой танк. Экипаж погиб, но я чудом остался жив.

Очнувшись, я пробрался к механику-водителю, отодвинул его тело, завел танк и, к удивлению своих и немцев, откатился назад.

Бои шли непрерывно. Днем атаковали или преследовали немцев. В танке - пороховая гарь, жарища. Ночью восстанавливали боеготовность машин. Работа не только важная, но и тяжелая. Экипаж загружал в танк снаряды, патроны. А боекомплект весил две тонны. Плюс заправка топливом - 500 литров. Наливали из бочек в ведро, а из ведра - в бак танка. Офицеры - от командира танка до командира роты - работали наравне с солдатами.

А утром - опять бой

В июне 1944 года прибыли эшелоны с челябинского и нижнетагильского танковых заводов. К радости танкистов

170-й танковой бригады 18-го танкового корпуса на платформах стояли новые машины Т-34-85. У пушки в боекомплекте были мощные бронебойные и подкалиберные снаряды. Более удачная конструкция корпуса и башни, усилена лобовая и бортовая броня.

Вместе с танками прибыли и экипажи. Я, командир взвода, и мой друг, Николай Максимов, были назначены в 1-й батальон. Комбат Сергей Отрощенков поручил нам формирование взводов и рот.

Сергей Отрощенков, несмотря на возраст (ему было всего 22 года), великолепно стрелял из всех видов оружия, блестяще знал и водил танк. Этого же требовал и от подчиненных.

Он сразу отметил, что я проявил хорошее знание уставов, быстро принимал решения. На зачетной стрельбе я был в числе лучших (поразил все цели).

В конце августа бригада приняла участие в Ясско-Кишиневской операции, наступая в направлении городов Хуши и Бухарест. Утром 21 августа соединение, действуя в составе 18-го танкового корпуса, пошло в прорыв обороны противника и с ходу форсировало реку.

Мой взвод первым ворвался в Урекений и, уничтожив метавшихся по деревне фашистов, выскочив из деревни, вступил в бой с отступавшими войсками противника. В том бою я открыл боевой личный счет, уничтожив танк и штурмовое орудие врага. Командир роты лейтенант Гуляев, офицер в возрасте (комбриг Чунихин в далеком 1930 году был рядовым солдатом во взводе, где старший сержант Гуляев был заместителем командира), сразу увидел во мне командирскую жилку.

В ходе завершения окружения крупной вражеской группировки бригада вышла к реке Прут. Батальон Отрощенкова получил задачу, действуя в передовом отряде, выйти к реке и соединиться с передовым отрядом 3-го Украинского фронта. Танк Гуляева требовал ремонта и отстал от батальона. В этот момент комбат решил не только мне поручить роту, но и доверил идти впереди батальона.

В середине дня, 24 августа, рота наткнулась на подготовленный рубеж обороны гитлеровцев. Укрываясь за складками местности, по кукурузному полю подразделение стало продвигаться вперед. Наблюдая за местностью, я увидел

«пантеру», которая разворачивала пушку в мою сторону. Я скомандовал: «Влево 20, «пантера», бронебойным - огонь!» Заряжающий сработал мгновенно, но наводчик Блинов растерялся: он не видел противника. Тогда я оттолкнул наводчика в сторону, прильнул к прицелу и нажал электроспуск. Выстрел - и снаряд пробил бок «пантеры». Танк вспыхнул факелом. Оттуда никто не выскочил.

Наша бригада, поддержанная артиллерией, рвалась к реке, и вскоре моя рота вышла к урезу воды. На противоположном берегу показались танки. Противник? Рассмотрев в бинокль Т-34, успокоился. Но с противоположного берега был открыт огонь. Несмотря на сигналы ракетами и радиосообщения, огонь не прекращался. До вечера передовые отряды 2-го и 3-го Украинского фронтов вели перестрелку. Такова была цена плохо организованного взаимодействия в оперативном масштабе.

Вечером 28 августа приехавший в батальон полковник Чунихин объявил о моем официальном назначении командиром роты.

Бригада вскоре получила приказ выйти к Бухаресту. Я до сих пор вспоминаю местных жителей, которые забрасывали наши боевые машины цветами.

За мужество, проявленное в боях, я, лейтенант, был награжден орденом Красного Знамени, как и командир батальона С. Отрощенков и ряд других офицеров.

В следующий бой батальон повел другой комбат - капитан С.П. Задорожный. Я и другие офицеры сразу заметили, что, как командир, он слаб. Комбат нервничал, суетливо отдавал распоряжения, задергал командиров рот. Бой был тяжелый. Моя рота уничтожила танк, разбила орудие противотанковой батареи врага, но и сама потеряла одну машину. В других ротах потери были более тяжелые.

С рассветом 22 сентября бой разгорелся с новой силой. Батальон несколько раз переходил в атаку и, теряя танки, откатывался назад.

Тяжело видеть, как горят свои танки. Мало кто выбирался из горящих танков. Катаясь по земле, люди пытались сбить пламя. Уцелевшие вступали в перестрелку, а нередко - и сходились врукопашную с вражескими пехотинцами.

Авиация противника непрерывно бомбила боевые порядки батальона, выискивая танки в облаках пыли и дыма. Радиосвязь работала с трудом: эфир был забит командами открытым текстом - кодовые таблицы и позывные были забыты. Всё, что находилось поверх брони (топливные бачки, ящики с инструментом), было изорвано осколками.

В батальон прибыл комбриг Чунихин. Разобравшись в обстановке, он приказал все уцелевшие танки передать в мою роту и лично поставил мне новую задачу.

Я, воодушевленный доверием комбрига, вывел роту к опорному пункту противника, с ходу развернул ее, атаковал немцев. Бой шел больше двух часов. Враг не выдержал, начал отход. Я уловил этот момент, и мой танк рванулся вперед, а за мной и рота. Потеряв три танка, рота захватила важный узел дорог, перекрыв фашистам пути отхода.

Вечером вызвали к комбригу, и он приказал мне ночью, составив передовой отряд со средствами усиления, обойти врага, используя промежутки в боевых порядках, перейти границу Румынии с Венгрией, не ввязываясь в бой, овладеть венгерским городом Баттонья и обеспечить успешные действия бригады.

Спустя несколько часов город был освобожден. Весь день отбивали атаки врага и удержали рубеж, уничтожив девять танков, батарею противотанковых орудий и много живой силы противника.

Не обошлось без потерь и с нашей стороны. Отряд недосчитался четырех танков с экипажами. Но потери не остановили наступательный порыв бригады. Передовой отряд, сбивая заслоны, двигался вперед. Противник ожесточенно сопротивлялся, цепляясь за каждый населенный пункт. Мне вспоминается ожесточенный бой за город с трудно произносимым названием Ходмезёвашархей. Мы дрались двое суток днем и ночью, неся тяжелые потери, но вынуждены были отступить под нажимом противника. Перегруппировав силы, бригада захватила город Мако и перешла к обороне. Венгерские и немецкие части накатывались на наши позиции, пытаясь просочиться через «жидкие» боевые порядки. Танкисты и пехотинцы нередко схватывались врукопашную.

Несколько дней ожесточенных боев - и бригада получила приказ о наступлении. Все оставшиеся танки 1-го батальона свели в мою роту. Я вновь пошел впереди всех.

Прибывший комбриг Чунихин уточнил задачу. Рота, обойдя противника, двинулась вперед. По ходу движения я обнаружил артдивизион врага, который своим огнём подбил два моих танка. Охватив вражеский дивизион с флангов, мы «проутюжили» его вдоль и поперек, раздавив шесть орудий и прислугу.

Потом мы встретили отступающие части противника. Уже имея опыт борьбы с колоннами противника, я ударами взводов раскроил колонну на части, танкисты принялись расстреливать в упор машины, давить живую силу врага. Колонна превратилась в свалку подбитых и искореженных машин, трупов людей и лошадей.

Мужество танкистов было по достоинству оценено командованием – я, старший лейтенант, был представлен командиром корпуса к званию Героя Советского Союза, а также старший лейтенант Тарасов и лейтенант Якимович. Увы, по непонятным причинам мне это звание не было присвоено. Звание Героя России мне было присвоено только в 1994 году. Тарасов и Якимович получили награды в июне 1945 года.

Бригаду вывели на отдых и доукомплектование. На отдыхе в Румынии мы с удивлением увидели работающие рестораны, кафе и магазины с полными полками товаров. Денежное довольствие танкистам выплатили в леях. Плюс вознаграждение за подбитые танки (постановлением правительства за каждый подбитый танк противника - по 500 рублей). И получил я, молодой командир роты, за девять подбитых танков 330 тысяч лей. Друзья получили по 150-200 тысяч. Я и мой закадычный боевой друг Максимов обратились к комбригу Чунихину с необычной просьбой: разрешить съездить в город Тимишоару. И комбриг разрешил!

Три дня два бравых молодца, не зная языка, города и никогда не бывавших в ресторанах, отмечали успехи в боях и в указанный срок явились в бригаду…

Вскоре бригада вновь втянулась в затяжные бои. Особенно тяжело пришлось в боях за город Секешфехервар.

Запомнился мне марш 21 декабря 1944 года на исходные позиции для атаки. Дожди, прошедшие перед этим, сделали дороги труднопроходимыми даже для танков. Я решил срезать угол дорог и выдвинулся напрямик через поле. Но мой танк, пройдя несколько десятков метров, по башню утонул в грунте. Попытавшись вытащить его, зарылись по башни еще два танка. Спас положение зампотех роты Размадзе. Соединив несколько тросов в длинную сцепку, он с помощью других танков вытащил машины.

Отчаянно сопротивляясь, немцы при поддержке танков перешли в контратаку. Одновременно был нанесен удар артиллерией и авиацией.

Бой был очень тяжелый. Бригада уничтожила 15 танков противника и своих потеряла 13…

С утра 22 декабря бригада вновь атаковала немцев. Моя рота удачно обошла опорный пункт и полевыми дорогами проникла в глубину обороны противника, затаилась в роще на южной окраине Вертешбоглара.

Мимо двинулась колонна немецких танков. Насчитал я их больше 60, но комбат Грищенко приказал огня не открывать и ждать подхода батальона. Колонна противника беспрепятственно прошла мимо. Появились немецкие связисты, прокладывающие телефонную линию. Старшина Закройщиков с несколькими солдатами связал их и доставил в роту.

Продолжая наблюдение, я обратил внимание на большую легковую машину «Опель-Адмирал». Танк рванулся вперед и преградил ей путь. Я схватил автомат. «Хенде хох!» - скомандовал я немцам, сидевшим в машине. Немцы послушно подняли руки вверх. Внезапно один из них (как позже выяснилось - подполковник), схватив с сиденья портфель, выскочил из машины и побежал. Я, стреляя на ходу, устремился за ним.

Немец, петляя, как заяц, стремглав мчался вперед. И вдруг автомат заклинило. Я остановился. В это время немец обернулся и с пистолетом в руке кинулся ко мне.

«Вот и конец», - мелькнула мысль, и я побежал назад к танку. Под пистолетными выстрелами я на бегу удалил застрявший патрон и, развернувшись, дал несколько очередей по немцу. Тот упал. Подбежав к врагу, я убедился - мертв.

Схватив портфель, я двинулся к танку. До сих пор поражаюсь, почему рота безмолвно наблюдала за нами. Встретили они меня бурными криками восторга и одобрения… Вскрыв портфель, я обнаружил карты и документы. Интуитивно я оценил их высокую важность и приказал лейтенанту Бутову забрать пленных, портфель и немедленно доставить в штаб бригады.

Содержимое портфеля произвело сенсацию во всех штабах, вплоть до Москвы. Иначе и быть не могло - убитый был офицером штаба и вез план обороны Будапешта. Моей наградой стал орден Суворова 3-й степени.

После короткой паузы бой разгорелся с новой силой. Батальоны дрались, заняв круговую оборону. Танки противника утюжили позиции пехотинцев. В бой пошли все - от телефонистов и поваров до офицеров штаба бригады. В тот день погибли два заместителя комбрига и мой лучший боевой друг Николай Максимов.

В решающий момент боя противник бросил в атаку против первого батальона 32 танка с пехотой, поддерживаемые ударами артиллерии и авиации. На мою роту шли 20 танков. Удачно выбранный рубеж помог выдержать не только удар, но и выиграть огневую дуэль танков.

Рота потеряла несколько танков с экипажами, но настолько измотала врага, что к вечеру он прекратил атаки.

О напряженности боя говорили потери бригады: за два дня - 40 процентов танков и личного состава.

Сегодня я часто вспоминаю дуэли танкистов. Немецкие экипажи были хорошо обучены стрельбе из танка. Просвистела «болванка» над танком или рванул снаряд рядом - следующий будет уже твой. Побеждал в схватке тот, кто обладал молниеносной реакцией, мог моментально «схватить» в прицел цель, определить расстояние и поразить ее первым выстрелом. Механик-водитель мгновенно производит маневр - и танк, и экипаж спасены.

Памятен мне 1945 год. Все знали - победа близка. Дожить бы до нее! Новый год встречали, как казалось, в спокойной обстановке. Праздничный по фронтовым меркам ужин и выданный ром вместо наркомовских ста граммов расслабил людей. Словно понимая это, противник провел мощную

артподготовку и бросил в атаку танки. Темнота и падающий снег затрудняли ориентирование.

Ожесточенный бой складывался не в пользу бригады. К исходу 3 января она оказалась в тылу противника. Комбриг Чунихин решил выходить из окружения.

Выход из боя прикрывала моя рота, в которую были переданы все оставшиеся танки батальона: комбриг и комбат положились на мой опыт и умение действовать самостоятельно.

И я не подвел. Правильно расставленные танки подпустили немцев на 600-700 метров и открыли огонь. Сразу было подбито несколько танков. Враг попятился… Но налетела авиация противника. И все-таки мы выстояли…

Спокойствие, разумные и бесстрашные действия были высоко оценены командованием, 5 января я был назначен начальником штаба батальона.

В те дни немцы и венгры атаковали и днем, и ночью, несмотря на погодные условия и большие потери. Бои были тяжелейшие.

День 7 января 1945 года особенно мне памятен как ожесточенностью боя, так и большими потерями. Комбриг решил отойти на новый рубеж, а мне приказал прикрыть отход бригады.

Несколько дней длилось затишье, а затем противник нанес новый, третий контрудар.

14 марта в ходе страшной атаки врага в небе появились наши штурмовики. Красными ракетами им указали сторону противника. Но они сделали разворот и принялись бомбовыми ударами утюжить наши позиции. Я в бешенстве выскочил на бруствер траншеи и, матеря летчиков, побежал вдоль нее. Еле втащили меня в траншею. Потери были больше, чем от огня немцев… Не помог и авианаводчик, на команды которого летчики внимания не обращали.

Немцы овладели рядом высот, бригада потеряла четыре танка, СУ-76 и свыше 40 человек личного состава. В ней остались лишь одна СУ-76 и восемь танков. В ротах автоматчиков - не больше 20 человек. Но и мой личный счет увеличился до 28 танков противника!

В этой тяжелейшей ситуации я, капитан, был назначен командиром батальона, в котором осталось четыре танка.

В тяжелых боях прошел апрель, наступил победный май. Вспоминая сегодня этот месяц, я возмущаюсь некоторыми «знатоками» войны, которые расписывают его как победное шествие. В апрельских боях бригада вновь потеряла почти всю технику и людей - в боевом строю осталось три танка и не больше тридцати автоматчиков.

2 мая бригада получила приказ на преследование отходящего врага. В авангарде шел мой батальон. Радость у всех была огромная… Берлин пал! И так не хотелось погибать.

Двигались по шоссе Вена - Мюнхен. Организованного сопротивления уже не было - все разбегались.

Во второй половине дня прошли Амштеттен и при подходе к Франценбергу увидели колонну машин. Батальон развернулся к бою, но комбат с открытием огня медлил. Что-то удерживало его от подачи команды. И чутье не подвело! На передней машине развевался американский флаг. «Огня не открывать! Союзники!»

Докладываю комбригу. Получил приказ: «Огня не открывать! Продолжать движение к реке Энс».

Американцы радостно встретили колонну, призывно размахивали бутылками с виски. Но танкисты обошли колонну и рванули вперед.

Вскоре поступила команда: «Стой! Закрепиться на достигнутом рубеже». А вечером ко мне ворвался радист сержант Пальников: «Капитуляция! Война закончилась!»

В 1947 году я поступил в Военную академию бронетанковых войск. После окончания академии меня направили в Группу советских войск в Германии старшим офицером оперативного отдела штаба армии. Затем меня назначили офицером-порученцем главкома Группы генерала армии В. Чуйкова.

При переводе в Москву В. Чуйков предложил мне убыть с ним. Я попросил направить меня служить в полк! Чуйков отказал, сказав: «Получишь ты свой полк, но вначале поработай с новым главкомом генералом армии А.А. Гречко».

После службы с новым главкомом я вновь попросил, чтобы меня направили в полк. И был направлен в войска.

Начальник оперативного отделения штаба 19-й МСД, командир 26-го танкового полка этой же дивизии.

Слушатель Военно-политической академии.

Начальник политотдела дивизии.

Слушатель Военной академии Генерального штаба.

Командир дивизии.

Старший военный советник в Народной Демократической Республике Йемен.

Вернувшись в СССР, я, будучи генералом, служил заместителем командующего армией в Киевском военном округе, первым заместителем командующего армией в Уссурийске.

Начальник 1-го управления Главного управления кадров Советской Армии.

Указом Президента Российской Федерации от 16 декабря 1995 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, мне, генерал-лейтенанту, было присвоено звание Героя Российской Федерации.

Награжден 11 орденами и около 60 медалями СССР, России и иностранных государств. Мне присвоено почетное звание гражданина города Оса Пермской области и двух городов Венгерской Республики - Баттонья и Мако.

Награждён двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 3-й степени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями, а также высшей наградой Йеменской Арабской Республики - орденом Мариба.

Март 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Бузин Сергей Семенович****, студент 2-го курса факультета «Двигатели летательных аппаратов» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Быстров Виктор Иванович

Предотвратили уничтожение штаба дивизии

Я родился 11 апреля 1914 года в деревне Подсолнечное Вышне-Волоцкого уезда Тверской губернии. Русский. Крещен в церкви станции Торбино Октябрьской железной дороги, но с ранних лет атеист.

После 7-го класса средней школы поступил в ФЗУ Тульского оружейного завода, которое окончил в январе 1932 года с присвоением квалификации слесаря.

По рекомендации комсомольской организации я подал заявление с просьбой о направлении меня в военное училище. 11 ноября 1932 года я рядовым красноармейцем начал военную службу.

Я считался не призванным, а добровольно вступившим в Красную Армию, так как в те годы призывным возрастом было 22 года. В те годы для поступления в военное училище необходимо было сначала пройти год действительной воинской службы в линейной части, в которой имелся взвод кандидатов в военное училище. Командиру части дано было право определять пригодность абитуриента стать командиром и решать, направлять ли его в военное училище или оставлять в части для завершения действительной военной службы.

Я был зачислен кандидатом в военное училище в 25-й инженерный батальон. Во взводе кандидатов было 25 человек,

в том числе несколько человек с полным средним образованием. На экзамен в Ленинградское военно-инженерное училище командир батальона направил 12 человек, а принято было 5. Таков был подход к формированию командирских кадров.

С октября 1933 года по октябрь 1936 года я был курсантом Ленинградского Краснознаменного военно-инженерного училища. По его окончании мне присвоили воинское звание «лейтенант». Учился без троек, осваивал немецкий язык. Может быть из-за этого, я получил направление не в войска, а во 2-е Главное управление Генерального штаба, где прослужил два года и существенно повысил знание немецкого языка.

По семейным обстоятельствам в феврале 1939 года был откомандирован в войска помощником командира саперной роты. В октябре этого же года был назначен командиром 14-го легкопереправочного парка, с которым участвовал в войсковой операции по присоединению Западной Белоруссии к Советскому Союзу. По её окончании был назначен старшим адъютантом отдельного саперного батальона 61-го стрелкового корпуса. В апреле 1941 года поступил в военную академию имени М.В. Фрунзе.

В августе, являясь слушателем военной академии имени М.В. Фрунзе, руководил оборонительными работами, выполнявшимися населением под Москвой.

В начале октября академия была эвакуирована в Ташкент, где я пробыл 11 дней. Там я был назначен командиром отдельного сапёрного батальона (ОСБ) 29-й стрелковой дивизии (СД), формировавшейся в городе Акмолинске.

Формирование дивизии несколько затянулось. В действующую армию она отправилась в апреле 1942 года в 1-ю резервную армию в район города Тулы.

В июле 1942 года дивизия была направлена под Сталинград, где у железнодорожной станции Цимлянская вступила в бой с противником. Моё участие в боевых действиях началось 11 июля 1942 года.

Сталинградская битва для нашей 64-й армии и 29-й стрелковой дивизии - это 6 месяцев непрерывных боев с превосходящими силами фашистов.

В конце августа дивизия оборонялась в районе станции Абтаперово. Утром 21 августа началось мощное немецкое наступление. Наша оборона была прорвана, командный пункт нашей дивизии оказался окружён. Одна рота, взвод автоматчиков и личный состав политотдела заняли круговую оборону.

По сохранившейся телефонной линии я получил команду командира дивизии: «Выручай». Мои саперы вместе с разведывательной ротой, вооруженные винтовками, ручными гранатами и одним противотанковым ружьем, освободили командный пункт дивизии. Мы предотвратили уничтожение штаба дивизии, спасли знамя и штабные документы. Отличились в этом бою рядовые: Дмитрий Спиридонов, Всеволод Алелич, Яков Гнездилов. Во время боя проявили мужество лейтенант Чиперев и Абросимов. Я был награжден орденом Красной Звезды.

После окончания Сталинградской битвы 64-я армия была переименована в 7-ю гвардейскую армию, а 29-я стрелковая дивизия - в 72-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

К концу марта 1943 года 7-я гвардейская армия была передислоцирована на Воронежский фронт в район города Белгорода.

В апреле я был назначен дивизионным инженером, командование батальоном принял мой заместитель капитан В. Головетюков. В начале мая мне было присвоено воинское звание «майор».

5 июля началось немецкое наступление. За 5 дней наступления немцы смогли продвинуться на правом фланге дивизии не больше чем на 4 километра, а левофланговый полк остался на занимаемом рубеже обороны.

За правым флангом дивизии в дубовой роще был разрыв в нашей обороне шириной порядка 100 метров, через который пролегала проселочная дорога. К 9 июля возникла опасность занятия немцами этого прохода через рощу, что создавало для дивизии угрозу окружения.

Командир дивизии приказал установить там минное поле. Мой взвод саперов выполнил эту задачу. Минное поле было установлено, но немецкие танки до него не дошли. Наши артиллеристы их туда не пустили.

Первые два дня боёв оказались для батальона трагическими. В результате взрыва артиллерийского снаряда был тяжело ранен командир батальона капитан Головетюков, убит его заместитель по политчасти Батдасаров, ранен начальник штаба капитан Сабсай.

Наша дивизия вела действия по введению противника в заблуждение относительно направления главного удара перед контрнаступлением войск нашего фронта.

Когда цель наших ложных действий была достигнута, противник подтянул сюда значительные силы.

Мы форсировали реку Северный Донец. Наш саперный батальон ранеными потерял около 30 человек. На переправе от взрыва мины получил контузию и я.

Контрнаступление развивалось успешно.

5 августа 1943 года в столице по случаю освобождения городов Орел и Белгород был дан первый в Великой Отечественной войне артиллерийский салют.

За инженерное обеспечение боевых действий дивизии в Курской битве я был награжден орденом Красного Знамени.

Развивая наступление, дивизия освободила город Красноград, за что ей было присвоено почетное наименование «Красноградская».

К Днепру дивизия вышла 23 или 24 сентября и практически с ходу его форсировала на подручных переправочных средствах. Армейский плацдарм на левом берегу Днепра через трое суток достигал глубины 11 километров.

Затем наша армия участвовала в Корсунь-Шевченковской и Уманьской операциях. Общее направление наступления - Кировоград, Первомайск и Котовск.

В феврале 1944 года мне было присвоено воинское звание «подполковник».

В марте 1944 года началась весенняя распутица. Грязь была настолько вязкой, что лошадь не могла тащить даже пустую телегу. Местное население помогало переносить артиллерийские боеприпасы.

Особенно трудным было форсирование реки Южный Буг. В полосе наступления дивизии скорость течения реки была очень высокой.

И опять мы использовали подручные материалы. В одном из полков саперы спилили 4 телефонных столба. Из-за этого была прервана армейская связь. Был грандиозный скандал, чуть не дошедший до военного трибунала.

Река Южный Буг была преодолена.

Я был награждён вторым орденом Красного Знамени. Представление к этой награде сделал командир 24-го стрелкового корпуса.

В конце апреля 1944 года дивизия освободила город Рыбница. Мы переправились через реку Днепр и вступили на территорию Румынии южнее города Ботошаны. В начале мая дивизия наступала к Ясскому укрепленному району, затем перешла к обороне.

В течение двух-трех месяцев мы создавали оборонительные сооружения, изучали укрепленный район, обучали штурмовые группы.

В конце августа началась Ясско-Кишинёвская операция. Наша стрелковая дивизия прорвала оборону румын, начав наступление на юг по левому берегу реки Серенг. Через три дня наступления мы были направлены на запад и через трансильванские Альпы вошли на территорию Венгрии.

Здесь наша дивизия наступала в направлении города Солнок, а 1 января 1945 года наши полки были уже на территории Чехословакии.

Последние 2,5 месяца войны я занимал должность помощника начальника штаба инженерных войск 7-й гвардейской армии. Во время объявления об окончании войны я находился в чешском городе Седльчане, где дислоцировался наш штаб.

В апреле 1947 года я был назначен дивизионным инженером 28-й механизированной дивизии, дислоцировавшейся в городе Симферополе. В сентябре 1950 года стал начальником штаба инженерных войск 28-й армии. В октябре 1951 года был назначен начальником штаба инженерных войск Приморского военного округа, а в мае 1955 года переведён на эту же должность в Дальневосточном военном округе.

В 1954 году я был направлен в военную академию Генерального штаба, которую окончил в 1956 году с отличием.

В последующие 6 лет я был начальником инженерных войск 14-й армии и начальником инженерных войск Закавказского военного округа. В мае 1960 года мне было присвоено воинское звание генерал-майора инженерных войск.

В 1962 году я был назначен начальником командного факультета Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева. Эту должность занимал до увольнения в запас в 1971 году.

После увольнения в запас остался в Советской Армии на должности старшего научного сотрудника.

Декабрь 2003 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Пахомова Елена Сергеевна,*** *студентка 2-го курса профессионального училища № 5 города Москвы*

Вендров Ефим Ефремович

«Гонки» по-пластунски

Я родился 6 июня 1923 года в городе Слуцке Белорусской ССР. Национальность - еврей. Вероисповедание - атеист. Был членом Коммунистической партии Советского Союза, сейчас - член Совета Московского комитета ветеранов войны.

В 1940 году окончил 15-ю специальную артиллерийскую школу в городе Харьков и был направлен в 3-е Ленинградское артиллерийское училище (ЛАУ).

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года на Лужском полигоне у города Луга. Под утро воскресенья была объявлена тревога, далее быстрое одевание и выход в район орудий. Командир объявил, что немцы напали, началась война.

Начинал участвовать в боевых действиях в составе 311-й дивизии города Кирова начальником разведки артиллерийского дивизиона в звании лейтенанта.

Захват контрольного пленного

В 1943 году мне пришлось участвовать в захвате «контрольного пленного», для уточнения разведданных о противнике.

У 164-й стрелковой дивизии «контрольного пленного» не было. Армейское начальство злилось и требовало. Захват

готовился долго и тщательно. Руководил операцией начальник разведки дивизии капитан Исаченко. Я корректировал с передового наблюдательного пункта артиллерийскую поддержку.

Выбрали объект захвата - солдата, дежурившего на траншее.

Я несколько суток выползал на нейтральную зону на временный наблюдательный пункт, днем наблюдал и фиксировал в специальном журнале все действия объекта. По сигналу ракеты артиллерия поставила заградительный огонь буквой «П», саперы взорвали по бокам «объекта» удлиненные заряды, группа захвата ворвалась в траншею и захватила фрица. Всё это заняло у группы 8-10 минут. Начальство было довольно, мы тоже.

Интересная марка и медаль «За отвагу»

В должности начальника разведки артдивизиона я находился обычно в обороне в первой траншее или вблизи нее, на так называемом передовом пункте. Однажды я узнал, что на нейтральной территориальной зоне, то есть между нашей и первой траншеей немцев, остался лежать труп немца, погибшего накануне при немецкой разведке боем. «Надо бы, - думаю, - посмотреть, что у него там есть».

Дополз. Ничего интересного, кроме письма с красивой маркой не обнаружил. Но марка мне понравилась.

Но тут я увидел, что из немецкой траншеи справа и слева на меня ползут немцы. Чтобы не стать их «объектом», пришлось быстро ползти к своим. Некоторое время была опасность, что они меня обойдут, но я оказался быстрее и, вернувшись в свою траншею, оторвал с конверта марку, а конверт отдал «по команде». К моему великому удивлению, вскоре меня за эти «гонки» по-пластунски наградили медалью «За отвагу», так как в конверте были листки с какой-то важной информацией.

Саша Герасимов: водка плюс молоко равно герой

Однажды перед наступлением командир дивизии поставил начальнику артснабжения 164-й стрелковой дивизии майору Саше Герасимову задачу по перемещению ДОПа (дивизионного обменного пункта) по оси наступления. Майор, получив задачу, по обыкновению, выпил стакан водки, запил его стаканом молока, сел на лошадь и поехал на разведку будущего места ДОПа. Вернувшись, он указал на карте точку, где он поставил столбик с табличкой «ДОП 164». Командир дивизии, взглянул на карту, побагровел и обложил Сашу трехэтажным матом - указанная точка была в расположении противника! Саша божился, что докладывает точно и правдиво. Когда мы захватили у противника этот район, там действительно стоял столбик с отметкой «ДОП 164». Каким образом Саша проник на позиции противника и установил там этот знак? Саша ходил в героях!

Фронтовой быт и судьба

Зимой 1942 года в ходе наступления я со своим разведывательным отделением ночью зашел в какой-то сарай, но там уже устроились на ночлег другие. Мы нашли другой сарай в 50 метрах от первого и до рассвета проспали. Утром я умывался на улице перед сараем, в котором мы ночевали. И вдруг, сарай, в котором мы сначала пытались заночевать, взлетел на воздух от взрыва. Хорошо, что разведчики, ночевавшие там, ушли за 20-30 минут до взрыва. Повезло!

Боевой путь: дорога Москва - Ленинград, деревня Чудово (июль 1941), город Свердловск (август 1941 - февраль 1942), село Криулино близ города Красноуфимска Свердловской области, Тульская область ж/д станция Белев, река Ура западнее города Юхнова Московской области, город Ржев (1942), город Починок Смоленской области, город Орша, город Витебск, город Минск, город Калиш (Польша), город Бомст, город Бранденбург, город Цибинген, город Аурит, город Кюстрин у Фанкфурта-на-Одере, город Берлин (1945), город Гота, город Ордруф, город Эйзенах.

Освобождал Белоруссию. Освобождал Вильнюс 03.03.1944 года. Освобождал Варшаву 17.01.1945 года и Калиш 23.01.1945 года.

Военные действия закончил 8 мая 1945 года в Берлине начальником штаба 222-й Смоленской Бранденбургской дивизии (под командованием полковника Жиденко) в звании майора.

Ранения: 21 августа 1941 года был ранен в руку близ деревни Чудово, убыл из войскового подразделения и направлен в офицерский госпиталь №354 города Свердловска. Второе ранение было под Витебском, был ранен в лицо 7 февраля 1944 года, направлен в челюстной госпиталь.

Возвращался домой из Германии в должности командира учебного дивизиона, 1946 год. Был направлен в Харьковское артиллерийское подготовительное училище.

Демобилизовался в 1961 году в воинском звании подполковника. Был преподавателем на военной кафедре Курского сельскохозяйственного института.

Награды: орден Боевого Красного Знамени, орден Богдана Хмельницкого 2-й степени, два ордена Отечественной войны 1-й степени, два ордена Красной Звезды, медаль «За Отвагу», медаль «За боевые заслуги», медаль «За освобождение Варшавы», медаль «За взятие Берлина», медаль «За победу в Великой Отечественной войне», двумя польскими медалями – «Знак братства по оружию» и «Крест битвы под Ленино», а также памятными медалями СССР.

Октябрь 2013 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Тупицын Павел Андреевич****, студент факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Глазунов Юрий Николаевич

Выполняя задачи по разминированию и сооружению переправ

Я родился 19 июля 1914 года в городе Борисоглебске Воронежской губернии.

Русский. Православный. Коммунист. С 1924 года был в пионерской организации, с 1930 года - в комсомольской организации, с 1940 года - в коммунистической партии.

Мой отец, Николай Васильевич Глазунов, участник 1-й Мировой и Гражданской войны, был начальником отдела Главного инженерного управления Министерства обороны СССР, а после войны - начальником планового отдела 2-го Главного инженерного управления Генерального Штаба Министерства обороны СССР. Он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени.

До войны я окончил в 1929 году школу-семилетку, в 1932 году - строительно-конструкторский техникум, в 1935 году - Московский инженерно-строительный институт (МИСИ), в 1941 году - аспирантуру МИСИ. 27 июня 1941 года защитил кандидатскую диссертацию.

Я преподавал в МИСИ на кафедре деревянных конструкций. Добровольцем вступил в Красную Армию «по блату», благодаря моему отцу, так как мне в военкомате

отказали - у меня была «бронь» (преподаватель с ученой степенью).

В военкомате меня направили в Военно-инженерную академию на командно-инженерный факультет.

В октябре 1941 года немцы вплотную подошли к Москве. В лагере академии в Николо-Урюпино мы были подняты по тревоге. На следующий день я был назначен командиром отряда по поимке диверсантов в районе станции Пушкино. Диверсантов не поймали, но нашли брошенный парашют, который принесли в академию.

После этого я, в числе команды подрывников, минировал Новоспасский мост через Москву-реку, который мы должны были взорвать при подходе немецких войск.

В мае 1942 года окончил курс командного факультета Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева (ВИА), в июле - спецкурсы Генерального штаба Министерства Обороны СССР.

В июле 1942 года я был направлен под Сталинград командиром рекогносцировочной группы военным инженером 3-го ранга, где и принял первый бой под станицей Клецкая. С 30 августа по 17 ноября 1942 года занимался инженерными укреплениями позиций наших войск.

Я, в звании капитана, был назначен командиром 2-й роты 62-го отдельного батальона (командир - капитан Цун) 5-й горной минно-инженерной бригады Резерва Верховного Главного Командования (РВГК) под командованием полковника Везирова. Участвовал в освобождении Северного Кавказа и Кубани, начиная от Гудермеса (21.01.1943) до северо-восточных окраин Новороссийска - Неберджаевки (27.04 - 22.05.1943), выполняя задачи по разминированию и сооружению переправ.

Затем был направлен на Ленинградский фронт начальником штаба 62-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона 45-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии 3-го гвардейского корпуса. После гибели в бою командира батальона капитана Цуна, приняв командование батальоном, летом 1943 года участвовал в операциях по расширению коридора прорыва блокады Ленинграда.

19 июля 1943 год в бою недалеко от поселка Мга я был контужен. Меня хотели отправить на месяц в Ташкент для лечения. Я упросил врачей медсанбата вернуть меня из полевого госпиталя в 13-ю инженерно-саперную бригаду.

12 сентября 1943 года, за участие в боях в районе Сенявино, я был награждён орденом Красного Знамени (№ 96116).

С марта по конец 1944 года на Карельском фронте был начальником разведки 13-й штурмовой Киркенесской инженерно-саперной бригады (ШИСБр), под командованием полковника Штейна, а затем под командованием полковника Гурьева, участвовал в обороне Заполярья. Мы занимались разминированием, прокладывали дороги и сооружали переправы.

На 2-м Белорусском фронте, в звании майора, я был начальником разведки 13-й ШИСБр под командованием полковника Гурьева, участвовал в освобождении северной части Польши.

Особенно ожесточенные сражения развернулись на Зееловских высотах и в городе-крепости Кенигсберге.

Разминируя дороги и оборудуя переправы, мы дошли до Штеттина. Оборудовать переправы через широкий Одер оказалось не так трудно, как через густую сеть каналов в пойме Одера.

5 мая 1945 года я с отрядом минеров был направлен в Берлин для разминирования штаба Гитлера, который находился в глубоком подвале. 5 и 6 мая мы пытались найти мины, но не нашли. Искали с собаками, которые чуяли мины не только по запаху взрывчатых веществ, но и слышали часовые взрыватели мин замедленного действия, которые немцы обычно устанавливали в стены внутри помещений. В бомбоубежище Гитлера мы зайти не смогли - оно было залито водой.

7 мая мы вернулись в Штеттин. В ночь с 8 на 9 мая проснулись от стрельбы. Мы выскочили на улицу с оружием, решив, что началась атака на наш штаб, но это был боевой салют в честь Победы!

Я написал 118 научных работ. Автор 34 изобретений.

Март 2004 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Коноплева Елена Васильевна****, студентка 2-го курса профессионального училища № 5 города Москвы*

Демина (Михайлова) Екатерина Илларионовна

Санинструктор батальона морской пехоты

Я родилась 22 декабря 1925 года в Ленинграде. По национальности - русская. Была членом ВКП(б), КПСС с 1944 года.

Отец был командиром Красной Армии, он умер в 1927 году. Мать работала врачом, умерла от брюшного тифа в Ленинграде.

Я воспитывалась в ленинградском детдоме, а потом жила в семье своей старшей сестры, врача.

К лету 1941 года я окончила 9 классов и школу медсестер Российского общества Красного Креста.

Узнала о начале войны 22 июня 1941 года. Ехала я к брату, служившему в то время летчиком на границе, в Бресте. Он пригласил меня на каникулы приехать к нему. По дороге я несколько дней провела в Москве, обошла музеи, побродила по улицам, а вечером 21 июня села на поезд, идущий в Брест.

Утром, за Смоленском, я проснулась от взрывов. Немецкие самолеты бомбили поезд. Вместе с уцелевшими пассажирами я пешком пошла в Смоленск. На другое утро я решила пойти в городской военкомат и попросила послать на фронт медсестрой. Так я стала солдатом.

Поздней осенью под городом Гжатском меня тяжело ранило в ногу, я сама не помню, как попала в госпиталь, сначала на Урал, потом в Баку.

Я с детства мечтала о море, о службе на кораблях. Я начала идти на поправку, и как только нога немного зажила, попросила бакинского военкома направить меня на флот. Мне дали новые документы — комсомольский билет и справку о ранении. В них я прибавила себе два года, чтобы к возрасту не придрались.

После выздоровления, с января 1942 года, служила я на военно-санитарном судне «Красная Москва». Мы переправляли раненых из Сталинграда в Красноводск.

Мне присвоили звание главного старшины и наградили знаком «Отличник Военно-Морского Флота». Но служба на санитарном транспорте мне не нравилась, я рвалась перейти на боевой корабль или в морскую часть.

Летом 1942 года я узнала, что в Баку из добровольцев формируется батальон морской пехоты для Азовской военной флотилии, и я явилась к комбату. Он отказал наотрез: «Женщин не берем». Я приходила во второй, в третий раз, но никакие уговоры не помогали.

Комбат сказал: «Зачем мне эта шмакодявка нужна! Я лучше двух мужиков возьму!» А я ему ответила: «Вы меня не оскорбляйте, мал золотник да дорог! Вы меня не берете, а я вам пригожусь!»

Тогда я написала письмо в Москву, в правительство, и оттуда было получено предписание, зачислить меня санинструктором в 369-й отдельный батальон морской пехоты, который входил в состав Азовской, а затем Дунайской военных флотилий. Батальон получил впоследствии почетное наименование - Керченский Краснознаменный.

Боевой путь проходил по водам и берегам Кавказа и Крыма, Азовского и Черного морей, Днестра и Дуная. Освобождали мы земли Румынии и Болгарии, Венгрии и Югославии, Чехословакии и Австрии.

Мы высаживались на вражеский берег, вступали в бой, отбивали контратаки фашистов. Я выносила с поля боя раненых, оказывала им первую помощь. В день мы проходили по несколько километров, передвигались марш-бросками, окапывались и спали прямо на сырой земле.

Сложный бой был при взятии Темрюка. Это довольно маленький городок, но стоил он очень дорого, больше половины батальона осталась там и в плавнях на берегу. Вода

вставала столбами от взрывавшихся мин. Кругом свистели пули. Под шквальным огнем я втаскивала в лодки раненых. За участие в этой десантной операции я была награждена медалью «За отвагу».

Страшное сражение было и за Керчь. Ночной десант высадился в шторм на пустынном берегу и потом находился много дней на маленьком клочке земли, отвоеванного врукопашную плацдарма у деревень Жуковка и Глейка. По ночам с таманского берега прилетали девушки-летчицы на самолётах У-2 и сбрасывали нам сухари и консервы.

А колодец с пресной водой был на ничейной земле - между немецкими и нашими окопами. Ночью мне удавалось набирать воду, но днем мучила жажда.

В августе 1944 были мы на Днестре. Переправа через Днестровский лиман около четырёх километров. Под ураганным огнем противника десантники отчаянно взбирались на крутой каменистый берег, по плечам друг друга. Раненые падали в воду и повисали на колючей проволоке, которая была уложена под водой. Я снимала их с проволоки, под обстрелом тащила на плащ-палатке через овраги в безопасное место, перевязывала раны. Я была ранена в руку.

За форсирование Днестровского лимана я была представлена к званию Героя Советского Союза.

В декабре 1944 мы оказались там, где сливаются воды Дуная, Савы и Тиссы. Эти реки вышли из берегов, разлились кругом. Там находится крепость Илок, на границе Венгрии и Югославии. Десантники должны были отвлечь противника от основного удара наших войск с суши. Высаживались с бронекатеров на затопленный островок под крепостью, прямо в воду. Сначала шли по пояс в воде, потом по грудь, а потом я даже держала автомат над головой, чтобы он не подмок. Добравшись до берега, десантники бросились к стенам цитадели.

Берег был заминирован. Много моряков подорвалось на минах. Мы себя сразу демаскировали. Взрывы, шум! И из крепости Илок немцы открыли шквальный огонь по нам. Били батареи разных калибров, пулеметы и минометы. Почти все ранены были, все истекали кровью. Они в воде не могли держаться на ногах, они падали в воду. А если раненый упадет в воду, он же будет захлебываться водой и гибнуть. И тогда я

стала раненых подтаскивать к деревьям и затаскивать на них, потому что вода все время прибывала. А они не могли сидеть на деревьях, у них не осталось сил. Тогда я стала бинтами и поясными ремнями привязывать их к веткам. А когда раненых уже много было на деревьях, фашисты решили на шлюпках окружить нас и взять в плен. Моряки мне сказали: «Приготовь гранату! Будешь подрывать нас и себя!» А в это время наш кок Куропаткин обвязался гранатами и бросился в гущу шлюпок фашистских. Он сам погиб и уволок на дно Дуная очень много фашистов. Потери были большие, из отряда в живых осталось только 13 бойцов. Но задача десантниками была выполнена, крепость Илок была нашими войсками взята. Меня, раненую и ослабевшую от потери крови и воспаления легких, перенесли на катер и переправили в госпиталь.

После этой войсковой операции я была второй раз представлена к званию Героя Советского Союза.

Из госпиталя я вновь вернулась в строй. В составе родного 369-го батальона морской пехоты участвовала в боях за Имперский мост в австрийской столице Вене. Здесь мы и встретили Победу 9 мая 1945 года.

В ноябре 1945 года была демобилизована в звании главного старшины и вернулась в Ленинград. Я решила, что стану врачом, и сразу же после приезда в родной город подала заявление в Ленинградский медицинский институт. Меня приняли на льготных условиях, как фронтовика. В 1950 году окончила 2-й Ленинградский медицинский институт. Попала по распределению в подмосковный город Электросталь.

36 лет работала врачом. Я была заведующей специальной лабораторией на заводе Минатома в городе Электросталь, а потом работала в Москве. В 1985 году ушла на пенсию.

В 1990 году, в 45-ю годовщину Победы, Указом Президента СССР за героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, я была удостоена высшей награды Родины - звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Ещё в 1944 году меня дважды представляли командованием к званию Героя. Но тогда почему-то не смогли должным образом провести всю процедуру. Война есть война.

Награждена:

- званием Героя Советского Союза (указ от 5 мая 1990 года);
- орденом Ленина (5 мая 1990 года);
- медалью «Золотая Звезда» (№ 11608, 5 мая 1990 года);
- медалью «За отвагу» (31 октября 1943 года);
- двумя орденами Красного Знамени (27 сентября 1944 года и 8 марта 1945 года);
- орденами Отечественной Войны 1-й и 2-й степени (15 февраля 1944 года и 11 марта 1985 года);
- медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Белграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»;
- едалью «300 лет Российскому флоту» (1996);
- медалью «Флоренс Найтингейл» Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца (1979).

Март 2015 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Тканко Никита Юрьевич****, студент 2-го курса Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Дрозд
Иван Григорьевич

Гранат у нас уже не было, патроны тоже кончались

Я родился 31 января 1924 года. Когда началась война, я был девятиклассником. На просьбу призвать в армию в райвоенкомате мне категорически отказывали. Тогда я решил исполнить свою мечту - стать летчиком.

Я поступил в московский аэроклуб имени А.В. Ляпидевского и стал изучать азы летного искусства. Во время налетов фашистских летчиков я дежурил на крышах деревянных окраинных домов, тушил зажигательные бомбы, помогал женщинам и пожилым мужчинам спускаться в бомбоубежища.

С апреля 1942 года, когда мне исполнилось восемнадцать, я с автоматом ППШ в руках и двумя лимонками за поясом участвовал в боевых действиях: сперва в полковой роте автоматчиков, а вскоре в 8-й отдельной разведывательной роте 1-й гвардейской стрелковой дивизии. Это был завершающий этап Московской битвы. В дальнейшем продолжались так называемые позиционные действия. Каждая из сторон стремилась занять выгодную позицию.

Особенно запомнился так называемый «встречный бой». В конце июня 1942 года враг в ряде мест овладел нашими окопами и стремился развить контрнаступление. Роте было

приказано восстановить утраченное. Нас поддерживали два танка. Навстречу нам продвигалась тощая цепь наступающих немцев.

Появились наши танки, для немцев это было неожиданно, и они, отстреливаясь, бросились обратно в окопы. Но мало кому из них удалось укрыться. По нам открыла огонь немецкая артиллерия, но особого вреда не нанесла - мы укрылись за танками. К тому же огонь велся из закрытых позиций, вслепую.

Уцелевшие немцы бросились в разделяющую нас лощину. Мы последовали за ними, но оказалось, что это бесполезно. За лощиной на поле была высокая рожь, и преследуемые нами, немцы успели в ней укрыться. И не поймешь, кто рядом ползет, свой или чужой. Мы вернулись в отвоеванные окопы и были очень довольны. С нашей стороны было несколько раненых, а немцев уничтожили значительное число. А главное - мы бой выиграли. На этом участке оборона стабилизировалась, активных действий ни одна из сторон не предпринимала.

В октябре дивизию перебросили на другой участок Курской области, недалеко от железнодорожной станции Тербуны. Командир дивизии, генерал-майор Иван Никитич Русиянов, лично поставил задачу: ночью провести разведку боем – перелезть через три ряда проволоки по проделанным саперами проходам, занять окопы противника и закрепиться в них. Если нам это удастся, то было обещано подкрепление. Нам это удалось, но оказалось, за первой линией окопов была вторая, и уцелевшие немцы бросились в неё по ходам сообщения. Мы увлеклись их преследованием.

Израсходовав почти все боеприпасы и обнаружив, что наша группа в несколько человек осталась в изоляции от остальных бойцов, мы вернулись в первую линию окопов. В ней мы уже наших товарищей не застали. Для нас это было полной неожиданностью.

Во второй линии окопов бой еще продолжался, оттуда доносились взрывы и автоматные очереди. Но вскоре наступила тишина. Осмотревшись, мы обнаружили, что потеряли место, где были проделанные в заграждениях проходы. К этому времени рассвело. Чтобы вернуться к своим, нам теперь надо было преодолеть все три ряда проволоки.

Вблизи, с двух сторон в окопах, появлялись немцы. Мы открывали огонь из автоматов. Гранат у нас уже не было, патроны тоже кончались. По высунувшемуся из окопа немцу я выпустил последнюю очередь и остался безоружным. Подобрал автомат убитого моего друга-москвича, но в нем тоже патронов не было. У некоторых бойцов еще были, и они стреляли по появлявшимся немцам. Немцы, не высовываясь из окопов, начали нас теснить, бросая из «колена в колено» гранаты. Одной из них меня ранило в живот.

Сговорившись, мы выскочили из окопов и бросились к проволочным заграждениям в нашу сторону. Немцы не сразу это заметили. Мне и нескольким товарищам удалось достигнуть заграждений и проползти под ними на другую сторону. Невдалеке оказалась воронка от снаряда, и я заскочил в нее. Это меня спасло.

Опомнившись, немцы поднялись из окопов и почти в упор начали расстреливать бегущих наших бойцов. Некоторые добивали раненых. Из наших окопов открыли пулеметный и ружейный огонь, принудив немцев вновь забраться в окопы. Вскоре они приутихли. Воронка, в которой я оказался, находилась среди свекловичного поля, поросшего бурьяном. Я вылез из нее и пополз в сторону наших окопов. Боль в животе усиливалась, и я начал терять сознание. В сознание я пришел, как мне сказал хирург, через три дня.

После полугодового лечения меня выписали в часть со справкой «годен к нестроевой службе». Меня это не устраивало, я попросился на 4-х месячные курсы младших лейтенантов при 38-й армии. По их окончании, я, в должности командира стрелкового взвода, участвовал в Курском сражении на Белгородском направлении. В сентябре 1943 года был ранен пулей в бедро правой ноги.

В свою часть после выздоровления был выписан в декабре вместе со старшим лейтенантом из этой части. Добираться до нее предстояло из Воронежской до Черкасской области на Украине.

Железнодорожным транспортом, а затем попутными автомашинами мы добрались до дороги, которая вела к указанному пункту назначения.

Стало вечереть, мы решили переночевать в деревне, которая была недалеко от дороги. У меня была подобранная

автоматическая снайперская винтовка, из которой я дважды выстрелил по выскочившему из стога соломы зайцу. Не попал, но убедился, что она заряжена, и что не надо открывать затвор, который я не знал, как взвести.

В деревне мы постучали в крайнюю хату, и нас приветливо встретила хозяйка. Деревню, видимо, пока война не затронула. Она приготовила новогодний стол. Поужинав, мы легли спать на приготовленную хозяйкой посередине хаты постель из соломы.

Проснулся я от окрика: «Паненка, свет». Я вскочил, схватил винтовку и опять, машинально, попробовал открыть затвор. Вдруг щелкнула зажигалка, появился свет. Я увидел двух, по внешности румын, с автоматами за плечами. Направив на них винтовку, я выкрикнул то ли «назад», то ли «цурюк», не помню. Они бросились в дверь, а я за ними, босиком и без полушубка. Они вправо, а я вперед, по направлению к дороге.

Накануне была оттепель, и на снегу образовалась довольно крепкая корка льда. Не проваливаясь в снег, я добежал до стога соломы и попробовал забраться в него, но он тоже обледенел, и мне это не удалось. А со стороны деревни все еще доносились автоматные очереди. На дороге, когда я до неё добежал, были смятые повозки, трупы лошадей и ездовых. Я снял у одного из них шинель и валенки.

Вскоре я услышал русские голоса и с окриком «свой» присоединился к ним. Это были обозники, которым я показал свое направление, сохранившееся у меня в кармане гимнастерки. После беседы в штабе мне было выдано новое зимнее обмундирование, автомат и пистолет. Затем меня назначили командиром стрелкового взвода 70-й отдельной разведывательной роты.

23 июня 1944 года я в третий раз получил ранение. Это было в румынских Карпатах. Продвигаться вперед по горной дороге не позволял огонь из дзота, расположенного на сопке. Пробравшись к нему по ущелью с тыла, мы уничтожили его противотанковыми гранатами. Возвращаясь назад по одной из тропинок, задели проводок мины, от взрыва которой пострадали все.

Участвовал и в Будапештской операции, длившейся около восьми месяцев. В марте 1945 года во время тяжелых боев на

северном побережье озера Балатон близи города Секешфехервар немцы «перерезали» шоссейную и железную дорогу и установили над ними контроль. Наш полк переправился ночью через небольшой канал и тоже вышел к этим дорогам.

Мы спешно окопались вблизи железнодорожного полотна. Справа и впереди от нас за дорогами была возвышенная местность, на которой были видны немецкие окопы. Слева от нас, напротив окопов, примерно в двух километрах, находился город Шимонторнья, который был под контролем немцев.

Моему взводу было приказано провести разведку боем, занять окопы, а взводу лейтенанта Бойко, укрываясь за железнодорожной насыпью, занять оборону. Окопы на возвышенности заканчивались перед глубокой лощиной с поросшими на ее склонах зарослями. Мы перебежками добежали до этих зарослей. Мы без потерь выполнили поставленную задачу.

Занятые нами позиции были очень выгодными. Немцы, находившиеся в городе, оказались отрезанными от своих основных частей. Под нашим контролем оказались обе дороги и подступы к городу.

Вскоре под нажимом наших частей немцы начали отступление из города. Нам из окопов было все хорошо видно. Сначала из города появилось несколько колонн. Потом под огнем нашей артиллерии они развернулись в цепи. На полпути к нашим окопам во фланг им вышли несколько наших танков и буквально смяли цепи противника. Успевших же приблизиться к нам, мы встречали огнём из пулеметов и автоматов. За сравнительно короткое время было покончено с группировкой немцев. Окопов наших никто из них не достиг.

Однако утром следующего дня окопы наши уже «утюжили» тяжелые немецкие танки. Вскоре наши штурмовики, а затем танки, заставили их убраться. Бои в этом месте были упорные, но мы их выдержали. Противнику были нанесены большие потери, хотя и мы потеряли немало наших товарищей. За активное участие в вышеописанной операции меня наградили орденом Красного Знамени.

В австрийских Альпах

Немецкие ручные пулеметы считались очень надежными. Но однажды, карабкаясь на одну из сопок в предгорьях австрийских Альп, я наткнулся на немецкого пулеметчика, у которого пулемет вышел из строя. Немец выскочил из засады с поднятым пулеметом, пытаясь им ударить меня по голове, но я его опередил, сразив автоматной очередью.

В одну из ночей вдруг установилась необычная тишина - ни выстрелов, ни осветительных ракет. Утром мы узнали о капитуляции фашистской Германии. Мужчины редко целуются, а тут от радости было и такое.

Не встречая больше сопротивления, мы заняли ближайший город Грац. Вскоре, правда, мы его оставили, так как он оказался в зоне союзников.

После окончания войны меня направили в Москву в Военный институт иностранных языков. Приняли меня на двухгодичное отделение английского языка. Особого желания стать переводчиком я не проявил, и по моей просьбе меня через некоторое время направили служить старшим инструктором Тимирязевского райвоенкомата.

Ноябрь 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Иванов Михаил Викторович****, студент 1-го курса факультета авиационной техники и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Есин
Виктор Васильевич

Пакет с приказом генерала Рокоссовского

Я родился 21 ноября 1910 года в деревне Камаево Симбирской губернии. Русский. Православный. Состоял в ВЛКСМ и КПСС.

Учиться в школе начал в детском доме. В 1921 году поступил учиться в семилетнюю школу города Москвы, по окончании которой в 1926 году был зачислен на специальные электротехнические курсы и получил квалификацию бригадира электромонтажных работ.

В 1928 году я поступил в Московский электромеханический институт имени М.В. Ломоносова на факультет индустриального сельского хозяйства. В 1930 году меня перевели на факультет электрификации сельского хозяйства вновь организованного Московского института механизации и электрификации сельского хозяйства (МИМЭСХ).

В марте 1932 года меня зачислили ассистентом кафедры теплотехники, а в июле я поступил в аспирантуру.

Через два года я стал заведующим лабораторией кафедры теплотехники МИМЭСХ и исполнял обязанности заместителя декана факультета механизации сельского хозяйства МИМЭСХ по совместительству.

В 1938 году я стал помощником директора по научной и учебной работе (НУР) на той же кафедре теплотехники, а

через год, я уже исполнял обязанности заместителя директора по НУР.

16 октября 1939 года я добровольцем вступил в ряды Красной Армии.

В июне 1940 года был зачислен красноармейцем в формирующийся 42-й отдельный мотоинженерный батальон (42-й ОМИБ) 7-го механизированного корпуса под командованием генерала Виноградова (Москва). Я попал в роту сапёров.

В лагере в Серпухове, где располагался наш батальон, утром по радио объявили о начале войны.

Нас отправили в Ногинск, где мы погрузились в железнодорожный эшелон и отправились в Смоленск. 25 июня, подъезжая к Смоленску, мы увидели зарево от горящего города. В этот же день нас направили на передний край фронта, который был за Оршей. Там, в составе 7-го механизированного корпуса под командованием генерала Виноградова, наш батальон вступил в бой с немецкими войсками. Когда наш танковый корпус вышел на боевую позицию и ждал подкрепления с воздуха, мы увидели в воздухе немецкие бомбардировщики, которые начали атаковать и нас разбомбили.

2 июля 1941 года я получил тяжёлое ранение во время боя на реке Березина в районе города Борисова и был отправлен в госпиталь под Смоленск.

При подходе врага к Смоленску, госпиталь перевезли в Ельню. Тяжелораненых перевезли на подводах на железнодорожную станцию, где уже стоял эшелон, на котором мы прибыли в Тамбов.

После госпиталя я был направлен в батальон Соколова, где назначен политруком роты. Когда командир роты был ранен, командовать ротой стал я.

Когда немцы стали приближаться к Москве, моя рота минировала дороги, взрывала мосты.

19 октября 1941 года начальник инженерных войск нашего батальона Савёлов привёз пакет с приказом генерала Рокоссовского, в котором было сказано, что через полтора часа, все намеченные к взрыву объекты должны быть взорваны.

Я на машине отправился в расположение корпуса генерала Доватора, где вручил пакет с приказом Рокоссовского начальнику штаба, разложил перед ним карту и спросил, даёт ли он разрешение взорвать указанные объекты. Начальник штаба ответил, что не может разрешить взрывы в указанных на плане районах, потому что не знает, где сейчас находятся оборонительные позиций частей, и доложил о приказе Рокоссовского командующему 3-м кавалерийским корпусом генерал-лейтенанту Доватору.

Доватор сказал, что мне придется самостоятельно договариваться с командирами дивизий, потому что их расположение постоянно меняется.

Одной дивизией командовал полковник Полев, а второй - Михайлов. Мне дали провожатого и на двух лошадях мы отправились к командиру 50-й кавалерийской дивизии полковнику Полеву.

Полев сказал, что его дивизия будет пытаться удержать позиции, поэтому пока взрывать объекты нецелесообразно.

От командира 50-й кавалерийской дивизии мы отправились в расположение 51-й кавалерийской дивизии, где услышали аналогичный ответ от полковника Михайлова.

Вернувшись, я предупредил своих подрывников, что будем взрывать объекты, указанные на плане, только после того, как наши войска уйдут.

Дивизии продержались ещё трое суток.

Когда около Волоколамска немцы колонной двинулись по мосту, мои сапёры взорвали его вместе с вражескими танками. Теперь немцам нужно было искать другое место, где можно было переправиться через реку. После этого в Волоколамске мы взорвали железнодорожную станцию, чтобы немцы не могли доставлять войска и технику по железной дороге.

На другом участке железной дороги постоянно маневрировал немецкий бронепоезд, с него обстреливали позиции наших войск. Нам было приказано его взорвать.

На перекрёстке шоссе и железной дороги мы вырыли под рельсами яму, заложили туда тонну взрывчатки с электрическим взрывателем. В нужный момент взрыва не последовало. Тогда пришлось сапёру рядом со взрывчаткой положить несколько противотанковых мин и с расстояния десять метров бросить в мины гранату. Железную дорогу

разнесло в клочья. Взрывная волна отбросила нашего сапёра на большое расстояние, он остался жив, но его контузило. Движение бронепоезда по этому участку прекратилось.

Штурм Кенигсберга

Наш батальон принимал участие в Кенигсбергской операции в составе 5-й гвардейской инженерной бригады.

6 апреля 1945 года после трёх часов артиллерийской подготовки начался штурм Кенигсберга.

Мы взрывами делали проходы в минных полях к блиндажам и фортам, расчищая дорогу танкам и тяжёлой бронетехнике.

Вместе с сапёрами я участвовал в атаках штурмовых групп.

9 апреля гарнизон Кенигсберга капитулировал.

За успех в наступательной операции 5-й гвардейской инженерной бригаде было присвоено наименование «Кенигсбергская».

Все участники этой операции были награждены медалями «За взятие Кенигсберга». После завершения Кенигсбергской операции 5-я гвардейская мотоинженерная Кенигсбергская бригада была передана в оперативное подчинение 39-й армии 3-го Белорусского фронта, а потом в подчинение 2-й армии.

Штурм военно-морской базы Пиллау

После штурма Кенигсберга мы участвовали в штурме порта Пиллау.

Порт Пиллау штурмовала 2-я гвардейская армия, а инженерную поддержку должен был обеспечить наш батальон под командованием гвардии майора Рыжакова Александра Ивановича.

21-я танковая бригада 2-й гвардейской армии ожидала приказ о начале штурма, но приказ не поступал. Ждали командира инженерного батальона Рыжакова и его сапёров с миноискателями.

Когда командир батальона Рыжаков со своим связным подходил к командному пункту командира бригады, всю прилегающую к нему территорию накрыл мощный

миномётный огонь. Рыжаков и его связной погибли. Из старших начальников в батальоне остался один я - комиссар части в звании гвардии майора.

Командир 5-й гвардейской мотоинженерной бригады сказал мне: «Принимай батальон!»

Я приказал командирам рот нашего батальона разминировать подходы к военно-морскому порту Пиллау для танковой бригады, а затем обеспечить саперную поддержку 2-й гвардейской армии во время штурма порта.

Командиры рот назначили расчёты сапёров, которые должны проводить разминирование переднего края для наступления 2-й гвардейской армии.

Сапёры на танках отправились к порту Пиллау.

Прибыв в расположение 2-й армии, я попросил обеспечить прикрытие наших саперов при разминировании. На территории противника мины были установлены очень плотно. Из порта по зоне разминирования непрерывно велся обстрел артиллерией и пулемётами противника.

Когда мы очистили от мин значительную часть территории, 2-я армия начала артподготовку, которая продолжалась в течение часа.

После артподготовки противник перестал стрелять. Командование порта вышло с белым флагом. Немцами был подписан акт о капитуляции гарнизона порта.

Наши саперы еще долго продолжали обезвреживать мины и фугасы на территории порта.

9 мая по радио мы услышали слова, которые все ждали с нетерпением: «Война окончена!»

За проявленный в 1941 году героизм и мужество в боях за Волоколамск 42-й отдельный мотоинженерный батальон был награждён орденом Красного Знамени и стал называться Краснознамённым.

За освобождение Вязьмы 4-21 марта 1943 года наш батальон получил звание «гвардейский».

За боевую операцию в районе Городок 24 декабря 1943 года, нашему батальону присвоено наименование «Городокский».

Батальон стал называться 6-й гвардейский Краснознамённый Городокский мотоинженерный батальон.

После демобилизации из армии, 15 марта 1946 года, я возвратился в институт на должность ассистента кафедры теплотехники и защитил диссертацию.

Награждён: знаком «Отличник боевой и политической подготовки» (29.04.1940), медалью «За отвагу» (27.03.1942), орденом Красной Звезды (20.08.1943), орденом Отечественной войны 2-й степени (20.091944), медалью «За оборону Москвы» (01.05.1944), орденом Отечественной войны 1-й степени (28.08.1944), орденом Красного Знамени (31.05.1945), медалью «За Победу над Германией» (09.05.1945), медалью «За взятие Кенигсберга» (09.06.1945).

Декабрь 2003 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Мирошников Антон Вячеславович****, курсант 3-го курса факультета военного обучения Московского государственного агро-инженерного университета имени В.П. Горячкина*

Загайный Павел Алексеевич

Штурман ночных бомбардировщиков

Я родился в 1918 году на Украине в селе Лехновка Березанского района Киевской области в семье крестьянина.

В 1938 году окончил зоотехникум, добровольно вступил в ряды РККА и был направлен в Краснодарское военное авиационное училище летчиков-наблюдателей. После окончания этого училища в 1940 году, в воинском звании лейтенанта был направлен в 205-ю отдельную авиационную эскадрилью, базировавшуюся на аэродроме Славута под Шепетовкой. В последующем эскадрилья была включена в состав 136-го ночного бомбардировочного авиационного полка (НБАП), имевшего на вооружении самолеты Р-5.

В ночь на 22 июня 1941 года эскадрилья проводила учебно-тренировочные полеты, в соответствии с планом боевой подготовки. Неожиданно мы с летчиком Николаем Сибиряком увидели над аэродромом серию красных ракет, это был сигнал: «Всем на посадку». Самолеты Р-5 не имели радиосвязи с землей, поэтому красные ракеты были для летчиков «светящимися» приказами. Командир эскадрильи капитан Петров собрал летный состав и сообщил, что немцы напали на Советский Союз, обрушив шквал огня и металла на мирные города, воинские гарнизоны и аэродромы. Летный состав это трагическое сообщение воспринял с негодованием и просил командира немедленно начать боевые действия.

Патриотические чувства вспыхнули в сердце каждого летчика, все рвались в бой, но командир всех успокоил и сказал: «Дождемся приказа сверху».

Бой в свете прожекторов

136-й НБАП наносил бомбовые удары по танковым колоннам, двигающимся по автострадам в сторону Киева и останавливавшимся на ночевки в лесных массивах и хуторах. Экипажи каждую ночь совершали по 2-3 боевых вылета.

3 августа 1941 года после выполнения боевого полета, мы возвращались на свой аэродром, пролетая на высоте 600 метров севернее Киева. Неожиданно вспыхнули прожектора, их лучи уткнулись в самолет. Самолет, как мотылек, засверкал в их лучах. Николай увеличил скорость самолета до максимума. К самолету полетели цветные шарики снарядов автоматических зенитных пушек «Эрликон». Казалось, протяни руку и поймаешь шарик смерти.

Я развернул турель со спаркой двух крупнокалиберных пулеметов и открыл огонь по прожекторам, прицеливаясь в основание каждого луча. Один прожектор гас, другой вспыхивал. Бой длился несколько секунд, но мне они показались вечностью. К счастью, ни один снаряд не попал в самолет. Мы вырвались из света прожекторов, пересекли Днепр и вздохнули.

Позже стало известно, что немцы севернее Киева скрытно сосредоточили группировку войск и переправочных средств для форсирования Днепра и надежно их прикрывали.

Спасла нам жизнь канавка от вредителей-долгоносиков

25 августа 1941 года самолет с аэродрома Кальчиновка пошел на взлет по графику. Разбег длился секунды. Только самолет оторвался от земли, как вдруг мотор взревел. Самолет лихорадочно задрожал, ударился о землю и вспыхнул. По инерции меня выбросило из кабины.

Я никогда не пристегивался ремнями в кабине, так как, будучи штурманом, крутился в кресле как волчок. То с правого, то с левого борта вглядывался в проплывающие под

крыльями самолёта наземные ориентиры, подсвечивал карту и компас, записывал время пролета контрольных ориентиров.

Когда очнулся - руки, ноги целы. Услышал душераздирающий крик летчика. Пламя мгновенно перекинулось в кабину и стало обжигать лицо и руки летчика. А он лихорадочно шарил руками по комбинезону в поисках кремальерки, чтобы отстегнуть привязные ремни. Я бросился к самолету, Коля висел на ремнях головой вниз. Я нащупал злополучную кремальерку, которая оказалась за плечами, отстегнул её. Коля вывалился из кабины, и мы бросились бежать от горящего самолета, который в любую секунду мог взорваться.

Метров через пятьдесят от самолета мы наткнулись на канавку, которая опоясывала свекловичное колхозное поле, защищая свеклу от вредителей-долгоносиков, упали в нее, прижавшись к её дну. Начали взрываться боеприпасы, затем взорвались бензобаки, горячий воздух прокатился через нашу спасительницу-канавку.

Когда к месту аварии подъехала санитарная машина, мы не поднялись из канавки, поскольку патроны все еще взрывались. Машина вскоре уехала, врачи подумали, что экипаж сгорел.

После того как самолет догорел, мы поднялись и побрели на аэродром. Представились руководителю полетами, и он не мог поверить, что мы живы.

Что же случилось?

В конце взлетной полосы тыловики повесили на пятиметровом шесте фонари «летучая мышь», чтобы летчики ориентировались по ним и не отклонялись от курса взлета. А мой летчик вышел прямо на фонари и задел их винтом. Деревянный винт вмиг рассыпался, поэтому самолет упал.

Вот так долгоносики спасли нам жизнь своей канавкой.

Летчик потерял своего штурмана ночью в полёте

Это был мой 45-й боевой вылет. Полк должен был нанести удары по танковой колонне, двигавшейся в сторону Лохвица. До цели оставалось еще минут 10 полета. Плотные грозовые облака закрыли и землю, и горизонт. Самолет подбрасывало то

вверх, то вниз. Неожиданно самолет подбросило сильнее, чем обычно, и я оказался в кабине головой вниз и, не успев ухватиться руками за её борта, вывалился из самолета. Как нащупал и выдернул вытяжное кольцо парашюта – не помню. Сработал инстинкт самосохранения.

Приземлился в овраге - цел и невредим. Это тоже судьба. А мог напороться на деревья или плюхнуться в воду. Отстегнул парашют, выкарабкался из оврага и стал вглядываться в темноту в надежде увидеть, где горит упавший самолет. Но кругом было темно, шел проливной дождь.

Спустился в овраг, собрал парашют и сел на копну сена, решая, что делать дальше. Необходимо узнать – где я приземлился?

Дождался рассвета и услышал пение петухов – значит, где-то рядом село. Закинул за плечо парашют и пошел на крики петухов. Вышел на окраину села и зашел в подворье.

Утром из хаты вышла женщина, я вышел из подсолнухов и подошел к ней. Из разговора с ней я узнал, что хутор называется Мелешки, и что вчера заезжали немцы на мотоциклах – войсковые разведчики. Еще я узнал насчет шума неподалеку. Она ответила, что это автострада, но чьи машины по ней едут, она не знает. Вынесла кружку молока, кусок хлеба и сказала идти на восток.

Минуя населенные пункты, я пошел вдоль автострады. Вышел к реке и увидел рыбака. Он перевез меня на другой берег и сказал, что через мост идут колонны с красноармейцами. Видимо, наши отступают под натиском немцев. Я вышел к автостраде, одна из машин остановилась, я закинул парашют в кузов и быстро запрыгнул сам.

Вскоре над колонной появилась четверка самолетов – «лапотников» (так мы называли немецкие Ю-87). Сбросили бомбы, затем прошлись пулеметными очередями по бежавшим вдоль дороги солдатам и офицерам. Были раненые и убитые, но меня судьба пощадила. Когда самолеты улетели, а убитых и раненых положили в уцелевшие машины, колонна двинулась. Я попал уже в другую машину. Спросил лейтенанта, кто ведет колонну. Он ответил, что колонну ведет генерал-майор Баграмян. На следующий день добрался до своего аэродрома. Представился командиру и удивился, когда он сообщил мне, что Сибиряк благополучно вернулся в полк - цел и невредим.

Этот редкий случай в авиации, когда летчик потерял своего штурмана в воздухе, долго обсуждался в кругу летного состава.

Первый орден Красного Знамени

В начале 1942 года 136-й ночной бомбардировочный авиационный полк был расформирован, а я направлен на переобучение для полетов на новых бомбардировщиках Пе-2. В ноябре 1942 года прилетел под Сталинград в 224-й бомбардировочный авиационный полк в составе 2-го бомбардировочного авиационного корпуса РВГК (Резерв Верховного Главного Командования).

К этому времени под Сталинградом была окружена 330-тысячная группировка немцев. Немецкое командование направило к ним танковую группу в составе 600 танков под командованием фельдмаршала Манштейна. Нам было приказано бомбить эти танки. Через три дня донская степь была покрыта сгоревшими, изуродованными танками. Ни один танк не прорвался.

Мне запомнился бомбовый удар с пикирования по корпусам тракторного завода «Красный Октябрь». Для штурмана это очень ответственная задача, но я успешно справился с ней. Точно вывел своего летчика на один из корпусов, сбросил в пикировании две ФАП-500. Стены рухнули, накрыв немецких солдат обломками. Из соседних корпусов, где оборонялись наши, взлетели зеленые ракеты в знак благодарности летчикам за точный бомбовый удар.

После полк был перебазирован на аэродром Выселки и принял участие в воздушных боях на Кубани. В этих боях полк сбил четыре Ме-109, один из них я лично. Это произошло, когда эскадрилья была на боевом курсе. Будучи штурманом полка, я, вместе с командиром майором Живолупом М.А., вел на цель первую эскадрилью. Сбросив бомбы, я приготовился стрелять из пулемета, предвидя появление вражеских истребителей. Над эскадрильей увидел кресты немецкого истребителя и прошил его фюзеляж длинной очередью из своего пулемета. Он стал падать, оставляя длинный шлейф дыма. За этот бой я был награжден первым орденом Красного Знамени.

В июне 1943 года наш полк принял участие в Курской битве. Я летал в направлении города Орёл и в одном из боевых вылетов при вынужденной посадке самолета получил травму, после чего был направлен в госпиталь.

В женском коллективе

В 1944 году участвовал в освобождении Беларуси в составе 125-го БАП имени Марины Расковой в должности помощника командира полка по воздушно-стрелковой службе. Летал в составе экипажа Жени Тимофеевой. Первое время женщины присматривались ко мне, а я к ним. Летчицы воевали дерзко, смело. В каждый боевой вылет вкладывали всю свою ненависть к врагу, проявляли высокое летное мастерство и точность бомбовых ударов.

Однажды совершали боевой вылет с Женей Тимофеевой для нанесения бомбового удара по понтонной переправе отступающих немцев через реку Западная Двина. После удара переправа, вместе с солдатами и машинами, разлетелась в щепки. Командир авиадивизии объявил благодарность летному составу эскадрильи за точный удар по цели.

Окончательно мой авторитет в полку утвердился после вынужденной посадки на фюзеляж в поле. Над целью под Оршей осколком зенитного снаряда был пробит один из бензобаков, за самолетом потянулась струя бензина. Когда перелетели через линию фронта Женя доложила командиру полка обстановку и сказала мне, что до аэродрома не дотянем и будем садиться в поле на фюзеляж. Мы снижались и всматривались в проплывающие под самолетом зеленые луга, но садиться на них было опасно, потому что под зеленью могли быть валуны. Я указал Жене на вспаханное поле и предложил сесть на него.

Перед приземлением самолета я обхватил Женю руками, чтобы во время приземления она не ударилась лицом о приборную доску. Об этой посадке Женя рассказала летчицам и похвалила меня.

Но были и потери. В одном из боевых вылетов самолет командира звена Любы Губиной получил повреждения системы управления. Люба с трудом довела самолет через линию фронта и приказала экипажу его покинуть. Первым

выпрыгнул и благополучно приземлился стрелок-радист Омельченко. За ним вылезла из кабины штурман Катя Батухтина, но зацепилась стропой парашюта за турель пулемета и повисла. Люба тоже приготовилась покинуть самолет, но, увидев, что Катя не может покинуть самолет, взялась за штурвал и рывками стала раскачивать его из стороны в сторону. Катя отцепилась и благополучно приземлилась, а у Любы не хватило высоты, чтобы раскрыть парашют, она разбилась вместе с самолетом.

Запомнились бомбовые удары по Кенигсбергу при его штурме, а также по морским портам Либаве, Мемелю и Пиллау, из которых эвакуировались немцы курляндской группировки. Летный состав считал, что тот, кто летал на Либаву хоть один раз, заслуживает вечной славы, поскольку Либаву прикрывали мощная береговая и корабельная артиллерия. Многие погибли, но нас с Женей судьба пощадила. За участие в штурме Кенигсберга мы с Женей были награждены медалями «За взятие Кенигсберга».

Всего я произвел 114 боевых вылетов из них 65 ночью.

В годы Великой Отечественной войны награжден орденом Боевого Красного Знамени (второй получил в 1972 году), тремя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны (1-й и 2-й степени) и медалью «За боевые заслуги». После войны был награжден орденом «За службу Родине» 3-й степени.

Второй орден Красного Знамени

Второй орден Боевого Красного Знамени я получил в 1972 году из рук министра обороны СССР А. Гречко за выполнение интернационального долга в Египте.

Обстановка в Египте в 1970 годах была сложной. Продолжалась ожесточенная война, объявленная президентом Насером. По договоренности, боевые действия сторон ограничивались линией боевого соприкосновения вдоль Суэцкого канала на глубину до 100 километров с той и другой стороны. ВВС Египта, вооруженные советскими самолетами МиГ-17ф, МиГ-21м, Ту-16, Ил-14 и вертолетами Ми-4, были неспособны противостоять израильским ВВС.

Я прибыл в Египет в декабре 1970 года старшим советником начальника штаба ВВС Египта, возглавляемым генералом Мубараком. Мубарак принимал с благодарностью рекомендации наших советников по совершенствованию боеспособности египетских ВВС.

Авиация Египта уничтожила почти все намеченные цели на Синае. Это была одна из крупнейших побед в военной истории Египта.

Апрель 2015 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Борзых Алексей Дмитриевич****, студент 2-го курса факультета радиоэлектроники летательных аппаратов и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Калиниченко Андрей Филиппович

Самолёт терял равновесие: то клевал, то уходил влево

Я родился 20 ноября 1922 года на Украине под Харьковом, в крестьянской семье. Рано лишился отца. Семья жила бедно.

После окончания десяти классов подал заявление в Ейское Военно-морское авиационное училище, куда был принят в 1940 году.

Мы находились в лагерях в районе Ейска. Жили в палатках. Погода стояла теплая. Занятия начались с курса молодого красноармейца, а потом нас обучали теории полетов. В 1941 году начались полеты на самом простом самолетике У-2.

Однажды перед началом полетов нас собрали, и мы услышали выступление Молотова.

Война! Угнетало непонимание происходящего. Почему? Ведь нам говорили, что войны с немцами не будет - заключен мирный договор.

Через месяц или полтора пришел приказ эвакуироваться на восток. Нас эшелоном отправили на Волгу, в район Куйбышева, в поселок Безенчук. До зимы обустраивались - строили землянки для личного состава, классы, столовую. Очень плохо было с питанием. Жили практически на подножном корму.

К весне из курса в 120 человек отобрали двенадцать курсантов для ускоренного обучения и отправки на фронт. Я попал во вторую такую группу. Нас кормили лучше остальных в отдельной комнате. Тут уже жить стало немножко легче.

В мае 1943 года, после ускоренного освоения нового по тому времени пикирующего бомбардировщика «Петляков-2», в звании младших лейтенантов, нас, шесть экипажей, направили в состав 73-го бомбардировочного авиаполка Краснознаменного Балтийского флота, который базировался в кольце блокированного фашистами Ленинграда, на аэродроме Гражданка. Днем и ночью город периодически обстреливался вражеской артиллерией, расположенной в непосредственной близости от города, подвергался налетам авиации.

Когда мы прибыли на фронт, командир эскадрильи Герой Советского Союза Раков Василий Иванович, получивший это звание еще на Финской войне, проверил у нас технику пилотирования. Летали мы плохо. Поэтому нас перевели на тыловой аэродром Богословы, где дали дней десять на отработку полётов, бомбометания, а также на изучение района боевых действий. Только после этого нас ввели в боевой состав полка.

Наш полк должен был бомбовыми ударами с пикированием подавлять огонь вражеских батарей. Батареи на местности выглядели точечными целями, для поражения которых, с учетом рассеивания бомб, требовалось много самолетовылетов. К тому же они были тщательно замаскированы и защищены железобетонными брустверами, кроме того, батареи прикрывала зенитная артиллерия.

Мы сидели в кабинах самолетов в готовности № 1 и взлетали по сигналу зеленой ракеты при начале артобстрела города. В воздухе по радио нам указывали номера целей, которые мы заранее выучили наизусть. Вражеские батареи располагались в 10 километрах от города, поэтому нам для набора высоты приходилось уходить в сторону Финского залива, разворачиваться на юг на территорию противника и с тыловой стороны ложиться на боевой курс с тем, чтобы после сбрасывания бомб и выхода из пикирования улетать через линию фронта на свою территорию. Эти боевые вылеты нам дорого обошлись.

Погибли экипажи В.Ф. Гуртового, В.Г. Хидешели, С.В. Николаева. Мне почему-то везло, хотя из каждого полета я прилетал с большим количеством пробоин в самолете. В октябре 1943 года я получил первую награду - медаль «За оборону Ленинграда».

Боевое крещение

Шел июнь 1943 года, на аэродроме все шло по намеченному плану. «Петляковы» выруливали на старт и один за другим поднимались в воздух. Наступил и мой черед взлетать. По обыкновению, штурман подложил за мою спину свой планшет, чтобы мне легче было отжать штурвал, и машина, плавно набирая скорость, пошла на взлет. Под крылом замелькали огороды и домики пригорода. На душе сразу стало легко. В воздухе всегда чувствуешь себя спокойнее, чем перед вылетом. Мысли о том, как лучше выполнить задание, вытесняют из головы все остальные.

Прошли «выходные ворота» блокадного кольца, обогнули с севера Кронштадт и легли на новый курс. Эскадрилью возглавлял Раков. Я шел в звене Юрия Косенко.

Покачиванием самолета с крыла на крыло Раков дал команду перестроиться для атаки. Впереди стали взрываться зенитные снаряды. Взрывы становились все гуще. Самолет командира эскадрильи отвернул вправо, за ним все остальные. Ведущий со снижением и увеличением скорости сделал небольшой поворот влево, ведомые повторили его маневр. Восьмерка вытянулась в цепочку.

Шапки разрывов появлялись то справа, то слева. Казалось, все вражеские зенитки сосредоточили огонь по моему самолету. Один из снарядов разорвался впереди. Свернуть было невозможно, и машина прошла через черное облачко. В кабине запахло пороховым дымом. Потом тяжело ухнул разрыв слева. Самолет слегка качнуло. Я судорожно сжал рукой штурвал, глаза заливал соленый пот, шлемофон прилип к мокрым волосам. «Петляков», загруженный бомбами, маневрировал вяло. Нужно было скорее освободиться от них. Но где эта проклятая батарея!

Под крылом раскинулась равнина, поросшая мелким лесочком и изрытая воронками. Кое-где едва различались тропинки, внезапно обрывавшиеся у зарослей кустарников.

Перед вылетом все батареи, обстреливающие Ленинград, в том числе и 213-я, были тщательно изучены нами по картам и фотоснимкам. Но теперь я ничего похожего не видел. Штурман тоже никак не мог отыскать цель. Она была тщательно замаскирована. Над развилкой дорог Раков сделал разворот и лег на боевой курс. Все летчики повторили то же самое. И тогда прямо перед собой я увидел на опушке леса батарею.

Привычным движением руки переключил тумблер, чтобы выпустить тормозные решетки. Полет сразу замедлился, словно самолет вошел в более плотную среду. Давление на штурвал увеличилось - машину потянуло на нос.

Вражеские зенитки продолжали вести огонь с еще большей яростью. Вокруг непрерывно рвались снаряды. Казалось, ничто живое не может уцелеть под ливнем раскаленных осколков. И маневрировать теперь уже нельзя. Нужно точно выполнять указания штурмана.

Теперь все внимание приборам. Курс восемнадцать градусов, высота три тысячи метров, скорость триста километров в час. Курс... Высота... Скорость... Самолет вздрагивал от рвущихся рядом снарядов. Мне казалось, что штурман прицеливается слишком долго, хотя он тратил на это считанные секунды.

Я чуть-чуть запоздал с вводом машины в пикирование, и угол получился почти восемьдесят градусов. Батарею я так и не увидел - видел только разрывы бомб, сброшенных с впереди идущего самолета. В центр этих разрывов положил и свои. Машину вывел на тысячу метров ниже положенной высоты.

Догнал я товарищей уже над Финским заливом. Все восемь экипажей находились в строю. Потерь не было.

Так прошел мой первый боевой вылет. Трудным он оказался для меня. Не все я делал так, как положено, даже отстал от строя. Это могло кончиться плохо, если бы над целью появились вражеские истребители.

Цена ошибки

6 сентября 1943 года мы тремя группами вылетели бомбить укрепления противника на Синявинских высотах. При постановке задачи нас предупредили, что наши пехотинцы выложат на переднем крае белое полотнище, чтобы указать направление к цели, а артиллеристы при появлении «пешек» откроют огонь дымовыми снарядами. Делалось это во избежание ошибок.

Подлетая к линии фронта, мы усилили наблюдение за местностью. На земле мелькали вспышки разрывов, пылали очаги пожаров, к Ладожскому озеру тянулись полосы густого дыма. Там шел бой. Однако полотнище мы так и не обнаружили.

Внезапно на нас обрушился мощный шквал огня. Небо даже потемнело от разрывов зенитных снарядов. Казалось, все пути перекрыты, к цели пробиться невозможно. Шедшая справа «пешка» задымила и со снижением пошла в сторону.

Раздумывать было некогда. Вслед за ведущим, я перевел Пе-2 в пике и сбросил бомбы. Огонь зениток внезапно прекратился. Замолчали даже крупнокалиберные пулеметы. Что бы это значило? В это время слева что-то блеснуло, и в направлении самолета потянулись цепочки трассирующих пуль. Все стало ясно: появились вражеские истребители!

Воздух снова прочертили огненные пунктиры. Один из них метнулся к соседнему самолету - тот загорелся. Постепенно пламя охватило всю машину, «пешка» пылающим факелом понеслась к земле. Удар - и в воздух взметнулся столб огня и дыма.

К горлу подступил комок горечи и злости. Руки словно одеревенели на штурвале.

Не успел я собраться с мыслями, как в небе мелькнула новая огненная трасса, за ней пронеслась вторая. А третья - впилась в самолет Григория Буланихина. Пе-2 загорелся. Сбить пламя скольжением летчику не удалось. Покинув строй, самолет резко пошел вниз, к Ладоге. Вскоре над озером, примерно на высоте шестьсот метров, раскрылся белый купол парашюта. Кому-то из экипажа удалось спастись. А пикировщик, свалившись на крыло, врезался в воду.

Атаки «фокке-вульфов» оказались внезапными и стремительными.

«Фокке-вульфы» атаковали самолет Майорова. Но летчик понял их маневр и увернулся. Гитлеровцы попытались повторить атаку, но, встреченные пулеметным огнем штурмана и воздушного стрелка-радиста, быстро ушли в сторону. В это время сверху их атаковали два «яка» из группы прикрытия. Один «фокке-вульф» загорелся. Увидев «яков», вражеские истребители поспешили выйти из боя.

Уже на земле я узнал, что с задания не вернулись экипажи Николая Колесникова, Льва Арансона и Григория Буланихина. Все они были опытными летчиками, совершившими по нескольку десятков боевых вылетов.

Нам сообщили, что Колесников на подбитой машине сел на соседнем аэродроме. Туда срочно вылетела группа техников и механиков. Через день экипаж на отремонтированном Пе-2 возвратился в полк. Пока летчик заруливал «пешку» на стоянку, там собрались люди. Первым вылез из кабины воздушный стрелок-радист Иван Алейников, потом штурман Михаил Суханов, последним Николай Колесников.

Только за ужином, когда нервное напряжение у Николая немного спало, мы узнали некоторые подробности этого полета.

При подходе к цели Колесникову удалось благополучно преодолеть несколько мощных огневых заслонов вражеской зенитной артиллерии. Вдруг самолет вздрогнул, слегка качнулся, и, оглянувшись, штурман Суханов увидел позади узкую белую полосу. В кабине запахло бензином. Стало ясно: осколок снаряда перебил бензопровод, и из него хлещет горючее. Распыляясь, бензин обливал фюзеляж и наполнял парами кабину. Чтобы легче было дышать, Колесников открыл форточку и прижался к ней лицом, но облегчения не почувствовал.

Зенитный огонь все усиливался, а до цели оставалось еще несколько минут полета. Николай понимал, что для самолета, наполненного парами бензина, достаточно искры, чтобы он загорелся. Он вопросительно посмотрел на Суханова, но тот только пожал плечами. Николай решил, что пока тянут моторы, будет идти на цель!

Поврежденный бензопровод не обеспечивал нормальной подачи топлива, поэтому левый мотор вскоре начал давать перебои. Летчик перекинул тумблер вперед, и тормозные решетки выпустились. Штурман прильнул к глазку прицела. Наконец цель в перекрестье. Все бомбы легли точно, задание выполнено. Теперь можно подумать и о спасении экипажа. От бензиновых паров, скопившихся в кабине, летчик и штурман стали задыхаться. Михаил вынул из чехлов две маски, одну передал Колесникову, другую поднес к своему лицу и открыл кран подачи кислорода. Дышать стало легче.

Колесников вел машину на одном моторе. Стрелка бензиномера быстро приближалась к нулю. Но аэродром находился уже рядом. Недалеко от опушки соснового леса Николай увидел белое полотнище посадочного «Т». А через несколько секунд он удачно приземлил самолет на незнакомом аэродроме.

Долгое время, меня не покидали мысли о том, что произошло над Синявино. Над целью появилось всего четыре «фокке-вульфа». А наших там было двадцать четыре пикировщика и восемнадцать истребителей. И все-таки фашистам удалось поджечь два наших самолета.

На следующее утро нам сообщили, что летчик Арансон и его стрелок-радист Леонтович вернулись. Арансона я увидел в тот же день. Вместе с механиком он осматривал новый самолет, который ему выделили вместо сгоревшего. Мы подошли к рейфуге вместе с Сохиевым. Хотелось узнать подробности его последнего полета.

Оказывается, первым «фоккеров» заметил флагманский стрелок-радист Николай Ершов. Они подошли к нам снизу. Ершов решил в одиночку отразить их атаки, даже не оповестил экипаж о появлении вражеских истребителей. Он рассчитывал, что все увидят, что он открыл огонь по «фокке-вульфам», и примут меры для обороны. А получилось по-иному.

Напоровшись на пулеметные очереди Ершова, фашисты отвернули вправо. Арансон их увидел, когда его самолёт загорелся. Стрелок-радист Леонтович успел дать по «фоккерам» только одну очередь. Те повернули правее и подожгли «пешку» Буланихина.

«Яки» в это время находились выше группы пикировщиков и ничего не видели.

Пламя быстро распространилось по всему самолету Арансона. Под ними была уже наша территория. Он сорвал фонарь кабины и приказал экипажу покинуть машину. Штурман Толмачев не смог открыть нижний люк - его заклинило. Тогда он выбросился вверх из открытой кабины. Воздушным потоком штурмана отбросило назад. Штурман зацепился за провод самолетной антенны и повис на хвостовом оперении, но через некоторое время Толмачев полетел вниз.

Пламя ворвалось в кабину.

«Толмачев отцепился и пошел вниз!» - доложил Леонтович. «Прыгай, немедленно прыгай!» - приказал Арансон стрелку-радисту. Леонтович прыгнул, за ним покинул машину и Арансон.

На земле они нашли Толмачева мертвым. Он лежал у овражка, затянутый в парашютные лямки. Кольцо не было выдернуто. Подошедшие солдаты помогли похоронить его.

Слушая Арансона, я мысленно воссоздавал картину минувшего боя и пришел к выводу: в групповом полете ошибка одного человека может стоить жизни многим товарищам.

Однажды в нашу землянку заглянул Шабанов. Он только что вернулся из штаба дивизии. С лица его не сходила чуть заметная улыбка.

- Буланихин жив! - объявил он. - Он сейчас в госпитале. Я был у него.

И Шабанов рассказал обо всем, что узнал от Буланихина.

На выходе из пикирования летчик почувствовал сильный удар, затем увидел серое брюхо проскочившего над головой «фокке-вульфа». Через несколько секунд самолет его загорелся. Левый мотор перестал работать. Пламя быстро распространялось, начал гореть плексиглас кабины, обжигая лицо и руки. Буланихин понял, что приводнить горящую «пешку» не успеет, увеличил обороты мотора, чтобы не потерять высоту и скомандовал экипажу прыгать с парашютами. А на нем уже тлели шлемофон и комбинезон. Летчик оттолкнулся ногами от сиденья и полетел вниз. Несколько секунд он снижался, не раскрывая парашюта,

чтобы воздушным потоком сбить пламя со своей одежды. Потом дернул кольцо и услышал спасительный хлопок над головой - до воды оставалось несколько метров.

Штурман П.А. Галахов и стрелок-радист Е.К. Шевчук, видимо, не услышали команды летчика покинуть самолет. Они упали вместе с машиной и погибли. Буланихин же был подобран на озере нашими катерами и доставлен в госпиталь.

Последний рейд Метелкина

После больших потерь кораблей флота от действий советских подводников, немецко-фашистское командование укрепило порккалауддскую противолодочную оборону. Между островом Найссар (Нарген) и полуостровом Порккала-Удд были поставлены в два ряда минно-сетевые заграждения. Цель - наглухо закрыть нашим подводным лодкам выход в Балтийское море.

Многие участки Финского залива гитлеровцы заминировали. Воды его наши моряки в шутку называли супом с клецками. В устье залива постоянно находилось большое количество вражеских кораблей. Этот рубеж справедливо считался труднопреодолимым. Но нашим подводникам во что бы то ни стало нужно было выйти в Балтийское море.

Наш полк получил задание: бомбовым ударом разрушить минно-сетевые заграждения и обеспечить нашим лодкам выход в Балтийское море. Для этой цели была создана специальная группа из четырех экипажей эскадрильи капитана А.Ф. Метелкина.

Метелкин собрал экипажи для проработки задания. Полет предстоял трудный. Нужно было более чем на триста километров проникнуть в тыл врага, выйти на подводные сетевые заграждения и уничтожить их. Причем истребители из-за ограниченного радиуса действия сопровождали пикировщиков только до полпути.

Долго сидели над расчетами штурман Павлюков и начальник разведки Ремизов. Лишь во второй половине дня четверка «петляковых» в составе экипажей Метелкина, Бычкова, Забавникова и Арансона, сопровождаемая четырьмя

истребителями Як-7, поднялась в воздух. Группа взяла курс на запад.

Погода не благоприятствовала полету. Над заливом висела десятибалльная облачность, временами шел дождь. Но как предсказывали синоптики, в районе сетевых заграждений должна была быть хорошая погода, значит, там могут появиться вражеские истребители, что затруднит выполнение задания.

На командном пункте полка все ждали сообщений от Метелкина. Но время шло, а донесения не было. Я сидел на стартовой радиостанции, не отлучаясь ни на минуту. Руководитель полета майор Селиванов молча курил.

Прошло час двадцать минут после взлета. Наконец с борта самолета Метелкина поступило первое радиодонесение: «Задание выполнено. Все в строю. Возвращаюсь».

На лице Селиванова мелькнула едва заметная улыбка. Радостное известие быстро облетело все стоянки и землянки аэродрома. Полк готовился встретить своих героев.

Через двадцать минут пришло новое сообщение: «Веду бой с шестью «фокке-вульфами» у острова Вайнло. Мой самолет подбит».

Мы хорошо понимали, что скрывается за этими скупыми словами. Каждый из нас на себе испытал трудности воздушного боя над морем, да еще без прикрытия. Мы ждали, что от него придет ещё хоть какое-нибудь сообщение, но на этом связь с его самолетом прервалась.

С задания не вернулся тогда ни один самолет. Шестерка «яков», посланная в район острова Большой Тютерс для встречи пикировщиков, также возвратилась ни с чем. Двое суток ничего не было известно о судьбе экипажей. На третьи сутки неожиданно для всех в полку появился экипаж Арансона. От него мы узнали подробности этого полета.

Пикировщики шли над Финским заливом с набором высоты. У острова Гогланд истребители сопровождения, покачав крыльями, развернулись и пошли обратно. Метелкин повел группу дальше.

Погода стала ухудшаться. А вскоре они увидели, что перед ними сплошная облачность. Что делать? Обойти ее? Но тогда придется выскочить над берегом, занятым врагом, и преждевременно обнаружить себя. Идти под нижней кромкой

- значит увеличить расход топлива и тем самым уменьшить радиус полета. Оставалось одно: пробиваться к цели сквозь облака. Метелкин так и поступил, дав предварительно команду разомкнуться.

Летчики вели машины по приборам. Высота пять тысяч метров. От недостатка кислорода дышать становилось все труднее, чувствовалась утомленность от слепого полета. По расчету штурмана до цели оставалось несколько минут полета. Внезапно «петляковы» выскочили из облаков. Казалось, солнце светило здесь ярче обычного. Справа и слева примерно в двадцати километрах виднелись берега - пикировщики шли над устьем Финского залива. Штурман Павлюков уточнил ориентировку и определил место нахождения подводных противолодочных заграждений.

Появление пикировщиков в этом районе было неожиданным для гитлеровцев. Катера не оказали им серьезного сопротивления. Отдельные выстрелы зенитных орудий не помешали самолетам выйти на боевой курс и прицельно сбросить бомбы. Подводные взрывы большой силы выбросили на поверхность огромные водяные столбы. Сети оказались разрушены - путь для наших подводных лодок стал свободен!

Пикировщики возвращались домой. Уже пройдена четверть пути, как вдруг появились вражеские истребители. Их сразу заметил флагманский стрелок-радист А. Кривенков. Первой атакой фашисты пытались расколоть строй и тем самым ослабить оборону «петляковых». Метелкин приказал:

- Держать строй!

Последовала новая атака шестерки «фокке-вульфов», к счастью, и она оказалась неудачной. Плотный огонь штурманов и воздушных стрелков-радистов всей группы не позволил вражеским летчикам стрелять прицельно. Озлобленные неудачами, они стали еще яростнее бросаться в атаку. Поток свинца «фокке-вульфов» скрестился со встречным огнём наших экипажей. Один «фоккер» задымил. Но и самолет летчика Бычкова получил повреждение. Из левого мотора показалось пламя. Загорелось крыло. Самолет вошел в крутую спираль и понесся к воде... Летчику П.М. Бычкову, штурману А.М. Воловнину и воздушному стрелку-радисту Т.А. Зубкову спастись не удалось.

- Держать строй во что бы то ни стало, - еще раз передал Метелкин ведомым.

Строй пикировщиков сохранился. Вражеские истребители, носились в воздухе. «Фоккеры» подожгли самолет Забавникова. Штурман Соловейчик и стрелок-радист Редченко, отстреливаясь, тоже подбили одного гитлеровца. Забавников отошел от строя и попытался сбить пламя. Но сделать это ему не удалось. Летчик посадил горящий самолет на воду. Судьба экипажа осталась неизвестной.

А Метелкин и Арансон продолжали бой. Фашистские истребители атаковали ведущего. Самолет Метелкина получил повреждение, из левого мотора повалил дым, самолет стал снижаться. Атаки фашистов не прекращались. Загорелась кабина. Арансон видел, как самолет Метелкина плавно коснулся воды и, горящий, заскользил по волнам. Всего десять километров Метелкин не дотянул до родного острова Лавенсаари.

Остался один самолет Арансона против четырех «фокке-вульфов». Участь его также была предрешена. Истребители взяли «петлякова» в клещи (пара справа, пара слева) и лишили маневра. При каждой попытке развернуться рядом с плоскостью возникали огненные шнуры трасс. Фашисты теперь не торопились. Они решили до конца испытать стойкость нашего летчика. Один «фоккер» вышел вперед, выпустил шасси и, покачиваясь с крыла на крыло, стал подавать сигнал «Следуй за мной». Гитлеровцы надеялись захватить наш экипаж в плен. Арансон нажал на гашетку. Но выстрелов не последовало. Молчали пулеметы у штурмана и стрелка-радиста. У всех кончились боеприпасы. А «фокке-вульфы» все плотнее прижимались к Пе-2. Тогда Арансон резким маневром попытался таранить одного из фашистов, но тот быстро ушел из-под удара.

Арансон решил имитировать таран, а затем, использовав замешательство гитлеровцев, сразу же перейти на бреющий полет. Он резко отвернул самолет в сторону и повел его прямо на «фокке-вульфа». Затем он энергично отжал штурвал и, пикируя, развил максимальную скорость. «Фоккеры» бросились вдогон, а Арансон вывел «пешку» из пике у самой воды. Еще минута - и на горизонте показался родной остров Лавенсаари. Преследуемый «фокке-вульфами», Арансон на

бреющем полете выскочил на остров. Наши зенитчики открыли огонь по ФВ-190 и отогнали их от пикировщика. Машину Арансон посадил на крохотный островной аэродром.

- Ждите меня здесь, - приказал Арансон штурману и стрелку-радисту, как только они вылезли из самолета, а сам побежал к пристани. Он обратился к морякам с просьбой выйти на поиск экипажа Метелкина. Через несколько минут катер с Арансоном на борту был в точке приводнения самолета. Поиск продолжался до темноты, но никого обнаружить не удалось.

Задание было выполнено слишком дорогой ценой. Полк не понес бы такой утраты, если бы не были допущены просчеты. Посылать четверку пикировщиков на полный радиус без истребительного прикрытия не следовало. Было бы разумным использовать небольшой аэродром на острове Лавенсаари для подскока истребителей. Командование, видимо, сделало соответствующие выводы из этого случая: без прикрытия пикировщиков больше не посылали на боевые задания.

После гибели А.Ф. Метелкина эскадрилью принял старший лейтенант Василий Сергеевич Голубев. А на его место к нам пришел старший лейтенант Константин Степанович Усенко.

Совместными усилиями

Собравшись в центре поселка, мы ждали автомашины, чтобы ехать на аэродром. С моря, которое находилось рядом, тянуло прохладой.

Подъехало три грузовика - по одному на каждую эскадрилью. Мы быстро сели в кузов. До аэродрома было всего несколько минут езды. Над нами в безоблачном небе поблескивало маленькое пятнышко. Это наш самолет-разведчик уходил на задание.

Через некоторое время мы узнали, что в Котке находится немецкий крейсер противовоздушной обороны «Ниобе». А сего несколько дней тому назад наши воздушные разведчики видели его на базе в Хельсинки. «Ниобе» - бывший голландский крейсер «Гельдерланд», переоборудованный в

корабль ПВО. Его потеря могла заметно ослабить вражеский флот в Финском заливе.

Порт прикрывался двенадцатью стационарными батареями зенитной артиллерии. Обстрел самолетов они начинали на дальних подступах, примерно за двадцать пять километров. Только средняя и крупнокалиберная артиллерия делала до семисот выстрелов в минуту. А сколько производили их зенитки самого крейсера и других кораблей, находящихся в порту? В таких условиях трудно было рассчитывать на успех, посылая на задание только пикировщики. Поэтому командование решило нанести по крейсеру комбинированный удар, в котором кроме пикировщиков приняли бы участие и штурмовики, и бомбардировщики, поражающие цель с бреющего полета (топмачтовики), и истребители.

Операция готовилась под руководством штаба ВВС флота. Каждая группа самолетов получила конкретное боевое задание. Штурмовики должны были подавить огонь зенитной артиллерии противника, пикировщики вместе с топмачтовиками - потопить крейсер, а истребители - обеспечить прикрытие. Динамика массированного налета была заранее отрепетирована на земле.

За час двадцать минут до удара летчик Чаговец произвел последнюю разведку и сделал контрольный снимок крейсера. «Ниобе» по-прежнему стоял на рейде в порту Котка.

16 июля в назначенное время первыми поднялись в воздух пикировщики. Одновременно с других аэродромов взлетели штурмовики, топмачтовики и истребители. К цели они должны были следовать самостоятельно, строго выдерживая график.

После взлета я осмотрелся. В небе - ни облачка, под крылом поблескивало огромное зеркало залива: полный штиль. Условия для выполнения задания были идеальными.

В расчетное время прошли остров Лавенсаари - контрольный пункт маршрута для всех групп. Первыми над Коткой появились истребители. Они «очистили небо» от фашистских самолётов.

В это время к порту на малой высоте подошли наши штурмовики и атаковали батареи зенитной артиллерии. Шестерка «илов», ведомая младшим лейтенантом

Д.В. Поповым, обрушила на них бомбы. Вслед за ней пошли в пике еще три шестерки штурмовиков. Потом они повторили заход. После нанесения бомбовых ударов, огонь вражеских зениток начал слабеть.

А на большой высоте, строго выдерживая расчетное время, к крейсеру приближалась наша группа «петляковых» во главе с В.И. Раковым. С высоты три тысячи метров отчетливо просматривались контуры корабля, одиноко стоявшего на восточном рейде. Береговые зенитные батареи немедленно открыли огонь, пытаясь нам помешать точно прицелиться. Штурмовики повторили заход и заставили их замолчать. Только крейсер, этот огромный металлический «утюг», по-прежнему изрыгал фонтаны свинца. Но штурман ведущего самолета С.С. Давыдов уже успел вписать его в сетку прицела.

- Пошел! - послышалась его команда.

Гвардии майор В.И. Раков вместе с ведомыми перевел самолет в пикирование. За ним устремился гвардии капитан К.С. Усенко и все его звено. Самолеты, как гигантские торпеды, с огромной скоростью неслись почти вертикально на бронированную громаду. Вот уже отчетливо различаются палубные надстройки. Высоты осталось только на выход из пике. Нажата боевая кнопка. Бомбы сорвались с замков. Взрываясь, они окутали крейсер клубами дыма и вздыбили рядом с ним фонтаны воды. Есть прямое попадание! Произошел мощный взрыв.

В это время на цель заходила эскадрилья гвардии капитана А.И. Барского. Поврежденный крейсер сосредоточил по ней весь огонь своей артиллерии. Пикируя среди разрывов, гвардии старший лейтенант Ф.Н. Меняйлов ощутил сильный толчок, штурвал выскочил у него из рук. Машина резко подняла нос, свалилась на крыло и вошла в штопор. Самолет быстро терял высоту, а летчику никак не удавалось его выровнять. Оправившись от толчка, Меняйлов попытался выйти из штопора, но тщетно. Снарядом разбило стабилизатор, а также рули поворота и высоты. Тогда летчик дал полный газ правому мотору. Самолет сразу же прекратил вращение, приподнял нос, однако тотчас же перевалился из правого в левый штопор. На какое-то мгновение летчика охватило чувство обреченности.

Давая газ теперь уже левому мотору, он почувствовал, что машина прекратила вращение. Она подняла нос и задрожала, готовая опять сорваться в штопор. Меняйлов с силой отдал штурвал от себя, чтобы увеличить скорость. Это ему удалось. Самолет перешел в горизонтальный полет. Штурвал с огромной силой давил на летчика, поскольку после пикирования тормозные решетки не убрались, а стабилизатор был разбит прямым попаданием снаряда.

Не выдержав напряжения, Меняйлов крикнул сидящему рядом Лисову:

- Жми штурвал от себя!

Лисов бросился к штурвалу. Общими усилиями летчику и штурману удалось удержать самолет в горизонтальном полете. Грозный пикировщик пронесся над вражеской гаванью, где пылал, погружаясь в воду, «Ниобе». Обрадовавшись удаче, стрелок-радист Симоненко передал по радио командиру группы:

- Возвращаемся на базу. Подбитый самолет летчик ведет вместе со штурманом. Высота двести метров. Дайте прикрытие.

Вскоре к «петлякову» пристроились два «яка».

- Держитесь! Мы с вами! - передал ведущий пары истребителей.

Дойдя до острова Лавенсаари, Меняйлов благополучно посадил разбитую машину на аэродром.

Третью группу «петляковых» вел на крейсер командир эскадрильи гвардии старший лейтенант Ю.А. Кожевников. Под крыльями самолетов этой группы не было бомб, они должны были навести топмачтовиков на крейсер и, когда те начнут атаку, спикировать на цель, чтобы отвлечь на себя весь зенитный огонь.

На бреющем полете, придерживаясь курса пикировщиков Кожевникова, шла главная ударная сила - четверка топмачтовиков подполковника И.Н. Пономаренко. Маневрируя между многочисленными островами и портовыми сооружениями, она пробилась через огненную завесу зенитного огня и вышла к восточному рейду порта. Прямо по курсу ведущий увидел погружающийся с левым креном крейсер. Пономаренко и его ведомый лейтенант Шилкин решили добить тонущий корабль. Они атаковали его

одновременно с пикировщиками группы Кожевникова с тридцатиметровой высоты. Сброшенные ими четыре тысячекилограммовые бомбы, ударившись о водную поверхность, несколько раз срикошетили, а затем угодили в среднюю и кормовую часть крейсера. На корабле произошел сильный взрыв - высоко в небо поднялся столб черного дыма.

Ведущий второй пары топмачтовиков капитан Тихомиров, видя, что крейсер быстро погружается в воду, атаковал стоявший неподалеку транспорт. Обе сброшенные им бомбы попали точно в цель. От взрывов корабль разломился и быстро затонул. Топмачтовики ушли на бреющем полете в сторону моря и скрылись за островами. Барражировавшие над целью истребители периодически фотографировали тонущий крейсер... Последний снимок был сделан по чистой воде - «Ниобе» ушел на дно.

Недолго длился удар штурмовиков, пикировщиков и топмачтовиков. Всего семь минут понадобилось нашим летчикам, чтобы отправить фашистский крейсер на дно. Операция была выполнена блестяще. Мы не потеряли ни одного самолета.

Через несколько дней Указом Президиума Верховного Совета СССР Василию Ивановичу Ракову за особо выдающиеся боевые заслуги было присвоено звание дважды Героя Советского Союза. Героями Советского Союза стали штурман полка гвардии капитан Сергей Степанович Давыдов и штурман эскадрильи гвардии старший лейтенант Евгений Иванович Кабанов. Большую группу летчиков, штурманов и воздушных стрелков-радистов наградили орденами и медалями.

Как хочется жить!

14 января 1944 года началась операция по окончательному снятию блокады Ленинграда. Летчики нашего полка, обеспечивая наступление наземных войск, бомбовыми ударами с пикированием уничтожали опорные пункты и узлы сопротивления противника.

Осенью 1944 года мы занимались уничтожением в Балтийском море судов противника, обеспечивающих оружием и продовольствием фашистские войска окруженной

Курляндской группировки. С аэродрома Паневежис мы совершали периодические налеты на порты Либава и Мемель. Один из полетов чуть не стоил мне жизни.

16 сентября 1944 во время удара по кораблям в порту Либава, я получил ранение в левую ногу и в голову. Все же мне удалось «перетянуть» самолет через линию фронта и посадить на пустующий аэродром Шауляй в четырех километрах от линии фронта. Меня и штурмана доставили на машине в медпункт, где вечером прооперировали при свете фонаря «Летучая мышь». Примерно неделю мы пролежали в этом госпитале, а потом нас перевезли в Ленинград, в военно-морской госпиталь. Через месяц я уже ходил. Сначала с палочкой, а когда нога совсем зажила, разрешили летать.

После двухмесячного лечения в госпитале я и штурман Губанов возвратились в свой полк и продолжали вместе летать на боевые задания до Дня Победы 9 мая 1945 года.

Посадить машину во что бы то ни стало

12 апреля 1945 года воздушная разведка сообщила, что из Пиллау вышел большой конвой противника. Двадцать семь самолетов нашего полка были подняты в воздух. Каждую девятку прикрывала восьмерка «яков».

Караван судов настигли в Данцигской бухте. В этот раз группы действовали самостоятельно, время атаки не лимитировалось. Усенко больше думал о том, с какого направления выгоднее подойти к цели. Зная, что основная масса зенитного огня на нас обрушится уже после пикирования, он вывел полк на караван с севера. Такое решение он принял не случайно: на выходе из атаки можно будет прикрыться лучами солнца, а затем быстро выскочить на побережье, занятое нашими войсками.

- Объекты для атаки ведущим выбирать самостоятельно! - услышал я по радио команду Усенко.

Заманчивых целей было так много, что глаза разбегались. В составе каравана находились большие транспорты и средние суда, корабли охранения и катера. Всего - около тридцати единиц. Обнаружив нас, гитлеровцы начали рассредоточиваться, чтобы иметь возможность для

маневрирования. Но деваться им было некуда: они просматривались как на ладони.

Вражеские зенитки палили с остервенением. Казалось, они простреливали каждый клочок неба. Но «петляковы» настойчиво пробивались к каравану. Они доходили до воображаемой в пространстве точки, ныряли вниз и сбрасывали фугаски.

Охранявший меня «як» вдруг провалился и через несколько мгновений свечой взмыл перед носом моего самолета. По номеру на фюзеляже я узнал, что пилотирует его Павел Бородачев.

- Есть! Накрыли! - крикнул он по радио.

И почти тотчас же воздушный стрелок-радист гвардии сержант Г. Г. Лысенко доложил:

- Над целью «мессершмитты»!

- Смотрите внимательно! - предупредил я его и Губанова.

Два «мессершмитта» атаковали замыкающее звено «петляковых». У самолета А.Ф. Мирошниченко раздробило стабилизатор. Пе-2 стал неуклюже переваливаться с крыла на крыло, затем опустил нос и по крутой спирали пошел к воде. Из-за малой высоты члены его экипажа не смогли воспользоваться парашютами. Летчик гвардии старший лейтенант А.Ф. Мирошниченко, штурман гвардии лейтенант С.В. Куклин и воздушный стрелок-радист Иванов погибли.

Я не успел до конца проследить за падающим самолетом. Один из «мессершмиттов», воспользовавшись отсутствием наших истребителей, ринулся на меня снизу. Наши «яки» в это время вели бой где-то наверху. Лысенко открыл огонь с дальней дистанции. Но вражеский летчик оказался опытным. Рыская то влево, то вправо, он уклонялся от пулеметных очередей и продолжал сближаться.

- Маневр! - скомандовал Лысенко.

Я нажал правую педаль, машина заскользила в сторону. По самолету резко хлестнули пули, словно крупные градины по железной крыше. «Мессер» успел дать очередь. Рули поворота стали передвигаться туго.

- Что там с хвостом, Лысенко? - спросил я у стрелка-радиста.

- Поврежден левый киль, - ответил тот через несколько секунд.

Машину тянуло влево. Я прибавил обороты левому мотору и накренил самолет чуть вправо. Он еле держался в прямолинейном полете. Маневрировать стало нельзя. «Как же я уклонюсь от огня, если меня снова атакует «мессер»?» - мелькнула в голове тревожная мысль. Но «мессершмитт» больше не появлялся. Его отогнали наши истребители прикрытия.

Наконец показался берег, занимаемый советскими войсками. Оба мотора работали на полную мощность, и все-таки я стал отставать от строя. Временами самолет терял равновесие: то клевал носом, то уходил влево. С большим трудом мне удавалось выравнивать его. Меня вдруг охватило чувство неуверенности в благополучном исходе полета. Даже подумал: не лучше ли штурману и стрелку-радисту покинуть машину? И тут же решил, что так будет надежней.

- Миша, Гриша, прыгайте! - приказал я.

Но они почему-то медлили и ничего не отвечали.

- Прыгайте! Не то поздно будет! - повторил я настойчиво.

Наконец Губанов сказал:

- Лучше сажай, я прыгать не стану.

- Я тоже, - ответил стрелок-радист.

После таких ответов у меня словно сил прибавилось. Значит, верят в своего командира. Значит, надо дотянуть до аэродрома и посадить машину во что бы то ни стало.

Невольно вспомнилось, как действовал в аналогичной ситуации гвардии старший лейтенант С.С. Воробьев. Над Либавой его подбили зенитки. Снаряды повредили на самолете бензобак и водосистему. Левый мотор вышел из строя, пилотировать машину было трудно. Воробьев стал отставать от строя и терять высоту. К одной беде вскоре прибавилась другая - подбитый бомбардировщик сзади атаковали четыре «фокке-вульфа». Штурман М.И. Бабкин и стрелок-радист Ю.М. Глуздовский открыли по ним огонь из пулеметов. Фашисты отвернули, но тут же снова ринулись в атаку. У Пе-2 загорелся левый мотор, разрушился левый киль, отлетела часть обшивки плоскости. Положение казалось безвыходным. Однако летчик не потерял самообладания и действовал хладнокровно. Он сбил пламя с мотора, выпустил щитки, уменьшил скорость и продолжал полет. Дотянув до своего аэродрома, Воробьев мастерски посадил машину.

Вспомнив об этом случае, я стал действовать более уверенно и постепенно приноровился к капризам своей машины. Впереди показался аэродром, над которым кружили возвратившиеся с задания самолеты.

- Запроси у стартового командного пункта разрешение на внеочередную посадку, - приказал я воздушному стрелку-радисту.

Вскоре Лысенко доложил, что посадка разрешена.

Я вывел самолет на последнюю прямую и скомандовал штурману: «Шасси!»

Губанов перевел рычаг на «выпуск». Загорелись зеленые лампочки - шасси вышли. Вдруг слева вынырнула «пешка» и, сделав у нас перед носом четвертый разворот, пошла на посадку. Значит, мне уже не сесть. А второй круг машина не сможет одолеть.

- Стреляй красными! - крикнул я штурману.

Со старта нам тоже ответили предупредительными ракетами. Но вот первая «пешка» вдруг прекратила снижение и пошла на второй круг. Я убрал газ. Машину потянуло влево. Немедленно прибавил обороты мотору. Самолет пронесся мимо посадочного «Т» и с небольшим промазом коснулся земли.

- Порядок! - радостно воскликнул Губанов, с напряжением следивший за моими действиями.

На стоянке мы вместе с подошедшими техниками внимательно осмотрели самолет. Хвостовое оперение было искорежено до неузнаваемости, а в плоскостях зияли десятки дыр. Нас поздравляли. Губанов, Лысенко и я стояли измученные, но счастливые.

Последнее задание

Заканчивался разгром кенигсбергской группировки немецких войск. Лишь на косе Хель остатки разбитых частей противника яростно сопротивлялись, все еще надеясь на эвакуацию морем в Швецию и Норвегию.

Летчики один за другим уходили на боевые задания. Лишь экипаж гвардии младшего лейтенанта В.А. Максимова по-прежнему оставался на земле. Молодой летчик, медленно

осваивал боевое применение Пе-2. Особенно трудно ему давались взлет и посадка на грунтовом аэродроме.

В перерывах между боевыми вылетами я старался помочь Максимову отработать эти элементы, систематически проверял его технику пилотирования в зоне. Наконец я пришел к убеждению, что он готов самостоятельно выполнять задания. Доложил Барскому.

- Хорошо, - сказал командир эскадрильи, - пусть летит. Не зря говорят, что у птицы крылья крепнут в полете.

И вот 8 мая 1945 года в воздух были подняты все исправные самолеты. Полк четырьмя группами под прикрытием истребителей направился бомбить Либаву. В строю пикировщиков впервые занял свое место и экипаж Максимова.

Через порт Либава гитлеровцы продолжали снабжать оружием и продовольствием отрезанную и прижатую к морю курляндскую группировку. По данным воздушной разведки, там стояло под разгрузкой около двадцати транспортов.

Полет к цели проходил спокойно. Мы уже приближались к Либаве, когда кто-то из летчиков нарушил тишину в эфире. Прислушавшись, я узнал голос Максимова. Он докладывал ведущему, что из-за какой-то неисправности у него выпустились тормозные решетки. Самолет начал отставать от строя. «Надо же, - с досадой подумал я, - в первом полете и так не повезло!»

Усенко приказал Максимову возвратиться на аэродром. Но летчик, все больше отставая, продолжал следовать к цели. Наконец он совсем потерялся из виду.

Мы успешно отбомбились и уже отошли далеко от порта, как в эфире снова послышался голос младшего лейтенанта:

- Я Максимов. Иду бомбить Либаву.

Больше никаких донесений по радио от него не поступило. Мы не на шутку встревожились. Но когда сел последний самолет нашей группы, над аэродромом вдруг появился Пе-2. Это был Максимов.

- Вернулся! - воскликнул Савичев.

Усенко не сводил глаз с самолета Максимова, пока тот не приземлился.

- Видишь, командир? - снова не сдержался улыбающийся замполит. - Ничего с ним не случилось!

На лице командира полка тоже проступила едва заметная улыбка. Но тут же глаза его снова посуровели.

- Как не случилось? - резко ответил Усенко. - Неслыханная расхлябанность в воздухе, невыполнение распоряжения, несоблюдение радио дисциплины. Сколько нарушений сразу!

И, повернувшись к Барскому, строго добавил:

- Максимова ко мне!

- Товарищ командир... - бодро начал докладывать подошедший Максимов, но Усенко прервал его:

- Вы что, поиграть в войну вздумали? Отвечайте!

Максимов молчал, потупив взгляд. Потом совсем упавшим голосом сказал:

- Не мог я возвратиться. Ведь первый боевой полет.

Усенко глубоко затянулся папиросой и с силой выдохнул густой дым.

- За смелость хвалю, - уже спокойнее заключил он. - А за недисциплинированность в воздухе объявляю пять суток ареста. Идите.

Неприятный разговор с командиром, однако, не погасил у Максимова чувство радости: все-таки первое боевое задание он выполнил!

Сидеть на гауптвахте Максимову не пришлось. Утром 9 мая пришла радостная весть о безоговорочной капитуляции фашистской Германии.

Наступил день Победы. Сколько лет мы ждали его!

- Я же говорил когда-то, - вспомнил свою шутку гвардии лейтенант С.М. Сухинин. - Стоит Максимову хотя бы один раз слетать на боевое задание - и война сразу кончится!

Нас прервал подошедший посыльный.

- Командирам эскадрилий и их заместителям, - объявил он, - немедленно явиться на командный пункт полка.

На КП царила прежняя деловая обстановка.

Командир полка сказал:

- Гитлеровская Германия разбита. Но отдельные группировки фашистских войск еще оказывают сопротивление. Противник не отказался от попытки уйти на судах в Швецию и Норвегию. Полку приказано привести самолеты в боевую готовность и ждать сигнала на вылет.

Едва мы возвратились на стоянку, как последовало приказание: «Уничтожить транспорты, обнаруженные в море. Вылет эскадрильями с десятиминутным интервалом».

- Эскадрилью поведешь ты, - сказал мне гвардии капитан А.И. Барский. - Действуй внимательно и осторожно. - И после небольшой паузы добавил: - Все экипажи должны вернуться. Может быть, это последний вылет.

В его голосе, твердом и властном, слышалась также своеобразная просьба, с которой обращаются к верному другу в решительную минуту жизни.

- Постараюсь, - заверил я командира.

Первой в воздух поднялась эскадрилья Героя Советского Союза гвардии капитана Н.Д. Колесникова. Поднявшись над морем на высоту двух тысяч метров, они попали в восьмибалльную облачность. Ведущий приказал снизиться под облака. Снизившись, летчики сразу же обнаружили караван из четырех транспортов и пяти десантных барж. Атаковав его с горизонтального полета, они подожгли один корабль.

Вторая группа «петляковых», которую вел гвардии старший лейтенант А.П. Аносов, попала в районе цели в сплошную облачность. Караван судов летчики не нашли и нанесли удар по двум случайно подвернувшимся тральщикам, шедшим курсом на Швецию. Один из них был потоплен.

Третью группу пикировщиков в тот день вёл я. Мы взяли курс на запад. Нас сопровождали два «яка».

- Командир, - обратился ко мне воздушный стрелок-радист Г.Г. Лысенко, - Колесников передал по радио, что над целью облачность высотой два километра.

Посоветовался с Губановым. Решили идти к цели под облаками.

На море мы частенько видели отдельные транспорты и малые корабли. Они стояли с поднятыми белыми флагами.

Вдруг слышу четкое обращение ко мне по радио:

- «Сирень-22», я - «Сирень», возвращайся домой. Бомбы сбрось на полигоне.

«Сирень-22» - это мой позывной. Не хочет ли противник ввести меня в заблуждение?

- Лысенко, запроси аэродром, пусть еще раз подтвердят приказ.

Через минуту я услышал голос Усенко. Командир полка, обращаясь без позывных, лично приказал прекратить выполнение задания и возвратиться на аэродром. Сомнения отпали. Я развернулся, привел эскадрилью на полигон и сбросил бомбы.

Когда мы возвратились домой, на аэродроме царило необычное оживление. На стене аэродромного домика висел лозунг: «Да здравствует день Победы 9 Мая 1945 года!» К нему поочередно подходили группы летчиков и фотографировались на память.

Боевая готовность с полка была снята.

За нанесенный противнику ущерб я награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени и многими медалями.

Согласно книжке боевых действий на моем боевом счету потоплено в группе: 1 крейсер, 3 подводные лодки, 14 вражеских транспортов, 3 сторожевых корабля, 1 быстроходная десантная баржа, 1 склад боеприпасов, 4 артиллерийские батареи. В общей сложности сделал 55 боевых вылетов. Налет - 699 часов 20 минут.

После войны продолжал службу в строевых частях. В 1954 году окончил Военно-воздушную академию имени Гагарина, четырнадцать лет служил в Управлении боевой подготовки Главного штаба ВМФ. Полковник.

Уволился из рядов Военно-Морского Флота в 1966 году.

Октябрь 2014 года

В подготовке воспоминаний оказал помощь ***Илясов Александр Игоревич****, студент 2-го курса факультета «Авиационная техника» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Каприн Дмитрий Васильевич

Недосчитались 17 «юнкерсов» и «мессершмиттов»

Я родился 4 октября 1921 года в селе Кадом Рязанской области в семье рабочего.

С 1926 года живу в Москве. После семилетки поступил в энергетический техникум, параллельно занимался в аэроклубе. Затем, после второго курса, оставил техникум и пошёл учиться в лётную школу.

Хорошо помню и тот первый военный день. Это было 22 июня 1941 года. Неподвижный строй курсантов, голос политрука звучит взволнованно и сурово: «Товарищи! Враг вероломно напал на нашу Родину. Ваша задача – ещё лучше и быстрее осваивать лётное дело и новую технику, в любую минуту быть готовыми нанести сокрушительный удар по фашистским захватчикам».

С этого дня все чаяния были подчинены одному желанию – на фронт!

Мы рассчитывали, что за лето налетаем соответствующую программу, и нас распределят лётчиками связи по воинским частям. Но этого не произошло. Принято было решение направить нас в военную авиационную школу пилотов в городе Ворошиловграде (сейчас – город Луганск).

В этой школе было пять эскадрилий, к которым шестой эскадрильей присоединили учащихся нашей школы. Тогда, в 1941 году, мы считали, что фашистов сумеем «шапками закидать». Думали, что немцам конец придёт быстро, мы их не сегодня, так завтра победим. Но война затянулась. В ноябре 1941 года нашу школу эвакуировали в Казахстан в город Уральск.

В 1942 году мы её окончили. Выпускников было немного, около 10 человек. Некоторых сразу отправили на фронт, а меня и ещё несколько человек направили в 10-й запасной полк под Каменку в Пензенскую область. Там нас ещё некоторое время готовили к боевым действиям. Затем собрали шесть экипажей и отправили на фронт, я попал на Сталинградский.

Сначала мы прилетели в Ленинск, где нас встретил капитан Пстыга. Он видел, что все ребята возбуждены, так как первый раз без инструкторов и специального маршрута прилетели сами. Видя наши эмоции, капитан велел нам переночевать в городе. Ночью была сильная бомбёжка. Мы думали, что не осталось ни аэродрома, ни самолётов. К счастью, самолёты были целы, только немного была испорчена взлётная полоса.

На следующее утро мы прилетели на Сталинградский фронт, где нас представили руководству, я попал в смешанную 226-ю авиационную дивизию под командованием полковника Горлащенко. В этот день я постарел лет на десять, когда узнал, что на штурм объекта наша дивизия может выделить только четыре экипажа! Наши бомбардировщики не были пригодны для войны, часто горели. В начале войны советская авиация была очень слабой. Наши истребители не могли противостоять немецким самолётам.

Первый боевой полёт был под Сталинградом. Днём и ночью, нагруженный бомбами, мой Ил-2 уходил на задания. В боях за Сталинград я стал мастером штурмового удара.

Обстановка на этом фронте была сложна тем, что наши войска и войска противника находились очень близко друг к другу. Своих можно было задеть с легкостью. Был случай, когда мы хорошо слетали – вернулись без потерь. Но представители органов безопасности нашу группу задержали и предъявили нам претензии, мол, мы стреляли по своим войскам. Нас стали каждого допрашивать, мы написали

рапорта. Нам несколько дней не позволяли летать. Только потом определили, что ударила по своим войскам такая же группа, как наша, но их бомбы были с листовками. По этим листовкам и определили, что это не мы.

После разгрома немцев под Сталинградом, часть, в которой я служил, была переброшена на Южный фронт. Много здесь было воздушных боёв, но запомнились лишь некоторые.

Однажды, когда бои шли уже на Никопольском плацдарме, я получил обычное задание – нанести удар по немецкой группировке.

В составе шестёрки Ил-2 и двух истребителей, наша группа вылетела к цели. Но в это время с наземной станции нам было приказано задержать большую группу фашистских бомбардировщиков и истребителей, которые летели бомбить расположение наших войск. Груз бомб мы должны были сбросить на врага, выбрав цели по своему усмотрению.

Один за другим пикировали к земле наши штурмовики. Чёрные шапки взрывов сплошь накрывали замаскированные немецкие блиндажи.

При выходе из атаки я увидел приближавшиеся «юнкерсы». Фашистские бомбардировщики тянулись в сторону наших войск. Они уже готовились к атаке. Я знал, что их излюбленный метод – вытягиваться перед целью в колонну и потом один за другим индивидуальным прицеливанием, с отвесного пикирования, поражать цель.

Я врезаюсь в строй фашистских бомбардировщиков. И уже через несколько секунд два «юнкерса», оставляя за собой черный след дыма, штопором идут к земле.

Манёвр был настолько неожиданным, что гитлеровцы, несмотря на своё явное численное превосходство, на какое-то мгновение растерялись. Но этого было вполне достаточно для того, чтобы подоспевшие штурмовики присоединились ко мне и заставили фашистов сбросить бомбы над своей территорией.

Истребители противника, обозленные неудачей, с яростью набросились на нашу группу. Но было уже поздно: на помощь нам шли «ястребки». И именно в этот момент услышал по радио голос своего заместителя:

- Разрешите «обуть лапти»?

- Разрешаю, – ответил я, отлично понявший замысел лётчика.

Это были наши тактические приёмы.

Тотчас же Коломеец выпустил у своего самолёта шасси, а затем, вплотную присоединившись к группе противника, в упор один за другим начал расстреливать фашистов.

17 «юнкеров» и «мессершмитов» не досчитались гитлеровцы в этом бою.

Когда наши самолёты приземлились на своём аэродроме, молодые лётчики окружили меня, спрашивая про какие «лапти» говорил в бою Андрей Коломеец?

Пришлось разъяснять молодым лётчикам терминологию: внешне наш Ил-2 и немецкий Ю-87 имели некоторое сходство, но у немецких самолётов шасси в полёте не убиралось, за что наши лётчики называли его «лапотником». И когда я разрешил Андрею Коломейцу «обуть лапти», гитлеровцы на какое-то время приняли его за своего. Этим мы и воспользовались.

Шёл ноябрь 1943 года. Немецко-фашистские захватчики, предчувствуя неизбежность расплаты за совершенные злодеяния на нашей земле, всё яростнее сопротивлялись. Они часто бросали в бой последние свои силы и резервы, цеплялись за каждый метр, за каждый выгодный рубеж.

В тот день начальник штаба полка Полозов был не в духе. Ещё бы, третья телефонограмма, подписанная командующим, и опять об этой проклятой переправе.

Было срочно созвано совещание, на котором решили большие группы на переправу не посылать – много потеряем, мало сделаем. Налёт должен быть дерзким, хитрым и малочисленным. Когда начали перебирать фамилии командиров эскадрилий, мнение было единым – поручить это ответственное задание нашей эскадрилье.

Вскоре два штурмовика – мой и Коломейца – с двумя прикрывающими истребителями поднялись в воздух.

Тут же показались патрулирующие «мессеры».

Командую: «Всем активно обороняться! Стараться вовлечь в бой «мессеров» и вместе с ними двигаться к цели. Немецкие зенитчики не будут открывать огонь по своим самолётам».

Страшная это была картина: два наших штурмовика и два «ястребка», а вокруг стая разъярённых немецких

истребителей. То и дело сверкают вспышки пулемётных очередей.

Беспрестанно маневрирую, всматриваюсь в землю, разыскиваю цель. Теперь, когда «мессеры» окружили наши самолёты, не давая немецкой артиллерии открыть огонь, нельзя было терять ни минуты. На реке ясно обозначалась переправа.

Передаю своим товарищам: «Начинаем бомбометание».

И резко иду вниз, а вслед за мной устремился ведомый.

Для большей точности бомбёжку произвели с отвесного пикирования. Переправа была разбита первыми же бомбами. Два наших истребителя, завершая атаку, прошили позиции фашистов шквальным пулемётным огнём. И только тогда начали бить вражеские зенитки.

После атаки мы разошлись в разные стороны. Потом четыре самолёта сошлись вместе, взяв курс на свой аэродром. В наушниках раздался голос командира полка: «Поздравляю с выполнением задания. Объявляю благодарность и представляю к награде».

В разгар ожесточенных боёв в Восточной Пруссии перед авиацией была поставлена ответственная задача: эшелонированным бомбоштурмовым ударом уничтожить крупную немецкую группировку в районе Загерна.

Первую же группу штурмовиков командир дивизии приказал вести мне.

Фашисты встречали наши «Илы» бешеным огнём зенитной артиллерии. Казалось, подойти к цели совершенно невозможно. Мы перестроились в круг и начали бомбёжку. Тонны смертоносного груза полетели на врага.

Нам удалось сделать ещё один заход и израсходовать весь боекомплект. Группой мы отходили в сторону от цели. В этот момент мою машину бросило в сторону, почти одновременно вторым попаданием разломило её надвое. Что-то больно ударило в плечо. В глазах потемнело. Земля всё ближе... И когда до земли осталось не более сотни метров, раздался спасительный хлопок парашюта.

От боли в ногах не было сил подняться. Сильно ныло плечо. Перед глазами – красные круги.

Немного отлежавшись, шатаясь, встал на ноги и огляделся. Кругом лес. Где-то неподалёку били зенитки.

В небе слышался гул самолётов: очевидно бой ещё продолжался.

Послышались голоса, и на опушку вышло человек десять немецких автоматчиков. Превозмогая боль, я бросился в ближайшую воронку, выхватил пистолет и залёг. Длинный гитлеровец в разорванной шинели, оказавшийся ближе всех, что-то кричал, размахивая руками. Поймав его на мушку, я выстрелил. Фашист качнулся назад и упал, широко раскинув руки. И почти одновременно что-то тяжелое ударило мне в голову. Я потерял сознание.

Когда очнулся, понял, что попал в плен.

Попал в очень маленький лагерь. Заключенные работали на молочных фабриках. Когда заставляли работать, а мы отказывались, сами немцы говорили, что из-за нас и их могут наказать.

Помню, как нас везли в трюме на корабле по морю, если у кого-то из нас были деньги, мы их меняли на хлеб у немцев. Нас доставил на станцию Фаренкруг.

2 мая 1945 года мы сбежали из лагеря. Это было не так сложно, в 1945 году немцы были уже не те. Они знали, что не сегодня, так завтра Советский Союз победит, и постоянно спрашивали нас, что с ними будет. Мы их успокаивали, говорили, что они буду жить и работать, никто их не тронет, если сами сдадутся.

В плену находился недолго. При первой же бомбёжке воспользовался начавшейся паникой и с группой военнопленных, разоружив охрану, бежал.

С какой радостью встретили меня друзья! Они считали меня погибшим. Расспросам и рассказам не было конца.

А через несколько дней боевые друзья снова поздравляли меня. На этот раз в связи с присвоением мне звания Героя Советского Союза.

Мой боевой путь: с сентября 1942 года воевал в составе 504-го (74-го гвардейского) штурмового авиаполка на Сталинградском, Южном, 4-м Украинском и 3-м Белорусском фронтах. К октябрю 1944 года совершил 105 боевых вылетов. Уничтожил 17 танков, 48 автомашин с пехотой и грузами, взорвал 7 складов с боеприпасами и горючим, 3 дзота, вывел из строя 28 орудий полевой и зенитной артиллерии.

После войны продолжил службу в ВВС.

Награждён:

- званием Героя Советского Союза (№ 007548, приказ № 8995 от 19 апреля 1945 года) за активное участие в боях за город Сталинград, при освобождении Донбасса, города Мелитополя, низовий Днепра и Крыма, за проявленное мужество и героизм в боях при освобождении советской Белоруссии и Литвы и при прорыве линии вражеской обороны Восточной Пруссии и за совершенные 105 успешных боевых вылетов;

- орденом В.И. Ленина (№ 39467, указ от 19.04.1945 г.);

- медалью «Золотая Звезда» (№ 6140, указ от 19.04.1945 г., вручена в конце мая 1945 года командующим 1-й воздушной армии генерал-полковником Хрюкиным Т.Т. и командиром дивизии генералом Прутковым С.Д. в городе Растенбурге.);

- орденом Красного Знамени (№ 9137, 20.04.1942 г.);

- орденом Красного Знамени (№ 19044, 07.07.1944 г.);

- орденом Красного Знамени (№ 30363, приказ 8 ВА № 023/Н от 03.08.1943 г., вручен 13.05.1944 г., за прорыв Миус-фронта);

- орденом Красного Знамени (№ 74913, приказ 8 ВА №11/Н от 23.02.1944 г., вручен 13.05.1945 г., за освобождение Украины);

- орденом Александра Невского (№ 6889, 30.03.1944 г.);

- орденом Красной Звезды (№ 146121, приказ № 02/Н 8 ВА от 20.02.1943 г., вручен 28.02.1943 г., за победу под Сталинградом);

- орденом Красной Звезды (№ 37615);

- орденом Отечественной войны 1-й степени (№76789, 08.10.1943);

- орденом Отечественной войны 1-й степени (№ 534226, орденская книжка №451873);

- медалью «За боевые заслуги»;

- медалью «За оборону Сталинграда» (№ 21181, указом президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года, вручена 5.06.1943 г. заместителем командира по политической части 74-го гвардейского Сталинградского штурмового авиаполка гвардии майором Левченко, за мужество и героизм в битве под Сталинградом);

- медалью «За участие в героическом штурме и взятии Кенигсберга» (№ 014204, указ от 9.06.1945 г., вручена

16 октября 1945 года командиром 74-го гвардейского штурмового авиаполка гвардии полковником Смильским);

- медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (от имени президиума Верховного Совета СССР, вручена 17 августа 1945 года командиром 74-го гвардейского штурмового авиационного полка гвардии полковником Смильским);

- медалью «За освоение целинных земель».

Ноябрь 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Гринёв Роман Вакилович****, студент 2-го курса факультета «Двигатели летательных аппаратов» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Кислянский Василий Семенович

Всем, по танкам, бронебойными, огонь!

Я родился 30 июля 1919 года в деревне Плаксино Духовщинского уезда Смоленской губернии. Русский. Православный.

Член комсомольской организации с 1934 по 1940 год. Член Осоавиахима с 1935 по 1939 год. Член коммунистической партии с 1940 по 1991 год.

Окончил школу в 1934 году и техникум в 1938 году. В 1940 году поступил в Военное училище зенитной артиллерии и в апреле 1941 года досрочно окончил его. 30 апреля 1941 года мне было присвоено воинское звание лейтенанта.

4 мая 1941 года я прибыл в Прибалтийский особый военный округ (ПрибОВО), где был назначен заместителем командира 1-й батареи 7-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона (7-й ОЗАД) 184-й стрелковой дивизии 29-го стрелкового корпуса.

Через несколько дней вся наша дивизия убыла в лагерь, располагавшийся в курортной зоне Литвы: впереди река Неман, слева большое озеро. За рекой - приграничная зона, отделяющая Литву от Восточной Пруссии.

Немецкие самолеты стали периодически пролетать вдоль границы.

12 июня 1941 года в дивизию прибыла группа офицеров штаба ПрибОВО, проверила караульную и противопожарную

службы и порекомендовала проверить исправность вооружения, экипировку личного состава, определить места для вывода частей и подразделений на случай боевой тревоги, а также усилить караульную и внутреннюю службу. Ответственными дежурными в частях предложили назначить командиров не ниже командира роты.

Дивизия фактически перешла в режим повышенной боевой готовности. Мой командир был отозван в штаб. А на следующий день, 14 июня 1941 года, я был назначен командиром 1-й батареи 7-го ОЗАД.

21 июня я был назначен ответственным дежурным по 7-му ОЗАД.

На рассвете 22 июня меня разбудил невероятный шум. Я выбежал из палатки и увидел, что на средней высоте летят большой группой немецкие «юнкерсы» курсом на восток. Я доложил командиру дивизиона, что личный состав дивизиона поднят по боевой тревоге. Получил разрешение передать дежурство помощнику и убыть в расположение батареи.

По боевой тревоге все части дивизии под руководством командира дивизии полка Виноградова немедленно покинули лагерь и двинулись в намеченные рубежи обороны. Немецкие самолеты начали бомбить наш лагерь, но нас там уже не было.

К вечеру 22 июня проводная связь была полностью выведена из строя, а радиосвязь была забита бравурными немецкими маршами.

На флангах дивизии все громче слышались орудийные залпы и шум танковых двигателей. Дивизии было приказано с наступлением темного времени отступить на рубеж обороны города Вильнюс, где находились склады боеприпасов, запасы продовольствия, горючего, а также документация штабов дивизии и корпуса. С занятием рубежа обороны организовать пополнение частей всеми видами запасов, а документацию опечатать и сдать в штаб 184-й стрелковой дивизии (СД).

После ночного марша, к середине дня 24 июня, дивизия заняла указанный рубеж.

Командир нашего дивизиона П.В. Лобанов перед отправкой на склады старшим машин приказал: «В течение суток сделать по две поездки на склады. В первой – максимально загрузить машины фугасными и бронебойными

снарядами и возможно большим количеством продовольствия из «неприкосновенного запаса» (нз). Во второй – загрузить топливом, винтовками, патронами и обмундированием». Это было очень правильное решение, поскольку больше половины вооружения дивизии составляло оружие чешского производства. Снаряды и патроны для этого оружия были только на этом складе. Больше их нигде не было. А снаряды у нас были на исходе.

На исходе 24 июня стало ясно, что немцы готовятся к окружению наших войск. Дивизия получила приказ отходить в северо-восточном направлении к железнодорожному узлу Глубокое, где была нефтебаза и склады «нз» продовольствия. Мы должны были не допустить захвата немцами топлива с нефтебазы и «нз» со складов ПрибОВО.

25 июня перед рассветом мы покинули Вильнюс. Наш отход был неожиданным для немцев. Мы форсированным маршем дошли до железнодорожного узла Глубокое. Мы заняли рубежи обороны.

До 2 июля 1941 года войска нашего 29-го стрелкового корпуса в дневное время вели оборонительные бои, а ночами отходили на новые рубежи. В первые дни нами были уничтожены 2 самолета и воздушный десант.

2 июля 1941 года северо-западная группировка немцев оказалась значительно восточнее наших рубежей обороны, а западная группировка захватила Минск, Оршу и Витебск. Мы вели оборону Полоцка. Ударами с северо-востока из Себежа и Идрицы и одновременно с юга из Витебска немцы могли окружить нас. Поэтому войскам 29-го стрелкового корпуса (СК) было приказано занять рубеж обороны у города Невель.

В ночь на 3 июля 1941 года ускоренным маршем мы направились к городу Невель: 184-я СД из Полоцка, а 179-я СД от Верхнедвинска.

Около 2 часов ночи немцы подняли в воздух самолеты-разведчики и сбросили на парашютах осветительные бомбы для определения передвижений колонн дивизий. На рассвете немецкие бомбардировщики нанесли по нам бомбовый удар, когда мы еще не успели занять свои рубежи. Наши войска понесли значительные потери.

В нашем дивизионе были разбиты 2 пушки, погибли 6 человек, ранены командир дивизиона капитан Лобанов и

младший политрук Гончаренко. Уезжая в госпиталь, командир дивизиона сказал мне: «Вы остаетесь за меня».

Через некоторое время меня вызвал командир дивизии полковник Виноградов М.В. и вручил мне экземпляр приказа командира 29-го СК о назначении меня исполняющим обязанности командира 7-го ОЗАД. Для усиления дивизиона был выделен один огневой взвод из 137-го ОЗАД 179-й СД, а из подразделений корпусного подчинения – инженерно-саперный взвод с полным комплектом мин и инженерно-саперных инструментов, а также отделение разведки на бронемашине.

Приняв все средства усиления, ранним утром 4 июля дивизион ускоренным маршем прибыл в район, назначенный командиром дивизии. На берегу озера Езерище находилось село Лобок, которое несколько дней назад подверглось бомбардировке. В селе на узле связи осталась дежурная телефонистка, а на железнодорожной станции Езерище – дежурный по станции, ожидавший последний поезд с беженцами из Витебска.

Поезд с беженцами прибыл вечером. Среди беженцев оказалось много раненых, поскольку поезд неоднократно обстреливался с самолетов. Дежурная телефонистка сказала, что есть связь с Невелем и с белорусским городом Городок, связь с Витебском прекратилась 2 дня назад.

Наш рубеж обороны был на высоком берегу озера возле церкви, рядом с которой находился пионерский лагерь. Телефонистка сказала, что перед началом войны в лагере было все готово для приема детей. С высокого берега железная и шоссейная дороги просматривались далеко. Дороги были в нескольких десятках метров друг от друга. Земля песчаная на всю ширину полосы. Мы установили двенадцать орудий нашего дивизиона для перекрытия полосы на всю её ширину. Для минирования дорог мин нам хватало.

Отделение разведчиков я отправил проверить, нет ли противника на ближайших 10-15 километрах шоссе. Дежурную телефонистку я попросил связаться с городом Городок. Там ей ответили, что немцев пока в Городке нет.

В течение 4 и 5 июля мы занимались оборудованием орудийных окопов, укрытий для личного состава и минированием дорог и их обочин. На железнодорожной

станции были сложены штабели шпал. Мы использовали их для перекрытия убежищ для личного состава и для укрытия снарядов и мин.

Командиров батарей я предупредил, чтобы без моего разрешения стрельбу по пролетающим самолетам противника не открывали, а при их появлении прекращали все работы и передвижения личного состава. Все средства тяги приказал рассредоточить в лесу рядом с селом, там же замаскировать все тыловые подразделения, а водителям автотранспорта рядом со своими машинами вырыть ячейки для укрытия на случай бомбардировки.

Разведчики доложили, что противника не обнаружили на 15 ближайших километрах, что дорога и там проходит рядом с железной дорогой, а по обе стороны дорог лесной массив непроходим для танков.

4 и 5 июля над нами пролетели несколько вражеских самолетов, сбросили несколько бомб на село и на железнодорожную станцию. Была разбита автомашина хозяйственного взвода и погиб ее шофер, который не выполнил приказ об укрытии машины в лесу. Ранены были техник-интендант и рядовой боец хозвзвода.

Я приказал всем командирам подразделений проверить маскировку всех наших объектов и наличие индивидуальных ячеек для укрытия личного состава. Для своевременного обнаружения противника на колокольне церкви мы выставили пост дальнего обнаружения.

Противник появился на седьмые сутки.

В 8 часов утра наш наблюдатель с колокольни доложил, что видит приближающуюся группу мотоциклистов, а за ними несколько танков. Я объявил тревогу.

Когда мотоциклисты вошли в наш «минный мешок», я скомандовал: «Всем, по мотопехоте, осколочно-фугасными, огонь!» На мотоциклистов противника обрушился шквал трассирующих снарядов. Они заметались, передние попадали, а идущие за ними бросились на обочины дороги, чтобы укрыться в лесу, и тут же подрывались на наших минах.

Приблизились легкие разведывательные танки, и я скомандовал: «Всем, по танкам, бронебойными, огонь!» Шквал огня из 12 автоматических зенитных пушек встретил эти танки, и только два передних танка успели сделать по

одному выстрелу в нашу сторону. Три танка ринулись на обочины дороги, чтобы проехать к лесу, но там подорвались на наших минах, а шестой танк развернулся на месте, дал газ и начал движение обратно. По нему вдогон были даны две очереди из нескольких орудий. Задымившись, он стал удаляться.

Мы поняли, что это была разведгруппа из 6 мотоциклистов и 6 легких разведывательных танков. Бой был скоротечным, но каждая минута боя казалась нам часом.

Я объявил отбой. Но, опасаясь появления противника, через три часа мы снова перешли в режим готовности к бою. В таком режиме мы были еще сутки. Но противник не появился, зато мы услышали звуки боя в районе Невеля – канонаду артиллерийских выстрелов и взрывы бомб. Бой там продолжался день, ночь и следующий день.

Я составил боевое донесение командиру стрелкового корпуса и командиру своей стрелковой дивизии. В донесении я просил уточнить дальнейшую задачу дивизиона. Я отправил двух разведчиков на бронемашине доставить боевое донесение. Они возвратились к вечеру и доложили, что в городе Невель уже находятся немцы, а наши войска отступили на восток в сторону города Великие Луки.

Я понял, что по какой-то причине нам никто не передал приказ о нашем отходе. Я не решился без приказа оставить занимаемый рубеж обороны, поэтому отправил на бронемашине в район Великих Лук своего замполита Валентина Школина и двух разведчиков с донесением.

В тот же день наш начпрод доложил мне, что у нас заканчиваются продукты. Я вспомнил, как телефонистка рассказывала мне о том, что в мае в пионерлагерь «Езерище» было завезено все необходимое для приема детей. И мы с начпродом отправились в детский лагерь, где в подвале обнаружили несколько ящиков с печеньем, пряниками, конфетами и сахаром.

Я приказал начпроду распределить эти продукты по подразделениям в качестве «нз». Через двое суток возвратился политрук Школин с разведчиками и доложил, что нам приказано прорываться к совхозу Ушицы или к станции Кунья, которые находятся на юго-востоке от Великих Лук.

Мы подготовили всю технику к походу, построились в походную колонну и отправились по лесной дороге к назначенному месту.

Над нами пролетели несколько истребителей противника и вслепую выпустили несколько пулеметных очередей по лесу, но ущерба нам не нанесли. На полпути нас обнаружил разведчик «фокке-вульф». Остановившись, мы выстрелили по нему осколочно-фугасными трассирующими снарядами. Самолёт задымился.

В середине следующего дня мы прибыли в совхоз Ушицы.

Перед строем нам был зачитан приказ командира 29-го СК, в котором за успешное выполнение поставленной боевой задачи и вывода дивизиона из окружения мне была объявлена благодарность.

Тогда у меня было всего 2 с лишним месяца командного опыта.

184-я СД и 179-я СД понесли большие потери и были объединены в одну 179-ю СД, а 7-й ОЗАД и 137-й ОЗАД были объединены в 137-й ОЗАД. Командиром 179-й СД был назначен полковник Устинов, командиром 137-го ОЗАД был назначен капитан Пешоаков Александр Степанович, а начальником штаба дивизиона был назначен я.

Командир дивизии полковник Устинов приказал личному составу дивизиона освоить стрелковое оружие. Наш 137-й ОЗАД стал отдельным стрелковым батальоном.

Нас отправили в тыл дивизии, где разместили лагерем в лесу северо-западнее города Торопец. В течение 10 дней мы изучали особенности ведения боя против наземных сил противника.

В связи с прорывом противника, создалась угроза окружения города Великие Луки и возможность прорыва немцев к городу Торопец. Командиру нашего дивизиона было приказано перед своим лагерем срочно оборудовать оборонительный рубеж и не допустить прорыва противника к городу с северо-западного направления.

На своем участке обороны мы оборудовали окопы для стрелков и пулеметчиков, ходы сообщения между ними, блиндажи для личного состава и командный пункт дивизиона.

Для уничтожения танков противника на дальних подступах мы вырыли траншеи, из которых могли в них

бросать противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Кроме того, установили мины на дальних подступах, а на дороге, ведущей к нашему оборонительному рубежу, создали из мин огневой мешок – заминировали обочины дороги на дальних подступах, а саму дорогу заминировали только на ближних подступах.

Ранним утром на выезде из леса появилась группа мотоциклистов и за ними несколько танков противника. Мотоциклисты попали в подготовленную нами «ловушку» - минный огневой мешок. Первый мотоциклист подорвался на мине, установленной на дороге, остальные съезжали с дороги и подрывались на её обочинах. Танки свернули вправо к проселочной дороге, ведущей к городу Торопец, к рубежу обороны батальона, состоявшего из местных жителей.

Вскоре послышалась беспорядочная стрельба. Бойцы местного батальона обороны открыли стрельбу по танкам, когда они были вне зоны досягаемости пулеметного огня. Танкисты засекли все огневые точки батальона и открыли по ним огонь. Бой продолжался до вечера.

Вечером мы отправили разведчиков в район боя. Вернувшись, наши разведчики доложили, что батальон понес большие потери, большая часть батальона отошла на северо-западную окраину города, остальные ушли в лес севернее города, танки противника находятся у развилки дорог, ведущих из города на восток и северо-восток, перекрывая нам пути отступления.

На следующее утро над городом пролетел немецкий разведсамолет. Летчик нас не обнаружил. Во второй половине дня немцы начали массированную бомбардировку города. Это означало, что на следующий день начнется наступление на город Торопец. С наступлением темноты мы отошли в глубь леса, чтобы исключить обнаружение нас противником.

Отступление было возможно только в обход озера и больших болот. Утром следующего дня дивизион стал отступать по этому маршруту. Через двое суток закончились продукты питания. Мы зашли в поселок, жители которого помогли нам с едой.

В следующие дни мы совершили марш на 15 километров, переправились через пойму реки Западная Двина.

2 октября 1941 года мы, в полном составе и с личным оружием, вышли в район расположения штаба нашей 179-й СД, который находился северо-восточнее Андреаполя.

На рассвете 5 декабря 1941 года Калининский фронт нанес удар во фланг подмосковной группировке немцев. На следующий день, 6 декабря 1941 года, войска Западного фронта начали наступление под Москвой.

С 5 декабря 1941 года по 15 января 1942 года наш дивизион действовал в качестве отдельного стрелкового батальона 179-й СД 22-й армии и участвовал в освобождении городов и населенных пунктов юго-восточной части Калининской области (посёлков Лыткино, Ранцево и Брылево, города Селижарово, железнодорожной станции Скакулино).

15 января 1942 года я стал начальником штаба 183-го отдельного дивизиона Резерва главного командования (РГК) смешанного состава из трёх батарей 85-мм зенитных пушек и одной батареи 37-мм АЗП. С убытием командира дивизиона в декабре я исполнял его обязанности. Дивизион прикрывал основную группировку войск 22-й армии в ходе наступательных боев.

Дивизион уничтожил 18 самолетов и 8 танков противника.

20 апреля 1942 года войска Калининского фронта, в том числе 22-я армия, перешли к обороне, фронт стабилизировался. До осени 1942 года дивизионом было сбито и подбито до 10 вражеских самолетов.

Приказом Главного управления Командующего артиллерией Красной Армии № 0402 от 30 декабря 1942 года я был зачислен слушателем Артиллерийской академии имени Дзержинского, где учился с 1943 по 1946 год.

С 1946 по 1954 год служил в Главном управлении Командующего артиллерией Красной Армии.

С 1954 по 1955 год был командиром 993-го зенитно-артиллерийского полка Северо-Кавказского военного округа в городе Грозном. С 1955 по 1958 год служил заместителем командира 41-й зенитно-артиллерийской дивизии в городе Сталинграде.

В 1960 году назначен командующим зенитными ракетными войсками 20-го корпуса ПВО. В 1963 году стал заместителем командира 6-го корпуса особого назначения Московской армии ПВО.

С 30 ноября 1966 года по 20 декабря 1967 года во Вьетнаме, во время американской агрессии, был руководителем советских специалистов ПВО и советником Командующего ПВО и ВВС Вьетнамской народной армии

С 1968 по 1971 год был заместителем начальника боевой подготовки войск ПВО страны в Москве.

С ноября 1971 года 12 лет служил генералом-инспектором Главной инспекции Министерства обороны.

В 1983 году был уволен в отставку.

Награждён: орденом Октябрьской революции (№ 455067), двумя орденами Боевого Красного Знамени (№№ 919115 и 455067), двумя орденами Отечественной войны (2-й и 1-й степени), орденом Красной Звезды (№ 919115), медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги», медалями «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне», а также 24 юбилейными и памятными медалями.

В 1967 году Президентом ДРВ Хо Ши Мином я награжден орденом «За боевые заслуги» 1-й степени, а премьер-министром ДРВ награжден медалью «Дружбы». В 1988 году за образцовое выполнение интернационального долга в Демократической республике Вьетнам я был награжден грамотой Президиума Верховного Совета СССР.

Опубликовал монографии и книги:

- Опыт боевых действий зенитно-ракетных войск в борьбе против американской авиации во Вьетнаме. Воениздат. МВС. 1968 год;

- Сборник задач для тренировок боевых расчетов ЗПВ с использованием тренажера «Аккорд». Калининская армия ПВО, 1969; - Инструкция по взаимодействию ЗРВ с истребительной авиацией (по опыту войны во Вьетнаме). Главный штаб войск ПВО.

Генерал-лейтенант артиллерии в отставке

Депутат Городского Совета города Грозный Чечено-Ингушской АССР с 1945 по 1955 год.

Март 2005 года

Коровушкин Александр Иванович

Уходит в ночь разведка

(продолжение, начало в 7-м томе)

Полшага от смерти

В один из дней наша часть расположилась в поле. Я и ещё несколько радистов сидим возле вверенной мне радиостанции, у которой села батарея питания. Поджидаем полуторку с новыми анодными батареями для нашей станции, общаемся.

Вдруг подбегает капитан – тоже связист. С ходу начинает взволнованно говорить: «Ребята, выручайте, у нас отказала радиостанция, можно воспользоваться вашей? Наша часть должна пройти сюда через лесок, а там немцы засели. Никак им нельзя туда без подкрепления, всех ведь перебьют! Нужно срочно передать – чтоб подкрепления ожидали!»

А у меня полковая радиостанция, и не положено никому давать её, только сменщику. Да и в данной ситуации, что положено, что не положено, а все равно рация неисправна. Я и отвечаю, что сами в таком же положении и ждём новые батареи. И действительно, скоро подъезжает запыленная полуторка.

Спешно выгружаем и открываем ящики. И вот досада: все батареи БАС протекли – сроки их годности давно прошли, и ни одна не уцелела. Что делать? Связи нет, наши на той стороне вот-вот двинутся навстречу неминуемой гибели.

Возле штаба вижу командира, подбегаю. Он смотрит на меня и спрашивает: «Ну что, Коровушкин, делать будем?» Я отвечаю, что есть, на мой взгляд, один выход. В нашем распоряжении было несколько мелкокалиберных орудий, вот я и предложил обстрелять дальний фланг немцев из пушек, тем самым отвлечь их внимание. А в это время отправить несколько человек с необходимыми сведениями к нашим на ту сторону леса. Командир дал добро, только мне не разрешил участвовать в этом задании.

Все началось, как запланировали, правда, снарядов оказалось мало, и немцы все же успели заметить наш отряд, но ребята уже скрылись в высокой траве у опушки леса. Вскоре стрельба прекратилась. А в бинокль мы заметили, как немцы увозят орудия, отступают. Скоро вернулся и наш отряд, без потерь.

Но, к сожалению, на войне далеко не всегда все выходило так гладко, как в тот раз. Случалось, что жизнь от смерти разделяло всего лишь полшага.

Минск, километрах в сорока от него находилась небольшая деревушка, под названием Махновичи, окруженная засеянным ржаным полем. Рожь за лето выросла высокая и густая, выше роста человека, попав в её заросли, невозможно было увидеть ничего дальше метра вокруг.

Советские войска наступали в этом направлении, и только что выбили немцев с этой территории. Мы на машине повышенной проходимости (на базе ГАЗ-АА) в составе колонны военных и боевой техники должны были пройти через эту деревушку. Колонна остановилась в лесу, недалеко от деревни.

Осмотрели местность через бинокль: у ближнего дома кто-то развешивал чистое белье, мне это показалось несколько подозрительным, это вполне мог быть переодетый немец, много тогда было таких случаев. В бинокль видны дома, расположенные по обе стороны вдоль главной дороги; поле, прилегающее к деревне с двух сторон так, что рожь растёт у самых огородов, и дальше, метров через четыреста, виднелся лес. В этот лес нам и нужно было войти, оттуда должно было продолжаться дальнейшее наступление наших войск. Единственный путь проходил через деревню.

В целях безопасности комиссар корпуса, генерал-майор, вызвал к себе отряд разведчиков. Велел им разбиться на две группы, первой группе приказал осмотреть улицу, а второй − если все спокойно, то на мотоциклах въехать в деревню, осмотреть здания и чердаки. Разведка ушла. Ждем. Наконец вернулся командир отряда разведчиков и доложил, что проехали по улице, никого нет, можно идти. Не дожидаясь второй группы, двинулись к деревне по песчаной дороге, двигаться тяжело – машины и люди утопают в песке.

Колонна растянулась. Передовые отделения уже прошли полдеревни, как вдруг в деревне началась стрельба. Немцы! Наша машина, в которой находились 2 радиостанции, не успела еще доехать даже до первых домов. Движение остановилось, и я вышел из машины осмотреться.

Вдруг подбегает младший лейтенант и просит дать ему какое-нибудь оружие, а то свой автомат он оставил в машине – никто не ожидал, что в деревне находятся немцы, но у меня при себе помимо личного оружия был только кинжал, я и отдал его ему. Лейтенант обрадовался и бросился в деревню атаковать немцев с кинжалом в руках. В это время фашисты стали выбегать из домов на улицу, вот тут началась серьезная перестрелка.

Неожиданно наша машина заглохла, водитель кинул мне заводной ключ, а весу-то во мне совсем ничего, но что делать − я изо всех сил поднатужился, навалился всем весом на ключ, крутанул. Порядок, завелась. Ваня Чудов, связист, занял позицию возле пулемета, установленного на крыше машины, и мы двинулись в деревню на помощь нашим.

Когда показались первые дома, немцев с одного конца деревни уже выбили, и они дворами уходили к ржаному полю. Догнали лейтенанта с кинжалом, он вскочил на подножку и поехал с нами.

Вдруг вижу майора, политработника Хомякова, он в отдельном батальоне комиссаром был. Подбегает – автомат просит, когда в деревню вошли, он с кем-то беседовал, и без оружия вышел из машины. Что дать? У меня граната есть в кармане, но он меньше чем на автомат не был согласен. Разговор услышали ребята, сидевшие в кузове, и бросили ему автомат.

И в это время из одного двора выезжает немецкий танк и открывает огонь. Ваню у пулемета и радистку ранило. Мы оказались зажаты между двух соседних домов, один из которых не простреливался. Побежали туда и укрылись во дворе. Напротив дома находился старый сарай с крепкими тяжелыми деревянными воротами. Майор подбежал и занял позицию возле этих ворот.

Прогремел пушечный выстрел. Рвануло возле ворот сарая. Тяжелые деревянные обломки подбросило высоко вверх. Я кричу майору: «Беги!» А он слышит, но не может пошевелиться: молча в ужасе наблюдает, как огромный кусок ворот медленно падает на него. Всё, что он смог сделать, это сдвинуться с места буквально на полшага. Грохот от падения, щепы, разлетевшиеся в стороны. Сквозь поднявшуюся пыль вижу бледное лицо живого майора. Его не зацепило, обломок лишь скользнул по рукаву одежды. Такого выражения лица, как в тот день у этого человека, прошедшего от смерти в полушаге, я больше никогда не видел.

Стрельба не прекращается. Командир корпуса со штабом изначально опередили колонну и уже были на новом месте − управлять нашими действиями совершенно некому. Тут кто-то взял командование на себя и приказал идти цепью вслед за немцами в рожь! А во ржи не видно ничего. И только мы вошли – немцы встретили нас ружейно-пулеметной стрельбой. Поле, высокая рожь, стрельба со всех сторон, стоны раненых и ничего не видно… Пришлось нам выйти на окраину деревни.

Но вот в деревню въехали, по-моему, две тридцать-четверки и самоходка. Остановились между домами. Водители стали спрашивать, где немцы. Я указал, где видел картуз немецкий со свастикой, и орудия открыли огонь. Когда огонь прекратился, мы бросились догонять отступающих немцев. Вышли на узкую дорогу в поле, с нее было хорошо видно, что немцы к лесу отходят. Сразу же по рации сообщили об этом, а в это время наша танковая часть недалеко проходила. К нам подъехали наши танки и ударили по полю! Всю часть немецкую разбили, многих тогда в плен взяли. Выходили немцы из ржи с поднятыми руками.

А во время боя в меня пуля вражеская попала – прямо в автомат на груди. Отскочив, просвистела над самым ухом. Удар был сильный, меня сбило с ног.

Кинжал

Тот кинжал, что я лейтенанту отдал, был немецкий и достался мне совершенно случайно.

Однажды на границе Литвы и Восточной Пруссии, в одно из затиший мы остановились у большого озера. Говорили, что в этом озере водится рыба «сырть». Машины с радиостанциями остановились возле берега. Мы должны были стоять здесь около двух суток. Времени в самый раз, чтобы привести себя в порядок и немножко отдохнуть.

Первым делом нужно было замаскировать технику, так как хоть немцы и отступали, но были всё ещё достаточно близко. Здесь же, на этом берегу озера, чуть поодаль расположилась одна из наступавших с нами саперных частей. Мы спокойно занялись своими делами, как вдруг сильный взрыв раздался недалеко от берега, и огромный столб воды вырос метрах в ста от нас. После взрыва-то столько рыбы всплыло, что все водители, вооружившись вёдрами, поспешили скорей к берегу оглушенную рыбу вылавливать.

Пока в лагере стояла веселая суета, я решил пойти немножко прогуляться в лесок у берега. Иду, смотрю − пересечение двух дорог, а за ним опушка и поле. Дай думаю, посмотрю что там. Иду, радуюсь тишине и спокойствию. От недавно прошедшего дождя под ногами в колеях блестят маленькие лужицы.

Вдруг что-то на дороге привлекло моё внимание. Подошёл ближе – на дороге лежит, видимо в спешке оброненный отступавшими немцами кинжал. Изыскано украшен, на ручке гравировка, видимо принадлежал какому-то немецкому офицеру. Первым делом внимательно осмотрел землю вокруг – нас всякий раз предупреждают, чтобы ничего не поднимали с земли, так как это может быть либо ловушкой, либо сигналом о появлении чужих на территории, стоит только зацепить тоненькую проволочку в траве.

Не заметив ничего подозрительного, решился рискнуть и подобрать кинжал. Быстро окинув местность вокруг взглядом, наклоняюсь к кинжалу, как вдруг раздается резкий свист, брызги от лужицы возле моей руки разлетаются во все стороны. Пуля! Немецкий снайпер! Я сразу же отскочил и

укрылся в лесу. Хитрый немец, видимо, специально остался, не отступил со всеми, чтобы поохотиться, да такую приманку подложил! Но ничего, я-то хитрее, слишком уж приманка хороша! «Что делать?» - думаю. А у меня всегда нож с собой.

Выбираю ветку орешника подлиннее, срубаю ее и подкрадываюсь поближе к месту, где кинжал оставил. Оценил обстановку, нашёл место − куст, где, по моим предположениям, снайпер не сможет меня достать, и осторожно веткой вытащил кинжал из сектора обстрела. Всё, кинжал мой! Рискованно, зато находка моя! Кручу в руках. На одной стороне нанесена надпись по-немецки «Крафт Ан Мессер», что означает «Кровь на ноже». На обратной – фамилия какого-то немца, с приставкой «фон», видимо, аристократических кровей. Ну, добыча моя, можно и возвращаться. Повернул обратно. По доносящемуся с берега чудесному аромату догадываюсь, что механики-водители постарались на славу, ушица должна быть что надо. Но только-только сняли котелки с огня, только расселись – команда: «По машинам!» Эх, так и не удалось попробовать ушицы из «сырти».

Март 2015 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Шилин Дмитрий Витальевич****, студент 2-го курса факультета «Авиационная техника» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Крамаренко Сергей Макарович

До верхушек деревьев метров 15

Я родился 10 апреля 1923 года в селе Калиновка Роменского района Сумской области. По национальности - украинец.

Школу окончил в июне 1940 года. Перед окончанием школы писал письмо в военкомат с просьбой отправить меня в военное летное училище Борисоглебска, но мест там не было.

Поехал в Москву поступать в институт. У меня все оценки были «отлично», кроме пения. Подал документы в МАИ, но там сказали, что мест в общежитии нет. Пошел в институт связи, там тоже не было мест в общежитии, затем пошел в институт инженеров железнодорожного транспорта, где мне сказали, что есть набор в электромеханическом институте, который находился рядом, и там прекрасное общежитие. Меня туда приняли. Проучился два месяца.

В это время стране требовалось больше военных летчиков. Был увеличен набор в аэроклубы, я сразу же пошел в комитет комсомола и попросил, чтобы меня направили в аэроклуб. Меня туда направили, но не хотели отпускать из института. Комитет комсомола настоял, и мне дали направление в аэроклуб.

Меня приняли. Ноябрь-декабрь занимались. Январь, февраль и март летали. К концу марта закончил программу с

налетом в 16 часов, меня направили в Борисоглебское летное училище, в военную школу летчиков (ВШЛ).

1 апреля 1941 года меня зачислили курсантом Борисоглебской ВШЛ.

Месяц занимались строевой подготовкой, затем теорией, а потом начались полеты на самолетах «УТ-2».

В день, когда началась война, мы должны были ехать на речку купаться. Поездку отменили, всем приказали собраться перед штабом летной эскадрильи. Прослушали речь Молотова и нам объявили, что обучение продлится не три года, а год.

Начали учиться летать на самолетах «И-16». В конце декабря нас должны были отправить защищать Москву, но было объявлено, что в школе теперь будут обучать по новой программе – летать на самолетах «ЛаГГ-3».

Мы стали изучать «ЛаГГ-3». В мае 1942 года начались полеты, я совершил два полета. В это время немцы стали наступать на Сталинград.

Школу перевели за Волгу, а нас, восемь человек, отправили в Арзамас в запасной авиационный полк для ускоренного обучения.

Когда мы приехали, командир спрашивал у каждого, сколько часов налетал: первый налетал – 4 часа, второй – 2 часа, третий – 2 часа. Седьмой, Гринько, сказал, что совершил один полет. Командир подумал и сказал: «Нет, извините, мы вас учить не будем. Мы вас отправляем обратно в летную школу».

А у меня было всего 2 полета. Я подумал, что документов никаких нет, и сказал, что у меня 20 полетов. Он сказал, что посмотрит, как мы летаем. А летал я хорошо. К нам добавили еще одного летчика, а Гринько уехал. Там мы были ровно месяц, я налетал 16 часов на «ЛаГГ-3».

Через месяц нас, восемь летчиков, направили под Москву. Это было в конце августа 1942 года. Приехали в штаб 1-й воздушной армии. Нас направили в 523-й полк 303-й дивизии, под Сухиничи.

Командиром полка был майор Голубев Анатолий Емельянович. Он обрадовался, ведь у него было всего 5 летчиков, а теперь стало 13.

Начали летать, самолет «ЛаГГ-3» был один в полку. На этом «ЛаГГ-3» мы 4 месяца совершали тренировочные

полёты. Летали на самолете по двое, проходили «слепую» подготовку. Для обучения летать по приборам, нам закрывали кабину колпаком, чтобы, если попадем в облака, не потеряли ориентацию и умели пилотировать по приборам.

Наступил 1943 год. Полк получил самолеты «ЛА-5». Мы прошли тренировку и через 2 недели начали летать на линию фронта.

Я был в эскадрилье Еличева. Я прикрывал ведущего летчика.

Нашей задачей была поддержка наземных войск с воздуха. Я старался держаться близко к ведущему. Он меня отругал и сказал, чтобы я находился подальше от него, иначе не смогу предупредить атаку и сбить противника, который может его атаковать.

23 февраля вылетели звеном, командиром был Саша Рыжов. Подлетели к линии фронта, Рыжов передал: «Впереди бомбардировщики, атакуем!»

Пока я смотрел, где эти бомбардировщики, мое звено ушло вперед, а я не знал, что делать. Подумал, что надо догнать, добавил обороты. Вдруг перед собой я увидел два самолета с крестами. Они разворачивались за нашим звеном из трех самолетов.

Я спикировал, поднял нос самолета, держа противника на прицеле, жму на курок. Пушки заработали. Оба самолета ушли вверх. В это время перед собой увидел «трассу» пуль. Я посмотрел влево: два других самолета стреляли по мне. Я сразу сделал переворот, ушел под них, спикировал. Земля уже близко, взял ручку на себя, поднялся вверх, сделал боевой разворот.

Два самолета продолжали гнаться за мной. Мимо правого крыла прошла «трасса». Я снова сделал переворот, снова вниз, второй раз делаю переворот и снова «трасса». Тогда я подумал: «Сейчас убьют».

Я сделал переворот и на перевороте разворот на 180, пошёл в обратном направлении в сторону противника. А земля рядом, до верхушек деревьев метров 15! Посмотрел назад: никого нет.

Перед этим мы сопровождали 30 бомбардировщиков «Пе-2» в полете на Брянск. Я шел самым последним, командир эскадрильи был моим ведущим. Вдруг я вижу, что нас

догоняют 2 истребителя «Фокке-Вульф-190». Я ушёл вверх, они за мной, атакую, стреляю сверху, один самолет уходит, стреляю по второму - тоже ушел. Не знаю, сбил я их или нет, но больше они нас не тревожили.

Утром 5 мая 1943 года мы летали на Сещу штурмовать местный аэродром. Прилетели мы туда, а немцы уже подняли свои самолеты. Сбили командира другой эскадрильи и моего ведущего. Командир эскадрильи погиб, а ведущий попал в плен.

В мае и июне летали вдоль линии фронта, прикрывали войска. Поступило сообщение, что немецкая артиллерия использует аэростат для коррекции стрельбы. Нам приказали его обнаружить. Мы вылетели звеном, командиром был Мишенков. Я был командиром пары самолетов, шел слева, а Мишенков - справа впереди.

Подлетаем к линии фронта, он дал команду: «Разворот влево». Я развернулся и вышел вперед. Впереди увидел висящий аэростат. До цели осталось метров 500. Открыл огонь. Аэростат вспыхнул. Я доложил, что сбил аэростат. На место крушения послали 2 самолета, летчики сообщили, что аэростат уничтожен.

Во время Курской битвы мы прикрывали бомбардировщиков и штурмовиков. Меня в составе звена отправили на штурмовку поезда. Атаковали поезд, попали в котел паровоза, поезд остановился.

Генерал-лейтенант Новиков формировал новый полк. Из дивизий потребовали отправить по одному летчику, желательно, командиров эскадрилий. Командир нашей дивизии сказал, что направит ему молодого летчика, который прекрасно воюет.

Я на тот момент сбил 6 самолетов, но это только те, уничтожение которых подтвердили. Я был направлен в Сейму в 19-й Краснознаменный полк.

Полк возглавил Лев Львович Шестаков, который был до этого командиром 9-го гвардейского полка.

Три месяца мы находились на станции «Чкаловская», а в январе вылетели на фронт. Долетели до Орла. Погода ухудшилась. Из-за плохой погоды смогли перелететь под Киев только через две недели, а затем убыли в район Бердищева.

13 марта 1944 года командир полка Шестаков вступил бой с группой бомбардировщиков. Он приблизился к ним, открыл огонь. Он попал в бомбу, находившуюся на борту бомбардировщика. Взрывной волной и осколками этой бомбы задело самолет Шестакова. Самолет перешел в штопор, он пытался выпрыгнуть из самолета, но не смог. Лев Львович Шестаков погиб.

19 марта я летел в звене капитана Маслякова. За линией фронта увидели 9 бомбардировщиков «JU-88» и 6 истребителей «Ме-110». Масляков атаковал ведущего, а я – замыкающего. Я открыл огонь – замыкающий загорелся. Я начал стрелять по второму. В это время истребитель «Ме-110» атаковал меня. У моего самолета загорелись провода, кабина вспыхнула, я выпрыгнул, открыл парашют, опускаясь, ударился о землю, потерял сознание. Оказался в плену. Через шесть дней нас освободили наши войска. Был отправлен в госпиталь в Москву.

После госпиталя вернулся в полк. Заместителем командира нашего полка был Кожедуб. Я летал на самолете «Ла-7». Через неделю командир эскадрильи назначил меня ведомым к штурману полка Герою Советского Союза майору Куманичкину, который только что прибыл в наш полк.

Во время выполнения одного из боевых заданий, увидели бомбардировщики «Фокке-Вульф-190». Куманичкин сбил один самолет, стреляет по второму, я его прикрываю, отбиваю атаки. В ходе этого боя потеряли Гришу Орлова. Он стрелял по немецкому самолету и поджег его, стал стрелять по второму, а летчик в горящем немецком самолете, атаковал Гришу Орлова и сбил его. Три самолета упали.

На следующий день засчитали, что нами было сбито восемь самолетов.

2 мая мы атаковали колонну машин, следовавшую из Берлина.

Потом находились на аэродроме Вернойхен, западнее Берлина. В конце июня получили приказ: погрузить самолеты и следовать на Дальний Восток. Ехали около двух недель. Это уже была середина августа. Когда подъехали к Москве, нам сообщили, что война закончилась. Наши бойцы разгромили японцев.

Главнокомандующий принял решение полк оставить в Москве. Мы пять лет находились на аэродроме рядом с деревней Мамыри. Летали на «ЛА-7», потом на «ЛА-9», потом получили реактивные самолеты «ЯК-15», «ЯК-17».

В конце 1950 года получили самолеты «МиГ-15».

В конце сентября в полк приехал заместитель командующего ВВС Московского военного округа генерал Редькин. Он собрал летчиков и спросил, есть ли желающие добровольно оказать помощь Корее.

Руки подняли почти все. От нашего летного полка было 50 добровольцев, из них отобрали 30.

Нас эшелоном отправили на Дальний Восток. Приехали в Маньчжурию. Мы воевали там как корейские добровольцы. Я сбил там 19 американских самолетов, но записали только 13, так как шесть упало в море, и их не засчитали.

12 апреля наш полк вел воздушный бой с американскими бомбардировщиками и истребителями. Мы сбили пять самолетов. Я сбил их ведущего. Американцы хотели разбомбить корейскую электростанцию, а мы её прикрывали.

Однажды я увидел восьмерку «сейбров», приблизился к ним и открыл огонь. В этот момент сзади по мне стрелял другой «сейбр». Он промахнулся. Я сделал переворот и спикировал. За мной погнались три самолета.

Внизу увидел кучевые облака. Направился в центр облака на высоте примерно 3000 метров. В облаке сделал разворот влево, проскочил его и сделал боевой разворот вправо.

Я увидел, что они летят уже внизу и ищут меня. Я спикировал на них. Они разделились: двое ушли влево со снижением, а третий - вправо с набором высоты. Я атаковал верхнего, открыв огонь. От американского самолета полетели обломки, он накренился и стал снижаться.

Я оглянулся и увидел за собой два самолета. Они начали стрелять. Я снова вошел в облако и сделал разворот вправо, думая, что они пойдут влево, но они разделились. Вышел из облака, а один самолет уже «висит» у меня на хвосте. Я сделал боевой разворот.

Мимо крыла моего самолета опять прошла «трасса». Снова делаю два переворота. Стреляют уже сверху. Сделал переворот со снижением. Они отстали от меня.

Уже были близко наши зенитки, которые находились возле водохранилища. Американцы стали меня догонять. Зенитки открыли огонь по мне и по противнику. Я опять нырнул в облако, прошел сквозь него и вернулся на аэродром.

В последнем бою меня сбили, но я прыгнул с парашютом и остался в живых.

После войны окончил академию, командовал полком, затем – дивизией. В 60 лет вышел в отставку в звании генерал-майора.

В 1951 году мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Награждён: медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза (№ 9283), орденом Ленина, двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени.

Ноябрь 2013 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Тарасов Даниил Олегович,*** *студент Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Крюков Георгий Иванович

Нагрузка на понтонеров была огромной

(продолжение, начало в 6-м томе)

По нашей «жердёвке» прошли танки и артиллерия

22 июня 1941 года майор А.Д. Цирлин, построив личный состав училища на внутреннем дворе Михайловского (инженерного) замка, объявил о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз, о начале боевых действий на всей западной границе СССР и переходе училища на сокращенный срок обучения.

Через 6 месяцев нам присвоили звания лейтенантов и группами направили на различные участки фронта от Ленинграда до Одессы.

Наша группа из 26 человек, под командованием командира курсантского взвода лейтенанта Бориса Васильевича Затылкина, прибыла в район станции Нахабино Московской области.

Я был назначен командиром понтонного взвода в понтонную роту, где командиром был старший лейтенант Кузьминский. Командиром 61-го отдельного понтонно-мостового батальона (ОПМБ) был Герой Советского Союза капитан Павел Васильевич Усов. В период моей учебы в

училище, он был преподавателем переправочного дела. Он учил нас на основе своего опыта понтонера, приобретенного во время войны с Финляндией в 1939 году.

В конце января 1942 года наш батальон должен был обеспечить переправу войск 43-й армии и конников 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Река Угра была до 50 метров шириной, с толщиной льда до 25 сантиметров, местами с промоинами, что не позволяло переправить технику по льду.

Ночью, вдали от магистральных дорог, между Киевским и Варшавским шоссе, мы навели два моста грузоподъёмностью 16 тонн и одну паромную переправу грузоподъёмностью 60 тонн. Днем их снимали, а по ночам в течение недели по ним переправлялись войска.

В конце марта 1942 года наш батальон был переведён в район станции Нахабино Московской области, где занимался разминированием минных полей.

Мой взвод занимался разминированием в районе деревень Талицы и Снегири (Волоколамское шоссе). Здесь находились десятки немецких танков с перебитыми гусеницами и проломленными днищами. Некоторые мины были неизвлекаемыми, мы их стаскивали с места, цепляя «кошкой». Было снято более 3000 мин.

В середине апреля 1942 года наш сапёрный батальон севернее города Можайска наводил переправы через реки Руза и Москва.

Наш полк постоянно подвергался авиационной бомбардировке, мы несли большие потери, но, несмотря на это, не было случая срыва графика переправы войск 16-й и 20-й армий.

В июне 1942 года наш батальон был направлен в район между железнодорожными станциями Шаховская и Ульяново, в распоряжение 20-й армии, где построил жердевую дорогу («жердёвка») для переправы танков и артиллерии через болота Калининской области в сторону Погорелое-Городище, в 17 километрах восточнее города Ржева. Длина «жердёвки» была 8 километров.

Работы по сооружению «жердёвки» шли и днем, и ночью с соблюдением строжайших мер маскировки. Курили только «в рукав».

Фашистская авиация ежедневно бомбила станции Княжьи Горы и Шаховская.

За две ночи до наступления по нашей «жердёвке» прошли танки и артиллерия. Под тяжестью техники бревна и жерди ломались и крошились, почти половину из них пришлось заменить. Особенно много работы было на участках, где «жердёвка» проходила по глубоким трясинам. «Работа не пыльная!» - шутили мои понтонеры-острословы.

20-я армия наступала. Линия фронта перемещалась в сторону Сычевки. Там шло настоящее побоище. Это было видно по потоку раненых, возвращавшихся в тыл по нашей «жердёвке».

В последние дни августа фашисты обнаружили нашу «жердёвку» и начали её бомбить. Болото и трясина иногда «глотали» бомбы и те не взрывались, но «жердёвка» устояла.

20 августа 1942 года в 4 часа утра несколько десятков бомбардировщиков «хенкель» сбросили весь свой бомбовый груз на район размещения нашей понтонной роты. Более половины личного состава было ранено, много бойцов погибло. Умер на операционном столе командир понтонного взвода лейтенант Петр Клунный. Погиб лучший понтонер моего взвода ефрейтор Гольтяев. Я тоже был тяжело ранен и отправлен в госпиталь №2804, находившийся в селе Лысково у города Горький.

27 января 1943 года я был выписан из госпиталя, а 1 февраля 1943 года был направлен в 161-й отдельный инженерно-саперный батальон (161-й ОИСБ), где был назначен командиром взвода управления и разведки. Командиром 161-го ОИСБ был капитан Дмитрий Дмитриевич Абашин.

После возведения моста через реку Яхрома в городе Дмитрове, батальон располагался в здании Всесоюзного института экспериментальной медицины недалеко от станции метро «Сокол» в Москве.

В конце марта 1943 года наш батальон вошёл в состав 17-й инженерно-саперной бригады и был передислоцирован под город Серпухов в посёлок Пролетарский.

В конце мая железнодорожным эшелоном батальон был переправлен в район города Козельска. Мы вошли в состав

1-го танкового корпуса (1-й ТК). Командиром корпуса был генерал-майор Василий Васильевич Бутков.

Наш 161-й ОИСБ был переведён на новый штат и стал 183-м ОСБ.

12 июля 1943 года началось контрнаступление на Курской дуге. Наш 1-й ТК вошел в прорыв в направлении городов Карачев и Брянск. На второй день наступления части корпуса освободили деревню Ульяново (14.07.1943). Мы, разведчики 1-го ТК, вели разведку для передового отряда корпуса. Противник отходил главным образом по основным дорогам. Мы, продвигаясь по проселочным дорогам, сообщали передовому отряду корпуса маршруты обхода противника. Танковые бригады обходили отступавшего противника и громили его, когда он был на марше.

В ночь на 7 августа мы вышли к станции Хотынец. Нам, разведчикам, из показаний пленных стало известно, что для обороны станции немцы на подступах к ней сосредоточили две дивизии, артиллерию, танки и два бронепоезда.

Двое суток 1-й ТК, 36-й и 8-й гвардейские корпуса вели бои за станцию. К утру 10 августа станция Хотынец была взята.

Конец фашистскому бронепоезду

Наша разведгруппа под командованием старшего лейтенанта Николая Гилязова, «на плечах» отступавшего противника вошла в город Карачев. Мои саперы-разведчики приступили к разминированию главной улицы города, по которой должна была пройти 159-я танковая бригада - передовой отряд 1-го танкового корпуса.

Разведчики уже обезвредили около 200 мин, когда начался плотный артиллерийский обстрел с немецкого бронепоезда.

Мне было приказано уничтожить часть железнодорожных путей со стороны Брянска.

Взяв с собой двух разведчиков, ефрейтора Сергея Тарасенко и рядового Николая Зубарева, я отправился к месту, где приблизительно должен был остановиться последний вагон бронепоезда. Заложили по 800 грамм тротила под каждый рельс, вырыли окопчик метров за 80 от места

будущего взрыва. Проверили несколько раз электровзрывную сеть и стали ждать бронепоезд.

Рано утром бронепоезд проехал мимо нас. Он маневрировал вперед-назад, а из его пушек был открыт огонь по нашим войскам.

Взрыв нашего фугаса прогремел не особенно громко, но свое дело сделал.

Когда закончились снаряды, да к тому же получив несколько пробоин от снарядов нашей артиллерии, немцы на бронепоезде должны были возвращаться. Подъехав к месту взрыва нашего фугаса, бронепоезд остановился. Вокруг него продолжали рваться снаряды нашей артиллерии.

Из открывшихся дверей вагонов стали выпрыгивать немцы. Они убегали в сторону Брянска.

Мы вернулись и доложили в оперативную группу корпуса об уничтожении бронепоезда.

После взятия станции Хатынец и города Карачева командир 1-го ТК генерал В.В. Бутков вручил рядовому, сержантскому и офицерскому составу боевые награды.

Мне генерал вручил медаль «За отвагу» и орден Отечественной войны 2-й степени. Орденом Красной Звезды были награждены разведчики: старшина Максим Муценко, старший сержант Александр Бородин, сержант Николай Линев. Орденами «Славы» 3-й степени награждены рядовые: Николай Зверев, Владимир Евлапиев, Александр Гусаров, а также ефрейтор Сергей Тарасенко.

Февраль 2004 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Екименко Андрей Николаевич****, курсант 3-го курса факультета военного обучения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

Лёвкин Василий Андреевич

Это был крейсер «Адмирал Шеер»

Для меня Великая Отечественная война началась в июле 1941 года. После окончания Серпуховского военного училища я был направлен в город Воронеж в 7-й бомбардировочный полк техником по обслуживанию самолётов ДБ-3Ф (дальний бомбардировщик). Наш аэродром находился в населённом пункте Левая Россошь Воронежской области.

25 сентября 1941 года я готовил самолёт к ночным полётам. Вдруг слышу стрельбу зенитных орудий. Выскочив из самолёта, побежал в укрытие, так называемую щель, выкопанную в земле на удалении 10-15 метров от самолёта. Вражеский самолёт, сбросив 10 бомб, ушёл на свою базу. Одна из этих бомб попала в мою щель, но не разорвалась, а раскололась пополам. Это было везение.

До войны я окончил фабрично-заводское училище, начал работать на заводе «Шарикоподшипник», поступил в аэроклуб, летал пилотом на самолёте У-2 (позже он назывался ПО-2 или «кукурузник»). Когда в аэроклуб пришла комиссия набирать лётчиков для обучения полетам на истребителях, выяснилось, что меня взять не могут - у меня не хватало всего двух сантиметров длины ног! Я очень расстроился, пошёл в военкомат с просьбой направить меня в военное училище, но и здесь меня ждало разочарование: оказалось, что у меня, хорошего специалиста, наладчика дорогостоящих токарных автоматов производства Германии, Италии и США, на заводе

была «бронь», то есть я был освобождён от службы в армии. Но я пошёл учиться на авиационного техника с надеждой, что всё равно стану лётчиком.

21 июля 1941 года фашисты бомбили Москву. Курсантов, окончивших техническое училище, направили для прохождения службы в Воронеж. На аэродроме Левая Россошь, в 50 километрах от города, стоял полк бомбардировщиков. Каждый двухмоторный самолёт обслуживали два моториста и один техник. Лётчики учились, в основном, ночному пилотированию, техники ремонтировали самолёты.

Немцы уже приблизились к Воронежу, когда пришёл приказ: исправные самолёты перегнать на фронт, а неисправные демонтировать и вместе с техниками отправить в глубокий тыл.

20 дней мы ехали в теплушке. Привезли нас в город Бузулук Чкаловской области (сейчас – Оренбургская область), где мы собирали новые бомбардировщики ДБ-3Ф, прибывшие из Комсомольска-на-Амуре с завода в разобранном виде, и отправляли их на фронт.

В марте 1942 года вышел приказ товарища Сталина: всех, имеющих навыки лётного дела и желающих летать, направить в лётные училища. Так сбылась моя мечта. Я написал рапорт и в апреле 1942 года был направлен в лётную школу № 17 города Майкопа.

В Майкопе я начал летать на УТ-2 - «уточке», так мы его называли. Прибывшая из Борисоглебска комиссия набирала лучших курсантов для обучения полётам на истребителях И-16, в их число вошёл и я. Но фронт приближался, и был приказ: сберечь летный состав! Всех отправили в тыл продолжать обучение. Училище было перебазировано в город Кировабад, а оттуда я был направлен в город Саранск в Третье военно-морское училище лётчиков-штурмовиков, которое окончил в июне 1944 года и был срочно направлен на фронт лётчиком-штурмовиком в 7-й гвардейский штурмовой авиаполк ВВС Краснознаменного Балтийского Флота. Полк базировался на аэродроме города Котлы Ленинградской области в 70 километрах западнее Ленинграда. Командиром полка был дважды герой Советского Союза подполковник Мазуренко.

С июня месяца 1944 года по 9 мая 1945 года я совершил 30 боевых вылетов, принимал участие в освобождении городов Тарту, Таллин, Пярну, Рига; островов Саарема (Эзель), Муху, Даго, а также во взятии городов Кёнигсберг, Пиллау, Гдыня, Цопот, Данциг, Кольберг и Свинемюнде.

Наш полк базировался на аэродроме Пярну в Эстонии. Однажды во время боевого вылета в мой самолёт попал снаряд от зенитной пушки и прошёл в 2 сантиметрах от тяги руля высоты. Если бы он повредил тягу, плавал бы я на дне Балтийского моря.

24 октября 1944 года. Сухопутные войска освобождали остров Эзель в Эстонии. Корабли противника вели интенсивный обстрел переднего края наших позиций. Командование приказало отправить шесть самолётов-штурмовиков Ил-2 для удара по кораблям противника, в число этих летчиков вошел и я. Поскольку тип кораблей, по которым надо нанести удар, был не известен, то был дан приказ снарядить три самолёта 250-килограммовыми бомбами и 3 самолета – 100-килограммовыми. Бомбы были с замедленным действием (замедление взрыва в 5-7 секунд), так как высота сбрасывания всего 100 и даже 70 метров.

В районе острова была десятибалльная облачность, видимость 2-3 километра, а видимость в облаках 100-200 метров и меньше. Мы долго не могли обнаружить противника. В просвете между облаками я увидел группу кораблей противника и выбрал самый большой – это был крейсер «Адмирал Шеер», как позже выяснилось при фотоконтроле.

Из-за плохих метеоусловий я вышел из облаков в пикирование поперёк корабля. Одна из бомб по касательной упала на корму корабля, так как бомбометание происходило на малой высоте. Крейсер произвёл три выстрела из крупнокалиберных (283 миллиметра) орудий. Снаряды упали в воду по моему курсу на расстоянии 100-150 метров, поднимая столбы воды. Я произвёл разворот со скольжением, чтобы площадь самолёта была наименьшей для поражения кораблями противника.

После моего возвращения с задания, уточнив по фотоснимку, что этот был крейсер «Адмирал Шеер»,

командование приказало нанести удар по группе кораблей силами Балтийского Флота: авиацией (штурмовики и пикировщики), торпедными катерами и подлодками. Крейсер «Адмирал Шеер» был повреждён и ушёл на ремонт в сопровождении двух тральщиков, двух миноносцев, двух БДБ (быстроходная десантная баржа) на военно-морскую базу Данциг.

Полк базировался на аэродроме Эльбинг (Восточная Пруссия). Мы 12 апреля 1945 года получили команду нанести удар по военно-морской базе противника Пиллау (это севернее Кёнигсберга на 3-5 километров). Военно-морскую базу Пиллау обороняла большая группировка сил противника. У них были истребители «Фокке-Вульф-190», корабли и большое число зенитных орудий.

В момент атаки в мой самолёт попал осколок от зенитного снаряда и пробил водяной радиатор. Оценив обстановку, я установил экономичный режим работы двигателя и шёл уверенно на аэродром посадки. Запросил по радио разрешение произвести посадку вне очереди. Выпустил шасси, произвёл посадку, а в конце пробега двигатель заклинило от перегрева. Но я уже был на земле.

Аэродром Мариенбург, Восточная Пруссия. 20 апреля 1945 года. Полк наносил удар по военно-морской базе Данциг. Во время атаки с углом пикирования 50-60 градусов самолёт перешёл в отрицательное пикирование. С большим трудом вывел самолёт из создавшегося положения на высоте 15-20 метров от воды, но из-за большой перегрузки оторвалось сиденье стрелка. Он упал на пол, связь с ним прекратилась. После посадки доложил руководству о случившемся. Самолёт признали негодным к эксплуатации и отправили на металлолом.

Для меня война закончилась 9 мая 1945 года, в этот день я не летал.

На мой счёт по окончании войны в штабе 7-го гвардейского авиаполка было занесено:

«В групповых вылетах уничтожено кораблей противника: транспорт – 3 единицы, эсминец – 1 единица, миноносец –

1 единица, БДБ – 2 единицы, СКР (сторожевой корабль) – 1 единица, тральщик – 1 единица, мотобот – 1 единица; повреждено: крейсер ”Адмирал Шеер” и линкор ”Гнейзенау”».

За успешные боевые действия, за потопленные и повреждённые корабли, нанесение большого ущерба военно-морским базам и портовым сооружениям я был награждён двумя орденами Боевого Красного Знамени. Первый орден Боевого Красного Знамени был вручен мне в ноябре месяце 1944 года (№ 1215520). Второй орден Боевого Красного Знамени был вручен в марте 1945 года (№ 7955/11). А также я получил пять благодарностей от Верховного Главнокомандующего Сталина. За 20 лет службы в Вооружённых Силах был награждён пятью орденами и 24 медалями.

За войну я не получил ни одного ранения, но почти в каждом вылете «ранения» получал мой самолет от осколков зенитных снарядов, но, благодаря высокой живучести Ил-2, я всегда добирался до аэродрома.

В мирное время передавал боевой опыт молодому лётному составу. Демобилизовался в 1960 году в связи с сокращением Вооружённых Сил СССР.

Из нашей семьи три человека защищали Родину: это мой отец Андрей Спиридонович Лёвкин (1901 года рождения), мой брат Александр Андреевич (1923 года рождения) и я. Отец и брат погибли на фронте, а мне повезло, я остался жив.

Октябрь 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Пиговкин Иван Сергеевич****, студент 2 курса факультета «Авиационная техника» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Марков Владимир Иванович

Партизанский отряд «За Родину»

Я родился 21 февраля 1921 года в деревне Хотеево Ельнинского уезда Смоленской губернии (сейчас - Глинковский район Смоленской области).

В 1939 году, после окончания школы в городе Ельне, где моя мать Ксения Трофимовна Маркова работала учительницей, я поступил в Московский педагогический институт, чтобы продолжить педагогическую семейную традицию. Мой отец, Марков Иван Михайлович, тоже был учителем - с 1903 года до своей кончины в 1924 году.

Начавшаяся в Европе в 1939 году война изменила планы всех моих сокурсников. В ноябре 1939 года студентов первых курсов института призвали в Красную Армию.

После окончания школы младших командиров в приграничном городе Перемышль Львовской области, в 1940 году я стал старшим сержантом-радиотелеграфистом, а затем и начальником полковой радиостанции в 159-й стрелковой дивизии. В составе этой дивизии первое боевое крещение получил 22 июня 1941 года на границе около города Перемышль.

С тяжелыми боями нам пришлось отступать на восток. К августу 1941 года дивизия утратила более половины состава и, переправившись через Днепр южнее Киева, мы получили несколько дней для передышки и переформирования.

Немецкая армия форсировала Днепр севернее и южнее города Киева, окружив основные силы Юго-Западного фронта. Попытки вырваться из окружения были безрезультатны, поскольку линия фронта передвинулась далеко на восток. В этих условиях я объединил группу солдат и офицеров для партизанской борьбы в лесах Гомельской, Могилевской, а затем и Смоленской области.

В феврале 1942 года я со своей группой вошел в состав партизанского полка имени С. Лазо. Полк действовал в Ельнинском районе Смоленской области. Я был назначен командиром взвода, а затем начальником разведки 3-го батальона. Мне присвоили звание лейтенанта.

В апреле 1942 года в полк имени С. Лазо вступила и моя мать, Ксения Трофимовна Маркова. Она была награждена медалью «За боевые заслуги» и до выхода на пенсию работала учительницей в Подольском районе Московской области.

Летом 1942 года полк освободил от захватчиков население в Ельнинском, Глинковском и в других районах Смоленской области.

В августе 1942 года, снятые с основного фронта регулярные части немецкой армии при поддержке авиации, танков и артиллерии, заставили полк имени С. Лазо оставить эти населенные пункты и отступить в леса, а также небольшими группами выходить из окружения в западные районы и через фронт.

Я был назначен командиром одной из групп, которая должна была пробиваться на запад для развертывания партизанской борьбы в новых районах.

Хорошо зная дислокацию противника, мы вырвались без потерь из окружения и начали рейд на запад. Шли ночами, обходя вражеские гарнизоны. В деревне Заболотье наткнулись на засаду полиции. В перестрелке были убиты два партизана.

В начале сентября 1942 года около деревни Родня Костюковического района был тяжело ранен в ногу партизан Здоровенков. Самостоятельно передвигаться он не мог. Мы сделали носилки, на которых поочередно несли раненого.

Движение группы замедлилось. За ночь преодолевали не более 10 километров. Стал вопрос о выборе временной базы. В одну из ночей около деревни Гослив Краснопольского района встретили в лесу парня лет 15-ти - Мишу Злотина. Его мать и

сестер расстреляли в Костюковичах, а ему удалось бежать. Он в течение месяца пытался найти партизан.

По совету Миши мы решили остановиться в лесном урочище Хоровынь, расположенном на стыке Климовического, Краснопольского и Костюковического районов.

Приближались холода, необходимо было подготовить базу для партизанских действий в условиях зимы. В лесу вырыли землянку, соорудили в ней нары, установили железную печурку. Выпавший снег помог решить проблему воды.

Сразу же начали устанавливать связи с местным населением. На этом этапе большую помощь в организации партизанских действий оказал Миша Злотин, хорошо знавший район и людей, на которых можно было бы положиться.

Первыми связными отряда были: Пелагея Илларионовна Никитенко, Мария Галаенко, учительница Мария Жукова, Софья Савкина, сестры Валя и Ефросиния Медведские. С их помощью устанавливались первые связи с преданными Родине партийно-хозяйственными работниками, не успевшими эвакуироваться, а также с попавшими в окружение военнослужащими, некоторые из которых имели оружие. Они были приняты в отряд.

В ноябре месяце в урочище Хоровынь произошла наша встреча с партизанскими группами Солдатенко и Сигаева.

25 ноября на общем собрании партизан приняли решение объединиться в партизанский отряд «За Родину», командиром которого избрали меня - лейтенанта В. Маркова, а комиссаром - И.С. Солдатенко. В отряде теперь было 47 человек, он состоял из трех взводов. На вооружении было 12 автоматов, по 200-300 патронов на автомат, 35 винтовок, гранаты. Боевые действия объединенного отряда стали ощутимыми для врага.

Нами были разгромлены фашистско-полицейские участки в Забычанье, Савиничах, Горках и других населенных пунктах.

Фашисты решили уничтожить отряд. 16 декабря 1942 года карательный отряд неожиданно напал на партизанский лагерь.

Постовой Петр Петрович Знамин первым обнаружил гитлеровцев в трехстах метрах от лагеря. Выстрелами из винтовки он предупредил партизан об опасности. Раненый в обе ноги, он, отстреливаясь, отполз к лагерю.

Завязался неравный бой нашего партизанского отряда с гитлеровцами. Используя ранее подготовленные окопы, мы отбили лобовую атаку врага.

Бой длился несколько часов.

Учитывая, что патроны были на исходе, мы с наступлением сумерек решили отойти вглубь леса. Начальник разведки отряда лейтенант Сладков предложил план отхода через болото. Мы вышли из окружения, взяв с собой всех раненых. В этом бою погибли партизаны Сорока и Гавриленко, четверо партизан были тяжело ранены, в том числе и я - командир отряда.

Наступили тяжелые для отряда дни. Каратели преследовали наш отряд по пятам. В стычках с ними погибли партизаны Пипченко и Хейдер.

В условиях сильных морозов и глубокого снега мы совершили рейд, останавливаясь у деревень Титовка, Сосновица, Горезна, Норкино. Питались кониной, спали на снегу, подстилая еловые ветки, обогревались у костра. Медицинскую помощь раненым партизанам оказывали врач И.Н. Миголеня и его жена.

Я потерял много крови, моё состояние ухудшалось, поэтому 26 декабря я был переправлен к надежным людям в деревню, находящуюся под контролем партизан. В течение двух недель вместе с партизаном Борисом Негиевичем, обеспечивавшим мою непосредственную охрану, мы скрытно находились в деревне Железница в семьях Рыбчинской, Сервирог и Медведских, и в деревне Собновица в семьях Савкиной и Жуковой. Они понимали, что, укрывая раненого командира и партизан, подвергают смертельной опасности себя и своих детей.

В начале января 1943 года я прервал лечение и принял на себя непосредственное командование отрядом.

В январе-марте 1943 года установили связь с партизанскими отрядами Перепечкина и Бажикова. В отряде Перепечкина была радиостанция. Установили связь с Москвой, передавали разведданные о гарнизонах противника, движении эшелонов по железной дороге.

Организовывали засады, добывали оружие.

В отряд вступили Чаркин, Горюновы, Чурюмов, Петров, Остапенко.

К концу марта 1943 года большая территория Климовичского, Костюковичского и Краснопольского районов находилась под контролем нашего отряда. В городе Кпимовичи и в крупных населенных пунктах Краснопольского и Костюковичского районов были организованы подпольные группы.

В деревне Железница Краснопольского района проживала семья Медведских, в которой было четыре сестры. Валентина, Ефросиния, Мария и Виктория активно помогали партизанам отряда в боевых делах, а затем Ефросиния и Валентина ушли в партизанский отряд. Они участвовали в сборе разведданных, организовывали явки и встречи партизанских разведчиков со связными, переправляли в отряд надежных людей, распространяли листовки, приносили партизанам одежду, обувь, продукты.

Затем партизанами стали учительницы Краснопольского района - Мария Станиславовна Сервирог, Мария Антоновна Жукова и Софья Семёновна Савкина.

Одной из первых связных отряда была Мария Галаенко из деревни Хаминка Костюковичского района. С её помощью отряд постоянно был информирован о положении в городе Костюковичи. Мария помогла разработать операцию, в результате которой отряд ликвидировал два немецких пункта охраны железной дороги.

В городе Климовичи в отряд вступили комсомольцы Галина Николаева, Михаил Столяров, Зоя Рыбакова, врач Леонид Роханский. В феврале месяце 1943 года они помогли вывезти из города Климовичи жену и трех малолетних детей комиссара нашего отряда И.С. Солдатенко.

В деревне Осмоловичи связным разведчиком отряда был Александр Осмоловский. Ему было поручено вести разведку на участке железной дороги Климовичи-Осмоловичи-Костюковичи, собирать данные о составе и вооружении фашистско-полицейских гарнизонов, о характере перевозок по железной дороге. Схемы размещения огневых точек противника и данные о режиме патрульной службы, переданные разведке отряда, помогли партизанам успешно осуществить ряд диверсий на железной дороге на перегоне Климовичи - станция Коммунары. Кроме того, Осмоловский передал отряду бланки немецких паспортов.

В апреле-мае 1943 года в отряде было 110 человек. Кроме винтовок и гранат было 15 автоматов и 2 пулемета. Ремонтом добываемого оружия занимался А.Т. Чаркин. К августу месяцу в отряде уже были минометы, два противотанковых ружья, крупнокалиберный пулемет и два станковых пулемета.

До мая в отряде было мало взрывчатки, но когда мы её получили из соседних отрядов и с «большой земли», мы начали подрывать немецкие эшелоны.

Севернее станции Коммунары 5 мая 1943 года группой партизан (Жолудь, Сумгин, Герасичкина, Рублев и Бацанов) был пущен под откос эшелон с танками фашистов, направлявшийся к линии фронта.

В течение мая-августа 1943 года диверсионными группами нашего отряда были пущены под откос 11 вражеских эшелонов. В результате было уничтожено или повреждено более 200 вагонов с военными грузами, в том числе около 20 танков и 16 автомашин. При проведении диверсий отличились партизаны: Канонак, Лахтионов, Столяров, Сладков, Бугаев, Коротков, Антоненко, Кузнецов, Наколаева, Роханский, Мытник.

В отряде были созданы группы минеров, которые проходили подготовку под руководством Жени Антоненко. Группы минеров на железной дороге в районе Осмоловичи-Костюковичи с 4 по 6 августа взорвали 380 рельсов, а в последующие дни - ещё 76 рельсов. В результате на линии Кричев-Унеча в момент Курско-Белгородской операции движение немецких поездов на длительное время было остановлено.

Руководителями разведки были партизаны Хатунцев, Уваров и Бугаев, а с августа 1943 года координацию агентурной разведки осуществлял лейтенант Сладков.

Я, командир отряда, был принят в члены ВКП(б). Также в члены ВКП(б) был принят заместитель командира отряда Кабаченко С.П., кандидатами в члены ВКП(б) были приняты партизаны Жолудь и Сладков. В июле 1943 года был создан Климовический подпольный райком КПБ во главе с секретарем РК КПБ (районный комитет Коммунистической партии Белоруссии) И.С. Солдатенко.

Наступил сентябрь 1943 года. Приближался фронт.

23 сентября 1943 года разведка доложила о движении от Костюкович в направлении Краснополья одной из частей отступающих фашистов. Было решено преградить им путь отступления.

Навстречу выступили 280 партизан. Окопались на высотке у деревни Шелуховка, удаленной от лесных массивов. Специально дали отступающей колонне немцев пройти лесными дорогами, где оккупанты двигались осторожно, с боковыми дозорами и разведкой.

Мы встретили их на открытом месте, где они чувствовали себя в безопасности. Колонна отступающих оккупантов была разгромлена. Немцы потеряли около 80 человек и 18 подвод обоза.

27 сентября наступающие части Красной Армии приблизились к городам Климовичи и Костюковичи. Нами была установлена связь с фронтовой разведкой. Мы, совместно с действовавшими в восточных районах Могилевской области партизанской бригадой Мазура и партизанским отрядом Перепечкина, решили занять оборону в 15 километрах юго-западнее города Климовичи для соединения с фронтовыми частями.

29 сентября отряд вышел в этот район и вел бой с отступающими немцами.

29 сентября в 10:00 в деревне Клины представители партизанского отряда соединились с передовой частью 3-й армии, а 30 сентября 1943 года отряд вступил в город Климовичи.

Так закончил свой боевой путь наш партизанский отряд «За Родину», в составе 504 бойцов. За время боевой деятельности отрядом было уничтожено 486 фашистов и изменников.

Но война продолжалась. Более 300 партизан продолжали сражаться в составе наступающих частей Красной Армии. Среди них командир роты Петров, начальник штаба отряда Каноник, начальник разведки лейтенант Сладков, партизан Сильченко.

Я был направлен в эвакогоспиталь в Москву. В 1944 году, после госпиталя, я продолжил образование в Военно-воздушной инженерной академии Н.Г. Жуковского. Являясь слушателем этой академии, я участвовал 24 июня 1945 года в

Параде Победы. В память о Параде я храню грамоту с благодарностью Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина.

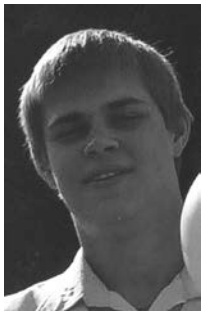
Я являюсь участником создания противовоздушной ракетной обороны вокруг Москвы (Системы - 25), являясь одним из создателей первой в мире многоканальной зенитно-ракетной защитной системы.

Под моим руководством осуществлена разработка системы ПРО города Москвы, систем предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства.

Кандидат технических наук. Первый заместитель главного конструктора Системы-25. Заместитель Министра радиопромышленности СССР. Генерал-лейтенант.

Награжден тремя орденами Ленина, орденом Боевого Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской революции, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалью «За службу Родине в Вооруженных Силах» и другими юбилейными медалями.

Май 2009 года



В подготовке текста воспоминаний оказали помощь ***Дубовицкая Зоя Евгеньевна и Хомутов Павел Андреевич,*** *студенты кафедры истории 1-го курса 3 факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Микоян Степан Анастасович

Взлетали и уже в воздухе получали по радио команды

Я родился 12 июля 1922 года в городе Тифлисе.

Отец, Анастас Иванович Микоян (1895–1978), работал на самых высоких и ответственных должностях в СССР: член Политбюро ЦК партии, Председатель Президиума Верховного Совета СССР. В годы Великой Отечественной войны он был заместителем Председателя Совнаркома СССР и занимался обеспечением фронтов продовольствием, вещевым имуществом, артиллерийскими снарядами, патронами, ленд-лизом. Был членом Государственного Комитета Обороны.

Семья до 1926 года жила в Ростове-на-Дону, затем переехала в Москву.

До 8 класса я учился в Московской школе № 32.

В то время в Москве организовали военные спецшколы. С 1937 года по 1939 год я учился во 2-й Московской специальной артиллерийской школе (Москва ул. Пречистенка, д.12).

В 10 классе я перешел в школу № 114, так как хотел не в артиллерию, а в авиацию.

Однажды мой дядя Ануш, так называли Артема Ивановича Микояна, взял меня с собой на Тушинский аэродром, где летала авиетка, построенная им, Самариным и Павловым - слушателями Военно-воздушной академии имени

Жуковского. В доме дяди Ануша я впервые увидел чертежи самолета и множество книг на авиационную тему.

В 1940 году, в мой день рождения, дядя Ануш подарил мне готовальню с символической надписью: «От летчика – до инженера-конструктора».

Известные авиационные события тридцатых годов – спасение челюскинцев, рекордные перелеты, боевые действия в Испании и на Халхин-Голе, повлияли на мой выбор профессии. Но основную роль сыграл мой родной дядя Артем Иванович Микоян, в ту пору начинающий авиационный конструктор.

В августе 1940 года вместе с другом детства Тимуром Фрунзе я поступил в Качинскую военную авиационную школу пилотов. В августе 1941 года ее окончил.

В субботу, 21 июня 1941 года, мы закончили подготовку к парашютным прыжкам, и инструктор объявил, что в понедельник будем прыгать. В воскресенье ночью мы проснулись от громкого голоса старшины Касумова: «Подъем! Боевая тревога!»

По учебной тревоге нас поднимали не раз, поэтому, быстро одеваясь, мы удивились - кому в голову пришло устроить это в воскресенье. Построившись во дворе с винтовками, мы ожидали обычной команды: «Отбой, разойдись!» - после чего, как всегда, пойдем досыпать. Но вместо этого прозвучало: «Бегом! На рубеж!»

Мы побежали, сохраняя подобие строя, на поле за окраиной городка, где нас уложили в линию по двое, метрах в пятидесяти друг от друга. Я был в паре с Тимуром. Мы тут же заснули. Проснулись от шума подъехавшего грузовика, часов в восемь, когда солнце уже поднялось. На грузовике нам привезли патроны. Так мы узнали, что началась война. Мы продолжали лежать в цепи, теперь уже зная зачем - на случай воздушного десанта немцев.

Было уже не до сна, мы возбужденно разговаривали. Главным нашим опасением было то, что война закончится нашей победой еще до того, как мы окончим летную школу и попадем на фронт.

В 12 часов дня в городке у «тарелки» громкоговорителя радиотрансляции слушали речь Молотова. Нарастало чувство

тревоги, стали ощущать опасность, не понимая всей ее глубины.

В казарме мы не ночевали, нас перевели на один из аэродромов школы. Там нас кормили, там же мы спали под крыльями самолетов на охапках сена. Каждую ночь наблюдали лучи прожекторов над Севастополем и видели иногда сверкавшие в них точки самолетов, слышали выстрелы зенитных орудий и разрывы бомб, а потом и гул самолетов, уходящих над нами после левого разворота на обратный курс. Днем, севернее нас, проходили другие самолеты - наши бомбардировщики ДБ-3, взлетавшие с крымского аэродрома Сарабузы. Они шли на Констанцу. Через некоторое время ДБ-3 возвращались, но уже не все...

Еще в начале июня инструктор Коршунов сделал запись в наших рабочих книжках: «Готов к самостоятельному вылету на самолете И-16». То же было, когда готовились к вылету на У-2 и УТ-2. Два или три начальника выполнили с нами контрольные полеты, сделали аналогичные записи в книжках, но самостоятельно в полёт не выпускали.

22 июня все изменилось. На следующий же день, после двух контрольных полетов нас выпустили самостоятельно на И-16. С этого момента мы считались летчиками, согласно традиции могли отпустить волосы до двух сантиметров и нашить на рукав «ворону» — летную эмблему, которой курсанты очень гордились.

В один из дней при полете на И-16 произошел первый случай, когда мне повезло. Самолет И-16, в отличие от У-2 и УТ-2, имел колесные тормоза, которые включались педальками, находящимися под носками сапог на педалях руля направления. Однажды, выполнив посадку, я собирался начать тормозить, но в последнюю секунду решил, что не стоит, так как сел с недолетом до посадочного «Т». Закончив пробег, дал газ и нажал левый тормоз, чтобы зарулить в сторону, как вдруг самолет рывком развернулся. Убрал газ, самолет остановился. Как выяснилось, лопнула тормозная колодка и заклинила колесо. Затормози я на пробеге, когда скорость была большая, наверняка бы перевернулся...

В первых числах июля курсантам объявили об эвакуации в городок Красный Кут, находившийся недалеко от Саратова. Погрузились в эшелон ночью. Я стоял в карауле на станции.

Шел мелкий дождь, шинель моя промокла насквозь, и я сушил ее потом в поезде всю дорогу. Ехали в двухосных товарных вагонах почти пять суток. На двухэтажных нарах располагалось по семь человек, и было так тесно, что троим или четверым надо было лежать обязательно на боку.

Мы проехали Саратов и прибыли в Красный Кут. Здесь летчиков обучали полетам на новых самолетах ЯК-1. Летная школа находилась за окраиной в казармах барачного типа с двухэтажными деревянными койками.

Однажды в конце июля, в одно из воскресений, прибежал кто-то из ребят и сообщил, что приехал мой брат Володя. Он только что окончил девятый класс, ему еще не было семнадцати лет. Он очень хотел поступить в летную школу, и родители согласились. С ним вместе приехал и брат Володи Ярославского, а также один из сотрудников охраны моего отца, Николай Ткаченко, тоже захотевший стать летчиком. Немногим более месяца мы с братом пробыли в летной школе вместе.

В начале августа в Красный Кут на самолетах Як-1 прилетели два инспектора ВВС, одним из них был Василий Сталин. Мы с восторгом осматривали новейшие советские истребители, по внешнему виду, отделке и по приборам казавшиеся нам, в сравнении с нашими потрепанными И-16, верхом совершенства.

Нашу группу обучали по расширенной летной программе, добавив полеты строем и «стрельбу» из кинопулемета по воздушной цели, которые в обычную программу не входили. В конце августа 1941 года экзамен по пилотированию УТИ-4 проводил помощник начальника школы майор Сидоров, во время совместного полета с курсантом. Кроме двоих, все получили пятерки и были отмечены в приказе благодарностью, а Володя Ярославский и я были награждены еще и денежной премией. Тимка не получил премии из-за двух взысканий, которые он имел в процессе учебы.

Нам присвоили звания лейтенантов. Мне и Тимуру предложили остаться в школе в качестве инструкторов. Мы отказались.

Мы должны были явиться за назначением в Управление кадров ВВС в Москве. Тимур Фрунзе, Володя Ярославский и я были назначены в 16-й истребительный полк, стоявший в

Люберцах. Это был «парадный» полк, который до войны всегда участвовал в пролетах над Красной площадью в дни праздников 7 ноября и 1 мая.

Полк летал на самолетах МиГ-3 и И-16, но не «пятого типа», на котором мы летали в летной школе, а «двадцать четвертого». У этого самолета был мотор М-63 вместо М-25, к двум пулеметам ШКАС добавились две пушки ШВАК. Нам предстояло переучиваться. Но вмешался Василий Сталин. Он решил сам научить нас летать на современных самолетах Як-1 и забрал из полка в Москву на Центральный аэродром имени М.В. Фрунзе, где стояли самолеты инспекции ВВС.

В первый же день он выполнил с нами по два полета на двухместном Як-7В. Самолет мне очень понравился. После излишне чувствительного и верткого И-16 особенно ощущалось, что «як» устойчив и прост в пилотировании, в том числе на взлете и посадке. Удобно в кабине и меньше шума от мотора. Намного лучше обзор вперед, так как мотор водяного охлаждения имел меньший «лоб», чем звездообразный мотор воздушного охлаждения на И-16.

На второй день на аэродроме Вася сразу же меня спросил: «Полетишь один?» Я, можно сказать, опешил, но виду не подал. Для меня, вчерашнего курсанта, было странно - после всего лишь двух совместных полётов выпустить в полёт самостоятельно, да еще и без контрольного полета в день вылета! Ещё и на новом типе самолета! Я, конечно, ответил, что полечу, хотя и был взволнован. Сделал два полета по кругу. Все прошло нормально. Тимур и Володя тоже хорошо слетали.

После трех дней полетов Василий вдруг объявил, что он не сможет нас больше обучать, мы должны улететь в 8-й запасной авиаполк, находящийся в поселке Багай-Барановка севернее Саратова. Он отправился в командировку на Саратовский авиационный завод на самолете Си-47 инспекции ВВС и взял нас с собой. Это было 12 октября. Мы прилетели в Саратов и проехали вместе с Василием на завод, на котором производились самолеты Як-1.

8-й запасной истребительный авиаполк занимался обучением летчиков на самолетах типа «як». К отправке на фронт готовился 163-й истребительный полк. Мы попросили,

чтобы нас направили в этот полк, но нам сказали, что мы получим назначение в Москве.

Мы жили в бараке, наполовину углубленном в землю, где было размещено около двухсот человек, располагавшихся на двухэтажных деревянных нарах, а в конце барака было около десятка железных коек, где нас и устроили.

Запомнилось, как мы, стоя в землянке у репродуктора, слушали речь Сталина на торжественном заседании 6 ноября 1941 года, проходившем на станции метро «Маяковская».

Закончив переобучение, мы получили предписание прибыть в Москву в Управление кадров ВВС. Решили добираться через город Куйбышев, чтобы навестить эвакуированных туда родных. Кроме того, улететь оттуда в Москву было легче. Прилетевший накануне старый тяжелый бомбардировщик ТБ-3 улетал с какими-то пассажирами в Сызрань. Все-таки ближе к Куйбышеву, и мы улетели с ними. Полет был неприятным: пассажиров внутри металлического дребезжащего фюзеляжа было «как сельди в бочке», и ни одного окошка. Хорошо, что полёт был недолгим. Из Сызрани в Куйбышев решили ехать поездом, но в последний момент я узнал, что сейчас в Куйбышев должен вылететь какой-то самолет У-2.

Оказалось, что, кроме пожилого летчика, в задней кабине летит девушка-летчица. Убедившись, что друзья не будут в обиде, уговорил летчиков взять меня, и мы с девушкой, оба в меховых комбинезонах, втиснулись вдвоем на заднее сидение. Тимка и Володя добрались до Куйбышева только на следующий день.

Маму и троих моих братьев, эвакуированных в Куйбышев в октябре, поселили на втором этаже небольшого особняка недалеко от драматического театра. На первом этаже жил «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин.

Мама рассказала, что отец все время находится в Москве, только в двадцатых числах октября он приезжал вместе с Молотовым на четыре дня в Куйбышев в эвакуированный сюда Совнарком и снова уехал.

Через день, 15 декабря, находившийся в Куйбышеве К.Е. Ворошилов улетал в Москву. Он взял с собой Тимура, Володю, меня и мою маму.

На следующий день в Управлении кадров мы получили назначения в боевые авиаполки. Володя Ярославский поехал в Клин, Тима Фрунзе - в Монино, а я попал в 11-й истребительный авиаполк, стоявший на Центральном аэродроме в Москве. Уже одиннадцать дней шло наступление наших войск под Москвой.

11-й авиаполк 6-го истребительного авиационного корпуса ПВО, когда немцы дошли почти до Химок, занимался несвойственным для истребительной авиации ПВО делом - штурмовками наземных войск. Самолеты Як-1, которыми был вооружен полк, для этого не были приспособлены - за спиной летчика была бронеспинка, но спереди брони не было. Вооружения было недостаточно, его усилили - установили под крыльями шесть балок для реактивных снарядов типа наземных «катюш» (РС), но малого калибра.

Командиром полка был майор Н.Г. Кухаренко, а комиссаром - майор Вакуленко.

Немцы настолько близко подошли к Москве, что полет на штурмовку с Центрального аэродрома (Ходынка) занимал от взлета до посадки 17–18 минут!

Во время штурмовок 11-й полк нес большие потери.

14 декабря лейтенант Венедикт Ковалев, самолет которого был подбит во время штурмовки, направил свой горящий самолет на немецкую зенитную батарею. 4 марта 1942 года ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Мне рассказали о не вернувшихся после штурмовки летчиках В. Головатом и В. Миккельмане. Головатый до этого уже дважды был сбит и дважды возвращался в полк. И вот, через три или четыре дня, уже при мне, Головатый снова вернулся!

В составе 11-го полка осталось только двенадцать летчиков и восемь самолетов. Для боевых вылетов использовали даже учебно-тренировочный Як-7В, установив в передней кабине бронеспинку.

В первую военную зиму снежный покров на аэродромах еще не укатывали, поэтому колеса на самолетах были заменены на лыжи. Самолеты к зиме были покрашены для маскировки белой краской. В это время в полк из эскадрильи инспекции передали новый Як-1, который закрепили за мной.

Мой самолёт был обычного зеленого цвета - не успели перекрасить.

Многие летчики полка к этому времени уже были награждены орденами. Мой командир звена Владимир Лапочкин был награждён орденом Красного Знамени, а Сергей Куцевал - орденом Ленина.

Полеты на штурмовку были прекращены, немцы отступили за Волоколамск. Теперь мы летали на прикрытие конницы Доватора, действовавшей в тылу у немцев.

16 января 1942 года нашу пару, командира звена Лапочкина и меня, подняли по тревоге в воздух. Около города Истра появился самолёт-разведчик Ю-88. Это был мой тринадцатый вылет на боевое задание. Когда мы прилетели в район Истры, самолета противника уже не было. Командир знаками показал мне, чтобы я вышел вперед и выполнял роль ведущего при дальнейшем патрулировании.

Я увидел впереди три истребителя, идущие нам навстречу. Когда они оказались слева и выше, сделал боевой разворот на 180° с набором высоты и вышел метров на семьсот сзади них, но тут же понял, что это наши «яки», и начал отворачивать вправо, продолжая за ними наблюдать. Вдруг левый ведомый энергично развернулся влево и зашел мне в хвост. Я ввел самолет в вираж с максимальным креном. Глядя назад, я видел, что белый «як» с красными звездами находится у меня «на хвосте» вплотную, метрах в пятидесяти. Вираж я выполнял предельный, с максимальной перегрузкой. Сделал два или три виража.

Как только вывел свой самолёт из крена, увидел слева струи трассирующих пуль. Я прижался к бронеспинке кресла и покачал крыльями, давая знать, что я свой, и переворотом ушел вниз. Выйдя в горизонтальный полет, увидел, что фанерная обшивка крыла у самого фюзеляжа, где находится бензобак, кусками выломана и оттуда вырываются языки пламени.

Быстро снизился и стал садиться, не выпуская шасси, на покрытое снегом поле. К этому моменту кабина уже горела. Левой рукой защищал от огня лицо, правая была на ручке управления. На мне был меховой комбинезон, кожаный шлем и очки, спасшие мне глаза, но на руках были шерстяные перчатки. Перед вылетом я отложил в сторону кожаные на

меху перчатки с большими крагами, которые нам тогда выдавали. Как я об этом потом пожалел - они бы защитили не только руки, но и лицо.

К моменту приземления огонь был уже очень сильным, смутно помню, что кричал от боли. Следующее, что помню, - самолет на земле, я приподнимаюсь в кабине. Опять провал в памяти. Помню, что я уже на снегу метрах в семи от горящего самолета, подумал, что сейчас начнут взрываться снаряды боекомплекта, стал отползать, чувствуя сильную боль в коленях. У меня была сломана правая нога в области колена, обожжено лицо, кисти рук и левое колено.

Низко надо мной прошел «як» моего ведущего Лапочкина. Я помахал ему рукой, показывая, что жив. Отполз на руках еще пару метров, и начали взрываться снаряды. Подошли на лыжах три подростка лет десяти-двенадцати, подложили под меня несколько лыж и потащили к дороге. Там меня кто-то уложил на розвальни, запряженные лошадью.

Мороз был сильный, обожженное лицо и руки стали обмерзать, кто-то надел мне варежки и закрыл лицо шапкой. Сутки я пробыл в полевом госпитале, находившемся в каком-то старинном здании на окраине города Истры. Ожоги оказались сильными - третьей, а местами и четвертой степени, и мучительно болели. Медсестра мазала их раствором марганцовки, на какое-то время боль проходила, но потом я снова начинал стонать. Госпиталь был переполнен, раненые лежали в холле и на площадках лестницы, стоны раздавались отовсюду.

На следующий день из Москвы на санитарной машине приехал секретарь моего отца Александр Владимирович Барабанов, знавший меня с детства. Меня отвезли в Москву на улицу Грановского в Кремлевскую больницу, где я лечился около двух месяцев.

Сбил меня летчик 562-го полка младший лейтенант Михаил Родионов. После приземления он сказал: «Кажется, я своего сбил!» И добавил: «А что он мне в хвост полез?» Видимо, его сбило с толку, что у меня самолет был зеленого цвета, а не белый. Об этом мне рассказал мой друг Володя Ярославский, который служил вместе с Родионовым.

В связи с этим случаем был выпущен приказ, в котором предписывалось Родионова отдать под суд, а степень моей

вины определить после лечения. Насколько я знаю, его не судили, и со мной никто не разбирался.

3 июня 1942 года Родионов погиб - таранил Ю-88 в крыло, но тот продолжал лететь, и тогда он таранил вторично в фюзеляж. «Юнкерс» упал, а Родионов при посадке разбился о противотанковое укрепление. Ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

В больнице каждый день подолгу бывала мама, помогала сестрам, два раза приходил отец. В феврале пришли Василий Сталин и мой брат Володя, который только что приехал из летной школы.

На пятый или на шестой день меня навестил Ворошилов. В разговоре я спросил его, пишет ли Тимур. Климент Ефремович ответил: «Пишет, пишет...» - и отвел взгляд. Позже я узнал, что он в этот день вернулся из поселка Крестцы (Новгородская область), где похоронили Тимура, сбитого 19 января.

Поэтому, он ко мне и пришел. Тимур немного не дожил до своего девятнадцатилетия. А о его гибели мне сказал Юра Темкин, товарищ по летной группе, навестивший меня через неделю. Тимуру посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. В 50-х годах Тимура перезахоронили на Новодевичьем кладбище в Москве. Недалеко от него находится бывший Теплый переулок, переименованный в улицу Тимура Фрунзе.

В больнице я оставался около двух месяцев, а потом долго еще был на амбулаторном лечении. Болело правое колено, я сильно хромал, а на левой ноге не заживали раны от ожогов. В начале апреля я улетел в Куйбышев, куда были эвакуированы мама и братья.

После амбулаторного лечения, меня допустили к полетам. Брат Володя уже был зачислен в 434-й истребительный авиаполк резерва Главного командования. Туда же направили и меня. Полк сформировал Василий Сталин. Летный состав полка был из инструкторов Качинской летной школы, имевших боевой опыт. Трое были Героями Советского Союза, в том числе командир полка, двадцатитрехлетний Иван Иванович Клещев, уже сбивший лично 16 самолетов и 24 в группе. Единственными молодыми лётчиками по опыту и по возрасту были Володя и я.

3 сентября 1942 года, мы, летчики 434-го полка, на двух самолетах Ли-2 прилетели в Багай-Барановку (вблизи Саратова) в 8-й запасной полк для получения самолетов Як-7Б на саратовском авиационном заводе. Вскоре мы улетели под Сталинград.

Промежуточная посадка была на аэродроме города Камышина. Немного не долетев до аэродрома, в поле сел на фюзеляж Сергей Долгушин - вытекло масло из мотора. Долгушин пришел пешком с парашютом на плече. Сергей полетел дальше на одном самолёте вместе с братом Володей.

В наш полк прибыло новое звено, состоящее из женщин. Четыре летчицы, техники, мотористы, вооруженцы - шестнадцать девушек. Командир - лейтенант Клава Нечаева. Через несколько дней, когда Клава Нечаева в группе наших летчиков летела вблизи линии фронта, её самолет сбил «мессер».

Клещев был в это время в штабе фронта на совещании. Вошел офицер и доложил: «Погиб майор Клещев!» Клещев сразу понял, кого на самом деле сбили. Перед полётом он отдал Клаве свой планшет, который и был найден в обломках.

Наш полк посетил командующий ВВС А.А. Новиков. Он сказал, что особой целью наших истребителей является ФВ-189, который корректирует огонь немецкой артиллерии. На следующий день, 17 сентября, Клещева вызвали на совещание в штаб фронта. Вернувшись, он сообщил летчикам, что завтра начнется наступление наших войск с севера на юг в направлении станции Котлубань (15 км западнее города), чтобы взять в окружение немецкие войска, держащие в осаде Сталинград. За день наши войска должны были продвинуться на 30 километров.

Утром наш полк вылетел тремя большими группами на линию фронта чуть севернее станции Котлубань. Я был ведомым у командира полка. Когда мы подошли к заданному району, я увидел перед собой ФВ-189.

Возможно, Клещев намеренно отошел в сторону, чтобы я атаковал «фокке-вульф». Я открыл огонь. Но я мог стрелять только из пушки, имевшей небольшую скорострельность, поэтому вероятность попадания была не очень велика, оба крупнокалиберных пулемета БС не работали. «Фокер» спикировал. Это была первая в моей жизни стрельба по

воздушной цели. Я вернулся к ведущему. Ниже шла группа капитана Стародуба, они и подбили «раму».

Потом мы увидели бомбардировщики «Хейнкель-111». Они шли тройками, их было несколько десятков. Клещев и я подошли к первой тройке немецких самолетов. Как только мы открыли огонь, немцы сбросили бомбы и развернулись в сторону Дона. Вступили в бой и другие наши летчики. Пулеметы на моем самолете так и не работали, хотя я еще раз сделал перезарядку. В этом бою были сбиты восемь бомбардировщиков.

Вдруг по радио я услышал кричащий женский голос: «”Мессера” сверху! ”Мессера!”» Это нас предупреждал наземный пост наблюдения. Наши летчики увидели подходящие сверху немецкие истребители и пошли в оборонительный вираж. Мы сделали несколько виражей, я оглянулся, ожидая, что мне в хвост пристроился немецкий самолет, и увидел, что за мной идет самолет с выкрашенным в красный цвет носом - это было отличие машин нашего полка. Вдруг метров на сто ниже меня под углом градусов тридцать проскочил самолет с желтыми полосами на крыле. Ме-109! Я понял, что он пытался атаковать меня. Довернуть на него я уже не мог.

Один «як» вышел вверх и покачал крыльями - это командир полка собирал летчиков. Летчики начали маневрировать по вертикали, а я пристроился ведомым к одному из них. У нас уже заканчивалось топливо, «мессера» тоже стали уходить. Я сказал техникам об отказе пулеметов, они повозились и заверили меня, что теперь все будет в порядке, но, увы, во время следующего вылета все повторилось.

Во втором вылете мы опять вступили в бой с бомбардировщиками, и я опять стрелял только из пушки. А потом появились «мессершмитты». Мы некоторое время крутились в «карусели», а потом выходили из боя и возвращались домой парами.

Внизу видны были многочисленные огоньки, вспышки и разрывы - на земле шел ожесточенный бой. Оттуда поднималась дымка почти до трехкилометровой высоты. Сквозь нее проблескивали Волга и Дон, а в Сталинграде были видны пожары.

Мой брат Володя был самым молодым летчиком полка. Ему в июне исполнилось восемнадцать, и прошло чуть больше полугода, как он окончил летную школу. Володя сделал несколько полетов «на прикрытие» в районе аэродрома. Накануне наступления его самолет вышел из строя, поэтому в первых вылетах на линию фронта он не участвовал.

После двух напряженных боев Клещев приказал мне отдать самолет брату. Командир полка и я остались на земле. Группу повел командир эскадрильи Избинский, а Володя шел ведомым в паре с ним. Когда группа заходила на посадку, мы увидели, что не хватает двух самолетов. На мою стоянку никто не зарулил.

Может быть, Володя зарулил по ошибке на стоянку своей эскадрильи? Клещев посадил меня в машину, и мы поехали вдоль самолетов. Но моего самолета нигде не было... Не было на стоянке и самолета Николая Шульженко.

Как рассказали летчики, наша восьмерка, в которой был Володя, атаковала бомбардировщики противника, когда вверху появились «мессершмитты». Герой Советского Союза Сергей Долгушин во главе другой группы шел им на помощь, но находился на расстоянии около пяти километров от них. Он увидел, как наш истребитель после атаки бомбардировщика вышел разворотом вверх, а немецкий истребитель спикировал на него и открыл огонь. Наш самолет медленно перевернулся и пошел к земле, потом в какой-то момент почти выправился в горизонтальный полет, но вдруг снова клюнул вниз и отвесно врезался в землю. Это был Володя.

Очевидно, он был вначале тяжело ранен и пытался управлять самолетом, но потом потерял сознание. Долгушин видел момент падения самолета и, вернувшись на аэродром, точно показал командиру место на карте - в 12 километрах за линией фронта у изгиба оврага недалеко от станции Котлубань.

Клещев повел меня в столовую, где уже собрались летчики. Есть я не мог. Да и другие почти не притрагивались к еде. Клещев вызвал командира батальона обслуживания и приказал принести водку. Мне тоже налили, но я не мог пить. Меня все-таки заставили выпить, выпили и остальные. Но я еще надеялся на чудо.

Николай Шульженко остался жив, он выпрыгнул с парашютом.

К вечеру потеряли еще один самолет. Вдруг сообщили, что найден раненый летчик. Я подумал о Володе, но это оказался выпрыгнувший с парашютом Сергей Паушев.

На следующий день после гибели моего брата командир полка майор Клещев, возвращаясь из района боя и увидев в стороне «мессершмитты», один ввязался в бой против их шестерки. Он сбил двух, но и его самолет подожгли, и он, раненый, выпрыгнул с парашютом, при этом у него оторвалась Золотая Звезда Героя (в войну летчики летали со всеми наградами). Василий Сталин приказал Клещева отвезти в Москву в Кремлевскую больницу. После его выздоровления Калинин в Кремле вручил ему новую Золотую Звезду взамен утерянной.

19 сентября подбили и самолет Долгушина, его прикрыли от немецких истребителей и сопровождали до нашего аэродрома Володя Луцкий и Саша Кошелев.

А 21-го самолет Долгушина был снова подбит. Он выпрыгнул с парашютом из горящего самолета и остался жив.

Под Сталинградом в течение трех недель наш полк сбил 82 немецких самолета, но и наши потери были велики – 25 самолетов из 340, а также 16 погибших летчиков.

В октябре 1942 года 434-й полк был направлен в Люберцы на переформирование. Василий Сталин взял нескольких летчиков из полка к себе в Инспекцию ВВС - Героев Советского Союза С. Долгушина и В. Гаранина, командира полка И. Клещева, а также А. Баклана и меня.

В ноябре 1942 года 434-й полк стал гвардейским и назывался 32-м гвардейским истребительным авиаполком. Почти все его летчики были награждены орденами, а В.П. Бабкову и А.Я. Баклану присвоили звание Героя Советского Союза. Наградили орденами Красного Знамени меня и посмертно моего брата Володю.

В это время эскадрилья Инспекции получила новые самолеты - Як-9. В те времена на истребителях взлет и посадку летчики выполняли, не закрывая фонарь кабины (прозрачный сдвижной колпак). Однажды я, запустив мотор Як-9, сразу же закрыл фонарь и сделал три полета по кругу, ни разу не

открыв его даже при рулении по земле. За это самовольное новшество получил замечание от старшего инспектора.

31 декабря 1943 года во время снегопада при посадке на аэродроме Рассказово разбился командир нашего полка Иван Иванович Клещев.

Василий Сталин на передовую линию фронта меня не пускал. После войны он мне сказал, что делал он это по указанию своего отца. После того как вслед за Тимуром Фрунзе погиб мой брат Владимир Микоян, а потом и Леонид Хрущев, Сталин приказал меня на фронт не отправлять. Но я этого тогда не знал.

Однажды мы с Николаем Власовым были подняты на перехват немецкого разведчика, шедшего на большой высоте. Когда набрали высоту около семи тысяч метров, Власов передал мне по радио, что выше идти не может из-за кислородного голодания, и приказал снижаться. В то время, для облегчения веса, с самолетов было снято кислородное оборудование, а без кислорода предельной высотой, до которой сохраняется работоспособность лётчика, является 5000 метров. После этого на двух самолетах полка установили кислородное оборудование.

Как-то группой мы полетели на сопровождение транспортного самолета, на котором летел какой-то важный военный начальник. Сопровождали самолёт в город Калинин, заправившись, полетели обратно. Вдруг у меня заглох мотор, как говорили у нас - «обрезал».

Я стал планировать, выбирая место для посадки, но вскоре мотор снова заработал. Через несколько минут все повторилось, потом еще раз. Каждый раз я уже ожидал, что мотор не заработает.

Вот он снова заглох. Посмотрев вправо, я увидел аэродром со стоящими самолетами. Как оказалось, это были штурмовики дивизии Георгия Байдукова. Я быстро развернулся на посадку, но от волнения и по неопытности сделал разворот слишком близко к аэродрому и поэтому планировал с явным перелетом. Приземлиться я мог только где-то в середине полосы, закончить пробег на полосе мне явно не удастся. Ничего не оставалось, как дать газ, надеясь, что мотор заработает. И он, к счастью, заработал. Я разворачивался над лесом, набирая высоту, и молил: «Не

обрежь!» Мотор дотянул до нормального разворота на посадку, и я благополучно приземлился.

После окончания Демянской операции, в марте 1943 года, полк перевели под Осташков, откуда мы, оставив самолеты другому полку, улетели на транспортных самолетах в Москву. Летчики полка прибыли в Люберцы. Приехал Василий Сталин, построил летчиков и зачитал новый состав полка. Меня он не назвал. Я не мог понять, в чем дело.

Позже мне объявили, что я назначен старшим летчиком 3-й эскадрильи 12-й гвардейского истребительного авиаполка ПВО Москвы. Эскадрильей командовал капитан Максим Емельянович Цыганов.

С аэродрома в городе Клин мы летали ночью на прикрытие Москвы в западных и северо-западных секторах зоны, отведенной для патрулирования истребителей.

Зимой 1944 года меня перевели в 1-ю эскадрилью командиром звена, вместо Анатолия Короля, которого перевели в другой полк с повышением. Командиром эскадрильи был Герой Советского Союза Константин Алексеевич Крюков. Сразу после моего прихода в эскадрилью, вернувшись от командира полка в плохом настроении, Крюков мне сказал: «Сейчас я тебя проверю на парном пилотаже».

Выйдя из землянки, я посмотрел на небо - сплошная низкая облачность. Взлетели и подошли к облакам. Высота нижнего края около двухсот метров. Я подумал, что пилотаж не состоится, и мы пойдем на посадку. Но Крюков стал маневрировать с предельными кренами, энергично переводя машину из одного виража в другой. Находясь в строю в пяти-семи метрах от крыла ведущего, нельзя было даже на секунду отвести взгляд от его самолета. Когда на вираже я оказывался внизу, между Крюковым и землей, боковым зрением видел ее - уж очень она была близко, казалось, крыло, стоявшее почти вертикально, вот-вот ее заденет. Кажется, моим пилотированием Крюков остался доволен.

Эскадрилья потом постоянно базировалась в Двоевке, вблизи Вязьмы. В городе мы не бывали, но с воздуха видели этот почти полностью разрушенный город.

Как-то в паре с Крюковым мы возвращались с московского Центрального аэродрома в Двоевку. Подойдя к Вязьме на большой высоте, услышали по радио сообщение

наземного поста наблюдения, что к станции Издешково летит «юнкерс». Со скоростью, близкой к предельно допустимой, более 600 км/ч, мы спикировали в район станции и сразу же увидели впереди двухмоторный самолет. Снизились ниже его, потом с небольшим набором высоты начали атаку. Палец был уже на гашетке, но мне показалось, что самолет не совсем похож на Ю-88. В этот же момент Крюков передал: «Отставить. Это свой».

Мы пролетели рядом с самолетом - это был поставлявшийся по ленд-лизу американский бомбардировщик Дуглас А-20 «Бостон».

В Двоевке мы поочередно парами дежурили в готовности № 1, сидя в кабинах самолетов. При таком дежурстве на московском Центральном аэродроме к самолетам подводили телефонный провод, который мы подсоединяли к шлемофону. По этой линии нам с КП давали команду на вылет и первую информацию о задаче, а когда все было спокойно, включали музыку.

В Двоевке такой связи не было, мы запускали моторы по сигнальной ракете, взлетали и уже в воздухе получали по радио команды, какой держать курс и какую набирать высоту. Приходилось это делать довольно часто. С появлением в воздухе наших истребителей немецкие самолеты-разведчики сразу уходили обратно. Догнать самолёт-разведчик Ю-88 удалось только однажды. Заместитель командира эскадрильи Гавриил Евстафьевич догнал и сбил этот самолет, единственный на счету нашего полка за лето 1944 года.

Еще в 1941 году в ПВО Москвы появились первые наземные обзорные радиолокаторы РУС-2. Локаторы вначале использовались только для информации о летящих самолетах, а для наведения их применять стали только с 1943 года. И у нас в Двоевке на командном пункте (КП) был радиолокатор наведения, на экране которого наблюдали самолет противника и наш истребитель. Летчику передавали по радио необходимые для перехвата курс и высоту.

Вскоре на КП обратили внимание, что немецкий разведчик изменял свой курс в зависимости от команд, передаваемых по радио нашему истребителю, идущему на перехват. Пришли к выводу, что в составе экипажей этих самолётов-разведчиков был радист, знающий русский язык.

Немцы, как правило, летали при наличии облачности и вовремя укрывались в ней.

Однажды я в паре с ведомым набирал высоту десять тысяч метров. Стрелка высотомера уже приближалась к семи тысячам, когда я, очнувшись словно от дремоты, увидел, что высота почему-то стала меньше четырех. Снова начал набирать высоту, и вновь повторилось то же самое. От кислородного голодания я был как в тумане и плохо соображал. Мой ведомый доложил на КП. Там догадались, что неисправно кислородное оборудование, и приказали мне возвращаться. Оказалось, что проходящий под моим сиденьем кислородный шланг был чем-то пережат.

В другой раз после взлета по ракете в паре с ведомым Юрой Барановым я получил по радио заданные курс и высоту. Немецкий разведчик, поняв, что нас на него наводят, стал уходить. Я шел на максимальных оборотах, Баранов постепенно отставал - у него был более старый самолет. Потом мне передали, что «юнкерс» в двадцати километрах, а мы уже находимся на предельной дальности действия локатора. Я шел тем же курсом уже один. Видимо, перехватив информацию, немецкий летчик изменил курс или скрылся в находившихся ниже облаках.

Минут через десять я понял, что немца уже не найду. Надо было возвращаться, а я уже был далеко за линией фронта. Развернулся и пошел, вначале не снижаясь, за сплошными облаками, пока не решил, что уже наверняка нахожусь над нашей территорией.

Вышел под облака на высоте около трехсот метров и вскоре увидел железную дорогу и какую-то станцию. Снизившись до бреющего полета, три раза проходил вдоль путей, чтобы прочитать название станции, но разобрать не смог.

Остаток топлива меня не очень тревожил - самолет был пятибаковым вариантом «яка» для почти трехчасовой продолжительности полета. Радиополукомпас, настроенный на станцию нашего аэродрома, не работал, как и радиостанция, так как я был еще далеко. Я настроился на московскую радиовещательную станцию имени Коминтерна, главную станцию советского радио и очень мощную. Стрелка прибора отклонилась от нулевой отметки. По стрелке компаса

определил, что радиостанция на востоке от меня. Значит я от Москвы на западе, а Минская автострада, вблизи которой наш аэродром, от Москвы идет примерно на юго-запад.

Не долетев до неё, услышал позывные радиостанции нашего аэродрома, а вскоре и опознал местность. В это время на экране наземного радиолокатора увидели метку (периодически вспыхивающую точку) и по радио попросили меня сделать отворот. Метка пошла в ту же сторону - значит, она от моего самолета. Диспетчер назвал мне курс на аэродром, но я уже и сам знал, как на него выйти. Наши лётчики потом шутили, что у меня в запасе оставался «шестой способ восстановления ориентировки» - посадка и опрос местного населения.

Еще один мой брат, Алексей, тоже стал летчиком. Начав учиться в десятом классе, он ушел из школы и вместе с Сашей Щербаковым и Левой Булганиным поступил в Вязниковскую школу летчиков. После ее окончания осенью 1943 года их направили в 12-й полк. Алешу зачислили в нашу эскадрилью, а позже он летал с нами в Двоевке.

В конце 1944 года группа наших самолетов сопровождала «особо важный» самолет в город Шяуляй (Литва). В их числе был мой брат Алексей, которому было приказано вылететь на моем самолете. На посадке, сразу после приземления, колесо на правой стойке шасси стало поперек движения, самолет рванулся в сторону и скапотировал.

Как выяснилось, от вибрации отвернулся болт и рассоединилась траверза, удерживающая колесо в нужном положении. У Алексея был поврежден позвоночник и разбито лицо. Мне стало известно, что «особист» начал допрашивать моего техника Павла Чудакова, пытаясь обвинить его в злонамеренности. Я сказал об этом отцу, и техника оставили в покое.

В августе 1944 года летчиков 3-й эскадрильи за выполнение боевых заданий представили к наградам. Командир эскадрильи Цыганов был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени, а я - орденом Красной Звезды.

Войну я закончил командиром звена 12-го гвардейского истребительного полка в звании капитана. Награжден двумя орденами.

После войны с отличием окончил Военно-воздушную инженерную академию имени Н.Е. Жуковского и стал летчиком-испытателем.

С 1951 года работал летчиком-испытателем, с 1959 года - начальником испытательного Управления, с 1965 года - первым заместителем начальника НИИ ВВС имени Чкалова.

До 1978 года летал на 102 видах (разных типов и их модификаций) самолетов: в том числе МиГ-23, МиГ-25, МиГ-27, Су-15, Су-24. В качестве пилота находился в воздухе около 3500 часов.

С 1978 года работал заместителем Генерального директора по летным испытаниям НПО «Молния», принимал участие в создании и испытании космического корабля «Буран», руководил созданием орбитальной летающей модели «Бор-4». Во время первого орбитального полета беспилотного корабля «Буран» был ответственным за управление кораблем на участке снижения и посадки.

В 1963 году мне было присвоено звание Заслуженного летчика-испытателя СССР.

В 1975 году удостоен звания Героя Советского Союза за испытания новой техники.

Награждён: Золотой звездой Героя Советского Союза (1975), орденом Ленина (1975), орденом Красного Знамени (1943), орденом Отечественной войны 1-й степени, четырьмя орденами Красной Звезды и 20 медалями.

Почетный гражданин города Ахтубинска Астраханской области.

Почетный член Общества летчиков-испытателей-экспериментаторов (Калифорния, США, 1987).

Кандидат технических наук (1979).

Генерал-лейтенант авиации (1980).

Написал несколько книг:

- Практическая аэродинамика маневренных самолетов. Учебник для летного состава (соавтор). Под общей редакцией Н.М. Лысенко. -М. Воениздат, 1977;
- Заход на посадку по приборам. С.А. Микоян, А.Г. Корбут, -М. Воениздат, 1979;
- Воспоминания летчика-испытателя. -М, 2002.

Май 2015 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Шатько Никита Алексеевич****, студент Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Мильченко Николай Петрович

По самолёту, гранатой, темп пять, огонь!

Я родился 24 августа 1921 года в Полтавской губернии. По национальности - украинец. Атеист. Был членом КПСС.

В 1939 году окончил школу. 5 декабря меня призвали в армию. Я был направлен служить в артиллерийский полк в Одессе. У меня было среднее образование, поэтому я был определён в полковую школу младших командиров.

Чувствовалось приближение войны. В стране были открыты новые военные училища, проводились дополнительные наборы курсантов в военно-учебные заведения. В февральский дополнительный набор 1940 года попал и я.

Меня направили учиться в Севастопольское училище зенитной артиллерии. В конце 1940 года наш февральский набор перевели в Горьковское училище зенитной артиллерии.

В июне 1941 года, по окончании училища, в звании лейтенанта был направлен во 2-й корпус ПВО (Ленинград).

За неделю до войны я прибыл в Ленинград в 169-й зенитный артиллерийский полк (169-й ЗАП). Я был назначен командиром огневого взвода 4-й батареи. Огневая позиция батареи находилась на Канонерском острове.

22 июня 1941 года меня ночью разбудил товарищ и сообщил о нападении немцев на Советский Союз.

В августе 1941 года я был назначен командиром 1-й батареи. На вооружении нашей батареи были 85-мм пушки и прибор управления зенитным огнем ПУАЗО-3 для автоматического наведения на цель зенитных орудий, более совершенный, чем предыдущие версии.

Огневая позиция батареи размещалась в торговом порту Ленинграда.

В первый же день я решил проверить, как будет действовать личный состав по сигналу «воздушная тревога».

Батарея подготовилась к бою, я подал команду: «По самолету, гранатой, темп пять, огонь!» К моему ужасу, все четыре пушки произвели залп боевыми снарядами. Затем – второй!

Я крикнул: «Стой, не заряжай!» Выпущенные снаряды рвались в чистом небе над Финским заливом. В случившемся виноват был только я, поскольку не предупредил командира огневого взвода, что тревога – учебная!

Команда «огонь» передавалась командиром огневого взвода путем задания на приборе ПУАЗО-3 темпа стрельбы и нажатием кнопки «ревун». Сигнал «ревуна» воспроизводился на каждом орудии, что и было командой для орудийного расчета.

Я, подав команду «огонь», был уверен, что кнопку «ревун» нажимать никто не будет, а значит и не будет стрельбы. Но командир огневого взвода кнопку нажал. Доложил о случившемся командиру дивизиона. Он сказал: «Война снаряды спишет, а Вам наука на будущее».

Первая боевая стрельба

16 августа в 10 часов 40 минут самолет «Юнкерс-88» появился со стороны Васильевского острова и направился в сторону торгового порта.

Батарея приготовилась к бою. Подал команду: «По самолету, гранатой, темп пять! Огонь!» После первых залпов разрывы снарядов вспыхнули впереди самолета. Немецкий летчик сбросил бомбы в Финский залив и, снизив высоту, ушел на юго-запад.

Самолет сбит не был, но зато мы не позволили летчику выполнить прицельное бомбометание.

Первый сбитый самолет

4 ноября в 22.00 бойцы прожекторной и звукоулавливательной станции доложили: «В небе вражеский самолет. Идет курсом на батарею».

По команде младшего лейтенанта Гуськова в ночное небо были направлены лучи наших прожекторов. Бомбардировщик «Юнкерс-88» был обнаружен. Он летел на большой высоте в сторону города.

После второго залпа нашей батареи «Ю-88» задымился и рухнул на землю в черте города.

ЧП местного значения

В ноябре месяце на двух орудиях во время стрельбы произошло раздутие стволов.

Об этом я доложил по команде. Через несколько дней на батарею приехал майор из штаба корпуса. Он бегло осмотрел пушки и сделал вывод: «Плохой уход за материальной частью. В стволах образовался нагар. Он и является причиной раздутия». Наши возражения он не стал слушать и уехал.

Я доложил командиру дивизиона об этом и попросил назначить комиссию для расследования.

Вскоре приехала комиссия, которая установила, что причиной раздутия являются нестандартные медные пояски на снарядах. Ленинград был в блокаде, поэтому штатные снаряды для зенитных пушек закончились. Снаряды стали делать на предприятиях города с большими допусками. С нас было снято обвинение в халатности по уходу за техникой.

Но волновался я сильно и готовился в штрафную роту. Пронесло!

Провал операции «Айсштосс»

Первый массированный налет на корабли Балтийского флота немецкие бомбардировщики, под прикрытием истребителей, нанесли 4 апреля 1942 года.

Первую группу бомбардировщиков, на удалении 115 километров от Ленинграда, засекли с помощью

радиолокационной станции дальнего обнаружения «Редут» в 18 часов 05 минут.

Рядом с нашей огневой позицией стали разрываться снаряды наземной артиллерии немцев. Велась пристрелка по нашей батарее. Через несколько минут немцы открыли беглый огонь по нашей огневой позиции.

К нам приближалась группа самолетов противника. Наша батарея открыла по ним огонь. Стрельбу открыли и соседние батареи. Снаряды кучно взрывались вблизи бомбардировщиков. «Юнкерсы» стали уходить в разные стороны, но их атаковали наши истребители. Два «Ю-87» устремились прямо на нашу батарею.

Первый из них стремительно спикировал на нас. Наши орудийные расчеты открыли интенсивный огонь. Немецкий пилот раньше времени сбросил бомбы в Финский залив и, оставляя следы дыма, ушёл на юго-запад.

А наземная артиллерия противника по-прежнему вела огонь по нашей позиции. Более 150 снарядов разорвались вблизи неё.

Второй «Ю-87» был сбит орудийным расчетом сержанта Халепо. Снаряд попал в хвостовую часть бомбардировщика. Самолет рухнул вблизи огневой позиции.

В ночь на 5 апреля, а затем днем 24, 25, 27 и 30 апреля немцы осуществляли массированные налеты на корабли Балтийского флота группами от 20 до 70 самолетов.

27 апреля батарею атаковала группа из трех «Ю-87». Расчеты сержантов Кудрявцева и Дельцова открыли огонь по первому самолету, и он был сбит. Два других самолета повернули обратно.

Войска ПВО в апреле сбили 70 и подбили 27 самолетов, участвовавших в налетах на наш флот.

За боевые действия в апреле 1942 года личный состав батареи получил благодарность от командования, а отличившиеся были награждены правительственными наградами. Я был награждён медалью «За отвагу».

Операция «Нева-2»

В марте 1943 года я был назначен начальником штаба 1-го дивизиона.

В конце 1943 года наши войска начали подготовку к проведению операции «Нева-2» для полного освобождения Ленинграда от блокады. Наш дивизион входил в состав группы поддержки частей 109-го стрелкового корпуса.

После мощной артиллерийской подготовки, 14 января с Приморского плацдарма началось наступление 2-й ударной армии, а 15 января с Пулковских высот - 42-й армии.

Я находился на наблюдательном пункте и передавал батареям целеуказания. За первый день операции наш дивизион выпустил 1200 снарядов по наземным целям, а также был сбит самолет «Ф-190».

С 15 по 19 января дивизион уничтожил восемь минометных и четыре артиллерийские батареи.

27 января блокада Ленинграда была снята.

Наш 169-й зенитно-артиллерийский полк с честью выполнил свои задачи по обороне Ленинграда в 1941 году, за что был награжден орденом Боевого Красного Знамени. За успешные боевые действия по снятию блокады города полк был награжден вторым орденом Боевого Красного Знамени и получил наименование «Красносельский».

После войны

После снятия блокады Ленинграда я служил в штабе полка, а в августе 1944 года был назначен старшим помощником начальника отдела боевой подготовки штаба Ленинградской армии ПВО, где служил до конца войны.

13 июня 1944 года немцы с ракетной базы Пенемюнде атаковали крылатыми ракетами Лондон и другие города Англии.

Я был включен в группу штаба армии по разработке средств отражения атак крылатыми ракетами «ФАУ-1», разработанных немцами. План был одобрен Военным советом фронта и утвержден в Москве. Было приказано занять позиции в секторе возможного подлёта крылатых ракет и провести тренировки по отражению этих налетов. В войсках ПВО страны это был первый опыт подготовки войск по отражению атак крылатых ракет.

После войны я окончил артиллерийскую академию, Академию Генерального штаба. Командовал полком, зенитно-ракетной бригадой, дивизией ПВО.

В 1969 году меня назначили заместителем начальника Главного штаба войск ПВО страны. В 1971 году я был назначен начальником штаба - первым заместителем командующего войсками Московского округа ПВО, где служил до увольнения из армии в 1983 году.

После увольнения из армии я работал в НИИ «Восход» 30 лет.

Награждён: орденом Боевого Красного Знамени, орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом «За Службу Родине» 3-й степени, медалью «За отвагу», медалью «За боевые заслуги», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и 20 юбилейными медалями.

В 1983 году Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР удостоен Государственной премии СССР за создание специальных средств управления.

В 2012 году Постановлением правительства РФ мне была присуждена премия Правительства Российской Федерации за значительный вклад в развитие Военно-Воздушных Сил.

Кандидат военных наук. Генерал-лейтенант.

Апрель 2013 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Колесников Павел Александрович****, главный специалист ОАО «Опытное производство»*

Москалев Алексей Владимирович

Две гранаты швырнул прямо из-под берега

Я родился 23 октября 1926 года в городе Шуя Ивановской области.

Учился с 1934 по 1938 год в школе № 11 города Шуи, с 1938 по 26 июня 1943 года в школе №1. Затем учился в Томском пехотном училище, а с 1953 по 1957 год в Военно-юридической академии.

22 июня 1941 года я прибежал домой. Это был отличный солнечный день, мама налила мне тарелку горохового супа, и вдруг заговорила «тарелка». «Тарелкой» мы называли репродуктор, который висел у нас в комнате.

Вячеслав Михайлович Молотов объявил, что сегодня в 4 часа утра Германия вероломно напала на нас.

Наступил январь 1943 года. Моего двоюродного брата, Борю Маклашина, призвали в армию. Он на год был меня старше.

Я побежал в военкомат: «Возьмите меня, я хочу в армию на фронт!» Однако мне ответили: «Тебе только 16 лет, вот через год приходи, мы тебя призовем».

Тогда я стал просить, чтобы меня приняли в комсомол.

И меня приняли в комсомол по моему заявлению в Шуйский городской комитет комсомола. Стал комсомольцем. Меня записали в Шуйский истребительный батальон ловить бежавших из лагерей немецких пленных, шпионов,

диверсантов и дезертиров. Некоторые из нашего батальона погибли от пуль этих дезертиров. Но мне повезло. Я целый год был бойцом Шуйского истребительного батальона.

23 октября 1943 года мне исполнилось 17 лет. На второй день я получил повестку из военкомата.

Нас привели на железнодорожную станцию, посадили в вагоны.

Меня зачислили в 375-й учебный батальон, находящийся в городе Канаш Чувашской СССР, который занимался подготовкой сержантов. К июню мы окончили обучение, но сержантского звания нам не присвоили. Мне, как отличнику боевой и политической подготовки, 23 февраля 1943 года было присвоено звание «ефрейтор».

По железной дороге я приехал из Канаша на Западную Украину, на станцию Сарны. В этих краях зверствовали бандеровцы. Нас тогда предупредили, что из строя нельзя выходить, поскольку дороги заминированы.

Определили меня в 100-й гвардейский стрелковый полк вторым номером пулеметчика.

У меня была винтовка с серийным номером УК2735, до сих пор помню ее номер.

Шли мы на фронт ночами по 50-70 километров в сутки, чтобы немецкие истребители нас не заметили и не расстреляли. 31 июля мы вышли на берег Вислы.

Нам было приказано: выкопать ячейки, чтобы в них сидеть, замаскировать сверху еловыми лапами, чтобы немцы, летающие на самолетах-разведчиках «рама», не заметили нас с воздуха. Я выкопал себе ячейку, замаскировался.

Старшина роты Макаров сказал: «Наша рота составляет передовой разведотряд. Завтра, ровно в 4 часа утра, надо форсировать Вислу».

Я спросил: «Товарищ старший сержант, а на чем плыть?»

Он ответил: «Москалев, у тебя винтовка есть. Вот садись на неё, левой рукой держись за цевьё, а правой отгребай. Приказ получен - в 4 часа утра форсировать Вислу».

«Ясно, товарищ старший сержант», - ответил я.

А сам думаю: «Я умею плавать, но с полной выкладкой, с винтовкой, магазинами и с лопатой как плыть-то?»

Наступило утро. Услышал шум моторов. Выглянул из ячейки и вижу: по лесной дорожке едут американские амфибии, которые нам американцы по ленд-лизу поставляли.

Командир полка майор Воинков Александр Михайлович дал команду: «По 6 человек на каждую машину! По 6 человек!»

Мы по 6 человек запрыгнули на каждую машину, и машины поехали к берегу.

За ночь сапёры срыли высокий берег, но не до конца, и нам пришлось, как с трамплина, сначала оказаться в воздухе, а потом шлёпнуться в реку.

Заработал задний гребной винт, и наша машина поплыла. Было тихо, пока нас скрывал туман, но как только наши амфибии вышли из этого тумана, немцы открыли пулеметный огонь.

Пулеметной очередью пробило нашу машину. Водитель был убит. Он уткнулся в руль амфибии, а машина, из-за большого количества пробоин, стала заполняться водой.

Я схватил все свое оружие, а также патроны и магазины, через борт перевернулся, оказался в воде и ушёл на дно. Там была глубина больше человеческого роста. Достал до дна, оттолкнулся ногами, вынырнул из воды, сделал глубокий вдох и опять на дно, и вот так несколько раз. И вдруг я оказался на земле, по грудь в воде. Это, как говорится, повезло – я попал на песчаную косу и остался в живых.

По косе, это было недалеко от нашего берега, я вернулся на свой берег - и в кусты. Там уже ребята лежат, ждут команды. Вокруг мины рвутся. Немцы вели по нам минометный огонь.

Опять прозвучала команда командира полка майора Воинкова: «По 6 человек на машину!» Я снова запрыгнул на машину, и опять машина помчалась к вражескому берегу.

Не доплывая до берега, водитель развернул машину и скомандовал: «Выпрыгивай!»

Мы все начали выпрыгивать. И вот опять я оказался по грудь в воде. Водитель крикнул: «Действуй, паренёк!»

Вылезаю на берег, пробираюсь через кусты, смотрю – боже мой, это же остров, а не берег! Надо еще метров двадцать вплавь добираться до берега! Переплыл, но меня течением снесло, а течение там было достаточно быстрое. Меня снесло

вправо как раз под окоп, откуда стрельба велась из пулемета, который нас расстреливал.

Меня пулемётчик не видел, потому что берег был метра 2-3 высотой. Ситуация: я его не вижу, он меня тоже не видит.

Старший по возрасту боец, который оказался рядом со мной говорит: «У тебя гранаты есть? Бросай гранаты в него!»

А нам выдали по две гранаты. Я две гранаты швырнул прямо из-под берега в сторону этого окопа. Огонь прекратился! Пулемет больше не стрелял. Я от этого пулеметного гнезда пошёл влево на то расстояние, на которое меня течением снесло. Смотрю, стоят наши ребята (передовой разведотряд)!

Командир скомандовал: «Вперёд!»

Мы двинулись вперед, захватывая прибрежную территорию.

3 или 4 августа 1944 года. Мы продвигались по лесу на польской территории, зачищая лес от немцев. Стреляли, когда видели фашистов. Немцы от нас бежали. Заняли немецкую траншею. Слышим, из находящейся перед нами другой траншеи нам кричат: «Чего вы там? Давай сюда!» Ну, мы выпрыгнули из траншеи и, опустив винтовки, побежали к ним. И вдруг по нам открыли огонь! Это оказались власовцы - изменники, предатели Родины, воевавшие под знаменами врага. Мы опешили. У многих оружие было не заряжено. Кто убит, кто ранен. Под их огнем побежали обратно. Слева бежал боец, с коробками для пулеметных лент, он упал и замолк, убит. Справа боец тоже упал и замолк.

Впереди сосна большая была, я за нее и спрятался. Кора отлетала - по мне вели огонь. Вдруг огонь прекратился. Я только бросился к своим, как сзади услышал: «Хальт!» («Стой»).

Я развернулся. Здоровенный, на голову выше меня, немец целился в меня из автомата. Я, как меня учили в учебном батальоне, прикладом ударил ему в лицо, он отпрянул назад, а я побежал. В это время справа от моей головы просвистела пулеметная очередь. Я бросился к нашим пулеметчикам.

Их осталось двое из пулеметного расчета. И мне они говорят: «Мы смотрим, он тебе уже в спину целится, и решили вас обоих убить, но повели стрельбу с его стороны, его убили, а ты здесь».

В августе 1945 года, когда я находился в окопе, прибежал связной от заместителя командира батальона капитана Кириченко Михаила Михайловича и сказал, что он меня вызывает.

Я прибежал (по траншее): «Товарищ капитан! Ефрейтор Москалев прибыл!» Он мне: «На нейтральной полосе лежит наш пулемет «Максим». Достань его!»

Я говорю: «Как же я его достану? Если выскочу из траншеи, то меня свои убьют в спину. Скажут, что я изменник, предатель, к немцам побежал».

А он: «Я дам команду, чтоб не стреляли. Возьми себе надежного солдата, и постарайтесь вытащить пулемет!»

Я взял связного нашего командира взвода. В связные попасть было трудно плохому солдату.

Прибежал и говорю: «Башкарёв! Пойдешь со мной. Пулемет надо с нейтралки взять!»

Без всяких слов мы выскочили из траншеи и побежали. С нашей стороны выстрелы прекратились.

Бежим, немцы тоже прекратили стрельбу, к ним же бегут… Думают, бегут два предателя…

Мы подбежали к пулемету «Максим». Вижу, что убитый пулеметчик лежит, а руки его лежат на палочке, привязанной верёвкой к дуге пулемета, для того чтобы тащить этот пулемет на колёсах и дульным тормозом не касаться земли.

За одну палочку ухватился я, за другую – Башкарев. И мы побежали. Я потом вспоминал, что мы бежали так, как бегал чемпион в беге на 400 метров Адальон Игнатьев. Был такой чемпион СССР по бегу на короткие дистанции.

Добежали до своих траншей и упали вниз головой, а 70 килограммов железа рухнули на нас, свалился пулемет.

Я побежал по траншее к Кириченко: «Товарищ капитан! Ваше приказание выполнено, пулемет доставлен, но там пробит кожух, вода вытекла».

«Тащи пулемет в ружейную мастерскую, чтобы привели его в нормальное состояние», - говорит он.

И вот награда: вынимает трофейные немецкие конфетки, кругляшки такие, леденцы. Протянул мне эти леденцы и сказал: «Себе возьми и Башкареву дай!» Вот и вся награда была за этот смертельный приказ командира.

Декабрь 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Малевич Дмитрий Иванович****, студент 2-го курса факультета «Интегрированные системы летательных аппаратов» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Оловянников Николай Ефимович

Боевой 200-й вылет

Я родился 22 декабря 1922 года в крестьянской семье в деревне Скотская Медвенского района Курской области.

Мой отец служил моряком на Балтике ещё при царском режиме. Он умер рано - в 1925 году в возрасте 28 лет. После смерти отца, мать уехала на заработки в город Константиновка Донецкой области. Мы с сестрой Ниной остались жить с бабушкой и дедушкой - родителями отца.

В 1930 году мать забрала нас к себе в Константиновку.

В начале тридцатых годов на Украине был сильный голод. Мы остались в живых благодаря маме, которая работала кухаркой в столовой. Я сам русский, но пришлось пойти учиться в украинскую школу, так как она находилась недалеко от дома, в котором мы жили. Учиться мне было тяжело, поскольку я совершенно не знал украинского языка.

Зимой 1940 года умерла моя мать, я остался с сестрой вдвоём. Мне было 17 лет, а сестре - 14. Дедушка и бабушка приехали в Константиновку из Курской области, благодаря чему мы смогли продолжить учёбу.

Зимой 1940 года, по специальному набору с отрывом от учёбы, я поступил в Артемовский аэроклуб курсантом. В период обучения в аэроклубе нас кормили, одевали, обували, да ещё и платили стипендию. Весной 1941 года окончил обучение в аэроклубе и стал ждать повестку в лётное

училище. 28 июня 1941 года, когда уже 6 дней шла война с фашистской Германией, я получил повестку явиться на сборный пункт военкомата. Провожал меня дед.

Я прибыл в Ворошиловградскую военную школу пилотов. Началась моя курсантская жизнь. В этой школе обучали лётчиков летать на самолётах СБ (скоростной бомбардировщик). Сначала мы летали на учебных самолётах Р-5.

К осени 1941 года фашистские войска продолжали продвигаться вглубь нашей страны. В октябре наша школа была эвакуирована в город Уральск. До Сталинграда шли пешком. В Сталинград прибыли 6 ноября, когда уже начались заморозки, погода стояла холодная. От Сталинграда до Саратова плыли пароходом, а от Саратова до Уральска ехали поездом в товарных вагонах. Когда прибыли в Уральск, нам дали несколько дней на благоустройство. Началась учёба.

Курсантская жизнь была очень тяжёлой: кормили плохо, обмундирования не хватало. В столовую зимой ходили по очереди - не хватало сапог, а летом летали в самодельных брезентовых тапочках, которые шили сами. Учились в холодных классах, но чаще всего занятия проводились в казарме на нарах.

Мы сами готовили самолёты к полётам, сами их охраняли, сами ходили во внутренний наряд и работали на кухне, занимались заготовкой дров на зиму. Но мы все были комсомольцами и не теряли надежды на Победу. Курсанты не жаловались на тяжелую военную жизнь, стремились как можно быстрее окончить школу и попасть на фронт, чтобы самим участвовать в войне и освободить свою Родину от фашистских оккупантов.

Сначала мы летали на СБ, но эти самолёты не оправдали себя на фронте, и их перестали производить. В 1942 году приступили к обучению полетам на самолётах Ил-2. Это самолёт-штурмовик конструктора Ильюшина с бронированным мотором и кабиной лётчика. Экипаж самолета - лётчик и стрелок. Вооружение было очень мощное: загрузка бомб - 600 кг, две 20-миллиметровые пушки, 8 реактивных снарядов, два пулемёта калибра 7,62 и еще один крупнокалиберный пулемёт у стрелка. Этот самолёт был незаменим для поддержки наших войск на переднем крае

противника. Немцы называли этот самолёт «чёрной смертью». Когда он появлялся над полем боя, то наводил на немцев панику. А наши называли его летающим танком.

В мае 1943 года обстановка на фронте и в тылу оставалась тяжёлой. В это время я окончил летную школу, мне присвоили воинское звание «младший лейтенант». Было мне 20 лет.

Я получил направление на Западный фронт в 312-й штурмовой авиационный полк 233-й штурмовой авиационной дивизии 1-й воздушной армии. Полк базировался на полевом аэродроме у населённого пункта Зубово в 60 километрах западнее города Калуги.

Первый боевой вылет я совершил 12 июля 1943 года на Курско-Орловской дуге, для нанесения удара по артиллерии противника на огневых позициях в районе населённого пункта Жиздра севернее города Орла.

Участвовал в боях за освобождение городов: Ярцево, Смоленск, Елец, Орша, Вижебок. Освобождал Белоруссию, Польшу, воевал в Восточной Пруссии и закончил войну в Германии в 70 километрах севернее Берлина на аэродроме у населённого пункта Нейштерлит.

За время боевых действий приходилось наносить бомбардировочные удары по живой силе противника в окопах на переднем крае обороны противника, по артиллерии, танкам, автомашинам, железнодорожным эшелонам на перегонах и железнодорожным станциям, мостам, переправам, по самолётам на аэродромах, кораблям в порту и по другим военным объектам.

Я ни разу не был сбит, не садился на вынужденную посадку и не был ранен. Иногда возвращался с боевого задания с большим количеством пробоин, число которых техники насчитывали более сотни. Но жизненно-важные части самолёта не были повреждены.

Был такой случай. После возвращения с боевого задания техники обнаружили в самолёте, что тяга к элерону перебита. Меня спросили: «Как ты долетел?» Я ответил: «Как видите, нормально».

Оказывается, когда я был над целью, то недалеко от самолёта взорвался зенитный снаряд, осколок этого снаряда пробил плоскость самолёта и перебил тягу к элерону, но не

полностью, тяга держалась «на волоске». При посадке, от касания колёс самолёта о землю, тяга сломалась.

Летом 1944 года наш полк участвовал в освобождении Белоруссии. Зенитная артиллерия противника вела по нашей группе сильный огонь. Один из осколков снаряда, разорвавшегося недалеко от моего самолёта, пробил форточку из оргстекла кабины лётчика. Скорость и убойная сила этого осколка уже была ничтожна, он упал мне на колени и был ещё очень горячим.

Расскажу о своём 200-м боевом вылете. Это было в начале Берлинской операции. Наш полк базировался на аэродроме под городом Старград. Немцы рассчитывали остановить наши войска на реке Одер. На западном берегу были созданы мощные оборонительные сооружения. Операция началась во второй половине апреля.

В первые дни погода была нелётная: стоял туман, низкая облачность. Авиация не могла поддерживать наземные войска. Через два дня туман рассеялся, облачность уменьшилась. В полосе наступления пехота 65-й армии генерала Батова форсировала реку Одер южнее города Штетина и заняла на западном берегу плацдарм. Начала действовать небольшими группами штурмовая авиация.

У меня на тот день было 199 боевых вылетов, поэтому моё желание совершить двухсотый боевой вылет было естественным. Я все время старался находиться недалеко от командного пункта в поле зрения командира полка, но командир делал вид, что меня не замечает.

Самому напрашиваться на боевой вылет - плохая примета, а в приметы лётчики всегда верили. Начальник штаба полка не выдержал и сказал командиру, что у Оловянникова 199 боевых вылетов. На что командир в резкой форме ответил начальнику штаба: «Сам знаю, и не лезь в мои дела, занимайся своими штабными делами».

Прошло несколько минут. Командир сказал: «Оловянников, следующее боевое задание будет твоим. Далеко не уходи, готовься!» Действительно, через несколько минут мне было поставлено боевое задание. Я должен был в составе 8 самолётов в течение 20 минут подавить огневые точки и артиллерию противника, ведущие огонь по нашим

войскам на занятом плацдарме и по переправляющейся на плавсредствах пехоте.

Наша группа из 8 самолётов поднялась в воздух. Мы летели на высоте 800 метров. Вижу реку Одер. При подходе к цели по нашей группе был открыт сильный зенитный огонь. Находиться под таким шквалом огня в течение 20 минут - это значит неминуемо понести потери. Принимаю решение с первого захода подавить огонь зенитной артиллерии.

К цели летим с противозенитным манёвром. С ходу атакуем зенитную артиллерию и выстраиваемся в боевой порядок «круг». После двух заходов огонь зенитной артиллерии был подавлен. Мы стали полными хозяевами в районе действия нашей группы. Всю огневую мощь наших самолётов мы обрушили на огневые точки противника. Мы сделали восемь заходов, выбирая каждый себе цель, не нарушая боевого порядка группы. Мы хорошо видели, что огонь противника был подавлен. Двадцать минут боя пробежали, как одна.

По радио слышу команду с земли: «Я – первый! (Позывной командующего 65-й армии Батова). Благодарю за отличную работу, поздравляю с двухсотым боевым вылетом, разрешаю идти домой». Я ответил: «Вас понял. Выполняю».

Возвращаясь на свой аэродром, шли на малой высоте над рекой Одер. Хорошо была видна наша пехота на плавсредствах, которая приветствовала нашу группу взмахами рук и подбрасыванием шапок вверх, а мы их приветствовали традиционно - покачиванием крыльев самолётов. Задание было выполнено.

При подлёте к своему аэродрому я увидел на большом полотне надпись: «Поздравляем Оловянникова, совершившего двухсотый боевой вылет!» На аэродроме лётный и технический состав полка приветствовал нашу группу из стартовых ракетниц.

Когда приземлился и доложил командиру полка о выполнении задания, рядом с ним стоял член военного совета 4-й воздушной армии генерал Веров, который поздравил меня с двухсотым боевым вылетом и пожелал успехов в дальнейшей боевой работе. Затем он поинтересовался у командира, как я воюю, как командую эскадрильей. На что командир дал мне высокую оценку. Генерал Веров сказал:

«Если всё так, как ты говоришь, зачем же парня обижать, надо писать представление на вторую звезду Героя Советского Союза». Командир ответил: «Представление будет написано».

Я периодически катался на трофейном мотоцикле в нарушение приказа командующего 2-м Белорусским фронтом маршала Рокоссовского, который гласил: «Категорически запретить езду на трофейной технике». Однажды, когда я ехал на этом мотоцикле, командир дивизии полковник Смоловик увидел меня и тут же позвонил командиру полка Рубцову, сказав: «Представление на вторую звезду Героя Советского Союза Оловянникову не подпишу за нарушение приказа Рокоссовского». Так на второй звезде была поставлена точка.

Но война продолжалась. Всего за время войны я совершил 212 боевых вылетов. Войну закончил 9 мая 1945 года старшим лейтенантом командиром эскадрильи 312-го штурмового ордена Красного Знамени и ордена Суворова 2-й степени Белостокского авиационного полка.

За сто успешных боевых вылетов 26 октября 1944 года мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Был награждён тремя орденами Боевого Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалью «За боевые заслуги» и 30 другими медалями.

Участвовал во всех парадах Победы на Красной площади. В 1950 году учился на курсах командиров эскадрилий в городе Таганроге. После окончания учёбы был направлен для прохождения дальнейшей службы в город Лиза (Белоруссия).

В 1952 году поступил на подготовительный курс в Монинскую Краснознаменную военно-воздушную академию. В 1956 году, после окончания академии, был направлен начальником штаба истребительного авиационного полка в Группу советских войск в ГДР.

В 1962 году по состоянию здоровья был уволен из Вооруженных Сил СССР в звании «полковник».

В 1963 году поступил работать на военную кафедру Московского института нефти и газа имени И.М. Губкина.

С 1966 по 1990 год был председателем совета ветеранов института.

Март 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Рыжков Виталий Витальевич****, студент 1-го курса Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Орлов Владимир Иосифович

От школьной парты на защиту осажденного Ленинграда

Я родился в 1923 году в городе Можайске Московской области. В городе Коломне окончил среднюю школу и одновременно учился в аэроклубе, откуда в августе 1941 года был направлен в Ейское военно-морское авиационное училище (ВМАУ), которое вскоре было эвакуировано в Куйбышевскую область. Здесь в глухой деревне были организованы учебные занятия и летная подготовка на самолетах И-16. Эти самолёты постоянно выходили из строя, и полеты срывались.

Часть курсантов была направлена на базовый аэродром, где перед нами была поставлена задача освоения самолетов Р-10, которые до этого использовались в основном в училищах для подготовки штурманского состава и в боевых действиях не участвовали. После освоения Р-10 наша группа была направлена в Мордовию, где основной задачей было освоение ночных полетов для использования Р-10 в качестве легких бомбардировщиков. Вскоре была сформирована боевая 5-я авиационная эскадрилья, а 7 ноября 1942 года был получен приказ о перелете эскадрильи в город Ленинград.

Город в это время подвергался интенсивным ночным бомбардировкам, которые немцы вели с ближайших к Ленинграду аэродромов. Нашей эскадрильи была поставлена

задача ночной блокировки этих аэродромов путем барражирования и нанесения бомбовых ударов по аэродромам. В результате немцам пришлось отказаться от использования ближних аэродромов и уйти на более отдаленные, что снизило интенсивность ночных ударов по городу.

Аэродромы противника имели мощное прикрытие, полеты проходили, как правило, в сложных метеоусловиях, поэтому из-за ненадежного навигационного и пилотажного оборудования самолетов наши потери были большими. К лету 1943 года 5-я эскадрилья перестала существовать.

В мае 1943 года была сформирована 6-я смешанная эскадрилья, в которую вошли 10 самолетов ИЛ-2 и оставшиеся самолеты Р-10. Мне необходимо было срочно осваивать ИЛ-2. Я сделал всего несколько полетов на ИЛ-2, когда был получен приказ о нашем перебазировании на островную военно-морскую базу на островах Сескар и Лавенсари в авиационную эскадрилью, которая прикрывала с моря Кронштадт и Ленинград и обеспечивала охрану наших морских путей.

Основная сложность действий с острова Сескар была связана с небольшими размерами аэродрома, который представлял собой узкую полоску, вымощенную булыжником, на месте вырубленного леса, длиной порядка 600 метров. Посадка на такую полосу была сложной, промахнуться было нельзя, так как выкатиться за пределы полосы было некуда.

С началом операции по окончательному освобождению Ленинграда наша 6-я эскадрилья была переброшена на Ораниенбаумский плацдарм и вошла в состав 7-го штурмового авиаполка 9-й штурмовой авиадивизии и в составе ленинградского фронта участвовала в прорыве вражеской обороны. В результате упорных боев наши войска вышли к реке Нарва и захватили плацдарм у города Гдов, вышли к Чудскому озеру.

Предстояло изгнание немцев из Эстонии. Готовилась переброска наших войск через Чудское и Теплое озера. Нашему полку была поставлена задача по выявлению и уничтожению противника на озерах, протоках и на реке Эмма-Йге. Эта задача была успешно решена. Войска 2-й ударной армии были переброшены бригадой кораблей Балтийского флота и начали наступление на Тартуском направлении. Севернее Чудского озера наши войска, успешно развивая

наступление, вышли к реке Нарва и захватили плацдарм, но город Нарва освободить не удалось, так как немцы создали здесь мощный оборонительный рубеж.

Наши войска для овладения островами не имели тяжелой техники, а крупные корабли не могли выйти из Финского залива ввиду минной обстановки. Поэтому задача по уничтожению укреплений на островах была возложена на авиацию флота. В северной части должна была действовать 11-я штурмовая авиадивизия, а в южной - 9-я штурмовая авиадивизия, в которую входил и наш 7-й штурмовой авиаполк. Единственным естественным плацдармом для форсирования пролива Муху-Вяйн и дальнейшего наступления являлся остров Муху. Дамба связывала его с островом Сарема. В результате дальнейших операций были освобождены ряд островов. На острове Сарема главные силы противника отошли к заранее созданным укреплениям на полуострове Сырве.

Наши войска вели упорные бои. Наш полк был переброшен на остров Сарема на аэродром Кагула, значительно ближе к линии фронта, что позволило увеличить интенсивность наших ударов. Вскоре немцы были выбиты с полуострова, наши войска вышли к Ирбенскому проливу и могли контролировать проход и движение судов в Рижском заливе.

За успешное выполнение более 90 боевых вылетов я был награжден четырьмя орденами Боевого Красного Знамени. В феврале 1945 года я был направлен на Высшие офицерские курсы авиации ВМФ, а затем получил назначение на Тихоокеанский флот, где в 37-м гвардейском полку был заместителем командира эскадрильи, командиром эскадрильи на самолетах Ил-2 и новых самолетах Ил-10.

В 1947 году поступил в Ленинградскую Краснознаменную военно-воздушную академию (ЛКВВА), после окончания которой в 1954 году был вновь направлен на Балтику в штаб ВВС 8-го флота на должность начальника отдела радиотехнического обеспечения полетов.

В 1956 году переведен в Москву в управление опытного строительства авиационной техники авиации ВМФ, где прослужил более 25 лет.

За активное участие в создании авиационных комплексов Ил-38, Ту-142, Ту-142М, и вертолетов Ка-25 и Ка-27 и разработки их модификаций, я был награжден орденом Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета». За работу по развитию этих комплексов был награждён орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны 2-й степени.

В 1985 году уволен в отставку, выслуга 49 лет. С 1985 по 2011 год работал ведущим инженером Государственного научно-исследовательского института авиационных систем.

Ноябрь 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Волчков Юрий Александрович****, студент 2-го курса факультета «Авиационная техника» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Орлов
Николай Григорьевич

Зубами вырвала из меня злосчастную пулю
(продолжение, начало в 14 томе)

Они пошли в прорыв ещё в темноте

Я родился 18 марта 1922 года в деревне Сапегино Гжатского уезда Смоленской губернии (с 1968 года - Гагаринский район Смоленской области).

Начал службу в 1939 году в Рабоче-Крестьянской Красной Армии курсантом Орловского бронетанкового училища имени М.В. Фрунзе. В 1941 году, после его окончания, был назначен командиром взвода курсантов Минского Краснознаменного танкового училища.

22 июня 1941 года немцы нанесли внезапный удар с воздуха по летнему лагерю училища под Минском.

В составе танковой группы, состоящей из учебных танков, я на танке БТ-7 попаданием в борт уничтожил первую машину противника - средний танк PzKpfw III. Затем мы отступали через Могилев почти до Смоленска, участвуя в боях с разведывательно-диверсионными группами врага.

Училище эвакуировали в город Ульяновск, откуда в июне 1942 года я был откомандирован в Сталинград. Получил в подчинение маршевую роту экипажей из 10 танков Т-34 в 21-м

учебном танковом батальоне под командованием майора Гирды.

За июль-август рота была подготовлена. 24 августа мы должны были подойти к городу Калач-на-Дону и влиться в одну из танковых бригад, которая вела там боевые действия. Но обстановка резко изменилась. Вместо марша к Дону мы приняли первое боевое крещение на Волге.

Внезапно у Волги, в 1,5 километрах от танкового завода, появились немецкие танки. Их было много. Они захватили населённые пункты Орловку и Рынок.

Позже выяснилось, что к Волге прорвалась 16-я танковая дивизия 14-го танкового корпуса 6-й армии Паулюса. Утром 23 августа этот корпус, прорвав оборону наших войск у реки Дон, стремительно направился к северной окраине Сталинграда и к 17 часам уже был у Волги.

Сталинград был на грани захвата немецкими войсками. Обстановка сложилась критическая, поскольку в городе не было регулярных войск для его защиты.

В ночь на 24 августа мы дважды контратаковали немецкие танки и мотопехоту. Бои шли с переменным успехом, ворваться в город фашисты не смогли. 29 августа в район боев подошла 124-я мотострелковая бригада полковника Горохова и с ходу, при поддержке наших танков, перешла в наступление. В жесточайшем бою берег Волги был очищен от фашистов.

В этих боях мой танк был подбит, а я тяжело ранен. Первая пуля попала в ребро шлемофона, вторая - в плечо, а третья - в грудь и насквозь. Затем был санитарный эшелон.

Из госпиталя я вернулся на фронт в 21-й танковый полк 4-го механизированного корпуса генерала В.Т. Вольского.

Во время операции «Уран», проходившей с 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года, я был командиром роты легких танков Т-70. В роте их было 16: три взвода по пять танков. Рота входила в состав 21-го танкового полка 60-й механизированной бригады.

20 ноября наш 4-й механизированный корпус пошел в прорыв из района юго-восточнее Сталинграда и, через 48 часов стремительного наступления в направлении города Калача-на-Дону, вышел в глубокий тыл сталинградской группировки немцев, начав оперативное окружение 6-й армии

Паулюса. 23 ноября к нам подошли части, наступавшие с северо-запада.

В этих боях мои танкисты решали задачи: разведка противника, поддержка мотопехоты огнем и гусеницами, прикрытие флангов.

После двух суток непрерывных боев мы вышли в район города Калача и хутора Советского. Затем с ходу начали наступать с запада на восток в направлении Сталинграда. Но преодолеть сопротивление врага не смогли.

В этих боях я был еще раз ранен. В наших легких танках Т-70 раций не было. Выскочил из своего танка и побежал к танку командира одного из взводов передать приказ. Я поставил задачу командиру взвода и в этот момент был ранен.

Передав свои позиции подошедшей пехоте, наш 4-й механизированный корпус был направлен на южное крыло Сталинградского фронта для отражения деблокирующего удара фашистской армии.

Танковая группировка «Гот» прорывалась из района Котельникова для спасения армии Паулюса. Шесть суток шло сражение нашего 4-го механизированного корпуса с многократно превосходящей по численности группировкой немцев, в составе которой впервые действовал отдельный батальон тяжелых танков "тигр". В этих боях я командовал ротой танков Т-34 с 14 по 20 декабря.

Немецкие танки пытались любой ценой прорваться к окруженным войскам 6-й армии. Особенно ожесточенные бои были у хутора Верхне-Кумский, который переходил несколько раз из рук в руки.

В одном из боев экипаж командира танка лейтенанта Александра Плугина из моей роты совершил подвиг - таранил фашистский средний танк.

За массовый героизм, стойкость и мужество воинов 4-го механизированного корпуса в боях под хутором Верхне-Кумский корпусу было присвоено гвардейское звание. Позже ему было присвоено почетное наименование - Сталинградский.

За участие в боях у хутора Верхне-Кумский меня наградили орденом Красного Знамени (№47965). В этих боях я получил третье ранение.

Вторым орденом Красного Знамени (№ 62862) я был награжден за участие в боях по окружению и уничтожению Корсунь-Шевченковской группировки немецко-фашистских войск в январе - феврале 1943 года на правобережной Украине. Эта операция называлась «Сталинград-2».

В этой операции в звании капитана я был командиром первого танкового батальона 27-й гвардейской отдельной танковой бригады 2-го Украинского фронта. В батальоне были три роты танков Т-34.

В отличие от Сталинградской битвы, где окруженная армия Паулюса не пыталась прорваться из окружения, в операции «Сталинград-2» 80-тысячная группировка немецких войск на рассвете 18 февраля 1943 года предприняла попытку вырваться из кольца окружения нестандартным способом.

Считалось, что прорыв немцы если и начнут, то развернутым фронтом после огневой подготовки. А они пошли на прорыв еще в темноте тремя колоннами, удаленными на 1,5-2 километра друг от друга, имея танки и бронетранспортеры в авангарде колонн. Артподготовку они не проводили.

Командир бригады полковник Н.М. Брижинев поставил моему батальону задачу разгромить центральную колонну и не допустить её прорыва к внешнему кольцу окружения. Эта колонна двигалась по глубокой и широкой балке, усеянной мелким кустарником. Наши танкисты с обеих сторон сверху вниз стреляли по идущей напролом немецкой колонне. Немцы несли огромные потери, но не сдавались.

К середине дня 18 февраля вся группировка, бывшая в окружении, была разгромлена.

Второй орден Красного Знамени мне вручили одновременно с орденом Ленина, которым я был награжден за форсирование Днепра.

В послевоенное время я был удостоен двух орденов Трудового Красного Знамени за работу по подготовке кадров для Вооруженных Сил Советского Союза и за решение задачи по использованию танковых войск в ракетно-ядерной войне.

Награжден: орденом Ленина, двумя орденами Боевого Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами

Трудового Красного Знамени, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» 3-й степени, медалью «За отвагу».

9 ноября 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Тарасенко Алексей Владимирович****, студент 2-го курса Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Панкратьев Георгий Тимофеевич

Халхин-Гол, Ржев, Калач, Украина, Румыния и Большой Хинган

Я родился 1 апреля 1918 года в деревне Дубенское Невельского уезда Витебской губернии.

Родители - крестьяне. Русский. Христианин. Был членом ВЛКСМ, ОСОАВИАХИМА, ВКП(б) и КПСС.

В 1936 году окончил 10 классов школы. В 1939 году окончил Ленинградское военное училище связи имени Ленсовета (ЛВУС).

По окончании ЛВУС присвоено воинское звание лейтенанта.

Я, молодой лейтенант, в составе группы из 20 человек, в феврале 1939 года был направлен в спецкомандировку в Монгольскую Народную Республику (МНР), где был назначен начальником радиостанции «11-АК» 406-го отдельного батальона связи 57-го особого стрелкового корпуса (ОСК).

Халхин-Гол

Батальон дислоцировался в Красных казармах, построенных ещё до 1917 года русскими войсками под Улан-Батором в районе Маймачина.

Японская армия, нарушив государственную границу, в первых числах мая 1939 года вторглась в пределы

Монгольской Народной Республики и захватила значительную территорию восточнее реки Халхин-Гол.

Советские соединения и части 57-го особого стрелкового корпуса (ОСК), находившиеся в МНР в соответствии с договором от 12 марта 1936 года между Советским Союзом и МНР, должны были оказать дружественной МНР военную помощь в отражении агрессии.

Под натиском превосходящих сил противника малочисленные подразделения 24-го пограничного отряда МНР вынуждены были отступить за реку Халхин-Гол.

Утром 8 мая 1939 года меня вызвали в штаб батальона. Командир батальона сказал, что руководство Генерального штаба Монгольской народно-революционной армии (МНРА) обратилось к нашему командованию с просьбой оказать им помощь в обеспечении штаба прямой радиосвязью с 24-м погранотрядом МНР, который ведёт тяжелые бои с японцами восточнее реки Халхин-Гол.

Он приказал мне срочно отправиться в Генеральный штаб МНРА и на их радиостанции установить связь с 24-м погранотрядом.

Район боевых действий восточнее города Тамсаг-Булак не имел радиосвязи.

Тамсаг-Булак, где дислоцировался наш стрелковый корпус, был последним пунктом, с которым наш штаб корпуса в Улан-Баторе имел проводную воздушную линию, очень ненадёжную телеграфную связь по аппарату Морзе. Радиосвязь со своими соединениями штаб корпуса не поддерживал. На территории МНР было запрещено радиостанциям советских войск выходить в эфир для обеспечения режима секретности.

Через час я со своими радистами и электромеханиками был в здании Генерального штаба (ГШ) МНРА. Радиостанция была в неисправном состоянии, и быстро исправить её было невозможно. Я вернулся в батальон, доложил об этом командиру роты и предложил для выполнения поставленной задачи снять с консервации нашу радиостанцию «11-АК», отвезти её в расположение Генерального штаба и установить радиосвязь. Такое разрешение я получил. Во дворе здания Генерального штаба мы развернули радиостанцию, максимально удлинив мачтовую антенну (20 +

дополнительное колено 2,5 метров), настроили передатчик и приемник на заданные частоты и попытались установить связь по азбуке Морзе.

Расстояние от Улан-Батора до погранотряда в районе реки Халхин-Гол составляло около 1000 километров, что превышало технические возможности нашей радиостанции, условия радиоприёма были плохими из-за наличия индустриальных помех в черте города. Радиоприемник 5-РКУ был в то время без прямого усиления и без средств отстройки от помех. Мы не имели опыта работы с монгольскими радистами и не знали, каким радиокодом они работают – международным или военным, в то время состоящим из начальных букв фраз. Например, «кс» - как слышите, «сх» - слышу хорошо. Позже военные связисты стали применять международный код, чтобы не демаскировать принадлежность радиостанций.

Через некоторое время нам удалось связаться со своим корреспондентом, приняли первую радиограмму (кодограмму) и доставили её в службу шифрования ГШ МНРА. Оказалось, что это боевое донесение, которое ждало руководство МНРА.

Затем пошёл двухсторонний обмен радиограммами. Слышимость была плохая (минимальная), и для большей надежности мы принимали на слух одновременно втроём (я, командир отделения Чернецкий и рядовой Старков).

Через некоторое время мы поменяли место расположения радиостанции, чтобы уменьшить радиопомехи. За городом подобрали площадку. Развернули антенну, проложили телефонный кабель связи в службу шифрования ГШ МНРА. Условия радиоприема стали лучше, мы осуществляли устойчивый прием боевых донесений и передачу распоряжений руководства МНРА. Так мы работали около десяти суток.

Во второй половине мая 406-й ОБС был поднят по тревоге. Мы прибыли в Тамсаг-Булак.

Связисты батальона (командир - майор Солдатенков), в жару, под обстрелом и бомбёжками авиации противника, построили линии связи от Тамсаг-Булака до КП штаба корпуса на горе Хамар-Даба (более 300 километров). На главных направлениях фронта проложили для надёжности по две полевые линии связи с КП частей. Мы, замаскировав всё под

степную местность, укрыли личный состав в землянках, технику и спецмашины в капонирах, соорудили траншеи, окопы, блиндажи. Это помогло нам отразить атаку японцев, прорвавшихся вдоль реки Халхин-Гол из района горы Баин-Цаган в район КП штаба корпуса в начале июля 1939 года. Японцы были отброшены атакой связистов, которую возглавил майор Галошин, за что он был награжден орденом Красного Знамени. В этом бою он был тяжело ранен.

Радиобатальон

Когда началась Великая Отечественная война, я находился в Забайкалье, где был помощником командира радиобатальона 14-го отдельного полка связи (ОПС) Забайкальского военного округа в воинском звании старшего лейтенанта. Командиром радиобатальона был капитан Шаталов, а командиром полка - майор Доленко.

Узнал о начале войны утром 22 июня по прибытии на 79-й разъезд в составе комиссии штаба Забайкальского военного округа для проверки боевой подготовки стрелковой дивизии (СД). Проверка была отменена, а комиссия первым же поездом вернулась в город Читу, где находился штаб округа.

В первые дни войны я подал рапорт с просьбой направить меня на фронт. Командующий войсками Забайкальского военного округа отказал, мотивируя военной угрозой со стороны Японии.

Забайкальский военный округ был преобразован в Забайкальский фронт. 23-й (14-й) ОПС вместе со штабом фронта в начале июля был переброшен из Читы в приграничный с Маньчжурией район, на командный пункт штаба фронта.

Я был назначен командиром радиороты радиобатальона.

В октябре-ноябре 1941 года был заместителем командира радиобатальона, с ноября 1941 года по февраль 1942 года - командиром радиобатальона 23-го ОПС.

В феврале 1942 года, в связи с изменением штата полка, радиобатальон стал радиоротой. Я был назначен заместителем командира 680-го отдельного радиобатальона (ОРБ) Забайкальского фронта (февраль-сентябрь 1942 года), а в сентябре 1942 года стал командиром этого батальона.

В конце октября 1942 года начальника войск связи Забайкальского фронта генерал-майора Леонова А.И. вызвали в Москву. Его должны были назначить начальником войск связи Юго-Западного фронта. Леонов, со мной и тремя другими офицерами, на самолете Ли-2 вылетел в Москву.

После посадки самолета в Новосибирске, из-за плохих метеоусловий, мы были вынуждены дальше ехать поездом. Ехали на поезде четверо суток.

В Москве нас ждать не могли, поскольку готовилась наступательная Сталинградская операция, начальником связи Юго-Западного фронта был назначен другой генерал. Леонова назначили заместителем начальника связи Западного фронта по Вспомогательному пункту управления (ВПУ).

Вместе с А.И. Леоновым мы прибыли на ВПУ в район станции Сычевка под Ржевом. Я был назначен дежурным по связи.

11-13 декабря 1942 года войсками Западного и Калининского фронтов была проведена Ржевская операция по ликвидации вклинившихся немецких войск, чтобы отвлечь внимание немецкого командования от готовящейся Сталинградской наступательной операции наших войск. Ржевская операция успеха не имела, но мы получили опыт в обеспечении войск связью при обороне и в наступлении.

В 20-х числах декабря 1942 года Леонов А.И. был назначен начальником связи Юго-Западного фронта. Мы прилетели в город Калач Воронежской области, где размещался штаб Юго-Западного фронта. Я был назначен помощником начальника радиоотделения в Управление связи фронта.

В это время войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронта завершили окружение немецких войск, продолжали сжимать кольцо окружения немцев.

Связисты не успевали своевременно прокладывать линии связи за наступающими войсками. Командующий войсками фронта генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин требовал от начальника связи бесперебойной работы проводной связи с командующими армий.

А.И. Леонов организовал обеспечение устойчивой связи с наступающими войсками. За боевые заслуги в наступательной Сталинградской операции он был награжден орденом

Красного Знамени. Я был награждён орденом Красной Звезды. Мне досрочно было присвоено звание капитана.

Ночью 23 февраля 1943 года, штаб Юго-Западного фронта спешно отошел из Красного Оскола (район Изюма) в город Сватово, где внезапно подвергся авиационной бомбардировке. Поскольку не успели сделать укрытия, были потери среди личного состава штаба и связистов. Штаб срочно перевели в Ново-Псков, но здесь опять попали под бомбежку. Зенитные орудия и пулемёты не успели сделать ни одного выстрела. Одна бомба попала в дом, где размещался Военный совет фронта. Погиб часовой. На узле связи осколком бомбы ранило телефонистку, дежурившую на коммутаторе. Личный состав Управления связи успел укрыться в убежище. После бомбёжки штаб фронта передислоцировался в село Лозно-Александровка в 60 километрах севернее Сватово.

Радиодивизион

В мае 1943 года началось формирование 773-го отдельного радиодивизиона фронтового подчинения. Я был назначен командиром радиодивизиона и должен был сформировать его за 2-2,5 месяца.

С августа дивизион заступил на боевое дежурство.

Дивизион обеспечил радиосвязь штаба фронта с наступающими войсками в Донбасской (август-сентябрь 1943) и Запорожской (октябрь 1943) операциях: хутор Шеяны (район Лозно-Александровки, июнь-июль 1943), хутор Раздельный, Кудиново, Журавка, Соленое, (август 1943), Кринички, хутор Луговой (сентябрь 1943), Средне-Раевка (октябрь 1943).

В ноябре 1943 года я был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

Дивизион участвовал в освобождении Днепропетровска (декабрь 1943 – январь 1944) и Кривого Рога (февраль 1944), в Никопольско-Криворожской (январь-февраль 1944), Березнеговато-Снигиревской (март 1944) и Одесской (март-апрель1944) операциях.

Вне городов дорог с твердым покрытием не было. Даже вездеходы с двумя ведущими мостами застревали в низинах, заполненных водой. Их с помощью канатов вытаскивали люди

(по 30-50 человек), находящиеся по колено в воде, в вязкой грязи, из которой с трудом вытаскивали ноги.

В Новом Буге захватили немецкий артиллерийский тягач на гусеницах, почти новый, частично разукомплектованный. Восстановили. В дальнейшем им буксировали наши машины при переездах при любом бездорожье.

В марте 1944 года за боевые заслуги в Березнеговато-Снигиревской операции наш 773-й ОРД был награжден орденом Красной Звезды с присвоением почетного наименования «Херсонский».

В мае 1944 года я был награжден орденом Красного Знамени, мне досрочно было присвоено воинское звание майора. Начальник радиостанции лейтенант Костыря был награждён орденом Красной Звезды, старший радист Петр Ильченко - медалью «За отвагу», шофер рядовой Андропов - орденом Отечественной войны 2-й степени.

За год наш радиодивизион не потерял ни одного человека.

В июне 1944 года А.И. Леонов был назначен на должность начальника связи 2-го Украинского фронта. Я был назначен начальником штаба 127-го ОПС (село Балан, Бессарабия).

В октябре 1944 года я был назначен начальником отдела Управления связи фронта.

В дальнейшем, в составе штаба 2-го Украинского фронта, мой боевой путь прошел по Румынии - города Яссы (август 1944), Бузеу, Бухарест (сентябрь 1944), Питсшты, Сибиу, Арад, (октябрь 1944); по Венгрии – города Тиссафельдвар (ноябрь 1944), Хевеш, Будапешт (декабрь 1944, январь и февраль 1945), Вац (март 1945); по Чехословакии - города Братислава (Модра, апрель 1945.), Брно и Йиглава (май 1945).

Я был награжден орденами Отечественной войны 1-й степени (ноябрь 1944) и Красного Знамени (май 1945) за участие в операциях: Ясско-Кишиневской (20-29 августа 1944), Будапештской (29 октября 1944 - 13 февраля 1945), Венской (16 марта - 15 апреля 1945) и Пражской (6-11 мая 1945).

Над Большим Хинганом

В соответствии с решением Ялтинской конференции 1945 года Советский Союз объявил Японии войну.

В июне 1945 года маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский был назначен командующим войсками Забайкальского фронта. Войска 2-го Украинского фронта были передислоцированы из Чехословакии в Монголию. Начальником Управления связи Забайкальского фронта стал генерал-полковник А.И. Леонов. Я был назначен начальником отдела этого Управления. Штаб фронта находился в городе Тамсаг-Булак (Монгольская Народная Республика).

9 августа 1945 года войска Забайкальского фронта вместе с армией Монгольской Народной Республики прорвали оборону японских войск, преодолели пустыню Гоби и хребет Большой Хинган, начав наступление в глубь Маньчжурии.

Штаб фронта переместился из города Тамсаг-Булак (МНР) в город Ванемяо за Большим Хинганом в Маньчжурии. Начальник связи фронта генерал-полковник А.И. Леонов, вызвал меня и сказал: «На узле связи штаба фронта заканчивается бензин, нет бензина даже заправить автомашину командующего войсками фронта Малиновского. Надо срочно слетать за бензином в Монголию. Поручаю это вам. Вы там все знаете. Самолет на аэродроме подготовлен. Загрузите бензина, сколько самолет сможет поднять».

Вскоре я был на аэродроме. Экипаж самолета Ли-2 уже ждал меня. На борту – много железных бочек. На самолете поверх фюзеляжа установлен пулемет.

Прилетели в Тамсаг-Булак благополучно. Погода хорошая, температура воздуха - около 30 градусов тепла.

Быстро бочки заполнили бензином, тщательно закрыли пробками и закрепили. Во второй половине дня вылетели обратно.

Взлетели с предельной нагрузкой. До хребта Большой Хинган - все благополучно. Перед хребтом самолет попал в грозовую тучу. Началась болтанка. Бочки с бензином сорвались с мест креплений и стали перекатываться.

Летчик попытался набрать высоту, чтобы не врезаться в горы, не получилось из-за максимальной нагрузки. Летчик развернул самолет обратно. Через 15-20 минут вылетели из грозовой тучи и приземлились на ближайшем полевом аэродроме.

На следующий день перелетели в Ванемяо, благополучно доставив наш груз.

2 сентября 1945 года войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточного фронта, Тихоокеанский военный флот, Амурская военная флотилия и армия МНР разгромили японскую Квантунскую армию. Япония капитулировала.

За боевые заслуги в Маньчжурской операции я был удостоен ордена Кутузова 3-й степени.

Мне было присвоено воинское звание подполковника.

Войска и штаб Забайкальского военного округа оставались в Маньчжурии до весны 1946 года. В мае 1946 года штаб округа был переведён в город Хабаровск.

С сентября 1946 года по август 1947 года я был слушателем Высших академических курсов, а с августа 1947 года по сентябрь 1951 года слушателем в ВКАС имени С.М. Буденного (Ленинград).

С октября 1951 года по январь 1955 года служил заместителем начальника Центрального узла связи Главного штаба ВВС.

С января 1955 года по декабрь 1957 года был начальником войск связи и радиосветообеспечения Оперативной группы в Арктике (бухта Тикси).

В апреле 1956 года мне было присвоено воинское звание полковника.

С декабря 1957 года по февраль 1958 года служил в Управлении кадров ВВС и СВ (Москва).

С февраля 1958 по апрель 1960 года был заместителем начальника войск связи Группы советских войск в Германии (ГДР, Вюнсдорф).

С июня по ноябрь 1960 года - заместитель начальника, а с ноября 1960 года по август 1972 года начальник Узла связи Генерального штаба Вооруженных Сил СССР (Москва).

В апреле 1962 года мне было присвоено воинское звание генерал-майора.

С августа 1972 года по октябрь 1988 года был заместителем председателя Государственной комиссии по радиочастотам СССР.

В октябре 1988 года уволен с воинской службы по возрасту.

Награжден 45 медалями и 12 орденами, в том числе: двумя орденами Красной Звезды (1951, 1969); орденом

Красного Знамени (1956); орденом Трудового Красного Знамени (1965); орденом «За боевые заслуги» (МНР, 1969).

Мне присвоены звания Почетного радиста СССР (1961) и Мастера связи СССР (1988).

Был избран народным депутатом Куйбышевского районного Совета города Москвы с 1969 по 1973 год.

Декабрь 2004 года

Переладов Владимир Яковлевич

Русское «Ура» в горах Италии

Я родился 14 октября 1918 года в деревне Морозово Алтайской губернии. Окончил школу, рабфак. В 1937 году поступил в Московский институт народного хозяйства, с 4-го курса которого добровольцем записался в народное ополчение.

В начале июля 1941 года в Москве началось формирование народного ополчения. Я, как многие тысячи москвичей, записался в народное ополчение и был зачислен командиром батареи противотанковых пушек в 7-ю дивизию народного ополчения Бауманского района города Москвы.

В начале августа 1941 года дивизия была направлена в район города Вязьмы (Смоленская область). Командованию дивизии было приказано создать хорошо оборудованный рубеж обороны. Ополченцы рыли окопы, оборудовали площадки для артиллерии и строили долговременные огневые точки (ДОТ).

После поражения наших войск под Смоленском немецкие войска шли на Москву, не встречая серьезного сопротивления на своем пути. В 18 километрах западнее города Вязьмы они встретили упорное сопротивление ополченцев Москвы. Начались ожесточенные бои.

Немецкая артиллерия массированно обстреливала нашу оборону, бомбила авиация.

Московские ополченцы, отбивая атаки противника, несли тяжелые потери. Так продолжалось с 5 по 12 октября 1941 года.

Утром 12 октября 1941 года бомба попала в землянку, где находился штаб дивизии. Все, кто находился в землянке, погибли. Связи не было.

Ополченцы были вынуждены самостоятельно выходить из Вяземского окружения, что сделал и я с несколькими бойцами моей батареи.

Выходя из окружения, мы попали под бомбежку. Я был контужен и ранен. Оказался в немецком плену. Пытался бежать из плена, но неудачно, за что был жестоко наказан.

В конце 1942 года нас посадили в теплушки и отправили в Италию строить оборонительные укрепления в Альпах.

В Италии с помощью местных жителей я бежал из плена. Меня спрятал итальянский рабочий Дини Гуэрино и его жена Роза. Их сын Клаудио был мобилизован фашистами и погиб в районе Сталинграда. Они ухаживали за мной, кормили меня, учили итальянскому языку. Я три месяца жил в этой семье.

Дини Гуэрино был партизанским связным, и я попросил его отправить меня к партизанам.

Я, вместе с итальянскими партизанами, участвовал в нескольких боевых операциях. Потом я узнал, что в итальянских отрядах есть русские, но они не знают итальянского языка, поэтому не могут участвовать в боевых операциях.

Я попросил командующего партизанскими отрядами Марио Риччи (Армандо), чтобы всех русских откомандировали в мое распоряжение. Через несколько дней ко мне пришли 60 бывших советских военнопленных.

Партизаны сообщили, что в лагере военнопленных в городе Сассуоло есть много русских. Мы написали (на русском языке) листовки, в которых призывали бежать в горы к партизанам, и разбросали их в лагере. Через некоторое время в моём отряде было уже около сотни наших бывших военнопленных. Командующий Марио Риччи назначил меня командиром нашего отряда. Со временем наш русский партизанский отряд стал батальоном.

Сначала мы выполняли боевые операции вместе с итальянскими партизанами: взрывали мосты, делали завалы на

горных дорогах, разоружали карабинеров, освобождали небольшие населенные пункты от итальянских фашистов.

В нашем районе был небольшой городок Монтефьорино, где в старом замке располагался гарнизон фашистов. Партизаны решили захватить этот городок, а также уничтожить фашистов, находившихся в замке. В этой операции принимал участие и русский партизанский отряд. Партизаны заняли городок. В замке, стоявшем на самой вершине горы, укрылось около сотни чернорубашечников. Трое суток они отбивали наши атаки. Итальянские фашисты надеялись на помощь, которая должна была прийти из города Модены, где был расквартирован немецкий гарнизон. Дальше тянуть было нельзя. И тогда партизаны решили штурмом взять замок.

На четвертый день осады, когда фашисты меньше всего ожидали нашей атаки, мы пошли на штурм. Партизаны были расставлены так, чтобы каждый из них имел возможность вести прицельный огонь по отведенному ему окну-амбразуре.

По сигнальной ракете партизаны открыли ружейно-пулеметный огонь. Ударная группа внезапным броском прорвалась под крепостные стены в «мертвую зону». Кто-то, бросив противотанковую гранату, пробил брешь в крепостных воротах. Русские партизаны ринулись в образовавшийся проем внутрь крепостных стен к замку.

Чернорубашечники были ошеломлены внезапностью атаки и дерзостью русских партизан. Они вывесили белый флаг. Гарнизон капитулировал. Замок Рокка ди Монтефьорино был взят, над ним мы подняли трехцветный флаг Италии.

На следующий день в Монтефьорино переехал штаб командования партизанских отрядов во главе с Марио Риччи.

Через несколько дней Марио Риччи, поблагодарив наш отряд за участие в операции по освобождению от фашистов Монтефьорино, сказал мне, что он принял решение сделать наш отряд резервной частью командования с размещением в Монтефьорино.

По одному и небольшими группами, по 2-3 человека, стали приходить в наш отряд не только бывшие советские военнопленные, но и югославы, чехи. Численность нашего отряда стала увеличиваться.

Я назначил ленинградца Анатолия Тарасова, который хорошо знал итальянский язык, комиссаром отряда и своим заместителем. Он тоже был военнопленным и, совершив побег, пришел к партизанам.

Однажды командир Марио Риччи попросил нас помочь итальянским партизанам, находившимся у селения Пьянделаготи.

Приехав на место, я встретился с командиром итальянских партизан по кличке «Марой», который подробно доложил о боевой обстановке. Выбить немцев из деревни можно было только внезапным ударом наших двух отрядов. Наш отряд должен был внезапно напасть на немцев в центре деревни, а итальянские партизаны должны были поддерживать нас огнем с флангов.

Я поднял бойцов отряда в атаку. С криками «Ура» мы ринулись на врага. Атака была столь стремительной и внезапной, что немцы бросились бежать к своим машинам, оставленным на окраине деревни, но там итальянские партизаны открыли по ним огонь. Мы уничтожили немецких карателей, освободив селение Пьянделаготи. Наш отряд вернулся в Монтефьорино.

В начале осени 1944 года, для того чтобы подавить партизанское движение, Муссолини попросил немецкое командование направить в Италию войска для борьбы с партизанами. Итальянским партизанам становилось все труднее проводить боевые операции, поскольку силы были неравные.

Марио Риччи принял решение перейти линию фронта, чтобы вместе с союзниками продолжить борьбу с фашизмом. Такой приказ получил и наш отряд.

В ночь на 30 октября 1944 года мы перешли линию фронта и оказались в расположении американских войск.

Американцы сказали нам, что для нас война окончена, и на следующий день на машинах нас отправили в город Салерно.

В конце апреля 1945 года нас на английском военном корабле привезли в Одессу.

После окончания института, в 1951 году, по путевке МВД СССР, работал заместителем начальника по экономическим

вопросам шахты № 2 «Интауголь» Печерского угольного бассейна.

С 1961 года работал в Госплане СССР.

С 1987 года пенсионер союзного значения.

В 1966 году в Риме на съезде итальянских партизан генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго наградил меня медалью «Гарибальди» за военную доблесть в борьбе с фашизмом.

Вторую «Гарибальдийскую звезду» за военную доблесть мне вручил Феручо Парри, один из руководителей Корпуса добровольцев свободы, (так назвались воинские формирования итальянского движения Сопротивления), на праздновании 30-й годовщины создания партизанской республики Монтефьорино.

Руководители муниципалитетов городов Модена и Ливорно наградили меня именными золотыми медалями за вклад советских партизан в общую борьбу итальянского народа с фашизмом.

Наше правительство наградило меня орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны 1-й степени.

Кинорежиссер Екатерина Вермешева сняла документальный фильм о нашем отряде.

Автор книги «Записки русского гарибальдийца». - Новосибирское книжное изд-во, 1988, 220 с.

Декабрь 2003 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Дайнеко Мария Викторовна****, студентка 2-го курса профессионального училища № 5 города Москвы*

Петрищев Василий Петрович

Вызываю огонь на себя

Я родился 8 октября 1923 года в городе Талас Киргизской ССР.

22 июня 1941 года я косил сено в поле. Приехал на таратайке домой, а мать плачет и говорит: «Война, война!»

Поскольку мы ждали этого уже давно, то я лично воспринял это спокойно, была уверенность в победе. А мать плакала.

Мы всем классом пошли в военкомат и попросили призвать нас в армию. Патриотизм был невероятно велик.

Мне восемнадцати еще не было, мне на паспорте написали «До особого» и сказали: «Идите, вызовем потом».

Пришла повестка из военкомата. Сказали: «Через день, через два собраться и выезд».

Направили курсантом во Фрунзенское пехотное училище, где я примерно с полгода учился. Окончил училище в звании лейтенанта, там меня назначили командиром стрелкового взвода. Погрузились в товарные вагоны и поехали. Это было начало августа, когда немцы подходили вплотную к Сталинграду. Нашу дивизию направили туда.

Мы все несли на плечах: винтовки, пушки, ПТРы и всё остальное. Пешком шли по 40-50 километров в день. Был август, дождей нет, земля - цемент.

Дивизию дислоцировали у поселка Ерзовка.

В первый бой пошли, не позавтракав, даже воды не выпили: подняли и пошли вперёд.

У нас в роте было 2 танка. Когда мы стали наступать цепью, то фашистские самолёты атаковали эти танки. Я дал команду: «Взвод - 100 метров вперёд бегом». Так я спас взвод от атак пикирующих самолётов.

После боя в живых осталось только два офицера - я и комиссар роты. У меня во взводе осталось человек 20, у других - по 10-15. Политрук мне сказал: «Вася, принимай роту». Принял, посчитал, сколько бойцов осталось. Назначил старших во взводах. На занятой высоте нашли яму и окоп, прилегли спать…

Утром проснулся - тихо кругом.

- Петь, как там правый фланг?

Он минут пять ползал, бегал.

- Товарищ командир, никого нет.

- А слева?

- Никого нет.

Тогда комиссар сказал: «А ну-ка, сходи в ложбину».

И Петя привёл оттуда солдат нашей роты. Их ночью солдат Бондарь уговорил уйти в ложбину: «Что мы-то будем на высоте? По нам стрелять будут! Давайте утром вернемся сюда».

Вот их Петя и привёл.

Что делать? Наказывать надо роту.

Бондарю - гаду задали вопрос: «Зачем увёл роту?»

Он плакал и говорил: «У меня четверо детей кормить треба, а тут ночью могли убить. Простите меня».

Комиссар сказал: «Расстрелять гада!»

Не расстреляли. Я не мог стрелять в солдата. Зачем же своего убивать? Комиссар тоже не стал стрелять.

После этого поступила команда: высоты справа и слева – захватить!

И мы пошли в атаку. Немцев отогнали.

В этом бою я был ранен в скулу. В медсанбате несколько месяцев скулу стягивали. Когда рана зажила, я вернулся в свою дивизию.

В это время в каждом полку создавалась снайперская группа. В 900-м полку меня назначили командиром взвода

снайперов. До этого меня офицеры обучили стрельбе из снайперской винтовки.

Ночью попарно мы выходили на передовую и дежурили. Был январь – холодно. Одеты мы были хорошо: полушубки, валенки и шапка.

Нам надо было позицию занять и не двигаться. Шелохнулся - немецкий снайпер убьёт. Увидел цель, стрельнул и лежишь недвижимо. Потом опять увидишь цель, выстрелишь следующим патроном и опять лежишь… И так целый день. Ноги коченеют. Но стрелял хорошо.

Когда 10 января началось наступление, снайперы тоже пошли в атаку, а потом лазали по подвалам, выводили оттуда немцев.

Однажды днём подъехала полевая кухня. Котелок налили, на бугорок присели. А потом подумал: «На чём же я сижу?» Оказывается, на трупе немца сидел…

Потом наша дивизия вела бои в направлении Белгорода и Харькова.

Высота 201,7 - с неё на пять километров всё видно. Ночью меня вызвал командир полка и дал приказ: «Захватить эту высоту!»

Пошли на высоту. Забросали гранатами и захватили высоту. На нас пошли танки. Когда танки выползали на гребень холма – мы забрасывали их гранатами и расстреливали из противотанковых ружей. Я лично подбил 2 танка.

На танках были установлены огнемёты. С их помощью немцы всё выжигали перед собой!

Стародубцев выскочил из окопа, подбил танк и сам погиб. Нас осталось семь человек.

У нас кончились боеприпасы, а связи не было. Связист доложил: «Товарищ командир, кабеля не хватило». Потом он нашел куски провода, соединил их, и телефон стал работать.

Я позвонил командиру полка и сказал: «Боеприпасы кончились, прошу открыть огонь по нам».

Он удивился: «Как открыть огонь?»

Всё же открыли огонь по нашим позициям. Немцы начали отступать. Так мы удержали эту высоту.

После этого боя я стал плохо слышать, а руки немели.

Из книги Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления»:

«17 августа армии Степного фронта подошли вплотную к Харькову, завязав сражение на его окраинах. Энергично действовала 53-я армия И.М. Манагарова, и особенно ее 89-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника М.П. Серюгина и 305-я стрелковая дивизия под командованием полковника А.Ф. Васильева. Части 53-й армии, действуя днем и ночью, стремились быстрее завершить прорыв обороны на подступах к городу. Наиболее ожесточенный бой развернулся за высоту 201,7 в районе Полевого, которую захватила сводная рота 299-й стрелковой дивизии в составе 16 человек под командованием старшего лейтенанта В.П. Петрищева.

Когда в живых осталось всего лишь семь человек, командир, обращаясь к бойцам, сказал:

— Товарищи, будем стоять на высоте так, как стояли панфиловцы у Дубосекова. Умрем, но не отступим!

И не отступили. Героические бойцы удержали высоту до подхода частей дивизии. За мужество и проявленный героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР старшему лейтенанту В.П. Петрищеву, младшему лейтенанту В.В. Женченко, старшему сержанту Г.П. Поликанову и сержанту В.Е. Бреусову было присвоено звание Героя Советского Союза. Остальные были награждены орденами».

Я попросил командира дивизии Травникова разрешить нам атаковать пункт, который уже полмесяца никак не захватим. Он ответил: «Я тебе завтра скажу». На следующий день он мне сказал, что доложил командующему, а командующий ему ответил: «Петрищева на фронт не пускать! Он должен жить!»

Потом меня вызвали к командующему армией Манагарову. Он спросил: «Товарищ Петрищев, мы хотим предложить Вам в штабе работать».

А я говорю: «Да я же не знаю эту работу, не надо, отпустите меня на фронт».

Они пошептались и спросили: «А учиться пойдёте?»

Я ответил: «Пойду!»

И меня направили сначала на курсы «Выстрел», а потом в Военную академию имени М.В. Фрунзе, которую я окончил в 1947 году.

Награжден: званием Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 1325, указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1943 года), орденом Отечественной Войны 1-й степени.

В 1974 году уволен в запас в звании полковника.

Апрель 2015 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Купрюшкин Андрей Александрович****, студент 2-го курса факультета “Радиоэлектроника летательных аппаратов” и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Плотников Павел Михайлович

Броском противотанковой гранаты подбил передовой танк

Я родился 26 августа 1917 года на хуторе Арсеньев Рыльского уезда Курской губернии в крестьянской семье. Русский.

В 1939 году окончил Рыльское педагогическое училище, по окончании которого работал учителем. В Красную Армию был призван в 1939 году. В 1941 году окончил Воронежское военное училище связи.

Участник Великой Отечественной войны с 9 февраля 1942 года по 24 апреля 1945 года. Принимал участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Калининском, Северо-Западном, Брянском и 2-м Белорусском фронтах в составе 380-й стрелковой дивизии. Командовал ротой, батальоном, стрелковым полком.

Служил я в пехоте.

Во время Орловско-Курской операции (июль 1943 года) нашему 1260-му стрелковому полку на подступах к городу Орлу была поставлена задача - захватить железнодорожный вокзал. Мы вокзал захватили, а помощь не подошла! Пришлось отступить, а затем захватывать вокзал вторично.

Затем мы участвовали в боях на Московской улице в городе Орле, форсировали реку Орлик.

В 1944 году наш полк участвовал в окружении под Минском большой группы немецко-фашистских войск, а также в освобождении столицы Белоруссии – города Минска. Это было 3-го июля.

В марте 1945 года мы участвовали в разгроме фашистских войск в Померании (земля на юге Балтийского моря). В городах Данциг (так на немецкий лад называлась военно-морская база и крепость Гданьск) и Гдыня немцами были созданы мощные и хорошо укреплённые оборонительные рубежи.

Операция наших войск заключалась в том, чтобы вначале решительным ударом разделить приморскую группировку противника на две части, а затем уничтожить их одну за другой.

Накануне наступления меня, в числе других офицеров, вызвали к командующему 2-м Белорусским фронтом маршалу К.К. Рокоссовскому. На столе лежала карта с планом операции. Константин Константинович, рассказав о важности и вероятных трудностях операции, обращаясь ко мне, добавил: «Подполковник Плотников! Вы видите вот эту красную стрелу, направленную на Балтийское море и рассекающую Данцигско-Гдыньскую группировку противника? На острие этой стрелы находится вверенный вам полк. Операция очень зависит от действий 380-й дивизии, и особенно - от действий вашего полка. Овладеете городом Сопот, выйдете к Балтийскому морю и пришлёте мне в бутылке морскую воду».

Моему полку в помощь был придан танковый батальон. В ходе нашего стремительного наступления фашисты понесли значительные потери в живой силе и боевой технике. После многочисленных тяжёлых боёв бутылка балтийской воды была отправлена маршалу Рокоссовскому.

Выписка из архива:

«В марте 1945 года подполковник Плотников П.М., командуя стрелковым полком, вёл боевые действия на острие ударной группировки 2-го Белорусского фронта, рассекающей окружённую в Данциге и Гдыне приморскую группировку немецко-фашистских войск.

Отбивая многочисленные контратаки и преодолевая сложную систему крепостных сооружений, полк овладел городом Сопот, рассёк надвое окружённую группировку

противника и в тяжёлых наступательных боях первым вышел к Балтийскому морю. Благодаря храбрым и смелым действиям, дерзости, отваге и героизму лично товарища Плотникова П.М. стрелковый полк форсировал реку Висла, в результате чего 30 марта 1945 года город Данциг – крупный промышленный центр, военно-морская база и крепость – был освобождён от немецко-фашистских захватчиков.

Сам товарищ Плотников П.М., несмотря на ледяную температуру воды, бросился вместе с солдатами в реку Висла и лично под пулемётным огнём противника форсировал реку, подавая пример мужества и героизма.

На захваченном плацдарме при внезапном прорыве танков противника к наблюдательному пункту, Плотников П.М., рискуя жизнью, лично броском противотанковой гранаты подорвал передовой танк врага и предотвратил дальнейший прорыв противника. За этот подвиг Плотникову П.М. 29 июня 1945 года указом Президиума Верховного совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза».

В апреле 380-я стрелковая дивизия подошла к реке Одер, южнее города Штеттин, где ещё упорно оборонялись немцы. Мы форсировали Одер. Я был в третий раз, на этот раз тяжело, ранен и 30 апреля 1945 года отправлен на лечение в госпиталь.

По окончании войны я продолжил службу в Вооружённых Силах СССР. В 1948 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, а в 1955 году – Военную академию Генштаба.

С 1955 года был командиром 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, которая дислоцировалась в Тбилиси. С 1963 по 1965 год командовал 1-м армейским корпусом в Туркмении. С 1966 по 1967 год был заместителем командующего войсками Прикарпатского военного округа.

В 1967 году был назначен первым заместителем командующего Дальневосточного военного округа. В марте 1969 года руководил военными действиями в районе острова Даманский на реке Уссури.

С 1973 года в Главной инспекции Министерства обороны СССР.

С 1984 по 1987 год в звании генерал-лейтенанта работал консультантом в Военной академии имени М.В. Фрунзе и в Главной инспекции Министерства обороны СССР.

Являюсь почётным гражданином города Гданьска (1975 год), генерал-лейтенант.

Награждён: званием Героя Советского Союза (1945), орденом Ленина (1945), тремя орденами Боевого Красного Знамени (1943,1944,1969), орденом Кутузова 3-й степени (1944), орденом Александра Невского (1944), двумя орденами Отечественной войны 1-й степени (1945,1985), орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды (1942, 1954), орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени, а также иностранным орденом - Крестом Польской Народной Республики.

Декабрь 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Гудков Михаил Олегович****, студент 2 курса факультета «Робототехнические и интеллектуальные системы» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Полянская Ирина Николаевна

Это что за октябренок?

Родилась я в подмосковном селе Ромашково 4 сентября 1926 года в семье Марии Митрофановны и Григория Алексеевича Водопьяновых. После ареста папы меня удочерили мой крестный отец Николай Николаевич Полянский и его жена Клавдия Митрофановна.

Бесконечно благодарна моей маме за то, что она нашла в себе мужество отпустить меня, 16-летнюю девчонку, на фронт. Духовник моей мамы Преподобный Отец Лаврентий Черниговский сказал: «Пусть идет - вернется».

Мама благословила меня маленькой иконочкой Иверской Царицы Небесной, а старшая сестра переписала 90-й псалом. Эти дорогие моему сердцу реликвии я пронесла в левом кармашке гимнастерки всю войну.

На войне мне не пришлось совершить ничего героического - просто честно выполняла свой гражданский долг, хотя было трудно, порой очень трудно, а иногда жутко.

На фронт, в 415-ю стрелковую дивизию, которая вела тяжелые бои за удержание плацдарма на левом берегу Днепра, наше пополнение прибыло в начале октября 1943 года.

Когда приехали, было уже совсем темно, ничего нельзя было рассмотреть, поняла только, что мы в лесу. Нас распределили по землянкам. В тусклом свете коптилки, сделанной из гильзы снаряда, я увидела женщину.

Это была Женя Шистя. Мы разговорились и всю ночь рассказывали друг другу о себе. Под утро сморил сон, но не успела сомкнуть глаза, как я вскочила от страшного грохота разорвавшегося снаряда. К моему удивлению, Женя спокойно сквозь сон проговорила: «Ложись, это далеко». И, повернувшись на другой бок, продолжала спать. А снаряды рвались и рвались, как казалось, совсем рядом с землянкой.

Спать, конечно, не могла, при каждом взрыве вздрагивала, а с потолка на голову сыпались песок и земля. Позже на фронте не раз приходилось попадать и под артобстрелы, и под бомбежку, в другие передряги - чего только не бывает на войне, всегда было страшно. Но ту первую свою ночь на фронте я запомнила на всю жизнь.

Меня зачислили на довольствие и выдали обмундирование. С гимнастеркой и юбкой как-то обошлось - нам с Женей удалось подогнать их. А вот с шинелью получился полный конфуз: пришлось закатывать рукава, а при ходьбе ноги пугались в длинных полах. Через несколько дней всё пополнение, прибывшее в дивизию, приняло присягу.

Командир дивизии П.И. Мощалков, обходя строй, заметил меня.

- Это что за октябренок? - возмутился он.

Не знаю, какова была бы моя военная судьба, если бы не капитан Рыков, который неожиданно отрапортовал: «Товарищ полковник, это наша новая артистка Ирина Полянская, очень талантливая - наша надежда».

Полковник, видимо, был озадачен такой характеристикой и стал внимательно меня разглядывать.

- Так что же вы, капитан, свою «надежду» обрядили как чучело? - сказал он, но уже другим тоном.

В начале ноября 1-й Белорусский фронт под командованием маршала К.К. Рокоссовского, в который входила наша 61-я армия генерал-полковника Белова, перешел в наступление, во время которого прошло моё боевое крещение. Это произошло во время форсирования Днепра.

На том участке фронта, где вела переправу наша дивизия, река была перерезана островами. Мы перебирались по понтонам, а иногда и по двум дощечкам. Ледяная вода доходила до колен, а на календаре был ноябрь 1943 года. Как только переправились на правый берег, начался минометный

обстрел. Мы залегли, благо берег был крутой, это нас и спасло.

Тогда, на Днепре, я очень простудилась, заработала сильный фурункулез, который мучил меня всю войну.

Моя военная служба продолжалась: я научилась стрелять, перевязывать раненых, помогать им в трудную минуту. В медсанбате мне часто доверяли дежурство в перевязочной или сортировочной палатке, работала в полковых пунктах первой помощи.

Первой операцией, на которой мне довелось ассистировать, была ампутация верхней конечности. Хирург, молодой капитан медицинской службы, сказал мне: «Держи руку за пальцы».

Я впилась, что было мочи, держу. Блеснул скальпель в руках хирурга, рассек мышцы, перерезал сухожилия и «вычленил» сустав. Ампутированная рука должна была упасть в таз, но я держала её намертво, не в силах разжать пальцы.

- Отпусти! - услышала я.

Но все вокруг поплыло перед глазами. Я потеряла сознание. Меня вынесли из операционной палатки и дали понюхать нашатырь. На морозе пришла в себя.

Однажды ночью на дежурстве в сортировочной палатке, сплошь заставленной носилками с ранеными, я оформляла сопроводительные карточки в госпиталь. Ноги мои окоченели, и я поставила их на край носилок. Там лежал молоденький солдат, совсем мальчик. И вдруг, опустив глаза, увидела - он мертв! Ноги мои отяжелели, приросли к носилкам. Я заплакала.

Мы были на подступах к городу Мозырю. За освобождение этого города наша дивизия была награждена орденом Красного Знамени и получила наименование - «Мозырская». Впоследствии дивизия была удостоена ещё двумя орденами: орденом Суворова 2-й степени и орденом Кутузова.

В короткие передышки между боями, когда полки стояли в обороне, мы, небольшая группа, стали давать концерты. Солдаты уже нас знали и называли нас артистами. Никто не знал, может быть кому-то из них суждено в последний раз слушать перед боем игру на баяне Феди Реутова или в

исполнении Жени Шисти песню «Это - русское раздолье, это - Родина моя».

Бывало, что 2-3 человека из нашей концертной бригады пробирались в боевые охранения, вынесенные на нейтральную полосу впереди передовой линии. И там мы давали свои концерты.

Весной 1944 года под Пинском, на участке фронта между нашей и немецкой линиями обороны, были болотистые непроходимые места. Опорные пункты размещались на небольших возвышенностях, на одной из которых находилось боевое охранение 1223-го стрелкового полка, где разрешили выступить нашей группе. Повел нас туда начальник штаба полка капитан И.Б. Хомяков.

От боевого охранения до немецких окопов было не более 200 метров, поэтому он принял решение проводить концерт в самой большой землянке. В ней собрались все свободные от боевого дежурства. Мы спели «Землянку», другие фронтовые песни. Я читала стихи.

Через полчаса капитан дал команду собираться в обратный путь. Провожать нас вышли все бойцы. Не успели мы отойти от землянки метров на 30, как начался артобстрел. Все упали па землю. Один из снарядов угодил прямо в землянку, которую мы покинули всего за три минуты до начала артобстрела. Нетрудно себе представить, что было бы с нами.

В другой раз нашей концертной группе из трех человек предстояло побывать в отдаленном боевом охранении. Повел группу И.Б. Хомяков. Нас сопровождали два автоматчика. И туда, и обратно шли по взрытому, засохшему полю. Но то, что поле было заминировано - мы не знали.

Наша дивизия освободила город Пинск. При освобождении города погибла медсестра Полина Пряхина.

За успешно проведенную операцию по освобождению города два стрелковых полка, 1223-й и 1226-й, получили наименование - «Пинский». Позднее ещё два полка, 1221-й стрелковый и 686-й артиллерийский, после освобождения города Бреста стали называться - «Брестский».

Потери были большими. В августе 1944 года нашу дивизию отвели во второй эшелон в район Белостока.

Говорили, что нас могут отправить в тыл на переформирование. Но наш эшелон пошел в Прибалтику.

Наша дивизия участвовала в освобождении Риги. На подступах к Риге по шоссе к передовой шла рота автоматчиков нашего полка. И где-то в последнем ряду шел Миша Дасюк. Была абсолютная тишина. Вдруг из леса по колонне раздался одиночный выстрел. Рота врассыпную. Когда же стали собираться, увидели, что на дороге лежит Миша.

Остановили ездового, возвращавшегося с передовой, куда он отвозил боеприпасы, положили раненого Мишу на повозку и повезли в медсанбат. Когда доехали, оказалось, что медсанбат уже перевели в другое место. Нужна была срочная операция - ранение было в живот, а сделать её было некому. Мишу переложили на машину и повезли дальше в тыловой госпиталь. Но драгоценное время было потеряно. Так мы с Толей Янченко потеряли своего друга Мишу Дасюка, с которым вместе уходили на фронт.

Предстояла операция по уничтожению Курляндской группировки немцев. На небольшом пространстве очень плотно располагались воинские части: у опушки леса - самолеты, рядом в лесу - склад боеприпасов, слева - землянки летчиков, справа - два медсанбата.

Поступил приказ наступать. Когда все пришло в движение, начался страшный артобстрел. Била дальнобойная артиллерия немцев, причем била как раз по тому месту, где стояли наши войска. Снаряды ложились точно в цель. И у меня даже было впечатление, будто кто-то корректировал огонь. Боже мой, что тут началось!

Склады боеприпасов начали взрываться. Снаряды рвались и в расположении медсанбатов. Взвод наш рассыпался кто куда. Обезумев от этого ужаса, я уткнулась головой между корнями огромной сосны. После очередного взрыва кто-то схватил меня за шиворот и швырнул в блиндаж. Я очутилась среди авиаторов. Из телогрейки и ушанки торчали куски ваты - это были следы задевших меня осколков.

К счастью, я оказалась цела и невредима, только оглохла от контузии.

Потом была Варшава. В столицу Польши я въехала верхом - старшина конного взвода дал мне лошадь.

В январе 1945 года ночью нас, пехоту, посадили на танки. Я сидела на броне и дрожала от холодного металла и пронизывающего ветра.

На границе с Германией в одном маленьком местечке мне пришлось остаться с тяжелоранеными, которых надо было эвакуировать в армейский госпиталь. Дивизия и медсанбат ушли вперед. За ранеными должна была прийти машина, но её все не было. Наступила ночь.

Я стала подтаскивать раненых в простенки между окон. Ведь мы находились на территории врага. При мне был трофейный пистолет системы «вальтер», но уверенности в том, что он стреляет, не было. Когда стемнело, стало особенно страшно. Где-то стреляли. Я то и дело выбегала в темноту на шум приближающихся машин, но они все проносились мимо. Раненые стонали.

Так прошла ночь, полная тревог и волнений. Утром прибыла машина из госпиталя. Раненых увезли в тыл, а я отправилась догонять «хозяйство» Мощалкова.

Фронт приближался к Берлину. Началось форсирование Одера, в котором принимали участие и мы. Никогда не забуду ночь на 16 апреля 1945 года, когда началась артподготовка перед наступлением на Берлин. От взрывов сотрясалась земля, стояло зарево, мощные прожектора освещали путь нашим войскам, ослепляя противника.

Разве можно забыть встречу с союзниками на Эльбе? Мне было поручено вести концерт на встрече советского командования с командованием союзных войск. Тогда я узнала, что высшее выражение восторга у американцев – это свист.

8 мая было большое торжество по случаю вручения нашей дивизии ордена Суворова 2-й степени. И только мы разошлись, повсюду началась такая пальба, как будто войска снова пошли на штурм Рейхстага!

Я выбежала на улицу. Стреляли все и из всего, что только стреляло. Пускали ракеты в воздух. Обнимались, плакали, кричали: «Победа! Победа! Победа!»

Через несколько дней я обратилась к командованию дивизии с просьбой отпустить меня на учебу в Москву. Командир дивизии П.И. Мощалков сразу принял решение: «Езжай, ты честно отвоевала, езжай».

Но тут запротестовал заместитель командира дивизии А.Я. Кудря: «Куда ты её отпускаешь, когда полки стали на отдых? Сейчас самая работа. Ира, не уезжай. Через две недели у тебя будет «звездочка» (орден Красной Звезды)».

- Не нужна мне «звездочка». Отпустите меня учиться, - взмолилась я.

К счастью, решающее слово оказалось за командиром дивизии. Павел Иванович сказал: «Иди в 1-й отдел к майору Сотнику. Пусть даст тебе справку».

Несмотря на то, что приказ о демобилизации ещё не вышел, моя просьба была удовлетворена, хотя по уставу увольнение из армии мне было не положено.

В Москве у меня возникли неприятности, поскольку я оказалась незаконно уволенной из армии. Тем не менее, я благодарна Павлу Ивановичу за то, что он принял важное для меня решение, которое помогло мне устроить свою судьбу.

В военкомате лейтенант поставил меня по стойке «смирно» и скомандовал: «В 24 часа явиться на сборный пункт Красная Пресня». Но судьба мне благоволила. По дороге домой в трамвае я встретила актрису, которая с фронтовой бригадой театра Советской Армии приезжала к нам в дивизию. Мы поехали с ней в театр. Руководство театра Советской Армии написало письмо в Народный Комиссариат Обороны с просьбой меня демобилизовать. Просьба была удовлетворена, и приказом НКО я была демобилизована. Прошла конкурсный отбор в театральное училище имени Б. Щукина при театре Е. Вахтангова, стала студенткой. Получила диплом актрисы. Мечта моя сбылась!

Мною были сняты фильмы: «Им было семнадцать», «Подняты по тревоге», «Военные корреспонденты». Была режиссером телевизионных рубрик: «Для воинов Советской Армии и Флота», «Солдат - всегда солдат», «Подвиг».

Награждена медалью «За боевые заслуги» (март 1945 года), орденом Отечественной войны 2-й степени (1985), медалью «За взятие Берлина» (1976), медалью «За освобождение Варшавы» (1978), медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 года» (1975) и 17 юбилейными медалями.

Декабрь 2003 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Вурос Анна Дмитриевна****, старший преподаватель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

Протасов Николай Степанович

3-й добровольческий отряд моряков

Я родился 22 мая 1921 года в деревне Пикалмово Вашкинского района Вологодской области в семье крестьянина. В 1937 году окончил 8 классов. В летние каникулы работал счетоводом колхоза «Путь Сталина».

По окончании 8 классов работал секретарем Пиксимовского сельсовета. В 1939 году был направлен на учебу в Школу советского строительства в город Череповец. После 3 месяцев обучения был направлен работать председателем сельсовета в Вышкинский райсовет. Но такой вакантной должности в районе не оказалось, мне предложили должность инструктора райсовета. Инструктором я проработал 1,5 года.

В октябре 1940 года меня призвали служить на Северный флот. Я был зачислен курсантом Объединенной школы учебного отряда Северного флота, где готовили младших специалистов на корабли флота. Учебный отряд дислоцировался на Соловецких островах в Белом море. По окончании школы был назначен командиром смены.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз я, как и многие краснофлотцы, обратился с просьбой

направить меня на фронт. В начале июля 1941 года командованию учебного отряда разрешили сформировать отряд добровольцев в количестве 700 человек и отправить на фронт - на Мурманское направление.

В первой половине июля 1941 года отряд получил наименование 3-го добровольческого отряда моряков Северной армии и 16 июля 1941 года был отправлен в город Полярный.

До конца августа 1941 года отряд сооружал оборонительные рубежи на подступах к городу и занимался тактической подготовкой.

В начале сентября 1941 года началась оборона города Мурманска. Наш отряд был переброшен непосредственно на передний край.

Ночью вывезли нас на исходные позиции. Кругом раздавалась пулеметная стрельба, а в темном небе то здесь, то там вспыхивали осветительные ракеты.

В сентябре в Заполярье уже прохладно. А мы одеты в тельняшки и бушлаты. Зуб на зуб не попадает.

И вот в ясном небе вспыхнула зеленая ракета. Как один, весь наш отряд с криками «Полундра», «В атаку», «За Родину», «За Сталина», «Вперед на фашистскую сволочь», не останавливаясь, во весь рост бросился в атаку. Ни пули, ни снаряды противника уже не могли остановить моряков. За 2 часа отряд занял две высоты.

Командир взвода лейтенант Бухтояров, стреляя на ходу в немцев, бежал впереди всех. Его героизм воодушевлял нас, 19-20-летних бойцов. Жаль, что его жизнь оборвалась в первой же атаке. Вместе с ним в том бою погибло очень много наших бойцов. Мне посчастливилось остаться в этом бою живым. Каска спасла мне жизнь - две пули, попав в неё, рикошетом ушли вверх.

После многочисленных боев много офицеров выбыло из строя. Командиром роты стал краснофлотец Сердюков, политруком - краснофлотец Торцев, заместителем командира роты младший лейтенант Кисляков. Меня назначили командиром пулеметного взвода.

В конце октября 1941 года наш отряд ввели во второй эшелон обороны. Среди моряков ходил слух, что в начале ноября наш отряд по морю будет переброшен в тыл

противника, чтобы освободить город Петсамо. Нам выдали теплую одежду. Началась подготовка к совершению марша на большое расстояние.

Но в ночь на 7 ноября 1941 года наш отряд подняли по боевой тревоге и вывели к высоте 314,9. С этой высоты просматривалась наша территория на расстояние до 3 километров. Кроме того, с этой и с других высот можно было вести перекрестный огонь по противнику.

Ночью нашей роте удалось незаметно проникнуть в глубину обороны немцев и выйти к землянкам, в которых они располагались. Мы забросали землянки гранатами, а выскакивающих из них фашистов расстреливали в упор, их было несколько десятков.

Но недолго мы радовались победе. На рассвете 7 ноября две роты противника развернулись в цепи и с двух направлений двинулись на нас. Командир роты младший лейтенант Сердюков, разделив нашу роту на две части, одну часть отдал под моё командование, отражать атаку слева, а вторая часть под командованием Василия Кисляева должна была не допустить прорыва противника справа.

В течение всего дня мы вели бой с противником, находясь в полном окружении. С наступлением темноты командир роты Сердюков принял решение прорываться к своим. Пулеметчики моего взвода осуществляли прикрытие отхода, два взвода бойцов прорвали кольцо противника, и мы вырвались из окружения.

Политрук Торцов Александр погиб, младший лейтенант Кисляков в бою был ранен.

За героизм, проявленный в этом бою, политруку Торцову Александру посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вскоре наш отряд перебросили на другое направление, где шли ожесточенные бои. В этих боях погибло много наших бойцов. Оставшихся в живых краснофлотцев перевели в разведывательные пехотные подразделения. А я был направлен в город Мурманск на курсы младших лейтенантов при 14-й армии. Так завершился боевой путь нашего 3-го добровольческого отряда моряков Северного флота.

После учебы, в звании младшего лейтенанта, я получил направление в 10-ю гвардейскую стрелковую Печенскую

дважды Краснознаменную орденов Александра Невского и Красной Звезды дивизию, где меня назначили командиром взвода 4-й роты 2-го стрелкового батальона 28-го гвардейского стрелкового полка.

В апрельских боях 1942 года я был тяжело ранен.

После трехмесячного лечения в городе Мурманске, Мончегорске и Архангельске получил направление в свою дивизию, где был назначен помощником начальника штаба отдельного батальона. Батальон вёл разведку на открытом фланге обороны 14-й армии, а также в глубоком тылу противника.

В ночь на 18 марта 1943 года батальон патрулировал открытый фланг обороны дивизии. Пройдя 10-15 километров, 1-я и 2-я роты (командиры - Алексенко А.И. и старший лейтенант Патраков) были обстреляны на подступах к безымянной высоте.

После короткого артиллерийско-минометного обстрела высоты, мы перешли в атаку. Завязался бой. Командир батальона принял решение ввести в бой роту Чебунькова Олега для удара во фланг противника. Немцы стали отходить. Высота была взята.

Генерал-майор Худалов К.А. приказал командиру батальона, не задерживаясь на высоте, продолжать патрулирование местности. Майор Ладанов В.И. приказал мне вызвать командиров рот, чтобы они доложили ему обстановку. В ходе докладов выяснилось, что на высоте, где шел бой, остались ротные радиостанции. Радисты были ранены и не смогли вынести радиостанции с поля боя.

Комбат приказал мне взять разведывательный взвод батальона и разыскать радиостанции.

Я спросил его:

- Как действовать, если на высоте окажутся немцы?

- По обстановке, - ответил Ладанов.

- Вступать мне в бой? - уточнил я.

Ответа не последовало, я понял, что решение буду принимать самостоятельно.

В 22.00 мы выступили. Ночь была морозная, кругом белый снег и тишина, заметных ориентиров нет. Все должны были соблюдать маскировку и осторожность. Первыми не стрелять.

Дойдя до высоты, мы с командиром взвода решили, что одно отделение будет подниматься на высоту по её скатам справа, второе отделение - слева, а третье отделение останется перед высотой, если противник находится на высоте и откроет огонь, то будет прикрывать отход этих отделений.

Вдруг наблюдатель доложил, что к 3-му отделению приближаются два солдата противника. Немцы шли на лыжах довольно быстро. Решили взять их живыми. Командир 3-го отделения с одним бойцом должен был броситься под ноги одному из них, а другие разведчики должны были схватить второго. Завязалась борьба, в результате которой один немец был взят живым, а второй оказал сопротивление и был убит.

Через некоторое время дозор противника обнаружил нас и открыл огонь. В создавшейся обстановке искать оставленные на высоте радиостанции не представлялось возможным и я дал сигнал к отходу.

Не вступая в бой с противником, разведывательный взвод без потерь возвратился в батальон. Командир батальона майор Ладанов В.И. остался доволен. Хотя рации мы не нашли, зато привели «языка».

В июле 1943 года меня назначили помощником начальника оперативного отделения штаба 10-й гвардейской стрелковой дивизии. По приказу командира дивизии я неоднократно выходил с отдельным лыжным батальоном на выполнение боевых заданий в тыл противника. Мы патрулировали местность, громили обозы с продовольствием и боеприпасами, устраивали засады.

7 октября 1944 года началась Петсамо-Киркенесская операция. Наша дивизия вела бои на главном направлении наступления 14-й армии. Отдельный лыжный батальон находился на правом фланге дивизии в районе озера Чапр и реки Титовка. Батальон форсировал реку и начал наступать в направлении Луостари. Я от штаба дивизии находился в этом батальоне и по радио поддерживал связь батальона с командованием дивизии и оказывал помощь командиру батальона по взаимодействию с другими частями дивизии.

Командовал батальоном майор Коношенко. В бою за Луостари начальник штаба батальона был ранен, на эту должность назначили меня.

Батальон успешно продвигался в глубь обороны противника, уничтожая его отходящие подразделения. Участвовал в освобождении города Петсамо. После перехода государственной границы с Норвегией батальон форсировал фьорд, вышел в тыл отходящему противнику и не допустил его отход из города Киркенес (северная Норвегия).

25 октября 1944 года наша дивизия освободила город Киркенес.

Затем, после короткого отдыха в районе города Рыбинска, 10-я гвардейская дивизия вошла в состав 4-го корпуса 19-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Г.К. Козлов.

Пройдя походным порядком 425 километров, 20 февраля дивизия заняла рубеж для наступления на 2-м Белорусском фронте. Наш 2-й батальон был в составе 35-го гвардейского стрелкового полка.

В ходе марша наш комбат майор Копырин был эвакуирован в госпиталь. Командиром батальона назначили меня.

10-я гвардейская дивизия прорвала оборону противника и продолжала наступать в западном направлении.

Преследуя отступающего противника на подступах к городу Яново, мой 2-й батальон встретил упорное сопротивление немцев. Завязался бой, который велся с переменным успехом.

На рассвете 7 марта 1945 года противник, получив подкрепление, перешел в наступление. Я приказал командиру 4-й роты старшему лейтенанту Чебунькову Олегу отражать атаки противника с фланга, а командиру 5-й роты Герою Советского Союза Фролову обойти противника и выйти в тыл.

Однако рота капитана Фролова не смогла обойти противника, поскольку была атакована. Я был ранен в голову. Ранение, как мне показалось, не было тяжелым, и я продолжал руководить боем. Наше положение ухудшалось, и я попросил помощи у командира полка. Примерно через полтора часа пришло подкрепление - рота автоматчиков с самоходным орудием, во главе с заместителем командира полка по политической части И.П. Быковым, который распорядился эвакуировать меня в медицинский пункт. Позднее мне стало известно, что он тоже был тяжело ранен.

Из госпиталя в дивизию я возвратился через 20 дней.

После освобождения города Гдыня 10-я гвардейская дивизия была переброшена в Померанию.

В дальнейшем дивизия с боями продвигалась к порту Свинемунде, важнейшей военно-морской базе немецкого флота на Балтийском море.

Наш батальон преследовал противника вдоль шоссейной дороги, подавляя сопротивление немцев. Неожиданно в боевых порядках батальона появился командир дивизии генерал-майор Худалов Харитон Алексеевич вместе с командиром артиллерии дивизии полковником Седышевым.

Генерал приказал с ходу захватить восточный берег залива Свине, затем уничтожить мелкие группы противника и обеспечить развертывание главных сил дивизии для форсирования залива.

Батальон успешно выполнил поставленную задачу. Восточный берег залива был освобожден от противника.

С подходом главных сил дивизии инженерные и саперные подразделения и части навели мосты, и к утру 5 мая 1945 года главная военно-морская база на побережье Балтийского моря была захвачена нашими войсками.

После этого мой батальон, продолжая наступление вдоль моря, освободил ещё несколько населенных пунктов.

8 мая 1945 года для нас война закончилась.

В 1951 году получил среднее образование на подготовительных курсах военной академии имени М.В. Фрунзе. Военную академию окончил в 1955 году.

В 1956 году участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Венгрии.

В армии прослужил 39 лет. Полковник в отставке.

Награжден 7 орденами, в их числе орден Красного Знамени и орден Суворова 3-й степени, а также 25 медалями, в их числе «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья» и пять медалей иностранных государств.

Май 2004 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Рамейкина Наталья Александровна****, студентка 2-го курса профессионального училища № 5 города Москвы*

Прохорова Вера Павловна

В телеге под кожаным пальто лежали боеприпасы

Я родилась в 1920 году в селе Покровское Мамошинской волости Воскресенского уезда Московской губернии (сейчас - Новопетровский район Московской области). Русская. Член ВКП(б).

В 1936 году окончила восьмилетнюю школу. Затем поступила на вечернее отделение Исторического факультета Московского педагогического института. О начале войны узнала во время экзамена за первый курс.

По путёвке комсомола была направлена в Осташёвский район преподавать в местной школе.

На фронт ушёл секретарь Осташёвского районного комитета ВЛКСМ. Меня назначили вместо него секретарём районного комитета. Когда немецкие войска приближались к Москве, меня и ещё шестнадцать человек оставили в Осташёвском районе для подпольной работы. В подполье мы занимались сбором информации, которую мы передавали в партизанские отряды.

Утром 16 октября 1941 года немцы заняли районный центр. Ночью, под именем Екатерины Павловны Полозовой, работницы Шитьковского торфяного предприятия, я пришла на Щербинковскую мельницу, где должна была жить в семье

мельника. На мельнице немцы разместили штаб одной из механизированных частей.

В школе я учила немецкий язык. Я не подавала виду, что понимаю, о чём говорят немцы. Для них я была племянницей мельника, и оставалась таковой в течение долгих трёх месяцев, рискуя не только своей жизнью, но и жизнями всех членов его семьи.

Каждый раз, уходя с мельницы в партизанский отряд, мне приходилось придумывать разные предлоги.

Сказав, что иду навестить родителей, я направилась с очередным донесением в партизанский штаб И.Н. Назарова.

В Куровском лесу, дойдя до поляны, на которой должен был находиться отряд партизан, я не увидела условного знака. Я пошла дальше по лесу и увидела запряжённую телегу, на которой сидел мужчина. Он крикнул: «Не двигаться!»

Я узнала в человеке Петра Евтиховича, комсомольца из совхоза «Болычёво». Но он не узнал меня и автомат не опускал. В телеге я увидела кожаное пальто Григория Кузьмича Камокина. Это я и сказала Петру. После чего он улыбнулся и опустил оружие. Я села к нему в телегу, мы поехали в новое расположение штаба партизанского отряда.

В телеге под кожаным пальто лежали боеприпасы. Выехав на поле, прилегающее к деревне Вильшанка, увидели идущих в нашу сторону немецких солдат.

Пётр взял в руку гранату. Я предложила ему назваться мужем и женой, едущим по делам в деревню. Взяла в руки вожжи и стала править лошадью. Немцы прошли мимо, не обратив на нас внимание.

Мы прибыли в отряд вечером. Я доложила о передвижениях вражеской техники по тракту Осташёво - Руза и её количестве. Рано утром я направилась в обратный путь.

Через несколько дней я выполнила новое задание. Сломался печатный станок в подпольной типографии, надо было доставить керосин и накатный валик. Пропуск получил мельник Тимофей Андреевич, сказав немцам, что нужны детали для мельницы. Взяв бутылку керосина и валик, я направилась в Филатово, где находилась типография.

По дороге я встретила немецкого патрульного. Он пригрозил мне автоматом и спросил: «Партизан?»

Я ему ответила: «Найн, найн».

Патрульный мне не поверил и повёл к дежурному офицеру. Офицер показал на бутылку и спросил: «Граната?»

Я ответила, что керосин и дала ему понюхать. Он приказал отпустить меня. Задание было выполнено.

Однажды я увидела своего бывшего ученика, когда на улице разговаривала с немецким переводчиком. Мой ученик был хулиганом и бездельником, я его постоянно ругала, поэтому отношения у нас были очень плохие. Проходя мимо, он услышал, что меня называют другим именем – Катей. Я стояла и думала: выдаст или нет? Он прошёл мимо, сделав вид, что не узнал.

Вскоре в деревне Судниково были расстреляны пять наших товарищей, занимавшихся доставкой муки в партизанский отряд. Мне было поручено заняться доставкой муки для выпечки хлеба партизанам. Тимофей Андреевич молол муку, а я переправляла её нашим людям. У мельника была лошадь с повозкой. С мешком муки на телеге я отправлялась якобы к родственникам в деревню Филатово. На самом деле я ехала на хутор Шапкино, где меня ждали партизаны.

С уходом немцев в 1941 году из Подмосковья, для меня закончилась война, и я вернулась к гражданской работе.

Награждена: орденом Красного Знамени (1942, № 25993), орденом Отечественной войны 2-й степени (1985, № 3018979), а также медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (1946), «Участник партизанской борьбы Подмосковья 1941-1942 годов», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» (1946, № 0125209), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (1995, № 7112), медалью Жукова (1996, № 0612798), знаком «Фронтовик 1941-1945 годов» (2000).

Май 2004 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Субботин Александр Владимирович****, студент 1-го курса 4-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Ракобольская Ирина Вячеславовна

Другого такого полка не было

Я родилась 22 декабря 1919 года в городе Данков Рязанской губернии.

Мать - учитель русского языка, отец окончил физфак МГУ и был направлен в Данков преподавать физику.

В 1941 году я была студенткой 4-го курса физфака МГУ. Один раз прыгнула с парашютом, окончила школу пулеметчиков, работала в комитете комсомола МГУ.

В октябре 1941 года немцы подходили к Москве. В это время в правительстве страны скопилось большое количество писем от девушек - летчиц аэроклубов, летных школ, транспортной авиации. Все они настойчиво просили направить их на фронт, чтобы воевать наравне с мужчинами.

Большая роль в формировании специальных женских полков принадлежит известному штурману Герою Советского Союза Марине Михайловне Расковой. Во многом благодаря её инициативе и настойчивости, 8 октября 1941 года И.В. Сталиным был подписан совершенно секретный приказ № 0099 о формировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии. Вся организационная работа поручалась Марине Расковой.

ЦК комсомола объявил по Москве призыв девушек, желающих добровольно пойти на фронт.

Телефонограмму ЦК ВЛКСМ я приняла 9 октября, когда дежурила в комитете комсомола МГУ. В ней говорилось, что в армию призываются 12 девушек: две пулеметчицы, две парашютистки, две санитарки, две с хорошим почерком и две просто физически здоровые. Какие еще две — не помню, кажется, хорошие стрелки.

Отборочная комиссия в ЦК ВЛКСМ должна была состояться днем 10 октября. Секретарь Краснопресненского райкома города Москвы Аракса Захарьян разрешила мне отобрать девушек, желающих добровольно пойти на фронт, из нашего университета. Я сообщила на факультеты...

В вузкоме нас было три девушки: я, студентка 4-го курса физфака, студентка исторического факультета Валя Ендакова и аспирантка географического факультета Саша Макунина. Мы втроем тут же записали себя в список. Девушки с факультетов стали приходить в вузком.

На следующий день в ЦК мы узнали, что идет набор в авиагруппу 122, к Марине Расковой. Беседу проводил Г. Розанцев. В приемной отборочной комиссии все страшно волновались, я была более спокойна: один раз прыгала с парашютом, окончила школу пулеметчиков и... очень уж хотела... Из университета после отбора было зачислено 17 человек (очевидно, количество призывников было увеличено).

На следующий день те, кто прошел отборочную комиссию, собрались у здания ЦК ВЛКСМ, но уже с рюкзаками, простившись с родными и друзьями. Нас направили в школу формирования, которая находилась в одном из зданий Военно-воздушной академии им. Жуковского. Марина Раскова распределила нас по учебным группам: летчиков, техников, штурманов и вооруженцев. Мы прошли медицинскую комиссию.

16 октября 1941 года нас посадили в товарные вагоны и повезли на восток, в Энгельсскую военную авиационную школу пилотов (ЭВАШП) близ Саратова.

В вагонах были двухэтажные нары, накрытые матрацами, посередине стояла печурка. Ехали больше недели, долго стояли на запасных путях, пропуская воинские эшелоны на запад и эшелоны с заводским оборудованием на восток. В разных направлениях ехала вся страна.

Марина Раскова пробиралась под железнодорожными составами и убеждала начальников станций пропустить нас по «зеленой улице».

Эти дни и ночи в поезде объединили нас, мы с удовольствием пели песни, ели хлеб с селедкой.

Первый приказ мы выслушали, стоя в строю, ранним утром 26 октября на перроне вокзала в Энгельсе. Это был приказ по авиагруппе 122 о всеобщей стрижке «под мальчика» и «волосы спереди до пол-уха». И в тот же день наши волосы легли пестрым ковром на пол гарнизонной парикмахерской. Прошло более 60 лет, но мои волосы и до сих пор «спереди до пол-уха».

В штурманскую группу были зачислены студентки из разных вузов Москвы. Поселили нас в Доме спорта, где мы спали на двухэтажных кроватях. И началось упорное учение: классные занятия по 11 часов в день, включая «морзянку» и строевую подготовку, а по вечерам надо было готовиться к следующему дню. Дисциплина в части была очень жесткая. Старостой штурманской группы была назначена Галя Докутович, студентка МАИ. Пришла она в полк со своей подругой, историком из МГУ Полиной Гельман. Еще в Гомеле Галя начала заниматься в аэроклубе, летала на самолете, на планере, а Полину не взяли — она не доставала ногами до педалей самолета, очень уж была маленькая. Когда нам выдали комбинезоны на меху, небольшая Полина никак не могла быстро его надеть, и вот Докутович дала ей наряд: каждый вечер перед сном пять раз надевать и снимать комбинезон, пока наконец она не стала укладываться в положенное время. Мы улыбались — и это лучшая подруга! — но... староста.

Мужчины, обучающиеся в ЭВАШП, глядели на нас с усмешкой и состраданием и называли батальоном смерти... А Вера Ломако, известная летчица, говорила нам: «Девушки, да вы смотрите на них свысока».

В столовую ходили мы только строем под дружную песню. Катя Буданова запевала.

Впереди бежал черный бобик и облаивал встречных мужчин.

Начались тренировочные полеты. Для многих штурманов они оказались тяжелым испытанием: возникала физическая

слабость, тошнота, головокружение... Но мы сжимали кулаки, не поддавались, и постепенно все проходило.

Раскова спрашивала: «Ну как? Будешь летать?» «Буду!» - отвечали будущие штурманы.

6 февраля 1942 года из группы формирования был выделен наш 588-й ночной авиаполк, укомплектованный самолетами У-2 (позднее переименованные в По-2).

Марина Раскова лично привезла приказ НКО о назначении Бершанской Евдокии Давыдовны командиром 588-го ночного бомбардировочного полка и присвоении ей звания - капитан.

Евдокия Бершанская была кадровым летчиком с большим опытом организационной и летной работы. Она летала и ночью, и в слепом полете, командовала женским отрядом пилотов, который был создан в Батайской летной школе. Она была награждена орденом «Знак Почета».

Комиссаром полка была назначена батальонный комиссар Евдокия Яковлевна Рачкевич, адъюнкт Военно-политической академии. А начальником штаба назначили меня, присвоив воинское звание - лейтенант.

Кадровых штабных работников в части не было, а я окончила курсы штурманов, была комсоргом группы. Приказ подписали, не побеседовав со мной, а когда я сказала Расковой, что хочу летать, то услышала в ответ: «Я гражданских разговоров не люблю». Надо было рапорт подать, наверное? Не догадалась.

Весь штаб был сформирован из вновь подготовленных штурманов, моим заместителем по оперативной работе стала Аня Еленина. Для нас началось обучение штабной работе, но и с полетов нас не снимали. Как-то мы опоздали на тренировочные полеты, и нас отстранили: «Раз вы в штабе…» Мы шли домой, обливаясь слезами: так было обидно, так хотелось летать... Об этом сказали Бершанской. Мне было очень стыдно за то, что она узнала, что я плачу. Но нам разрешили полеты, и мы окончили полный курс.

Кроме нашего, были сформированы еще два женских полка: 586-й истребительный авиационный полк (ИАП) на самолетах ЯК-1 и 587-й авиационный полк (АП) пикирующих бомбардировщиков на самолетах Су-2.

Командиром 586-го истребительного полка была назначена Тамара Казаринова, а 587-го – Марина Раскова.

Много было мужчин среди инженерно-технического состава: слишком сложная техника, нельзя было быстро обучить девушек.

Позже взамен погибших летчиц в полки зачислялись и мужчины.

У нас весь состав полка был женский. Были созданы две авиационные эскадрильи (АЭ). Всего полк состоял из 115 человек.

Наш учебный самолет создавался не для военных действий. Деревянный биплан с двумя открытыми кабинами, расположенными одна за другой, и двойным управлением — для летчика и штурмана.

До войны на этих машинах летчики проходили обучение. Без радиосвязи и бронеспинок, способных защитить экипаж от пуль, с маломощным мотором, который мог развивать максимальную скорость 120 км/час. На самолете не было бомбового отсека, бомбы привешивались в бомбодержатели прямо под плоскости самолета. Не было прицелов, мы создали их сами и назвали ППР (проще пареной репы). Количество бомбового груза менялось от 100 до 300 кг. В среднем мы брали 150–200 килограммов. Но за ночь самолет успевал сделать несколько вылетов, поэтому суммарная бомбовая нагрузка была сравнима с нагрузкой большого бомбардировщика.

С первых дней войны По-2 начал приносить армии огромную пользу. На нем вывозили раненых, он служил для связи с партизанами в тылу противника, для разведки. Устойчивый в полете, легкий в управлении, наш По-2 не нуждался в специальных аэродромах и мог сесть на деревенской улице или на опушке леса.

Особенно успешным оказалось ночное бомбометание по переднему краю противника с этих маленьких машин. Конечно, днем воевать на этом самолёте было невозможно, поскольку он представлял собой отличную мишень, а вот ночью малая скорость позволяла поражать цели в ближнем тылу противника с точностью, недоступной для других самолетов того времени. С наступлением темноты и до рассвета По-2 непрерывно летали над целью, сменяя друг

друга, методично, через каждые 2-3 минуты, сбрасывая бомбы на врага. Поэтому во время войны на всех фронтах всегда было несколько полков с самолетами По-2.

Вечером 8 марта погода была вполне благоприятной для полетов. Экипажи ушли по маршруту и на полигон для бомбометания. Вскоре усилился ветер, пошел снег. Из полета не вернулись четыре экипажа — два с маршрутного полета и два с бомбометания...

На рассвете вернулся самолет Нины Распоповой со штурманом Лелей Радчиковой, они сели на вынужденную в поле. А три машины были разбиты: Ани Малаховой и Маши Виноградовой при полете по маршруту - девушки погибли; Лили Тормосиной и Нади Комогорцевой при бомбометании - девушки погибли; Иры Себровой и Руфины Гашевой при бомбометании - самолет разбит, а девушки живы и не получили никаких повреждений...

Выяснилось, что экипажи Тормосиной и Себровой, придя на полигон и попав в сложную метеообстановку, потеряли пространственную ориентацию и врезались в землю. Вела звено командир звена Попова со штурманом Рябовой. Они вернулись благополучно... Но помочь ничем не могли...

Надежда Комогорцева и Руфина Гашева - две неразлучные подружки с мехмата. Надя — яркая, стройная блондинка, хорошая спортсменка, восторженно начала летать. У нее были еще две сестры, которые тоже ушли на фронт... Надя любила покомандовать и звала Руфу «Гашонок». Руфа — тихая, спокойная девушка. Она в нашем полку перенесла больше всех: дважды попадала в аварию, дважды ее сбивали, и это ничуть не меняло ее облик. Она говорила про себя: «У меня чувство страха запаздывает».

Потеря четырех подруг была для всех нас большим горем...

Полк задержали в Энгельсе для дополнительной тренировки, и только через два с половиной месяца, 23 мая 1942 года, был получен приказ о вылете на фронт. Радости нашей не было предела...

Свой личный самолет У-2 с летчицей Ольгой Шолоховой Раскова передала мне. Мы вылетели раньше всех, чтобы организовывать прием полка на промежуточных аэродромах.

Лидировали перелет полка Марина Раскова с Бершанской. Мы прибыли на Южный фронт, недалеко от города Ворошиловграда (сейчас - Луганск). Там только что была создана 4-я воздушная армия (ВА). Командовал армией генерал-майор К.А. Вершинин.

Бершанская, как она рассказывала, развернула перед К.А. Вершининым рулон ватмана со списком летчиков и их налетом. Он даже не усмехнулся, увидев такой «штабной» документ. Особенно его волновали три вопроса: летали ли мы в лучах прожекторов, умеем ли возить во второй кабине самолета двух человек и могут ли летчики производить посадку по сигнальным фонарям без подсвечивания посадочных прожекторов? Только на третий вопрос был дан положительный ответ...

К.А. Вершинин сказал, что полк войдет в состав 218-й дивизии, которой командовал полковник Д.Д. Попов. В шутку он сказал, что Попов такой «купец», который «покупает» самолеты всех типов. В дивизию входят полки на бомбардировщиках СБ, Р-5, а теперь и наш полк на самолетах По-2.

Нас поселили не в землянки или палатки, а в красивые домики, в которых стояли кровати, застеленные белыми простынями с пододеяльниками. У дверей мы поставили своих часовых. Перед глазами стоит картина: подходит полковник Попов к дому, часовой перекладывает винтовку из правой руки в левую, а правой приветствует командира дивизии. Усмешку он сдержал. Попов приехал в полк познакомиться с личным составом и самолетами. Все шло хорошо, но командир был невесел, молчалив. Раскова спросила его, вспомнив шутку командующего: «Ну что же, товарищ полковник, покупаете?» Попов помолчал немного и ответил: «Да, покупаю...» Комиссар дивизии потом рассказывал, что Попов, узнав, что на пополнение дивизии прибыл полк на фанерных самолетах По-2, да еще женский, сказал: «В чем мы провинились? Почему нам прислали такое пополнение?»

В сентябре 1942 года Попов «купил» еще один полк на самолетах По-2 – 889-й полк под командованием К.Д. Бочарова. Весь дальнейший путь прошли мы рядом. Это были наши «братцы».

Мы почувствовали, что и дивизия, и армия принимали наш необстрелянный, неопытный полк неохотно, боялись слез и женских капризов, удивлялись тому, что в тылу нас не тренировали, как уходить от огней прожекторов и зенитного обстрела. Летчики из соседних мужских полков смотрели на девушек с откровенной иронией и называли нас «Бабий» или «Дунькин» полк (по имени командира - Евдокии Давыдовны Бершанской).

Конечно, многого мы тогда не умели, но такой, как у нас, энтузиазм в работе, такой сплоченный коллектив можно было встретить не во всяком мужском полку, ведь мы пришли на фронт не по долгу, а по велению души.

Раскова трогательно попрощалась с нами, пожелала нам получить ордена и стать гвардейцами. Она говорила, что мы должны доказать, что женщины могут воевать не хуже мужчин. Она была удивительно красива и женственна, и в то же время для неё не было слова «невозможно»... Какая-то особая сила и уверенность исходили от Марины Расковой. И нам она всегда говорила: «Девочки, никого и ничего не бойтесь. Если вы уверены в своей правоте, смело идите вперед». Я потом всю свою мирную жизнь жила по этим заветам Марины Расковой.

27 мая 1942 года полк прибыл на Южный фронт и вошел в состав 218-й дивизии 4-й воздушной армии.

Части Южного фронта отступали от Ворошиловграда и Ростова. В ночь на 9 июня полк начал воевать. Первой вылетела на задание командир полка.

В первую неделю на фронте казалось, что нам дают не настоящие цели, поскольку с земли не стреляли зенитки и нас в небе не ловили лучи прожекторов. Но с первого же вылета не вернулся экипаж командира эскадрильи Любы Ольховской, летавшей со штурманом Верой Тарасовой. А когда Ирина Дрягина прилетела с дыркой в плоскости самолета, стало ясно, что воюем по-настоящему!

Уже после войны в газету «Правда» пришло письмо от жителей небольшого поселка в Донбассе. Они писали, что в июне 1942 года над их поселком был сбит самолет По-2. Он упал недалеко. Утром они нашли сбитый самолет, в кабинах сидели две женщины. Они были мертвы. В письме описывали их внешность. Тайком их похоронили, но не знали их имен.

Они просили найти родных этих девушек. Письмо редакция переслала к нам в Совет полка. Мы поплакали, было ясно, что речь идет о Любе и Вере. Рачкевич поехала туда, могилу вскрыли и опознали наших летчиц. Их перезахоронили в городе Снежном.

Это были первые боевые потери полка!

А тогда, в 1942 году, вместо Ольховской и Тарасовой назначили командиром эскадрильи Дину Никулину, а штурманом Женю Рудневу, нашего «звездочета», как ласково называли ее девочки.

Дина Никулина — яркий человек, можно сказать, «лихой» летчик... Женя Руднева — скромная, мягкая девушка, мечтательница, влюбленная в далекие сверкающие звезды.

Командиром другой эскадрильи была Сима Амосова, летчик гражданской авиации, впоследствии заместитель командира полка по летной части, штурман - Лора Розанова. Штурманом полка была Соня Бурзаева.

В первые недели на фронте не все было гладко, была горечь и боль первых потерь, аварии по неопытности, трудности с воинской дисциплиной. Была неловкость за свою армейскую неподготовленность, которая, как мы ни старались, то тут, то там вылезала наружу.

Иногда немецкие танки почти вплотную подходили к нашему аэродрому, надо было срочно перебазироваться куда-то на восток, где никто не готовил для нас площадок, самолеты находились в воздухе, а радиосвязи с ними не было. Один из наиболее опытных летчиков в темноте находил подходящую площадку и разжигал на ней костер. Бершанская дожидалась посадки самолетов, чтобы сообщить экипажам данные о направлении полета.

Бывали случаи, когда наземному техническому составу приходилось идти пешком на эту новую точку, поскольку не хватало машин, чтобы их перевезти. Не было точных данных о том, где находятся наши, а где немецкие части, и наших летчиков днем посылали на разведку. В воздухе господствовала немецкая авиация, а днем на По-2 летать было очень опасно. Помню, как Дуся Носаль уходила от истребителя по балочкам и оврагам, как подожгли машину Нади Поповой, а ей удалось выбраться и вернуться в полк.

Назывались эти полеты «спецзадание», они не входили в число боевых вылетов. Надя Попова и теперь говорит, что это были самые трудные полеты, труднее, чем на бомбежку.

Мы летали каждую ночь. Бомбили по немецким колоннам, по железнодорожным станциям и переправам. Лишь только наступали сумерки, вылетал первый экипаж, через 3-5 минут второй, затем - третий. Когда на вылете стоял последний самолет, мы уже слышали тарахтенье возвращающегося первого. Он садился, пока летчик докладывал о выполнении задания и наземной обстановке, на самолет под плоскости подвешивали бомбы (ах, как тяжелы были «сотки»), заправляли машину бензином, и экипаж снова летел на цель. За ним второй... И так до рассвета, и так каждую ночь...

Мы отступали почти до Владикавказа, остановились в чеченской станице Ассиновская. Полк участвовал в обороне Владикавказа, уничтожал скопления войск и техники противника в районах Моздока, Прохладной, Дигоры, а с января 1943 года — в действиях нашей армии по прорыву обороны противника на реке Терек и в наступательных операциях в районе Ставрополя и долины реки Кубань.

Чтобы уменьшить время в полете и благодаря этому успеть за ночь сделать больше вылетов, нам организовывали так называемый аэродром подскока, поближе к линии фронта. Перелетали на такой аэродром поздно вечером, а утром возвращались на основную площадку, где и маскировали свои машины в саду, между деревенскими домиками. Оставаться днем на аэродроме подскока было слишком опасно, поскольку он был в зоне досягаемости фронтовой артиллерии противника.

С самого начала полку пришлось вести работу в исключительно тяжелых условиях. Армия отступала за Моздок, в гористую местность. Малейший просчет штурмана или летчика - и катастрофа неминуема, так как горы были выше высоты полета. Часто из-за туманов не было видно аэродрома, внезапно начинались снегопады или дожди, воздушные потоки швыряли наши легкие машины на сотни метров вверх или вниз.

Никогда раньше, в мирное время, не летали летчики на таких самолетах в подобной обстановке. Такая цель, как Моздок, имела в обороне все виды зенитного огня, десятки

прожекторов и к тому же была защищена целой огневой полосой со стороны Кизляра.

Нам приходилось маневрировать: один экипаж вызывал на себя огонь зенитной артиллерии, а другой в это время заходил и бомбил по этим точкам. Это уже называлось «новой тактикой боевой работы». Враг терялся и стрелял беспорядочно.

С не менее трудными условиями столкнулись мы при прорыве «Голубой линии», которая была построена немцами от Черного до Азовского моря и считалась ими неприступной. Мы совершали полеты на Новороссийск и Керчь, участвовали в освобождении Севастополя. Все эти направления имели важное тактическое значение и поэтому были прикрыты плотным огнем зенитных батарей, в воздухе патрулировали ночные немецкие истребители, ночное небо освещалось лучами прожекторов.

А много ли нужно, чтобы сбить наш тихоходный самолет, состоящий из фанеры и ткани (перкаля)? Одна зажигательная пуля могла превратить его в пылающий факел!

Ну и трудно мне было в первый год. Мало я понимала в самолетах, в бензине, в бомбах, оперативных сводках, слабо знала военный устав и многое другое, что должна была знать. Я ведь была начальником штаба - первым заместителем командира полка.

Девчонки меня не очень слушались, спорили, когда я назначала кого-нибудь на дежурство.

В штабе начали работать и другие девушки. Начальником строевого отдела стала Рая Маздрина, она окончила историко-архивный институт. Она решила оставить двух маленьких детей со своей мамой в тылу, чтобы добровольно пойти на фронт, где в то время уже сражался ее муж. Голос у неё такой красивый, до сих пор на наших встречах мы просим её спеть.

Начальник химической службы Гумилевская Тамара сейчас живет во Львове. Начальник шифровального отдела Нина Волкова стала после войны бессменным членом Совета полка.

Начальником связи назначили Валю Ступину, бывшую студентку МАИ. Валя - невысокая, всегда улыбающаяся девушка с озорным выражением лица. Валя окончила вместе с нами штурманские курсы и летала на боевые задания. Она

тяжело заболела, но долго не хотела уезжать в госпиталь, боясь отстать от своего полка. В 1943 году она умерла в госпитале от онкологического заболевания. На её должность перевели Раю Маздрину. Но её в том же году отозвали из полка на учебу. Назначили Катю Доспанову, которая после госпиталя вернулась в полк. У неё был перелом обеих ног. В этой должности она служила до окончания войны.

Назначенная на должность начальника оперативного отдела бывшая студентка химического факультета Аня Еленина говорила мне с отчаянием в голосе: «Ты, Ирина, по крайней мере, умеешь быть серьезной, а я ведь даже этого не умею...»

Кадровыми военными были только инженеры полка и комиссар Евдокия Рачкевич.

Первые оперативные сводки, я думаю, доставили много веселых минут штабным работникам дивизии. Мы, например, писали: «Ветер на разных высотах разный», «летчик Чечнева встретила три самолета - один впереди и два по бокам»...

Меру своего незнания и меру терпения Бершанской я ощутила, когда мы с ней перелетали на новую точку через невысокий хребет на Кавказе.

Из моих рук ветром вырывало штабной планшет с картой, он раза в три больше обычного штурманского. И я решила пристроить его у своих ног, воткнула в загородочку вокруг ручки управления.

Даже и не подумала, что теперь он мешает Бершанской вести машину. Вижу, ручка дергается, тут только я поняла, что сделала, выдернула планшет, и так мне стало стыдно... Приземлились...

Дуся так спокойно спрашивает меня: «Что, у тебя нога попала?»

Я также спокойно: «Нет, я планшет поставила».

И все. Ни укора, ни возмущения…

Мне очень страшно было первый раз идти в штаб дивизии. Однако шутливый тон полковника Лучкина, его добрые слова подбодрили меня.

Появилось в полку много новых людей, для них я уже была не подружка, а начальник штаба, всё по уставу...

А что такое штаб? Это похоже на деканат факультета. Оперативная, строевая, хозяйственная работа. От получения

боевого задания на ночь до наградных листов, а также заказов на обмундирование, заказов на переезды на новые площадки. И кроме того, дежурство на старте во время полетов: журнал вылета, прием докладов от экипажей, связь с оперативным пунктом дивизии, да много еще чего... В штаб входило 6 человек, да еще адъютанты эскадрилий и дежурные по части. Аня Еленина проработала со мной в штабе до конца войны, в мое отсутствие полностью меня заменяла.

Иногда удавалось слетать в качестве штурмана на боевое задание. Но редко...

Однажды к нам в полк прибыл начальник штаба дивизии полковник Лучкин и сказал: «А что же Вы, товарищ командир, не представляете своих людей к правительственным наградам? Некоторые летчики и техники вполне этого заслуживают».

Началось оформление наградного материала. И какая была радость, когда 27 октября генерал К.А. Вершинин вручил ордена сорока летчикам, штурманам и техникам.

13 августа 1942 года полк перелетел в станицу Ассиновская. Это большая станица по дороге на Владикавказ, на берегу белой от известняка речки Ассы. Мы долго простояли в ней - почти всю зиму 1942/43 года, пять месяцев. Здесь началось становление нашего полка.

В станице - арыки и сады. Под яблонями - самолеты. Летчики рулили по мосткам через арык. Прекрасная маскировка. Стояли сильные туманы. Девушки сидели в самолетах, ждали погоды, чтобы не терять ни минуты, когда туман рассеется. Часто так и спали, на постели потом уснуть не могли, жаловались: «Не чувствую борта самолета под локтем...»

Здесь особенно ярко проявились качества нашего командира Е. Бершанской. Она была исключительно требовательна к выполнению боевых заданий. Можно было в плохую погоду оставить летный состав в станице, но на старте нужно держать один дежурный самолет (разведчик погоды), а если прояснится - вызвать все остальные экипажи.

Поднять по тревоге полк и привести его на аэродром требовалось 30–40 минут, следовательно можно потерять один боевой вылет полка. Если же все летчики будут дремать на старте - эти полчаса будут выиграны и будет сделан дополнительный десяток боевых вылетов.

Пожалуй, уже с этого времени мы начали выигрывать негласное соревнование с мужскими полками.

Когда мы перелетели из Эльхотово в Ассиновскую, я обнаружила, что не взяла в батальоне аэродромного обслуживания (БАО) продовольственный и вещевой аттестаты полка. Новый БАО покормил нас, но требовал аттестат. Бершанская была сердита и сказала: «Лети».

Верочка Тихомирова, тогда летчик связи, завела мотор, и мы полетели через горы. После ночной работы безумно хотелось спать, вставало солнце, могли уже появиться самолеты противника, а я, на мгновение засыпая, ударялась головой о козырек кабины.

В Эльхотово стоял 288-й истребительный полк. Мы нашли домик командира полка и постучали в окошко. Выглянул молодой мужчина в белой нижней рубахе. Я доложила: «Начальник штаба 588-го полка лейтенант Ракобольская». Он как-то побелел, глаза испуганные. Но когда я рассказала о цели нашего прилета, он радостно заулыбался, помог мне найти БАО и признался под конец: «А у меня выбыл начальник штаба полка по болезни, я и подумал, что мне Вас прислали вместо него, даже испугался».

В Ассиновской я потеряла печать полка. Тонкий резиновый кружочек давно отклеился от деревяшки, и я хранила его в кармане гимнастерки. Потерять печать означало только одно - трибунал...

Поэтому я проверила свой пистолет ТТ, есть ли в нём патроны, и на коленях долго ползала по грязному полу штаба, надеясь найти печать. Произошло чудо: где-то у стенки, под пожелтевшим плакатом «Берегите детей от летних поносов» (раньше в этом доме был детский сад), я нашла свою печать. Стреляться уже было не нужно...

У одного из экипажей осталась неиспользованной светящаяся авиабомба (САБ) - горящий факел, который на парашюте спускался над целью и освещал местность. Обычно штурман держал эту бомбу на коленях и бросал через борт самолета. Двое вооруженцев вскрыли оставшуюся после полетов бомбу, вынули парашют и сшили себе трусики и лифчики (мы тогда получали только мужское белье). Не знаю, как об этом узнали и кто передал дело в трибунал. Но только их судили и дали по 10 лет. Мы получили разрешение, чтобы

они отбывали наказание в полку и боевой работой оправдались. Обе переучились на штурманов. Обе были награждены орденами... Одна из них погибла во время полета над «Голубой линией», другая осталась жива.

Как-то девушки постирали в арыке свое немудреное бельишко и повесили сушить его под крылья самолетов - прямо на расчалки. В этот день в полк приезжал К.А. Вершинин и долго не мог простить нам такую инициативу: «Вы только подумайте, белье - на боевые машины».

Но зато, выступая на одном из партсобраний полка, сказал: «Вы самые красивые женщины в мире, потому что настоящая красота заключается не в накрашенных бровях и губах, а в том великом душевном порыве, с которым вы воюете за свободу нашей Родины». Еще он говорил о том, что не может без волнения смотреть, как тоненькие хрупкие девочки поднимают тяжелые деревья, маскируя машины, как навешивают бомбы на самолеты, а затем ведут их на цель.

Да, действительно, откуда только брались силы... Машина Марины Чечневой стояла на старте с подвешенными бомбами, когда в небе она увидела приближающиеся немецкие самолеты. Марина, невысокая щуплая девушка чуть моложе 20 лет, одна оттащила самолет на край площадки. Где она взяла силы?

В Ольгинской вернулась в полк Ольга Санфирова. Долгая и тяжелая была история. В Энгельсе во время тренировочных полетов по маршруту заместитель командира эскадрильи Санфирова «вывозила» летчика Зою Парфенову. В каком-то месте они пролетели под линией высоковольтных проводов, задели за них и разбили машину. Трибунал в Энгельсе признал виновной Ольгу, поскольку она отвечала за полет, и дал ей десять лет лишения свободы. Полк на фронт вылетел без неё. Командование полка написало начальнику ЭВАШП, просило помочь Санфировой вернуться в полк и в боях искупить свою вину.

И вот она прибыла в полк. Надо было дать ей штурмана, и мы решили перевести к ней Руфину Гашеву, а к Ире Себровой назначить другого штурмана. Захотела летать с Себровой Наташа Меклин. Себровой и Гашевой, которые летали вместе, не везло: во время учебного бомбометания в Энгельсе их

самолет упал в числе еще трех экипажей, но они остались живы. Потом, уже на фронте, возвращаясь с задания, при посадке столкнулись с прожектором (зашли на посадку с противоположной стороны) - и опять авария...

В таких случаях у экипажа часто появляется чувство неуверенности в себе, поэтому состав экипажа надо изменить.

Так Гашева начала летать с Санфировой, и их экипаж стал одним из лучших в полку. Постепенно их повышали в должностях, пока Ольга не стала командиром, а Руфа - штурманом эскадрильи. Не помню, когда сняли с Ольги судимость, была она неоднократно награждена, и уже посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

Была Ольга очень красива, со светлым живым лицом, ясными глазами, всегда с какой-то затаенной усмешкой на губах.

Как-то на Кубани, вернувшись с задания, Леля докладывала мне о расположении немецких огневых точек вблизи цели. Их было очень много. Я удивилась: «Мне никто еще этого не говорил». Санфирову обидело мое недоверие, и она предложила мне полетать с ней. И я полетела с ней в качестве штурмана. Действительно, зениток было много. Ольга не маскировалась, и они палили со всех сторон.

Потом я узнала, что она рассказывала своим: «Я показала начальнику штаба, как работают на позиции зенитки». А её техник, Тоня Вахромеева, укоряла ее: «Ради чего ты так рисковала, вас свободно могли сбить...» Кажется, после этого случая я сомнения свои вслух уже не высказывала.

В ночь на 1 мая 1943 года на третьем боевом вылете их сбили в районе Крымской. Ольге удалось посадить машину, но на вражеской территории. Двое суток пробирались они через линию фронта. Спасло их то, что недалеко были плавни - болото и камыши - в них они прятались от немцев. Шли они в ночное время суток. На рассвете 3 мая вышли на наши передовые артиллерийские позиции. Их покормили и помогли добраться до полка... В ночь на 4-е они снова летали на задание...

Потом их машину сбили над территорией Польши, в районе Насельска. Они выпрыгнули с парашютами (с 1944 года полк летал уже с парашютами) и попали на нейтральную полосу. Ольга Санфирова подорвалась на противопехотной

мине, а Руфа вышла к нашим бойцам. Руфа потом стала летать с новым командиром эскадрильи — Надей Поповой.

Мне казалось, что она не сможет летать после всего пережитого. Но Руфина Гашева была необыкновенным человеком, с невероятной силой духа...

И Санфирова, и Гашева, и Себрова, и Меклин — все они стали Героями Советского Союза.

Ира Себрова сделала в полку больше всех вылетов - 1004, даже произнести страшно. Я думаю, что во всем мире не найти летчика с таким количеством боевых вылетов.

Осень 1942 года. Шли бои под Сталинградом.

Наступило 7 ноября. Было объявлено общее построение полка в длинном коридоре одноэтажной школы. В моих руках пачка с поздравительными приказами по дивизии, 4-й воздушной армии, ВВС фронта. Я начала их читать. Вдруг к школе подъехало много легковых машин, на которых приехали генералы. Из них мне знаком был только К.А. Вершинин. Я обратилась к генералу, у которого на погонах было максимальное количество звездочек, и докладываю:

«Полк, смирно! Товарищ генерал-полковник, 588-й авиаполк для чтения приказов построен! Начальник штаба лейтенант Ракобольская».

Он поздоровался. В это время вбегает вызванная дежурным Бершанская, тоже считает звездочки: «Товарищ генерал-полковник».

Затем командир дивизии полковник Д.Д. Попов: «Товарищ генерал-полковник».

- Да что же вы все меня в звании снижаете! - усмехнулся командующий фронтом, генерал армии И.В. Тюленев.

Это мы привыкли, что, кроме звезд, на петлицах есть еще авиационная птичка, поэтому и недосчитывали одну звезду.

Повернулся И.В. Тюленев к генералам: «Вы писали поздравительные приказы, поздравьте лично, быстрее будет и лучше».

После поздравлений генералов И.В. Тюленев рассказал про первые победы под Сталинградом, а потом о нашем фронте, что перешли мы в наступление и взяли село Гизель.

Полк взорвался криками «Ура» и аплодисментами (и это в строю-то).

После построения все командование собралось в нашем штабе, мы доложили командующему о своей работе и своих проблемах, в том числе о громадных кирзовых сапогах... Брюками нашими он тоже остался не очень доволен.

И вот через какое-то время сняли со всех мерки и прислали нам коричневые гимнастерки с синими юбками и красные хромовые сапожки - американские. Только воду эти сапожки пропускали, как промокашка.

Долго после этого у нас эта форма с юбками называлась «Тюленевской». И надевали мы её только тогда, когда отдавался приказ: «Форма одежды - парадная». Например, когда получали Гвардейское знамя. Летать же в юбках, или бомбы подвешивать, или мотор чистить, конечно, было неудобно...

Вскоре после посещения полка И.В. Тюленевым пришло письмо от К.А. Вершинина Е.Д. Бершанской:

«Т. Бершанская!

И все твои бесстрашные орлицы, славные дочери нашей Родины, храбрые летчицы, механики, вооруженцы, политработники!

Приветствую и крепко жму руку.

1. Посылаю некоторое количество хотя и не предусмотренных «по табелю», но практически необходимых принадлежностей туалета. Кое-что имеется в готовом виде, а часть в виде материала, т.е. необходима индивидуальная пошивка. Я думаю, с последним справитесь.

Распределение сделайте своим распоряжением.

Получение прошу подтвердить.

2. Материал на присвоение полку звания Гвардейского - на подписи. Заслуги полка у всех вызывают единодушное одобрение. Заботу о всех вас проявляет лично т. И.В. Тюленев.

3. Приказы по индивидуальным правительственным наградам подписаны, в отношении вашего полка - без изменений.

Искренне поздравляю награжденных и желаю всем вам боевых успехов.

4. В отношении двух девушек, допустивших ошибку, - не нарушайте товарищеской обстановки. Дайте им возможность спокойно работать, а через некоторое время возбудите ходатайство о снятии с них судимости. Я уверен, что в конце

концов они, так же как и все остальные, будут достойны правительственной награды. (К.А. Вершинин пишет о тех девушках, которые вскрыли САБ).

5. При возможности прошу сообщить, какие у вас есть нужды и просьбы. Будьте здоровы!

Желаю успеха в боевых делах!

Командующий ВВС фронта К.А. Вершинин».

До 1944 года летали мы без парашютов. Да и кто раньше брал парашют на самолет По-2? Логика была простая: если собьют над вражеской территорией, то лучше погибнуть, чем попасть в руки к фашистам, а если над нашей, то как-нибудь сядем, наша машина прекрасно парашютирует...

У Веры Тихомировой заглох мотор на высоте 1000 метров, и она, планируя, посадила самолет. Дина Никулина села прямо на автодорогу, хотя была ранена.

Да и кабины были тесные, а штурман обычно брал себе на колени САБ и мелкие бомбы, например «лягушки» (они прыгали, прежде чем взорваться), а потом сбрасывал их прямо через борт над целью.

Скоро мы встали вровень с мужскими полками, а в чем-то и обогнали их. Резко изменилось и отношение к нам. Летчики «братских» мужских частей ласково называли нас «сестрёнками».

К.А. Вершинин стал гордиться нашим полком и говорить, что мы самые красивые женщины в мире. И даже то, что немцы прозвали нас «ночными ведьмами», стало признанием нашего мастерства.

Конечно, девчонки оставались девчонками: возили в самолетах котят, танцевали на аэродроме в нелетную погоду, прямо в комбинезонах и унтах, вышивали на портянках незабудки, распуская для этого голубые трикотажные кальсоны, и горько плакали, если их отстраняли от полетов.

Всех нас объединял особый азарт, взаимное уважение и стремление доказать, что девушки могут быть в бою не хуже мужчин.

Вчера приехала Галя Докутович.

Галя Докутович родилась в Гомеле, в начале войны училась в Московском авиационном институте, окончила аэроклуб и так же, как все мы, пришла в полк по призыву ЦК

комсомола. Она была зачислена в штурманскую группу, да еще назначена старостой.

Высокая, стройная девушка с открытым ясным лицом и большими черными глазами. Безумно любила полеты, делала все строго и точно.

Когда формировали полк, Галю назначили адъютантом эскадрильи. Это было для нее ударом.

Галя очень переживала из-за этого назначения: ведь ей страстно хотелось летать! Позже, когда полк начал боевую работу на фронте, Галя добилась разрешения летать на задания.

В Сальских степях, когда она летала с Ириной Дрягиной, их самолет был обстрелян, и пока механики ставили заплатки на плоскости, Галя прилегла в мягкой траве на краю аэродрома и заснула. В темноте на неё наехал бензозаправщик... Рядом стояла медсанчасть, откуда вызвали санитарную машину. У Гали оказался сломанным позвоночник.

Я помню Галю, лежащую на носилках, бескровное ее лицо со сжатыми губами. Перед тем как её увезли, она попросила меня: «Ира, обещай мне, когда я вернусь в полк, вы больше не назначите меня адъютантом, я буду штурманом, у меня будет свой самолет и летчик». В этот момент я могла пообещать ей все что угодно! Не было никакой надежды, что Галя останется жива, не говоря уже о возвращении в полк.

Её эвакуировали в тыловой госпиталь, там она встала на ноги, научилась снова ходить. Она убедила медицинскую комиссию, что совершенно здорова. Докутович вернулась в полк с отпускным удостоверением, врачи все-таки предписали ей отдохнуть полгода, но справку медицинскую скрыла.

Хотели мы назначить её опять адъютантом. Но Галя напомнила мне и Бершанской данное мною слово, да еще показала, как она может делать стойку на руках. И вот она, штурман звена, летает каждую ночь, у нее свой летчик и своя машина. У неё болел позвоночник, она пила обезболивающие и тихо плакала на жестких нарах после полетов...

о гибели Галя успела сделать около 120 вылетов и получить свой первый орден.

Каждую ночь боевые экипажи вылетают на цель. Вспыхивают лучи прожекторов, они шарят по небу,

сближаются, и вот самолет пойман. Штурмана и летчика ослепляет нестерпимый свет...

Бьют зенитки. Хочется уйти вверх, вниз, но... перегруженный бомбами самолет идет с мизерной скоростью 60-100 км/час, в зависимости от скорости встречного ветра. Томительно тянется время. Иногда в течение 10 минут не удается уйти от прожектора. И это на высоте порядка 1000 метров. Выше мы обычно не летали, так как наши цели чаще всего были очень близко от передовой, и от нас требовалась особая точность бомбометания.

Около часа длится полет, а на земле ждут механики и вооруженцы. Осматривать, заправлять самолет, подвешивать бомбы они умели за три-пять минут.

Трудно поверить, что молодые тоненькие девочки в течение ночи руками, без всяких приспособлений, подвешивали до трех тонн бомб каждая.

При существующей системе обслуживания каждый механик сам выпускал свой самолет на задание ночью, он же готовил его к полетам днем. Времени на сон почти не оставалось.

Слишком многолюдно было на старте, и мало четкости в работе. Один тянул бензозаправщик или машину с бомбами в свою сторону, другой настаивал, чтобы в первую очередь был приведен в готовность его самолет...

И тогда мы ввели новую систему обслуживания - дежурными сменными бригадами. За каждым механиком закреплялась определенная операция на всех самолетах: встреча, заправка или выпуск... Вооруженцы тройками дежурили у машин с бомбами. Руководил один из старших техников АЭ (авиационной эскадрильи).

Аэродромная площадка ночью стала напоминать хорошо отлаженный заводской конвейер. Вернувшийся с задания самолет уже через пять минут был готов к новому вылету. Это позволяло летчикам при необходимости делать по 10-12 боевых вылетов.

Благодаря такой организации полетов мы стали совершать за ночь больше вылетов, чем «братцы».

Воодушевленная достигнутыми результатами, я уговорила нашего инженера Софью Озеркову обобщить для дивизии опыт обслуживания ночных боевых вылетов на самолетах

По-2, что та и сделала. В результате Озерковой объявили выговор за нарушение наставления по технической эксплуатации...

Соня долго не могла простить мне моего штабного рвения, советовала никогда не спешить с подобными донесениями начальству. Несмотря на «разнос», мы продолжали работать бригадами, но уже никогда не пытались обратить на это внимание вышестоящего руководства.

Инженер Соня Озеркова была кадровым военным. К моменту формирования полка имела за плечами десять лет службы в Иркутской авиатехнической школе. Вначале она нам казалась «сухой», но потом мы оценили и полюбили Соню. Оказалось, что знание устава Красной Амии не мешает ей, а даже помогает быть прекрасным работником, организовать техников, заботиться о них и любить.

Я уважала Соню за силу её характера, благодаря которой она не сломалась, когда после выхода из окружения была приговорена трибуналом наземной армии к расстрелу. Она отказалась подавать на кассацию.

Спас её, очевидно, комиссар дивизии Горбунов. Он писал мне уже после войны, что ему шофер сказал во время поездки: «А у женщин инженера полка к расстрелу приговорили...» Горбунов срочно отправил шифровку в штаб ВВС фронта. Они приостановили выполнение приговора, дело пересмотрели, и Соню оправдали.

Она вернулась в полк остриженная наголо, без улыбки на лице...

Мы приняли её, как будто ничего и не было. И она сумела справиться с пережитым ужасом.

Для сокращения времени стоянки на земле, летчики не вылезали из кабин даже для доклада дежурному работнику штаба. Доклады принимались тут же, у самолета. И через несколько минут после посадки летчик снова поднимал машину в воздух. И так до рассвета, и так каждую ночь.

Иногда нам объявляли «максимум», то есть мы получали задание сделать максимально возможное количество вылетов. Такое бывало при прикрытии десантов, прорыве оборонительных рубежей, освобождении наших городов, в общем, когда - «надо».

В ночи «максимумов» экипажи успевали сделать по 8-10 боевых вылетов, а ночью под Варшавой это число возросло до 17. Летчики и штурманы проводили в воздухе по 10 часов и более, 10 часов крайнего нервного напряжения, напряжения всех душевных и физических сил.

Но как бы ни было тяжело, девушки всегда рвались в бой, «дрались» за право вылетать первыми, чтобы успеть сделать побольше вылетов.

В 1942-1943 годах постепенно наш полк из комсомольского превращался в партийный. Уходя на боевое задание, летчики писали заявления: «Хочу идти в бой коммунистом». Нужно помнить, что те, кто вступал в партию в годы войны, на фронте, приобретали только две привилегии: быть первыми в бою и обрести страшную смерть, если доведется попасть в плен. Поэтому такой выбор заслуживает уважения.

Летом 1943 года выбыла из строя по болезни штурман полка Соня Бурзаева. Я помню, что мы с опаской назначили на эту должность Женю Рудневу. Безусловно, в это время она была лучшим штурманом в полку. В воздухе вела себя спокойно и уверенно. Но нас смущал её мягкий характер, боялись, что она не сможет быть настоящим командиром.

Но Женя стала замечательным штурманом полка. Штурманы признавали её авторитет, уважали, любили и выполняли все указания безоговорочно. Как штурману полка ей не полагалось много летать, она должна была на старте контролировать работу лётно-штурманского состава. Ссылаясь на то, что она должна знать каждого летчика в полку, его индивидуальные качества, она часто летала с ними штурманом. Это было единственное, за что на неё обижались, так как отстранение от вылетов являлось самой большой обидой.

Почти все молодые летчики свой первый боевой вылет совершили с Женей Рудневой: и Герой Советского Союза Магуба Сыртланова, и прекрасный летчик Рая Юшина, и переучившаяся из штурманов Герой Советского Союза Наташа Меклин, и многие другие.

Еще в 1942 году в полку была создана новая штурманская группа для обучения еще не вполне подготовленных к ночным боевым вылетам летчиков и штурманов. В тылу пополнение

для женского полка никто не готовил, и мы вынуждены были делать это сами. Кроме того, мы переучивали на летчиков своих штурманов.

Чтобы формально иметь в полку «школу», была создана еще одна, так называемая учебная эскадрилья. Командиром была назначена Марина Чечнева - невысокая худенькая девушка с огромными черными глазами. Марина окончила среднюю школу, в 1939 году - московский аэроклуб. Работала старшей пионервожатой в школе, одновременно лётчиком-инструктором Центрального аэроклуба. Мечтала быть лётчиком-истребителем, но Раскова рассудила иначе, и Марину зачислили в наш полк.

Летала с Ольгой Клюевой, ровно, спокойно, потом стала командиром звена, затем командиром учебной эскадрильи. В других полках учебных эскадрилий не было.

Через некоторое время учебная эскадрилья стала учебно-боевой и сочетала боевую и учебно-тренировочную работу.

К концу войны у Марины было 810 боевых вылетов, и мы представили её к званию Героя.

Тренировкой летчиков в основном занималась Серафима Амосова, назначенная к этому времени заместителем командира полка по летной части. Сима Амосова - кадровый летчик с сильным волевым характером. Она обучала и тренировала молодых пилотов, помогали ей командиры эскадрилий. Несмотря на большую работу днем, она много летала на задания. Сделала более 500 боевых вылетов.

Я с ней тоже летала на боевые задания. На обратном пути отдает управление в твои руки, а сама поет в переговорную трубку какие-нибудь песенки... Пела она довольно хорошо.

Летчиками стали штурманы Женя Жигуленко, Рая Аронова, Наташа Меклин, Нина Ульяненко и механик Никитина Маша.

Штурманов же готовили из вооруженцев и механиков. Руководила штурманской группой, создавала для неё программу, вела основные курсы Женя Руднева, помогали ей штурманы эскадрилий. Не один десяток новых штурманов ввели они в строй... Среди них Ира Каширина, которая потом привела самолет с погибшей Дусей Носаль, Саша Акимова, ставшая штурманом эскадрильи, Героем России, Олечка

Яковлева - девочка с твердым характером, Ольга Голубева - наша «артистка».

Оля пришла в полк с актерского факультета института кинематографии, сначала была мастером по спецоборудованию, потом прошла обучение в штурманской группе и стала летать. На её счету около 600 боевых вылетов. Выступала на всех концертах самодеятельности. Была она всегда весела, остроумна, чуть кокетлива и насмешлива. Хорошие книги написала после войны о своих полетах.

А вот вооруженцев набирали из девушек, прибывающих в Воздушную армию по мобилизации. Их распределяли по всем полкам на подсобные работы. Командование помогало нам набрать хорошее пополнение. Штаб армии однажды запросил списки отличниц боевой службы для вынесения им благодарности, а потом большинство из них перевели в наш полк. Всего во время войны, уже на фронте, мы приняли и подготовили 150 человек. Это больше, чем один ночной авиаполк.

Обычно авиаполки, после боев с большими потерями, отводили в тыл, там доформировывали, давали новую матчасть, тренировали. Наш полк ни разу в тыл не отводили.

Когда в 1943 году полк вернулся на землю Ставрополья, мы вновь остановились в станице Солдато-Александровской, где нам пришлось базироваться в период отступления. Мы вернулись с победой! Встречали нас всем селом.

В апреле 1943 года мы стояли в станице Пашковская, на окраине Краснодара, откуда летали в течение двух месяцев. Там, в ночь на 1 апреля, произошла трагедия...

Как всегда аэродром был не освещен, самолеты, возвращаясь с боевого задания, подходили в полной темноте и с погашенными огнями АНО (аэронавигационные огни — три лампочки: на правой, левой плоскости и на хвосте: красный, белый и зеленый). На четвертом развороте самолет Юли Пашковой и Кати Доспановой столкнулся с самолетом командира эскадрильи Полины Макагон и Лиды Свистуновой.

На аэродроме услышали только треск и грохот от падения машин. Они были полностью разбиты. Макагон и Свистунова погибли сразу. Юлю пытались спасти, но 4 апреля она тоже умерла.

У Кати Доспановой были сломаны обе ноги. Её отвезли в госпиталь в Ессентуки. Через некоторое время стало ясно, что сращивание костей идет неправильно. Ломали гипс, правили кости... Месяца через три Катя Доспанова вернулась в полк и вскоре стала опять летать на боевые задания, превозмогая сильные боли. Поэтому нам все же пришлось перевести ее на штабную работу.

Катюша Доспанова - студентка медицинского института, единственная казашка в нашем полку, и, скорее всего, единственная девушка из Казахстана, летавшая в качестве штурмана на боевые задания.

Кто-то был виноват в этой катастрофе, отвлекся, не разглядел силуэт идущей впереди машины. И мы заплатили за это тремя жизнями.

А вскоре произошла еще одна трагедия.

В бою с «мессершмиттом» у Новороссийска убили Евдокию Носаль – заместителя командира эскадрильи. Привела на аэродром и посадила самолет штурман Ирина (Глафира) Каширина.

Дуся была одним из лучших летчиков полка. С мая 1942 года по апрель 1943 года совершила 354 боевых вылета на бомбардировку объектов противника, уничтожение его живой силы и техники.

Евдокия Носаль первой в нашем полку была удостоена звания Героя Советского Союза, посмертно...

А Иру Каширину наградили орденом Красного Знамени. Погибла она позже, когда мы летали на «Голубую линию».

Ирка-Глафирка привлекала к себе внимание и мягкой улыбкой, и удивительной чуткостью. Ее не только любили, к ней все тянулись.

В ночь с 31 июля на 1 августа 1943 года Каширина вылетела на задание с летчиком Валентиной Полуниной. Их самолёт был сбит, экипаж погиб.

После станицы Пашковской полк базировался в кубанской станице Ивановской и довольно долго, с мая до сентября 1943 года, летал из нее. Жили в центре села в школе, спали на нарах. Часть состава жила в ближайших домиках у хозяек. Самолеты стояли вдоль широкой улицы, ведущей к взлетной площадке. В этой же станице стоял и полк Бочарова, имевший на вооружении самолеты По-2. Обслуживал нас один БАО

(батальон аэродромного обслуживания). Мы принимали участие в наступательных операциях по прорыву оборонительной «Голубой линии» противника на Таманском полуострове и в боевых действиях по освобождению Новороссийска.

В станице Ивановской у нас был большой праздник – 10 июня нам вручили гвардейское Знамя. Приехали К.А. Вершинин и член Военного совета фронта А.Я. Фоминых.

Бершанская прочла гвардейскую клятву, потом поцеловала знамя. Строй полка повторял за ней: «Клянусь! Пока видят наши глаза, пока бьются наши сердца и действуют наши руки, беспощадно истреблять фашистских захватчиков!» Кричали: «Ура!»

Знаменосцем полка назначили Наташу Меклин, а помощниками - штурмана Иру Каширину и механика Катю Титову. Был торжественный обед. Мы чувствовали, что это наш праздник, только наш день!

Наташа написала гимн полка, и мы пели:

На фронте встать в ряды передовые
Была для нас задача не легка.
Боритесь, девушки, подруги боевые,
За славу женского гвардейского полка!
Вперед лети с огнем в груди.
Пусть знамя гвардии алеет впереди!
Врага найди, в цель попади -
Фашистам от расплаты не уйти!

С тех пор, когда намечалась ночь «максимум», когда цели были определяющими, мы выносили знамя полка на аэродром, около него стоял часовой... К этому знамени потом были прикреплены два ордена - Красного Знамени и Суворова 3-й степени. Сейчас оно хранится в Музее Советской Армии.

Наташа Меклин - красивая невысокая девушка с обаятельной улыбкой. Знаменосцем полка она оставалась до последних дней войны. Хорошо писала стихи: «Про бравого штурмана», «Молитва летчика», «Юле», «Гвардейский гимн полка». Мы выписывали их в свои тетрадочки из литературных журналов эскадрилий.

Наташа в 1942 году пришла ко мне с просьбой назначить её штурманом к Ире Себровой. Неуверенность в себе

появилась у Иры после двух тяжелых аварий. Наташа сумела вернуть Ире веру в себя, их экипаж стал одним из лучших в полку. Около года летали они вместе, а дружили потом всю жизнь.

Наташа переучилась на летчика. Штурманы любили с ней летать, в ней не чувствовалось страха, она была спокойна и внимательна, умело выходила из-под лучей прожекторов и из-под обстрела. Если у Себровой к концу войны было 1004 боевых вылета, то Наташа имела 980.

В станице Ивановской произошло чрезвычайное происшествие. Во время боев на Таманском полуострове Отдельной Приморской армией командовал генерал Иван Ефимович Петров, герой обороны Одессы и Севастополя. Он не смог приехать к нам, когда полку вручали гвардейское Красное Знамя. Встреча наша произошла несколько позже.

В тот июньский день после ночных полетов летный состав отдыхал, механики занимались моторами: чистили, смазывали, чинили, были все в бензине и масле.

В землянке командного пункта находились только двое дежурных: от полка Бочарова и от нас. Случайно (потом говорили, что водитель заблудился) машина с командующим выехала на наш аэродром, подъехала к КП. Генерал Е.И. Петров вышел и объявил боевую тревогу. Дежурный полка Бочарова передал приказ в свой штаб. А у наших самолетов никто не появился.

Петров удивился этому, и только после этого наша дежурная срочно передала сигнал тревоги к нам в штаб. Никогда, ни после этого события, ни до него, днем нам не объявляли тревогу: поднять в воздух полки По-2 в то время, когда летали немецкие самолеты, казалось невозможным. Поэтому мы к боевой тревоге днем не были готовы. БАО не смог быстро направить машины к общежитию, чтобы привезти летный состав на аэродром. Через некоторое время экипажи были готовы к взлету.

Полк взлетел, потом, по сигналу ракеты, сел. Петров велел привезти мишени и стоял на старте, а вылезавшие из самолетов экипажи стреляли по ним. Я видела, как у девушек дрожали руки... Генерал выстрелил сам, все пули в центре: «Вот как надо стрелять».

Потом было построение частей. Генерал И.Е. Петров объявил о снятии с должности командира БАО, объявил выговор Бочарову. Потом подошел к нам.

Конечно, я понимаю, что строевое впечатление мы производили так себе, ниже среднего - механики в серых грязных комбинезонах, летчики - кто в строевой форме, кто в комбинезоне... У кого-то Петров проверил, как затянут ремень, - ему не понравилось, и он показал, как надо: «Вот такой должна быть заправка», — а потом произнес гневную речь...

Он говорил о том, что на нас навешали ордена за красивые глаза, что никогда не получить бы нам гвардейского звания, если б он видел нас раньше.

Петров приказал вырыть землянки возле аэродрома и жить там, а также заниматься строевой подготовкой и стрельбой. Он объявил Бершанской выговор и уехал.

По рассказу И.Е. Петрова был издан приказ К.А. Вершинина. В нем было написано, как долго полки собирались по тревоге, какая плохая у нас строевая подготовка, объявлено по выговору командирам полков.

Землянок на аэродроме для нас не построили, но прислали капитана, который занимался с нами строевой подготовкой...

Дважды приезжал И.Е. Петров к нам в Пересыпь. Первый раз неожиданно: мы с Бершанской примеряли новые брюки на вещевом складе в соседней станице, когда нам сообщили об этом. Мы сели в машину и примчались в Пересыпь.

Командующий ходил по аэродрому! Он был один! Удивленно сказал Бершанской: «Тревоги не объявлял, а они все вылетели!» Полк посадили по сигналу ракетой. Построили. Петров проверил внешний вид. Командующий предложил объявить конкурс по стрельбе среди летных полков: «Вы все мужские полки победите». В тот раз Петров остался полком доволен.

И еще раз приехал И.Е. Петров в наш полк 7 ноября 1943 года. Собрал в помещении нашего штаба генералитет фронта и ВВС, наш полк и устроил нам праздник. Я не была на нем, так как получила на две недели отпуск и была в Москве.

Больше мы И.Е. Петрова не видели, но запомнили навсегда.

С кубанской станицей Ивановской связано много событий в истории полка.

Бесстрашный летчик, командир эскадрильи Маша Смирнова, впоследствии Герой Советского Союза, 22 сентября 1943 года, первой сделала 500-й вылет. Мы и попраздновали по этому поводу.

Внешне Маша походила на мальчика-подростка. Небольшого роста, с такой тоненькой талией, что, казалось, вот-вот переломится, краснощекая, круглолицая, с большими голубыми глазами. Она была всегда аккуратная до мелочей. Маша летала в нашем полку со дня его формирования и до конца войны. В эскадрилье её уважали и побаивались. Она была требовательна и справедлива. Она была награждена орденом Александра Невского.

Я всегда удивлялась, почему не бледнеют её щеки от долгих бессонных ночей. Ведь каждую ночь - полеты, каждое утро - тренировка молодых летчиков.

Первым в полку звание Героя присвоили: Носаль, Никулиной, Рудневой, Смирновой, Пасько.

Самой страшной была ночь на 1 августа 1943 года. Мы летали на «Голубую линию», которую немцы считали неприступной.

В первый вылет ушло 15 экипажей. Цель недалеко, видны лучи прожекторов, ловившие наши машины. Вдруг видим: вспыхнул самолет, медленно, огненным шаром падает. Смотрю по журналу вылетов, кто горит сейчас над целью.

Возвратилась первая машина, экипаж доложил, что видел, как горел самолет в 22.18. Возвратился другой экипаж, который видел, как горела машина в 23.00, а зенитки не стреляли. Почему?

И так четыре пожара в разное время. Вернулись из 15 только 11, которые поняли уже над целью, что немцы выпустили против нас ночных истребителей, потому зенитки и не стреляли, чтобы не сбить своих. Наша маленькая машина, пойманная лучами прожекторов, является такой прекрасной мишенью для истребителя, достаточно одного выстрела.

Девочки, выходя из-под лучей прожекторов, стали резко терять высоту, уходить почти на бреющем, чего не могли истребители при их скоростях. Тем и спаслись, кто понял и успел. А восемь человек погибли - сгорели. Среди них Галя Докутович, летавшая с постоянной болью в позвоночнике, Ира

Каширина, Соня Рогова, у которой в тылу осталась двухлетняя дочь.

Вот как эта ночь была описана в оперативной сводке.

«1 августа 1943 г.

1. Новых данных о действии войск противника перед СКФ (Северо-Кавказским фронтом) не поступало. Линия БС (боевого соприкосновения) без изменения.

2. В ночь на 1.8.43 г. полк имел задачу: «Уничтожать войска противника в населенных пунктах: Красный, Львовский, Трудовой, им. Луначарского».

3. Командир полка задачу решил выполнять одиночными самолетами с интервалом 20 мин. Маршрут прямой: аэродром — цель, высота действия 1300 метров, круг левый.

4. Всего произведено по заданным целям 15 самолетовылетов. Налет - 14 часов 23 мин. Израсходовано боеприпасов: 8 ФАБ-50, 8 АО-25, 8 ампул с «КС», 12 САБ-3, 100 АО-2,5, 4 ЗАБ-100–40П.

В результате бомбардировочных ударов в п. имени Луначарского вызван большой очаг пожара, начавшийся сильным взрывом, и в п. Красный - 1 очаг пожара.

В районе боевых действий экипажи встретили активное противодействие со стороны ПВО противника, и главным образом со стороны его истребительной авиации и прожекторов.

С задания не вернулись 4 экипажа: Высоцкая, штурман Докутович; Крутова, штурман Саликова; Полунина, штурман Каширина; Рогова, штурман Сухорукова.

3 экипажа сбиты ИА и 1 предположительно огнем ЗА.

Задание выполнено не полностью. Вылет был прекращен распоряжением из штаба дивизии.

5. Место дислокации полка — Ивановская».

Родным мы должны были сообщить, что девушки «пропали без вести». Мы понимали, что они не могли остаться живыми, но прямых доказательств не было.

И только после войны Рачкевич поехала в эти места и нашла могилы сгоревших девушек, которых похоронили местные жители. Их захоронили в посёлке Красном, там же погребен и экипаж Белкиной-Фроловой, сбитый несколько раньше. Стоит теперь памятник, и на нем 10 фамилий...

Девушки нашего полка вместе с мужчинами-летчиками участвовали в освобождении Новороссийска. Когда началось наше решительное наступление на Новороссийск, то в помощь наземным войскам и десанту морской пехоты была направлена авиация, в том числе 8 экипажей из нашего полка. Руководила группой Серафима Амосова - заместитель командира полка.

Стояли наши летчики на той же площадке, что и морская авиационная часть. Они уступили девушкам две свои землянки и с большим интересом наблюдали, как они работают, как бомбы вешают, как ночью непрерывно уходят на цель. Надо сказать, на цель сложную. Маршрут проходил или над морем, или над горами и ущельями. Были очень сильные воздушные потоки. Каждый экипаж успевал за ночь сделать 6-10 боевых вылетов. Аэродром находился близко от передовой, в зоне, достижимой для корабельной артиллерии противника.

Наступила последняя ночь перед штурмом Новороссийска, ночь с 15 на 16 сентября. Получив боевую задачу, летчики вырулили на старт. На командном пункте аэродрома присутствовало командование воздушной и наземной армий. Все находились в напряженном ожидании, нетерпеливо посматривали на часы.

Вдруг вокруг вспыхнули тысячи огней, все загремело, загрохотало. Несколько минут продолжалась артиллерийская подготовка. Казалось, горы тоже гудели, земля дрожала.

Это была незабываемая, страшная и вместе с тем захватывающая картина. По окончании артподготовки полк получил приказ на вылет. Всю ночь самолеты подавляли очаги сопротивления противника, а на рассвете поступил приказ: разбомбить штаб фашистских войск, расположенный в центре Новороссийска у городской площади, и экипажи полетели вновь. Штаб был уничтожен.

Когда вернулись, прочли радиограмму, полученную с передовой, от моряков, сражавшихся на земле: «Благодарим братишек-ночников за поддержку с воздуха». Они и не знали, что вместе с «братишками» летали и «сестренки».

Опыт боев за освобождение Новороссийска, опыт совместной работы наземных войск и ночных бомбардировщиков очень пригодился при форсировании

Керченского пролива, при создании плацдарма уже на Крымском берегу, а потом и на Одере, а потом и на Висле.

Со станицей Ивановской у меня связано еще одно переживание. 10 сентября вызвали меня утром в штаб дивизии, которая находилась в станице Старотиторовской. Я полетела с летчиком на дежурном самолете. Мы летели низко-низко над землей. Впереди мы увидели невысокий курган и начали набирать высоту, вдруг раздался удар по мотору. Летчик развернула машину в сторону кукурузного поля. Самолет скапотировал, мы вывалились из кабин. Машина была полностью разбита, в кукурузе её не было видно. Я пошла в дивизию - километров десять от места аварии. Когда дошла, узнала, что нас уже ищут.

С полковником, заместителем командира дивизии по летной части, поехали на легковом автомобиле к месту аварии самолета. День жаркий, дышать нечем. Пилот ждет у самолета. Говорит: «Я ходила на курган, там стоит здоровый белый столб, мы его не разглядели и врезались в него». А мне подмигивает одним глазом. Полковнику было жарко лезть на высотку, поэтому мы поехали в полк.

Так в акте и фигурировал белый столб. Только потом мне летчик рассказала, что врезались мы в курган, так мотором его и пропахали. Но если бы это было установлено, оргвыводы могли быть другими, а так - столб белый, можно и не заметить. Объявили нам по выговору за «неосмотрительность».

Ноябрь 1943 года - май 1944 года

В период наступления мне особенно запомнился аэродром юго-восточнее Темрюка. На аэродроме и вокруг него все было заминировано, даже виноградники. Жить было негде, спали мы все под плоскостями самолетов. Площадка была расположена на берегу лимана. Ветер поднимал пыль, от которой все задыхались. В песчаном тумане иногда было трудно узнать товарища.

9 октября Тамань была полностью очищена от немецких оккупантов. За участие в боях за Тамань наш полк по приказу Сталина получил благодарность и наименование Таманского. Это было для нас большим торжеством.

Торжество после боевой ночи было назначено на утро. Чествовали нас прямо на аэродроме. Выкатили бочку виноградного вина, из соседнего полка прислали винограду, но ветер дул такой сильный, что все угощение оказалось в песке.

Осенью 1943 года наши войска пошли в наступление на Керченский полуостров. В конце октября мы были перебазированы на аэродром около маленького рыбацкого поселка Пересыпь на берегу Азовского моря и оттуда совершали боевые вылеты почти 6 месяцев.

Аэродром был на узкой полоске земли между морем и высоковольтной линией проводов, тянущихся вдоль дороги, параллельной берегу, соединявшей косу Чушку и Темрюк. Провода служили прекрасной маскировкой. Кто бы мог подумать, что на таком кусочке земли расположен аэродром?

В этом месте постоянно были туманы, штормовые ветры и дожди. Только начинали летать - дул боковой ветер такой силы, что наши легкие машины почти опрокидывались, и полеты прекращали. Стихнет ветер - взлетаем снова. Порой приходилось очень трудно.

Обстановка на фронте была настолько напряженной, а необходимость в наших полетах настолько велика, что приказывали летать и в плохую погоду.

С конца октября начались наши полеты на Керчь, когда мы прикрывали высадку десантов на побережье пролива.

По самому краю полуострова шла линия немецкой обороны. Десантные войска подплывали ночью на катерах или танкерах. С берега их обстреливала артиллерия. Мы летали со специальной целью - бить по прожекторам и артиллерийским точкам.

Когда над целью появлялся самолет, немцы выключали прожектора. А наши машины появлялись над целью через каждые две-три минуты. Это давало возможность катерам подойти к берегу. Иногда десантники просили: «Хоть не бомбите, если облачность низкая, хоть мотором шумите». За шумом мотора не было слышно шума винта подходящего с моря катера с нашим десантом.

В определенный момент, когда десант подходил к берегу, по сигналу ракеты мы переносили свой удар в глубь обороны

противника и подавляли его артиллерию. Подобным образом мы действовали и потом, при десанте через Вислу и Одер.

Так мы прикрывали десант на пункт Эльтиген, южнее Керчи, где была десантирована знаменитая сибирская дивизия Гладкова. Слава о ней шла по всей Кубани. Но нашим войскам не удалось соединиться с керченским десантом, они оказались в окружении немецких войск (с моря их тоже блокировали) на пятачке земли без снабжения и помощи. Ночные авиаполки летали к ним и сбрасывали боеприпасы, продукты, медикаменты.

В центре Эльтигена стояла школа - единственный крупный ориентир. Надо было сбрасывать груз с южной стороны от школы, потому что на другой стороне поселка находились немцы. Приходилось снижаться до 150-100 метров, чего ночью раньше никогда не делали. Часто работали двумя экипажами: первый бомбил огневые точки, второй сбрасывал продукты.

Когда бойцы этой дивизии все-таки прорвались к Керчи и потом проходили по Таманскому полуострову, они заходили к нам, благодарили за помощь, иногда жалели, что картошку сбрасывали им сырую, печь её они не могли, по кострам враг сейчас же открывал огонь. Мы удивлялись, откуда они знали, что наш полк летал к ним, туда ведь летали и другие полки нашей дивизии. Оказывается, только наши девушки, убирая газ, кричали сверху: «Полундра, лови мины» или: «Морячки, куда картошку?» С малой высоты голоса так хорошо слышны.

Гладков писал впоследствии, что девичьи голоса в темном ночном небе помогали бойцам больше, чем мины и картошка.

Иногда ставили перед полком и другую задачу: освещать САБом подходящие к берегу катера противника, не бомбить их, потому что практически попасть в катер ночью с большой высоты невозможно, а освещать, представляя ясную мишень для нашей артиллерии.

Однажды редакция армейской газеты получила письмо от солдата пехоты, оно было написано не очень грамотно, но интересно.

«Некоторые говорят, что такое женщины? Как часто к ним плохо относятся. А у нас здесь летают женщины на самолетах. Мы называем их «наши Маруси». Мы этим Марусям очень благодарны. Как только они появляются ночью над немецкими

частями, немцы сразу перестают стрелять, и мы можем спокойно отдыхать, даже спать. Мы просим наше письмо напечатать в газете, чтобы все знали, какие они - наши Маруси и как они нам хорошо помогают...»

Это письмо мне показал редактор нашей газеты.

Когда мы летали через пролив, нам выдали морские куртки с особым порошком. При попадании в воду эта куртка надувалась, и человек в ней не тонул. Но для нас это была ненужная вещь. Летали ведь ночью: если самолет упадет в море, ты сумеешь выбраться из кабины, куртка надуется, продержишься в ледяной воде полчаса, ну час, кто тебя подберет? Катер сторожевой? Так он ночью разве найдет тебя?

Боевые ночи... Сколько их было. Многие неизгладимо врезались в память.

Ночи темные и длинные. Полеты начинаются с заходом солнца, а заканчиваются с рассветом.

На аэродроме нет ни землянок, ни специального помещения для летчиков. Да они им и не нужны. Девушки всю ночь не вылезают из кабин самолетов, разве только выпить стаканчик горячего чая, стоя около машин. У механиков и вооруженцев тоже не было передышек: они заправляли бензином и оснащали бомбами приземлившиеся самолеты.

У посадочной полосы установлен прожектор, но включаем его в исключительных случаях (чтобы не демаскировать аэродром), по красной ракете штурмана или в сплошной туман. Внутри прожекторной машины есть телефон, карты и журнал боевых действий. Это своеобразный передвижной штаб полка.

Еще светло, а в штабе в поселке уже трещит телефон. Из дивизии передают задачу на ночь: цели - Булганак и Катерлез; бомбить живую силу, склады с боеприпасами и артиллерийские батареи противника. Напряжение - максимальное, сколько сможем.

Бершанская поставила задачу командирам эскадрилий. Я заканчиваю график полетов. Ни в коем случае нельзя перепутать, какая эскадрилья вылетает сегодня первой, иначе шума не оберешься. Ведь первые до рассвета успеют сделать на один вылет больше. А за вылеты все буквально «дрались». Приходит ко мне летчик и требует: «Я не могу дежурить по части, я хромаю, я могу только летать».

Первый самолет уходит в воздух, ровно через три минуты второй, за ним третий, четвертый... Взлетает последний, и на какое-то время становится непривычно тихо. Докладываю в дивизию и уже слышу, как со стороны моря нарастает шум — возвращается первый экипаж.

Горят керосиновые фонари «летучая мышь» (свет от которых видно только с одной стороны), обозначая посадочную площадку. Вернувшийся экипаж докладывает Бершанской о выполнении задания, об обороне противника, о погоде.

В это время садится следующий самолет, за ним - другой. А первый уже выруливает на старт и снова поднимается в воздух.

Ночь – «максимум». Вокруг машин копошатся механики и вооруженцы. Пока все идет хорошо, и непрерывной цепочкой садятся и уходят в ночь самолеты, туда, к линии фронта, где разгорается пламя пожаров.

Звонит телефон. Начальник штаба дивизии, поддразнивая меня, говорит, что «лошади майора Бочарова успели сделать больше выездов», чем мы. Не верится что-то. Некстати вспоминается, как недавно от неудачно выпущенной ракеты сгорел хвост самолета. А у Бочарова подбили машину, и он отправил нам телеграмму: «Лошадь погибла, хвост подходит Озерковой...» Таков шифр.

Иду посмотреть, как обстоят дела на старте. Свет фонаря выхватывает из темноты сосредоточенные, перепачканные лица вооруженцев. Шутка сказать - на каждую из них уже приходится около двух тонн подвешенных бомб...

Теперь мы принимаем доклады прямо у кабин экипажа, я влезаю на крыло самолета (только после первого вылета экипаж приходит к нам к прожекторной машине). Они докладывают совсем устало: уже по девять вылетов сделала каждая из них.

Светает. Садятся последние самолеты. Сегодня все закончилось благополучно. Все вернулись. Полеты были эффективными. Девчонки идут на завтрак и спать...

В апреле 1944 года полк летал каждую ночь. Готовилось большое наступление наших войск в Крыму. У всех было бодрое, радостное настроение.

В ночь на 9 апреля над Керчью штурман полка Женя Руднева совершила свой 645-й вылет с летчиком Панной Прокопьевой.

Летчиком, в общем, она была опытным, но в полк прилетела недавно и боевых вылетов имела не больше 10. Следуя своему правилу, Женя проверяла молодых.

Над целью их самолет был обстрелян из автоматических зенитных пушек «эрликон» и загорелся. Через несколько секунд внизу взорвались бомбы — штурман успела сбросить их на цель. Некоторое время горящий самолет продолжал лететь на запад, надо было сбросить листовки, потом повернул на восток, и тут экипажи других машин увидели, как из первой кабины стали вылетать ракеты.

Сначала медленно, спиралью, а потом все быстрее самолет начал падать на землю, казалось, что летчик пытается сбить пламя. Потом из самолета фейерверком стали разлетаться ракеты: красные, белые, зеленые. Это уже горели кабины... А может быть, Женя прощалась с нами. Самолет упал за линией фронта. Видно было, как он ярко вспыхнул последний раз и стал угасать.

Я дежурила в эту ночь, прилетавшие экипажи докладывали, что видели горящий падающий самолет. По расчету времени мне стало ясно, что это были Прокопьева с Рудневой. До утра вооруженцы писали на бомбах «За Женю»...

Когда через два дня началось наступление, мы перелетели в Крым. Я с командиром эскадрильи Ольгой Санфировой летала к месту гибели Панны и Жени: мы хотели найти хотя бы обломки самолета, а может быть, увидеть и их тела.

Сколько видела я после этого линий фронта и разрушенных городов, но никогда не встречала такой израненной земли, как в Керчи и её окрестностях. Всё было в воронках от бомб и снарядов. Всюду лежали разбитые и сожженные машины, куски сбитых тяжелых самолетов. От города остались лишь темные печные трубы, а целых домов не было.

Следов нашего маленького По-2 мы не нашли. И долго еще в душе теплилась надежда, что Прокопьева и Руднева живы, хотя мы и знали, что так быть не могло. А Женина мама надеялась, что дочь ее жива…

Тяжело переживали мы гибель Жени Рудневой, нашего звездочета и сказочника, любимой подруги. И только после войны мы узнали, что оставшиеся под Керчью жители подобрали останки наших девушек. Прокопьеву приняли за мужчину и похоронили в общей могиле, а Женю - отдельно и написали, что здесь лежит неизвестная летчица.

Давно уже они перезахоронены, и им поставлен памятник на военном кладбище города Керчи. Звание Героя Советского Союза было присвоено Жене посмертно...

С апреля полк базировался в Крыму в селе Карловка. Встречали нас жители восторженно. Поскольку БАО не смог привезти продукты, сложно было с переправой через пролив, население покормило нас.

Стояла пасхальная неделя. На улице были накрыты длинные столы. Я помню, что поставили и бутылочку с надписью «святая вода». Наш комендант из БАО улыбался: «Вот как маскировали водку». И налил генералу Верову из штаба 4-й ВА, сидящему с нами. Тот попробовал и предложил коменданту выпить с ним, чокнулись... Я никогда не видела раньше такого огорченно-разочарованного лица. Это была действительно «святая вода».

Мальчишки из дома, где расположился штаб, побежали смотреть «летчиков» и вернулись разочарованные: «Разве это летчики? Бабы!»

Земля вокруг была голая, поэтому наши машины стояли ничем не замаскированные. Возвращавшийся с задания фашистский летчик обстрелял нас - загорелся один самолет, был ранен механик. А потом прилетели немецкие самолеты и начали нас штурмовать.

Никогда днем нас не штурмовали. И только теперь мы поняли, что чувствует пехота, когда над ними с ревом проносятся самолеты, и они видят лица улыбающихся летчиков и бомбы, которые летят на них. Я лежала в какой-то канаве на краю поля. Нет, я не вспоминала свою жизнь и не прощалась с мамой, были две четкие мысли: «Почему я такая большая?» и «Только бы сразу».

Но больше штурмовики не возвращались: поднялись наши истребители, завязался бой, и фашисты ушли.

Когда с Перекопа двинулся 4-й Украинский фронт, немцы стали отступать так быстро, что нам каждое утро приходилось менять аэродромы.

Прилетали, выбирали площадку, располагались. Подвесим бомбы, пообедаем, тут уже и темнеет - начинаем летать. Кончаем полеты в 5 утра. Командир полка или кто-то из командиров эскадрилий летит вперед на поиски нового аэродрома, а я лечу в штаб армии за указаниями, где работать следующей ночью. Часов в двенадцать перелетаем на новую площадку. И так почти ежедневно. Спали под плоскостями самолетов.

За бои по овладению Феодосией наш полк был награжден орденом Красного Знамени. Помню, когда по телефону нам сообщили о награде, в штабе полка находились я и парторг полка Мария Рунт. Мы пошли на старт сообщить эту радостную новость. Идем по аэродрому, встречаем девушку. Я её останавливаю. Она вытягивается перед нами как положено.

- Поздравляю Вас!

- С чем?

- Наш полк награжден орденом Красного Знамени!

Девушка забывает об армейской субординации, всплескивает руками, бросается нас целовать и с криком бежит дальше.

На старте мы сообщали о награде каждому прилетающему экипажу. Из одного самолета раздался непонятный шум: оказывается, они по переговорной трубке устроили митинг.

Впоследствии орден прикрепили к нашему знамени. Конечно, это награждение было не за одну Феодосию, а также и за Керчь.

Во время боев в Крыму наш полк был в составе 2-й гвардейской Сталинградской Краснознамённой ночной бомбардировочной авиационной дивизии, состоявшей из одних полков на самолетах По-2. Это был третий раз, когда нас перевели в другую дивизию. Командовал дивизией генерал-майор П.О. Кузнецов.

Экипажи других полков этой дивизии брали на борт по 300 килограммов бомб, а мы всегда брали не более 200. Стали и наши летчики брать увеличенный бомбовый груз, а экипажи Поповой, Чечневой, Никулиной увеличили нагрузку до 370 кг.

Оказалось, что это можно, только быстро изнашиваются моторы.

Весной 1944 года с 27 апреля по 13 мая мы стояли в совхозе «Чеботарский» и начали летать в район Севастополя. Город был очень сильно защищён зенитной артиллерией. Мы насчитывали иногда до 50 прожекторов. Поэтому экипажи были вынуждены подходить на большой высоте - до 1800 метров, убирать газ и планировать на цель.

Надя Попова говорила впоследствии: «Кто не летал на Севастополь, тот не представляет себе, каким может быть заградительный огонь». Дуся Пасько вспоминала, что ничего страшнее полетов на Севастополь не было. Тем замечательнее, что мы в этих полетах не имели потерь.

После освобождения города еще пару дней летали на мыс Херсонес, тоже на аэродромы врага, там их было три. А потом видели, как фашисты на лодках, верхом на бревнах и досках пытались отплыть от Крымского берега. Куда? Может быть, рассчитывали на свои корабли? Или так, от отчаяния? Видели немцев, которые вместе с нашими солдатами убирали разбитую технику на берегу.

В полку царили радость и воодушевление. Мы никогда не видели такой впечатляющей картины разгрома фашистской армии. Казалось, что вот он, конец войны!

Во время боев в Крыму мы входили в 8-ю воздушную армию. Затем нас, уже в составе 4-й ВА, перевели на Западный фронт.

И вот летом 1944 года мы уже в Белоруссии, на аэродроме Сеща. Смоленск был уже освобожден, бои шли где-то в районе Могилева.

Летом мы почти все время жили в лесу. Мы выбирали полянку, пригодную для взлета и посадки. Палаток не ставили. Летчики спали под самолетами, остальные - под деревьями. Если было время, для штаба строили шалаш. Но чаще мы располагались под березой, делая указатели: «КП – сюда». К березе приколачивали дощечку с надписью: «Штаб».

Дивизия полковника Покоевого, в которую мы были переведены, состояла из полков, имевших на вооружении только самолеты По-2. Гвардейских частей среди них не было.

Когда шли бои на минском направлении, проезжая со штабом на полуторке по центральному шоссе, мы видели на

обочинах брошенную и разбитую технику. Наша армия шла вперед, освобождая пункт за пунктом, а разбитые остатки немецких войск оставались в тылу наших войск.

Оборудуя взлетную полосу на опушке небольшой рощи, мы узнали, что недалеко от нас находятся немцы с артиллерийскими орудиями. Поэтому наши эскадрильи днём срочно перелетели на новую площадку, а штаб и часть техников остались до утра ждать машин. Недалеко шел бой. Я сняла знамя полка с древка, обернула его вокруг себя под гимнастеркой и потуже затянулась ремнем… Утром подъехали машины, и мы уехали.

Иногда наши машины обстреливались при перелетах.

Однажды техник Пилипенко осталась у подбитого самолета, с ней были два бойца БАО. У них была одна винтовка. Вдруг из леса вышла группа немцев с белым флагом. Это генерал Фалькнерс и его штаб решили сдаться в плен. Они направились в ближайшую войсковую часть, в сопровождении одного нашего бойца.

В боях под Замбровом самолет Макаровой-Белик был сбит. Татьяна Макарова была командиром звена. Их самолет, летевший на небольшой высоте, был обстрелян вражеским самолетом уже над нашей территорией, когда они возвращались с боевого задания. Машина загорелась. Таня и Вера погибли. Утром мы нашли их обгоревшие тела. Похоронили их недалеко от польского городка Остроленка. Звание Героев они получили посмертно.

В сентябре шла высадка наших десантов за реку Нарев в район укрепленного немецкого плацдарма. Мы прикрывали их с воздуха.

В октябре мы бомбили немецкую оборону в Модлине, Пултуске, находившиеся на марше воинские соединения, мосты и пути сообщения. Враг сопротивлялся яростно и упорно.

В ночь на 22 декабря полк сделал 324 вылета. Это был рекорд. Некоторые экипажи успели сделать по 16 вылетов за ночь - это примерно двенадцать часов «чистого воздуха». Мы сбросили 60 тонн бомб, а у нас работало всего 15 вооруженцев.

Зимой 1944/45 года полк стоял в бывшей усадьбе бежавшего помещика Далеке. Летали преимущественно в район Варшавы, были награждены медалями «За освобождение Варшавы». Наши войска продолжали свое победное наступление. Мы миновали Варшаву и продвинулись к Восточной Пруссии.

Зимой замело снегом все дороги, и грузовые машины не могли подвозить снаряды к передовой. Мы получили задание днем возить боеприпасы на По-2. Только на них в таких условиях можно было это сделать.

Вспоминается, как Зоя Парфенова, ведя самолет к артиллеристам, увидела, что немцы заходят в тыл нашей части. Самолет обстреляли, её ранило в ногу. Но она все же совершила посадку около артиллерийских орудий, доложила командиру о немцах и сдала боеприпасы. После того как ей перевязали ногу, она взлетела, вернулась на аэродром и только тогда отправилась в госпиталь. В конце войны Зоя Парфенова стала Героем Советского Союза.

В феврале 1945 года фронт подошел к Восточной Пруссии.

Весной «наземникам» нужна была активная поддержка, а мы не могли взлететь: почву развезло от дождей, колеса самолетов увязали в грязи, машины с бензином и бомбами не могли подъехать к взлетной полосе. И тогда Бершанская приказала построить деревянную полосу. Были разобраны сараи и заборы и положен первый деревянный настил метров 30 шириной и порядка 200 метров длиной. А впоследствии строили площадки и длиннее.

Полеты проводились так: стоит в грязи самолет, потом слышна команда «раз, два, взяли» и машину вытаскивают на доски. Потом идут девушки с ведрами и заливают в баки бензин, тащат на руках бомбы, подвешивают. Потом, перекрестясь, техники держат самолет за плоскости, чтобы мотор набрал больше оборотов на месте и меньше был взлетный пробег, затем команда «отпускай», техники разбегаются, и машина «как ведьма на помеле» взмывала в воздух. После посадки машина скатывалась на поле, её вытаскивали на полосу, и начиналось все сначала. Адская была работа!

С таких деревянных полос полк совершил более трех с половиной тысяч вылетов. Первую полосу построили около Грауденца в Восточной Пруссии, строили их и потом, вплоть до Данцига.

После боёв в Восточной Пруссии к нам в полк впервые приехал командующий фронтом маршал К.К. Рокоссовский. В феврале еще девяти нашим девушкам было присвоено звание Героя Советского Союза. И 8 марта, в женский день, Рокоссовский приехал, чтобы вручить Звезды Героев и другие ордена.

Выступая перед полком, Рокоссовский сказал: «Слыхал я легенды о вашем полку, еще когда командовал Первым Белорусским фронтом. Мне это казалось сказкой. Теперь вижу, что это быль. Я вижу женский авиационный полк!»

В Данциге и Гдыне немцы встретили нас сильным зенитным огнём. Мы стояли близко от моря, из-за тумана часто не было видно аэродрома. Иногда приходилось садиться на вражескую территорию.

Экипаж Серебряковой-Павловой, попав в густой снегопад, решил приземлиться на площадке вблизи небольшого немецкого городка. Из-за плохой видимости их самолет зацепился за провода и был разбит. Под его обломками Серебрякова и Павлова пролежали до утра. Утром к машине подошли две немки с детьми. Они и вытащили девушек. Обе были без сознания. Клава Серебрякова пострадала очень сильно - у неё были переломы рук и ног. В госпитале она пролежала больше года. Она совершила около 550 боевых вылетов.

После Польского коридора нас перебазировали под Штеттин, работали на прорыв линии фронта на Одере.

В первые майские дни 1945 года летали на Свинемюнде.

В ночь на 9-е я проснулась от выстрелов, криков, взрывов ракет. В небе полыхали красные, зеленые, белые огни. Выскочив на улицу, я увидела наспех одетых девочек, стрелявших в воздух из стрелкового оружия, а также ракетниц.

- Что такое?

- Конец войны!

У стартеха Р. Прудниковой был радиоприемник, и она узнала об этом раньше всех.

Ну и праздник устроил нам БАО, прямо на улице. И «братцы» приезжали, чтобы поплясать вместе с нами.

Мне 9 мая присвоили звание майора.

Последнее место нашей дислокации было севернее Нойбранденбурга.

После Победы командующий дал нам отпуск, нас отвезли в местечко Альт Резе, где раньше у немцев была школа, в которой обучались женщины-разведчицы. Прекрасные условия: дома, спортивные площадки, парк, озеро. Место, о котором можно только мечтать. Девочки играли в волейбол.

В штабе писали последние оперативные отчеты, последние наградные листы.

У меня иногда была такая тоска… Я думала о том, как мы приедем домой без денег, без образования, как будем жить. Хорошо, что до войны я училась в высшем учебном заведении, а ведь многие девушки окончили только десятилетку, а то и того меньше, им надо было начинать учиться. За эти годы отцы и матери их постарели, не смогут их содержать, и значит, надо работать, а у них нет гражданской специальности.

В конце мая к нам снова приехал К.К. Рокоссовский со своими главными штабными командирами и командованием 4-й ВА. Он решил устроить для нас праздник Победы. Это совпало с трехлетием нашего пребывания на фронте. Привез с собой даже фронтовой оркестр. Мы ликовали - все кончилось: не будут больше гореть наши самолеты! Мы танцевали, пели, пили вино.

И снова маршал удивил меня. Во время танцев ему позвонил (по прямой линии) И.В. Сталин. Музыка мешала, К.К. Рокоссовский плохо разбирал слова, но не остановил оркестр, невпопад сказал Сталину «так точно».

Маршал рассказал нам про ужин, посвященный дню Победы, который состоялся в Кремле: Сталин посадил его рядом с собой, потом взял его бокал и поставил на пол. Рокоссовский замер… Сталин поставил на пол и свой бокал. Потом взял свой бокал, Константин Константинович сделал то же, чокнулись. И тогда Сталин сказал: «Уважаю тебя, как мать-землю».

Рокоссовский приказал представить к награде за последнюю операцию всех, кто заслужил. «И не скупись», - сказал он Вершинину.

У нас были готовы наградные для представления к званию Героя Советского Союза на 11 человек, совершивших 700–800 боевых вылетов. Звание Героя получили девять женщин. Наградные документы на двоих отложили, но в пятидесятилетнюю годовщину Победы подняли наши старые представления, и им присвоили звание Героя России. Много женщин получили ордена летом 1945 года.

Утром генеральская команда играла в волейбол против команды 2-й авиаэскадрильи. Рокоссовский сказал мне, что он умеет хорошо «гасить». Однако генералы проиграли нашим девушкам с совершенно разгромным счетом.

В Альт Резе произошло чрезвычайное происшествие в полку. Молодая летчица, прибывшая в полк (после окончания аэроклуба где-то в глухом сибирском местечке) примерно за пять-шесть месяцев до конца войны, родила ребёнка в конце мая 1945 года. Мы знали, что у нее был муж из этого же клуба, что он погиб, но никто не предполагал, что она ждала ребенка. Она всегда рвалась летать на задания, а когда окончилась война, стремилась быть дежурным летчиком как можно чаще. Кажется, на её счету было больше сотни боевых вылетов.

Когда она начала полнеть, а это только в Альт Резе стало заметно, подружки заставляли ее заниматься физкультурой, не давали много есть, не подозревая, что ей вот-вот родить...

Ночью она пришла к врачу, и её отправили в авиационный военный госпиталь, там и появился на свет её мальчик. Это было ЧП! Первая реакция - возмущение! Это в нашем-то полку!

Когда мы с Бершанской приехали к Вершинину, страшно расстроенные, он долго смеялся, а потом произнес речь, смысл которой можно передать так: «Дуры вы, дуры, она же герой, она с ребенком летала на боевые задания, война окончилась, её награждать надо, не возмущаться. Надо подумать, как ей помочь».

Мы уже были в Швейднице, когда приехала к нам Аня с малышом. Что тут делалось: шили пеленки, рубашечки. Даже «братцы» привезли какие-то детские принадлежности.

Ведь и правда! Война окончилась, и началась новая жизнь. Может быть, это было и символично - первый мужчина в нашем женском полку!

Городок Швейдниц был последним местом базирования нашего полка. Оттуда летный состав полка улетел в Москву, чтобы участвовать в Параде Победы, а я осталась с наземным эшелоном.

В армии началась демобилизация женщин, сначала сержантского состава, а потом офицерского. Месяца через два-три после окончания войны почти весь состав полка был демобилизован. А полк не расформировывали, так как гвардейскую часть мог расформировать только Главнокомандующий. Поэтому не демобилизовали Бершанскую, меня, Рачкевич и еще человек десять.

Я готовила документы к сдаче в архив, а знамя - в Музей Советской Армии. И только 15 октября 1945 года директивой начальника штаба Красной Армии № ОРГ/10-14080 46-й гвардейский Таманский Краснознаменный ордена Суворова 3-й степени ночной бомбардировочный авиационный полк был расформирован. Личный состав был демобилизован.

В разные концы нашей огромной страны разъехались боевые мои подруги. На последнем собрании мы договорились ежегодно 2 мая в 12 часов встречаться в Москве в сквере около Большого театра. И встречаемся уже больше пятидесяти лет.

Три года наш полк воевал на разных фронтах Второй мировой войны. В 1943 году ему было присвоено гвардейское звание, за освобождение Тамани присвоено наименование Таманского, за освобождение Феодосии полк был награжден орденом Красного Знамени, за бои в Белоруссии - орденом Суворова 3-й степени. Полк получил 22 благодарности Верховного Главнокомандования, восемь раз Москва салютовала частям, среди которых называлась часть подполковника Бершанской.

За три года боев полком совершено 24 тысячи боевых ночных вылетов, более 3 тысяч тонн бомб сброшено на врага. 23 девушкам присвоено звание Героя Советского Союза (пяти из них посмертно), двоим присвоено звание Героя России.

Герои Советского Союза			Количество боевых вылетов
1	Себрова Ирина	командир звена	1004
2	Меклин Наталья	летчик (сначала штурман)	980
3	Жигуленко Евгения	летчик (сначала штурман)	968
4	Аронова Раиса	летчик (сначала штурман)	960
5	Смирнова Мария	командир эскадрильи	950
6	Худякова Нина	зам. командира эскадрильи	926
7	Ульяненко Нина	летчик (сначала штурман)	915
8	Рябова Екатерина	штурман эскадрильи	890
9	Гельман Полина	штурман звена	857
10	Попова Надежда	командир эскадрильи	852
11	Гашева Руфина	штурман эскадрильи	848
12	Белик Вера (посмертно)	штурман звена	813
13	Чечнева Марина	командир эскадрильи	810
14	Распопова Нина	командир звена	805
15	Розанова Лариса	летчик, штурман полка	793
16	Пасько Евдокия	штурман эскадрильи	790
17	Сыртланова Магуба	зам. командира эскадрильи	780
18	Никулина Евдокия	командир эскадрильи	760
19	Парфенова Зоя	зам. командира эскадрильи	680

20	Руднева Евгения (посмертно)	штурман полка	645
21	Санфирова Ольга (посмертно)	командир эскадрильи	630
22	Макарова Татьяна (посмертно)	командир звена	628
23	Носаль Евдокия (посмертно)	командир звена	354
Герои Российской Федерации:			
24	Сумарокова Татьяна	штурман эскадрильи	725
25	Акимова Александра	штурман эскадрильи	680

Сейчас мы понимаем, что слишком требовательными и жесткими были к себе. Формально, по положению о наградах, к званию Героя Советского Союза можно представить летчика или штурмана, сделавшего на самолете По-2 более 500 успешных ночных боевых вылетов. Сколько таких было в полку? Более 30, а может быть, 40 человек. Однако мы представляли только тех, у которых счет вылетов был в районе 800. Учитывалось при этом и личное мужество, и эффективность бомбовых ударов, и дисциплина.

Бершанская была награждена орденом Суворова 3-й степени, орденом Александра Невского, двумя орденами Боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени и орденом «Знак Почета».

32 девушки погибли в нашем полку. Для авиационного полка такие потери невелики. Это объяснялось в первую очередь мастерством наших летчиков.

В апреле 1946 года пришел приказ о моей демобилизации. Зачислили меня на 4-й курс физического факультета МГУ.

После окончания факультета работала ассистентом на кафедре космических лучей. Потом принимала участие в эксперименте на Памире, защитила кандидатскую диссертацию.

В течение 24 лет по совместительству была деканом вновь созданного факультета повышения квалификации преподавателей вузов. 30 лет исполняла обязанности заместителя заведующего кафедрой. Создала в институте ядерной физики новую лабораторию по физике космических

лучей высоких энергий и руководила ею на общественных началах. Организовала в МГУ Совет женщин и была его председателем.

Защитила докторскую диссертацию. Имею более 200 публикаций.

Награждена орденами: Красной Звезды (1942), Красного Знамени (1943), Отечественной войны 1-й степени (1944) и 2-й степени (1945,1985), а также медалями – «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», «За вклад в победу», «Университетский знак почета».

Апрель 2015 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Карасев Сергей Алексеевич****, студент Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Решетников Василий Васильевич

Бомбили Берлин в сентябре 1942 года

Я родился 19 декабря 1919 года в городе Екатеринославле в семье потомственных художников. Там окончил школу-семилетку № 13. В 1936 году поступил в Ворошиловградскую школу военных лётчиков и в 1938 году окончил её.

После окончания школы лётчиков я получил назначение в Орловский скоростной бомбардировочный авиаполк. В конце 1939 года полк должен был участвовать в советско-финской войне. Но была и другая задача - предстояло вооружение полка самолетами-бомбардировщиками «ДБ-3». В ожидании вылета на финский фронт командир полка отправлять на переучивание опытных лётчиков не рискнул. Послал нас - самых молодых.

Нас отправили на переучивание в Воронежскую резервную бригаду, которая еще не завершила формирование. 2 января 1940 года я приехал в Воронеж. Здесь новичками были все, даже командир моей эскадрильи С.П. Казьмин.

Летом 1941 года мы летали ночью в строю по маршрутам, проводили учебные бомбометания на полигонах, и как ночные инструкторы обучали лётчиков, прибывающих к нам.

Утром 22 июня я услышал тревожный голос моего соседа по общежитию Николая Телкова:

- Вставай, вставай, Василь, - теребил он моё плечо, - война!

- Ты что? Откуда взял?

- Немцы перешли границу, бомбят наши города.

- Как это бомбят? - опешил я.

Я вместе с другими ребятами побежал на вокзал. Первым шёл товарняк. Он не останавливался у нашего полустанка, у Колодезной. Я уцепился за вагон и поехал на аэродром.

На аэродроме я сначала подошёл к своему самолёту. Баки были уже заправлены, шла подвеска бомб. В штабе - никакой оперативной информации. Не было её и позже. Была установлена очерёдность дежурства (вылет с бомбами), штурманам выданы кипы карт - аж до Берлина.

В первые дни для нас ничего не меняется. Летаем. Камуфлируем самолёты. Слушаем радиостанцию, обсуждаем слухи.

Капитану Казьмину летчики стали подавать рапорты об отправке на фронт! Он отмалчивался, потом собрал всех и отрезал:

- Есть приказ наркома: из резервных частей - никуда. Наше дело готовить для фронта экипажи. Летную программу не сокращать, но закончить ее в кратчайшее время. Работать будем днем и ночью с максимальной нагрузкой.

В начале июля пришел приказ: из постоянного и переменного состава сформировать эскадрилью, ввести в полк и - на фронт.

Командиром боевой эскадрильи назначен Токунов, его заместителем - командир звена Сергей Евдокимов, командирами звеньев - инструкторы, остальные - из переменного состава.

Меня не отпустили: Токунов берет - Казьмин не пускает. Только бубнит: «А я с кем работать буду?»

Утром эскадрилья Токунова поднялась в воздух, прошла прощальным строем над лагерем и взяла курс на запад. Через месяц её не стало. Командир эскадрильи Петр Григорьевич Токунов погиб в бою 26 июля.

Линия фронта становилась к нам все ближе и ближе. На воронежские аэродромы садились отступавшие полки фронтовой авиации. Переполнялись стоянки, стало тесно и в воздухе. В конце августа Казьмину было приказано перебазировать эскадрилью за Волгу, в Бузулук.

Неожиданно в нашем полку появился капитан Шевцов. Он изучал летные книжки, с кем-то беседовал, по ночам проверял технику пилотирования. Выяснилось, что капитан отбирает летчиков и штурманов в ночной особого назначения дальнебомбардировочный полк майора Тихонова.

Я Шевцова ничем не привлек. Мою летную книжку капитан полистал без всякого интереса и отложил в кипу ненужных. Но человек он был с виду добрый, и однажды, выбрав удобный момент, я подошел к нему и попросил сделать со мной хотя бы один ночной полет.

- Ну что вам стоит, товарищ капитан?

- Ладно, слетаю, - улыбнулся он.

В ближайшую ночь, отлетав еще с кем-то, он подошел к моему самолету.

- Знаешь что? Давай сходим в зону, - как-то по-домашнему сказал он. - Покажи мне сам, что ты там умеешь, а я посмотрю.

Всю программу, без каких-либо упрощений, я показал ему в зоне. Во время полёта он молчал. На стоянке, когда остановились винты, он произнес:

- Пойдешь к Тихонову.

Сказал утвердительно, как о деле решенном. Радость охватила меня. Но время шло, Шевцов уехал, а меня никто никуда не вызывает. Прошел слух, что в штабе появились документы отобранных, но начальство молчит.

Штабные потихоньку выдают «дворцовые» тайны: Мельников отбивается, не хочет отпускать инструкторов.

Через день новая информация из тех же «надежных источников», по секрету: пришла депеша от генерала Горбацевича - требует отпустить меня немедленно. Генерал Горбацевич? Кто такой? Оказывается, командующий дальнебомбардировочной авиацией!

Я пошел к командиру полка Мельникову.

Завидев меня на пороге, он разбушевался с ходу. На его столе, ко мне вверх ногами, вижу и косым взглядом читаю телеграмму с моей фамилией и грозным предупреждением адресату за ослушание. Приготовленные для беседы слова мне произносить не пришлось. Молча слушал, как ругается Мельников. Наконец, он погнал меня из кабинета, благословив напутствием: «Ко всем чертям»!

Как понять это? Выходит, отпустил?

В штабе узнал, что завтра на рассвете с нашей перегоночной базы к Тихонову пойдет «ТБ-3».

Собирать документы поздно, да и рискованно - вдруг я не так все истолковал? Я надел комбинезон, взял шинель и чемодан с бельем и отправился на аэродром. Там стоял тот самый «ТБ-3» для полета в Сасово на Рязанщине, где формировался тот самый полк.

Штаб и командирские общежития размещались в небольшой городской школе.

Ближе к ночи того же дня нам назначили сбор. Мы с трудом втискивались в низенькие парты, тихо переговаривались, знакомились друг с другом, но не на равных: слишком разные были у нас «весовые» категории - капитаны, старшие лейтенанты. Были и майоры. Все они - командиры полков, эскадрилий, или заместители. А я - младший лейтенант, командир звена.

Ждали командира. Майор Тихонов вошел в класс.

Я не сводил с него глаз: на груди орден и Золотая Звезда, в петлицах две шпалы.

Войну он начал с бомбардировки Берлина!

В ночь на 8 августа 1941 года группа бомбардировщиков командира полка Военно-Воздушных Сил Балтийского флота полковника Преображенского нанесла первый удар по Берлину. Через ночь - второй. А 11 августа вслед за морскими летчиками на бомбардировку немецкой столицы вышли экипажи Щелкунова и вся эскадрилья Тихонова. Потом они бомбили Берлин ещё два раза.

Мир был взбудоражен: советская авиация, о которой только и было известно, что она уже давно разбита, вдруг бомбит Берлин!

Теперь же в тускло освещенном классе с плотно зашторенными окнами командир полка с каждым поочередно вел беседу. Я стал осознавать всю сложность моего положения. Летчики докладывали о своих тысячных и многосотенных часах налета не только днем, но и ночью, в облаках, одновременно упоминая о большом боевом опыте, участии в маневрах и учениях. Ничего подобного в моем летном активе не значилось.

Я докладывал последним. Мое сообщение о налете, особенно ночном, вызвало смех у присутствующих. Улыбнулся и командир: мои четыреста часов здесь ничего не значили. Последовал вопрос о моем возрасте. И снова командир улыбнулся.

Нескольким летчикам, у которых были длительные перерывы в летной практике, Тихонов приказал сделать по одному тренировочному полету по кругу, а мне - два с инструктором.

В переднюю кабину сел командир эскадрильи капитан Черниченко. Шел снег. Видимости еле хватало на длину взлётной полосы. Взлетел, построил «коробочку», зашел на посадку, сел. Повторил. Черниченко молчит.

Я спросил:

- Еще один?

- Нет, хватит.

- Готовиться на боевое задание?

- Не спеши. Тебе скажут.

Теперь экипажей стало больше, чем самолетов. Командир решил: в светлое время будут летать одни, ночью - на тех же машинах - другие.

Для меня командир, видимо, выжидал погоду попроще, не очень задумываясь над тем, что она будет попроще и для немецких истребителей, не говоря уж о зенитчиках.

Но совершенно ясная погода - это была полная неожиданность. При такой погоде меня в паре со старшим лейтенантом Павлом Петровичем Радчуком направили бомбить железнодорожный узел города Вязьма. Вязьма немцами была хорошо прикрыта и истребителями, и зенитной артиллерией. Но там скопление эшелонов с техникой, горючим и боеприпасами.

Подошли к линии фронта. Слева направо по всему горизонту горят деревни. Посмотрел на карту: изгибы длинной полосы пожаров точно повторяют очертания линии фронта. Немного южнее Вязьмы, наш аэродром Двоевка, на котором сейчас располагаются истребители фашистской авиации.

Время тянется медленно. Но вот подходим к цели. Еще издали видны контуры железнодорожного узла. Володя Самосудов начал промер ветра. Ложимся на боевой курс. Чуть отстаю от ведущего. Прицеливаемся...

Вдруг все пространство вокруг нас густо усеялось серыми дымными клубками. Их все больше и больше. Разрывы вспыхивают рядом, ложатся совсем близко. А нам на боевом курсе - не шелохнись, иначе бомбы уйдут мимо.

- Володя, как видишь цель?

- Все вижу, командир, все вижу. Тут все пути забиты составами. Не промахнусь!

Жду сброса.

- Пошли! - кричит Володя.

Чувствую легкие толчки из-за отрывающихся бомб. Все! Резко разворачиваюсь вправо, меняю угол крена, уменьшаю высоту, увеличиваю скорость. Ищу кратчайший путь для выхода из зоны огня. Бомбы достигли цели, и теперь на станционных путях видны пожары и от наших бомб. Экипаж это отлично видит, а во время разворота увидел и я.

Радчук уже взял обратный курс, и я на полных оборотах подстроился к нему. Какое чистое небо! Наши самолёты - как на ладони.

Павел Петрович берет чуть севернее - подальше от Двоевки.

Майор Тихонов был доволен результатами бомбардировки и, больше всего тому, что нам удалось вернуться. Наши машины уже готовили к ночному вылету, на них пойдут другие экипажи.

Полк перелетел ближе к линии фронта - в Раменское, под Москвой. Ясная, морозная погода установилась надолго. С заданий летчики возвращались на изрешеченных машинах. Не вернулся с боевого задания капитан Шевцов. Его сбитый самолет был найден на окраине небольшой деревни в районе Шацка, совсем недалеко от аэродрома. Разведданные он передал по радио, но домой не дотянул. Хоронили командира эскадрильи Василия Федоровича Шевцова уже майором: приказ о присвоении ему звания получили в день его гибели.

Недавно появившийся у нас уже немолодой многоопытный старший лейтенант Василий Анисимов сумел отобрать, уговорив майора Тихонова, мой экипаж. Сколотить свой Анисимову не удалось, да и на первый боевой вылет выходить с новичками командир звена, видимо, поостерегся, а перехватить чужой, обстрелянный и слаженный, гораздо легче

было у меня, чем у кого-либо другого - все-таки младший лейтенант не чета старшему.

Я отправился в штаб эскадрильи и выяснил, что у старшего лейтенанта Василия Сверчкова не было экипажа. Он согласился летать со мной. Нашел и радиста, а стрелка среди оружейников найти было проще.

Осталось самое главное - уговорить командира дать мне самолет и включить в состав звена Радчука. Поддержал меня комиссар эскадрильи Алексей Дмитриевич Цыкин. Майор Тихонов подумал, покачал головой, но согласился: назвал номер самолета и место в строю во время полёта.

Всю ночь был лютый мороз - за тридцать. Под самолетами еще с ночи нагревательные печи гнали тепло под моторные капоты.

Первым взлетел Радчук. У Анисимова не запустился один мотор, и на взлет пошел я. Взлетел Клотарь, но тут же резко перешел на снижение и пошёл на посадку. Радчук сделал второй круг над аэродромом - ждал Анисимова, но тот так и не смог взлететь. Вдвоём взяли курс на Смоленск. Я плотно притерся к Павлу Петровичу и хорошо его вижу.

В этот раз я пренебрег прокладкой маршрута, рассудив, что, держась в строю за Радчуком, не стоит заниматься навигацией. Уж он-то с Хрусталевым и цель отыщет, и домой приведет, а мое дело - за ним держаться.

Вдруг Павел Петрович повернул лицо в мою сторону и плавно ввел самолет в правый разворот. Куда он? Развернулся градусов на тридцать и полетел по прямой. Разговорной связи у нас не было. Показываю руками на отворот влево, мол, нам - туда! Но Радчук и Хрусталев только посматривают на меня, и никакой реакции.

Я всё понял. Командир решил идти на Вязьму. В такую ясную, с отличной видимостью погоду рассчитывать на безнаказанный выход двух бомбардировщиков на Смоленск, до которого еще идти да идти - безумие. Было бы нас четверо - куда ни шло.

Вязьма ближе. Вот она - рядом. На железнодорожной станции всегда полно эшелонов с войсками и грузами. Бомбить её сейчас логично, но нам приказано бомбить смоленский аэродром, а не Вязьму!

Радчук держит новый курс и смотрит на меня, как бы требуя следовать за ним. Но я чуть отстаю, ныряю вниз, отворачиваю влево и беру курс на Смоленск. Потом еще левее - подальше от Двоевки с «Мессершмиттами-109».

И вдруг «обожгло»: ведь бросил командира! Но боевая задача - Смоленск, а не Вязьма. Я снова искал себе оправдание.

Вот и аэродром, на белом поле которого крыло к крылу застыли черные силуэты немецких бомбардировщиков. Их было около шестидесяти.

На боевом курсе по моему самолету открыли огонь зенитки.

Сверчков докладывает:

- Командир, бьют зенитки!

- Это не прицельно. Не обращай внимания.

Он измерил направление ветра, внёс поправки в курс, дал последний доворот и - «так держать».

Самолет летит ровно. Все стрелки застыли. Вижу боковым зрением - разрывы зенитных снарядов всё ближе.

- Бомбы пошли!

Теперь нужно аккуратно выбраться из-под огня зениток и - вниз, чтобы уйти из зоны видимости.

Сверчков и стрелки доложили - бомбы упали почти по диагонали стоянки самолетов. Загорелись немецкие самолеты. Штурман сообщил - два, стрелки сказали - три. Вскоре один самолёт взорвался, достанется и соседним - стоят ведь плотно.

На пути к Смоленску немецкие летчики с Двоевки явно нас прозевали. В такую погоду они нас не ждали. Но на обратном пути я увидел, как из облака появились одна за другой черные точки - это «мессера», это за мной! Довернул к лесному массиву, все больше уходил вправо, стараясь идти как можно ближе к кронам деревьев.

«Мессеров» видно не было. Затем на большой высоте появилась пара истребителей, которые шли в нашу сторону. Видимо, им мешал свет от солнца, и они не заметили нас на фоне леса. Они шли далеко слева, немного обгоняя нас. У линии фронта они пошли обратно, но вдруг резко развернулись и пошли прямо на нас, постепенно догоняя. С одного из них с дальней дистанции открыли пулеметный огонь, но в нас не попали. Мы тоже открыли огонь.

Головной «мессер» ушел в сторону, другой последовал за ним. Видимо, у них кончалось горючее.

Мы пересекли линию фронта. Я понимал, что мы уклонились далеко от маршрута.

Наугад повернул влево. Приближалось расчетное время посадки, но не было видно ни одного ориентира, по которому можно было бы найти наш аэродром. Набрал высоту. Полетел над какой-то железной дорогой, в надежде увидеть железнодорожную станцию или реку. Напрасно. Лишнего горючего у нас нет. Пора садиться, пусть даже не дома.

Но вот радисты заметили аэродром. Выпускаю шасси, сажусь. На стоянке выключаю моторы. Оглядываюсь по сторонам, пытаемся со штурманом понять, где мы. К нам никто не подходит и не проявляет ни малейшего интереса. Рядом стоят истребители. На некоторых из них работают механики.

Посылаю к ним стрелка, чтобы осторожно, словно невзначай, узнал название аэродрома. Он, мы видим, к кому-то потянулся прикурить, затевает разговор, весело жестикулирует - артист! Вскоре он взбирается ко мне на крыло, тихо докладывает: «Химки!»

Вот это номер! На моей карте Химки не обозначены - они за её обрезом. Химки находятся севернее Москвы, а наш аэродром - южнее. Вот достойное наказание за неподготовленную карту, за мое штурманское легкомыслие! Этой науки мне хватило на всю мою долгую летную жизнь.

Я пошел к начальнику аэродрома и доложил, что из-за длительного маневрирования, во время преследования немецкими истребителями, вынужден был совершить посадку на этот аэродром, поэтому прошу немного бензина, чтобы возвратиться на свой.

Капитан распорядился насчет бензозаправщика. Дали мне и крупномасштабную карту этого района. На посадку пришли в сумерках.

На стоянках суетился народ, готовясь к ночным боевым вылетам.

Не успел я выключить моторы, как кто-то оказался на крыле:

- К командиру!

- Где Радчук? - ору я, в свою очередь.

- Радчук давно дома!

Слава богу! С души как тяжесть слетела.

Под самолетом меня ждала полуторка.

У самого «Т» стояли командир дивизии Логинов, Тихонов и заместитель командира полка майор Смитиенко. Я подошел к комдиву и доложил о выполнении задания по смоленскому аэродрому. Они стали подробно расспрашивать о полете, о смоленском аэродроме и результатах удара.

Оказывается, нашу радиограмму с борта о выполнении задания КП не получил, вероятно, из-за малой высоты полета, с которой радист поспешно отстучал ее, а отвлекаться от стрельбы из пулемета на повторную долбежку для получения «квитанции» было рискованно. Командиры заметно оживились, но мрачная тень с их лиц все еще не сходила.

Только тут я понял, что на старте ожидали вовсе не мой экипаж, на нем уже был поставлен крест. Ждали Анисимова. По расчету времени он мог еще находиться в воздухе. Но Анисимов так и не вернулся.

Судя по месту падения его самолёта, шли они на Вязьму. Немецкие лётчики, после появления самолета Радчука и моего самолета, взлетели на перехват. Прямо на них и летел Анисимов, которого немецкие истребители атаковали. Экипаж погиб.

Со штурманом Сверчковым мы не поладили, и он подал рапорт с просьбой перевести его в транссибирскую перегоночную группу, который был удовлетворен. Стрелки-радисты оказались «чужими», и мне нужно было собирать новый экипаж.

В штабе сказали, что резервных штурманов нет. Адъютант эскадрильи старший лейтенант Василий Земсков был штурманом. Когда я предложил Земскову летать, решение его было мгновенным: «Готов!» Штурманом он оказался великолепным.

Нашлись и отличные стрелки-радисты - Николай Чернов и Алексей Неженцев.

В начале февраля мы уже возвращались с бомбардировки Дорогобужского моста (который отлично накрыли), как вдруг нас обстрелял «Мессершмитт-109», прежде чем мы скрылись в облаках. К счастью, он промахнулся.

Вскоре опять обозначилось чистое небо, но это была уже наша территория, заметив сбоку звено наших барражирующих истребителей «И-16», мы вообще почувствовали себя в полной безопасности. Тройка плавно приблизилась и стала пристраиваться к нам.

Мы дали условный сигнал «я свой» - покачали крыльями и пустили ракеты. И вслед за этим они начали наш самолет обстреливать. Я крикнул стрелкам: «Дайте по ним очередь!» А сам, прижавшись спиной к бронеспинке, резко перевел машину в глубокое пикирование до самых верхушек леса. От нашей пулеметной очереди «ишаки» разлетелись в стороны, а затем бросились за нами в погоню, стреляя с дальних дистанций, но все мимо. Когда мы перешли на бреющий полет, они отстали.

Ребята мои не пострадали, но машину после посадки пришлось заруливать к ремонтной мастерской - залатывать дырки.

В конце января ко мне подошел комиссар Цыкин.

- Ты в партию думаешь вступать?

- Я только в начале войны стал кандидатом.

- Разве ты не знаешь, что отличившимся в боях кандидатский стаж может быть сокращен?

- Так то отличившимся...

- Тебе пора подавать заявление.

Никак не думал, что это меня касается.

Я тут же написал заявление и был принят.

Поздно вечером командир поставил задачу бомбить укрепрайон у Ржева. Утром был туман, падал снежок. В районе цели погода была не лучше. Пришлось ждать. Но вот с КП запущены зеленые ракеты - сигнал на взлет.

Под нижней кромкой облаков идти было невозможно - временами так прижимало, что мы теряли землю. Вышли за первый слой. Нигде ни просвета. Идем по расчету времени. Последняя расчетная минута - пора вниз, к Ржеву. С полутысячи метров сквозь облака стали просматриваться сосновые кроны.

Мы намеренно пересекли железную дорогу, идущую на Москву, точно определили свое место и пошли в сторону Ржева. Наконец Земсков дал правый разворот, и мы легли на боевой курс. Высота 600 метров. Прямо над нами облака.

Подлетаем к городу. В этот момент на нас обрушился огонь зениток!

Чернов и Неженцев били из пулеметов длинными очередями с обоих бортов, но огонь немцев только нарастал.

Земсков всё видит не хуже меня, но его это как будто не касается. Слышу долгожданное «сброс» и чувствую, как от самолета отрываются бомбы. Чуть доворачиваю вправо и сразу тяну вверх, в облака. Стрелки и штурман успели засечь взрывы бомб в скоплении танков.

- Отлично! - ликует Земсков. - Врубили им разок.

И с небольшой паузой:

- Делаем еще один заход.

Я похолодел:

- Ты с ума сошел!

Опять иду под облака, строю маневр и ложусь на боевой курс. Зенитный огонь стал еще более плотным. Мы шли с максимальной скоростью. Чернов и Неженцев достреливали последние патроны - беречь их нечего, поскольку в такую погоду истребители находятся на земле. Земсков дает довороты.

- Сброс! - кричит он. - Закрываю люки! Уходи, командир!

Облака прямо над нами. Скорее туда! Тяну штурвал на себя, машина лезет вверх, но, как назло, влетаем в рваный слой облаков и на мгновение снова оказываемся в зоне видимости зенитчиков. Казалось, что мы застыли на месте, и в нас, как в мишень, стреляют со всех сторон.

Но вот все осталось позади. Экипаж успел засечь взрывы бомб в скоплениях машин и танков. Там валил густой черный дым, виднелись языки пламени.

Вышли за облака, взяли курс домой. Пробоин прибавилось, но техника работала хорошо.

В один из дней майор Тихонов вызвал меня к себе и сказал: «Приготовь машину. Полетаем ночью в районе аэродрома».

Я ночью давно не летал, но деваться некуда.

Небо закрыли облака.

Задание было несложным - полеты по кругу. Первый из них я выполнил, с моей точки зрения, вполне прилично - выдержал высоту, скорость, хорошо зашел на посадку. Машину посадил аккуратно, почти рядом с «Т». Тихонов весь

полет молчал, а в конце пробега дал команду зарулить на стоянку.

На стоянке я обратился к нему:

- Разрешите получить замечания.

- Завтра пойдешь на задание ночью, - сказал он.

Я обрадовался и, догнав командира, спросил:

- Можно сделать несколько тренировочных полетов самостоятельно?

- Да-вай! - как-то лихо и врастяжку произнес он.

По количеству дневных боевых полетов я уже опередил в полку всех и ни разу не был сбит.

Я сделал еще три полета. Не так чисто, как тот, первый, но почувствовал в себе уверенность и готовность к ночной боевой работе.

Ставя очередную задачу, майор Тихонов сказал:

- Пойдешь в паре с Радчуком.

Не доходя до линии фронта, мы попали в облака. Огоньки ведущей машины из-за влажности стали расплываться, но были еще видны, а затем исчезли. В то же мгновение я отвернул в сторону, изменил высоту, выключил огни, а через некоторое время вернулся на прежний курс. Облака оказались не сплошными, и чем дальше мы уходили от линии фронта, тем становились реже. Внизу стала просматриваться земля, и по изгибам рек, направлениям крупных дорог мы уточняли свое местоположение.

География окончательно прояснилась - вот видна Вязьма, просматриваются Орша, Могилев. Но мы поворачиваем на Смоленск, нам туда.

Подходим к железнодорожному узлу и ложимся на боевой курс. Лучи прожекторов высветили нас, открыт зенитный огонь. Снаряды рвутся так близко, что ощущается запах горелого пороха. Мы летим на постоянной высоте и скорости. Лучших условий зенитчикам для прицельной стрельбы не придумать. Лучи слепят штурмана, мешают прицеливаться, но цель он видит - там рвутся бомбы, сброшенные с других самолетов. Мы тоже сбросили бомбы на цель - все сразу.

28 февраля мы полетели на Оршу для нанесения удара по аэродрому Балбасово, где базировались немецкие бомбардировщики. На внешних замках под фюзеляжем висели ротативно-рассеивающие авиабомбы (РРАБ).

Но кроме РРАБов, внутри наших люков висят еще стокилограммовые фугасные бомбы. Придется делать два захода - слишком большая разница в углах прицеливания.

Оршу, ее аэродром и железнодорожный узел, уже бомбили не раз, и огневая защита этого района от налета к налету усиливалась. Мы подошли с запасом высоты и, как условились, на приглушенных моторах перешли на снижение. Расчет не удался. Я слишком рано потерял высоту, скорость упала до опасно малой. Пришлось дать мотору полные обороты и выходить на цель напролом.

Нас обнаружили поздно, и огонь из зениток был довольно рассеянный. На стоянках в разных углах аэродрома были видны пожары. Полк уже заканчивал бомбежку. Второй заход мы сделали с другого направления.

Странно было сидеть в планирующем самолете. Вместо привычного гула слышалось шипение воздуха в винтах и крыльях. Мы вошли в зону действия зенитного огня. К точке прицеливания мы подлетали тихо. Земсков, давая поправки курса, даже перешел на шепот.

Всю серию бомб Земсков уложил по диагонали стоянки самолетов. На снегу, да еще с уже горящими самолетами, аэродром был хорошо виден. После второго бомбометания заполыхали новые очаги пожаров. Лучи прожекторов забегали беспорядочно и суматошно, в небе разрывались снаряды.

Мы снова снизились на минимальной скорости. Долго выползаем из зоны обстрела. Когда высота была около тысячи метров, мне показалось, что мы уже у самого предела опасной зоны, я резко дал газ и перевел винты на малый шаг. Моторы разом взревели, и тут же наш самолет был обнаружен, вокруг стали взрываться снаряды. Я бросал машину из стороны в сторону, увеличил угол снижения, чтобы еще добавить ей скорости, но лучи прожекторов, ложась все ниже и ниже, следовали за нами, а разрывы зенитных снарядов становились все ближе к нам.

И вдруг стрельба прекратилась, хотя мы всё еще были в лучах прожекторов.

- Чернов, - ору я. - Смотри за воздухом!

Глянул влево назад - и ахнул: над нами совсем рядом летел двухмоторный «Мессершмитт-110». Чернов опередил его, дав по нему длиннющую очередь из «шкаса». Но и немцы

успели выпустить пулеметные очереди, с грохотом впившиеся в нашу машину.

Круто, с резкой потерей высоты, делаю разворот влево. Даже обороты прибрал моторам, чтоб сократить радиус разворота. Но приборная доска уже разнесена в клочья, а на центроплане множество дыр. Когда земля оказалась рядом, я дал газ моторам, левый уже полных оборотов не давал. Нагрузка на руле высоты возросла неимоверно, и самолет задирался вверх. Но самое страшное было в другом - в передней кабине застонал Вася Земсков.

- Чернов, Неженцев, что на ваших приборах?

- Высота 200, скорость 240.

Ого, жить можно.

- Где истребитель?

- Горит на земле!

Действительно, сзади, за правым бортом, горел самолет. Ловко подбил его Чернов. «Мессершмитт-110» одной, даже очень длинной, очередью свалить трудно. Скорее всего, Николай убил пилота.

- Вася, что с тобой случилось? - спрашиваю Земскова.

- Я ранен в спину. Не могу подняться. У меня не двигаются ни руки, ни ноги. Бери курс восемьдесят! - по памяти дает он обратный курс на наш аэродром.

Магнитный компас, большой, как кастрюля, прибор в моей кабине стоит на полу рядом с левой ногой. Он цел, и я беру заданный курс. Потом смотрю на карту и соображаю, что если отвернуть градусов на 20 правее, туда, где линия фронта выпятилась ближе к нам, то мы сможем выйти на свою территорию, если дотянем, минут на 15 раньше. Это дальше от аэродрома, но ближе к нашим войскам. Так и сделал, пока была возможность - набирал.

До линии фронта 350 километров. На подбитой машине это почти полтора часа лету. Радисты регулярно давали высоту и скорость. За режим я был спокоен. Но сил, удерживать штурвал в наборе высоты, уже нет. Пришлось снять с педали левую ногу и коленом упереться в баранку.

Высота постепенно дошла до 4000 метров. Больше набирать не стал - Земскову будет трудно дышать. Ему и без того тяжко. Говорил он спокойно, пытался помочь мне советами, спрашивал об экипаже и машине. Я просил его не

волноваться, убеждал, что мы летим не хуже других и скоро будем дома. Полдороги прошли. И мне уже кажется, что теперь нам ничто не угрожает - впереди наш аэродром. Вот только перейдем линию фронта и довернем к нему, а там каких-нибудь полчасика...

Как бы не так!

Среди ровного и уверенного гула правый мотор вдруг задрожал, и тут же лопасти его винта перестали вращаться. Заклинился! Остался без масла. Значит, бак пробит.

Делать нечего. Чуть уменьшил скорость и перешел на медленное снижение с одним работающим мотором.

Радисты по-прежнему докладывали о высоте и скорости, но голоса их становились все глуше: вместе с правым мотором остановился и генератор. Теперь мы держимся на одном аккумуляторе, а он на морозе быстро садится.

Высота полторы тысячи метров, и тут фыркнул и стал останавливаться левый мотор. Бензин? Конечно, бензин! Мгновенно включил резервную группу и закрыл краны баков, на которых только что работал мотор. Мотор «зачихал», но уверенно заработал и потащил дальше. Топливные баки, выходит, тоже текут.

В резервных баках бензина совсем мало. Пробую еще одну группу. Мотор не глохнет. На ней и пойдем. Если линия фронта правильно нанесена на карте, то мы над своей территорией. Высота метров 400. Нужно готовиться к посадке. Под нами мелькают то лесные массивы, то широкие поляны. Вот на ближайшей поляне мы и сядем. Даю команду:

- Чернов, Неженцев - покинуть самолет!

Тяну самолёт дальше. Увидел впереди большое белое поле. За ним - снова лес. Туда уже нельзя. Высота не более двухсот метров. Шасси не выпускаю - можно перевернуться. Сядем на фюзеляж. Снизил обороты двигателя, включил фару, а она не светит. Придется приземляться «на ощупь». Под правым крылом промелькнула верхушка одинокого небольшого деревца. Земля рядом!

Выключаю мотор, подбираю штурвал на себя.

Снежный шквал с головой накрыл нас. Резкое и тряское торможение за несколько секунд. Потом - тишина. Медленно оседает снег. Ясная лунная ночь. Вокруг - никого.

Через верхний люк, пришлось его выбивать, пролез к Земскову.

- Вася, куда ты ранен?

- Спина...

Распахиваю его комбинезон, чуть приподнимаю спину, забираюсь рукой под рубашку. Следов крови нет, но он парализован. Он спрашивает, где мы сели.

- Кажется, у своих.

Земсков умоляет меня:

- Застрели меня, Вася, прошу тебя, я все равно жить не смогу. А сам уходи. Иначе и ты пропадешь.

Я забрал у него, от греха подальше, пистолет, обоймы, переложил в свой карман, успокоил его. Потом расстелил парашют в кабине, удобно уложил Василия и решил заглянуть в кабину радистов за пулеметом. Но тут я увидел подходившего с левой стороны человека с винтовкой в руках.

- Стой, ты кто? - выскочил я из кабины, целясь в него из «ТТ».

Он сначала опешил, а потом спокойно сказал:

- Красноармеец я.

Солдат, несомненно, разглядел на киле и фюзеляже красные звезды и был уверен, что это советский самолет, потому так спокойно и держался.

Между тем к нам с трех сторон приближались на лыжах вооруженные люди. Это были конники кавалерийского корпуса генерала Белова. Мы вытащили Земскова из кабины. Связали две пары лыж, положили его и потихоньку повезли к деревне. Оттуда на полуторке его отправили в Мещовск, в полевой госпиталь.

Утром, перед уходом в свою часть, я пришел к нему. Успокоил его, как мог. Зашел к врачу.

- Долго не продержится, - слишком тяжелое ранение. И помочь мы ему не сможем. Будем вызывать санитарный самолет. Может, в Москве ненадолго облегчат его страдания.

Но в Москву лететь не пришлось. Вскоре в полк пришло извещение: старший лейтенант Василий Петрович Земсков скончался.

Чернов и Неженцев, порознь, где пешком, а где на попутных машинах и подводах, добрались до Серпухова. Нас уже не ждали, вещи перенесли в каптерки.

Новым штурманом моего экипажа стал старший лейтенант Алексей Васильев.

В сорок первом году Васильев воевал где-то на юге, на фронтовых бомбардировщиках, но экипаж погиб, а ему удалось спастись. Об этом он не любил вспоминать. А штурманом Васильев был хорошим.

Наконец и у нас есть своя машина. Новая!

Готовились к первому боевому заданию с Васильевым. О полете в районе цели с приглушенными моторами на малой скорости, да еще с коротким боевым путем, он и слушать не желал. Но я настоял на своем, и он сделал расчет для первой цели, на которую мы шли вместе, на узловую станцию Дно.

Зашли мы со стороны Ильменя. Станция уже горела. В мощном, но разбросанном зенитном огне, среди лучей прожекторов нам удалось тихо подойти к цели, нанести удар и, лавируя между лучами, незаметно уйти.

Часть бомб Алексей сбросил на железнодорожные составы, а последние бомбы упали на какие-то постройки. Там что-то вспыхнуло.

- Похоже, наткнулись на горючее, - произнес он.

Васильев до сброса бомб каких-либо признаков сомнения не подавал, но после закрытия люков вскипел, стал торопить меня:

- Какого черта ты тут крутишься, уходи скорее!

- Терпение, Алеха, терпение, не то все испортим.

Выбрались благополучно. По самолету не было сделано ни одного прицельного выстрела.

В мудрость бесшумного захода на цель Васильев, кажется, поверил.

География наших ударов расширялась. Из ночи в ночь бомбили железнодорожные узлы - Псков, Брянск, Смоленск, еще и еще Брянск, Харьков... Совершали налеты дивизиями. В небольших промежутках наносили удары по аэродромам бомбардировщиков в Луге и Орше.

В конце апреля по станции Старая Русса Васильев сбросил с наружных замков три полутонные бомбы, а две стокилограммовки, висевшие на внутренних замках и предназначенные для второго захода, тоже слетели, но не выпали, а упали на чуть приоткрытые створки бомболюков.

Контровочные вилки с взрывателей вырвались, предохранительные ветрянки под напором встречного потока воздуха, сифонившего в щели, свинтились. Достаточно малейшего толчка, чтобы бомбы, чуть скользнув вперед, ткнулись в переднюю стенку и взорвались. Что делать?

Мы пронеслись раз, другой над целью в надежде освободиться от кошмарного груза, но створки не открывались. Взяли курс домой, и, пока под нами была территория противника, изо всех сил нажимали на рычаги открытия бомболюков. Все тщетно!

- Ребята, - говорю радистам, - бомбы надо закрепить, чтобы они не выпали во время посадки или не заскользили вперед.

Чернов и Неженцев, карабкаясь по отвесным конструкциям фюзеляжа под ледяным ветром, пробрались к бомболюкам. Они положили самолетные чехлы между бомбами и закрепили их стропами от чехлов и тросами, которые были в инструментальном ящике.

Удержится ли все это при приземлении? Нужно сесть как можно мягче. А тут новая проблема: наш аэродром накрыло туманом, и нам дали команду идти на запасной в Раменское. Я предупредил, что в люках нашего самолёта сорвавшиеся с замков бомбы, что во время посадки я обозначу наш самолёт миганием бортовых огней и ракетами.

Во время приземления нам никто не мешал. Радисты были у бомб, удерживая их за лямки и шлейки. Машина катилась по взлётной полосе плавно и долго, к тормозным педалям еле прикасался. В конце пробега, когда скорость угасла, я отвернул вправо, чтобы не мешать другим лётчикам приземляться, прокатился в удаленное место и остановил машину.

«Невидимки»

Ночью на маршрутах и над нашими аэродромами иногда летали одиночные немецкие самолеты, которые с выключенными бортовыми огнями незаметно вклинивались в строй между нашими самолетами, идущими на посадку. В одну из ночей, когда я заходил на посадку на Раменский аэродром, удерживая на кругу посадочную дистанцию за

впереди идущим самолётом, рядом с ним, справа, откуда-то появился силуэт ещё одного самолета. Идет и прижимается влево. Но почему без огней?

И вдруг с этого самолета по моему лидеру открыли огонь. Он, видимо, был наготове и сразу открыл ответный огонь. Мои стрелки тоже начали стрелять в «невидимку». На кругу мгновенно погасли все бортовые огни. На старте выключили посадочные прожектора. В темноте оказались десятки машин. Только бы не столкнуться!

Через минуту аэродром снова ожил, и все поочередно пошли на посадку. Немца здесь мы больше не видели, но он появился на другом аэродроме, где обстрелял посадочные прожектора и атаковал два экипажа.

Тот же или другой, однажды все-таки поплатился, когда охотился на кругу за нашими самолетами. Его на своем «Ил-4» подстерег лейтенант Коровицын и открыл по нему огонь. Немецкий самолет был сбит.

В начале июня 1942 года над серпуховским аэродромом «Мессершмитт-110» атаковал самолет майора Ломова. Тот увернулся и на бреющем полете ушел на другой аэродром. Затем немец атаковал самолет Цыганкова и сбил его.

А Бронников не обратил внимания на самолет, идущий за ним по пятам. Идет, ну и пусть идет. Не он один, Бронников, шел с боевого задания, возвращался целый полк.

У границ аэродрома «ведомый» подтянулся метров до ста, выключил огни и открыл огонь. Это был «Мессершмитт-110»! Самолет Бронникова завалился на крыло и рухнул на землю.

Знал ведь, Бронников, как «проверять документы»: заметил привязавшегося попутчика - отверни покруче в сторону. Если тот потянется за тобой – немец!

Немцы, летавшие по ночам над советскими аэродромами, по нашей терминологии - пиратствовали. Мы тоже применяли такую же форму боевых действий, но называли её «свободной охотой».

Добровольцы-охотники всегда находились. В лунную ночь, после выполнения боевого задания, командир кому-нибудь одному иногда разрешал отправиться на «свободную охоту».

Трофей

Однажды у нас на стоянке появился «Мессершмитт-110». Наш комдив Евгений Федорович Логинов настоял на передаче трофея ему. Вместо крестов нарисовали красные звезды, после чего Евгений Федорович немного полетал на нем и отдал Вячеславу Опалеву, летчику из братского полка. Слава по ночам вместе со своим штурманом Женей Окороковым выходил на «свободную охоту» к немецким аэродромам. Там он обычно становился в очередь за идущим на посадку самолетом и, когда тот, включив фары, весь был поглощен предстоящей посадкой, атаковал его сверху. Горящий немецкий самолет тут же падал на землю, а Слава исчезал.

Он предусмотрительно летал на разные аэродромы, и ему удалось сбить немало машин. Если немцы требовали переговорных «квитанций» или подачи условных сигналов, то Слава шел на другой аэродром или вместо воздушной атаки начинал штурмовку самолетов на земле.

Однажды на рассвете, возвращаясь домой с очередной удачной «охоты», он попал в районе Тулы под обстрел наших зенитчиков, которые сбили его с первого залпа.

Опалев снова стал летать на «Ил-4». Ночью 1943 года, возвращаясь с боевого задания на подбитой машине с горящим мотором, постепенно теряя высоту, он сумел перетянуть линию фронта и, скользя почти над самой землей, приказал экипажу покинуть самолет, намереваясь оставить его последним. Но по курсу возможного падения самолета вдруг увидел деревню, и пока он ее перетягивал, высоты для прыжка не хватило. Там и похоронили его - на берегу речки Белички, у деревни Машкино в Курской области.

Авиация дальнего действия

В марте 1942 года дальнебомбардировочная авиация, в состав которой входила и наша дивизия, была преобразована в авиацию дальнего действия (АДД).

Командир полка определил экипажи для боевых действий во всех погодных условиях на полный радиус полета. Список возглавил майор Тихонов со своим экипажем. Семнадцатой, последней, значилась моя фамилия.

Первой целью был гитлеровский командный пункт в Ангербурге - небольшом городке в Восточной Пруссии. Вечером 27 мая мы поднялись с Кратовского аэродрома.

Тихонов отобрал на задание наиболее опытные экипажи, но не все смогли дойти до цели через грозовые тучи.

Бомбежка оказалась неудачной, с большим разбросом. Очень трудно было обнаружить цель, точное место которой не знали даже разведчики.

Взрывы бомб, сброшенных с других самолетов, сбивали с толку, очень хотелось сбросить туда и свои. Васильев менял курсы, но вдруг увидел что-то похожее на цель, вывел нас на боевой курс, и мы сбросили бомбы.

На свою территорию мы выбирались полночи. Рассвет начался раньше, чем мы дошли до линии фронта.

Второй час прошел, а под нами все тот же туман, Васильев нервничал: ему не за что было зацепиться для ориентира.

- Да туман ли это? - спросил он меня.

Я тоже засомневался.

Спустились к верхней кромке. Высота 800 метров.

- Это туман, Алеша. Настоящий туман.

- А ты проверь, проверь, может, это и не туман.

Уж очень ему хотелось взглянуть на землю.

- А превышение?

- Нет тут превышения! - ответил Алексей.

Предупредил экипаж - смотреть во все глаза за землей. Поставил плавное снижение, метра 2–3 в секунду. Идем в густом молоке. Высота все меньше и меньше, но до ста метров, ниже которых я не собирался снижаться, еще далеко. В кабинах настороженная тишина. Не свожу глаз с приборов. Вдруг стало резко темнеть и почти хором все закричали: «Земля!»

Мы еще в хлопьях тумана, а внизу уже мелькали кроны деревьев. Превышение все-таки было, и немалое! Я даю полный газ и тяну взревевшую машину в набор высоты.

Знал ведь я, чем кончаются поиски земли под туманом, а вот поддался. Васильев тут, конечно, ни при чем.

Туман, наконец, стал рассеиваться. Васильев напрасно волновался - мы никуда не отклонились. Москву обогнули с востока и вышли на свой аэродром.

После нас приземлилось еще несколько экипажей. В воздухе оставались только двое - Казьмин и Тарелкин. Я спросил о них у наземных радистов. Они сказали, что связи с Казьминым нет, а Тарелкин запросил запасной аэродром из-за отказа мотора.

К лету положение на фронтах было настолько тяжелым, что наша АДД не только бомбила удаленные военные объекты, но и наносила удары по войскам на переднем крае.

Цели назначались малоразмерные. Наши войска обозначали себя кострами и ракетами. Бомбили с небольших высот, поэтому для зенитной артиллерии противника были легко досягаемы.

Досталось как-то и мне. В мае после бомбардировки железнодорожного узла в Харькове загорелся левый мотор моего самолёта. Ночь была темная, с мотора хлестало пламя, слепило и не давало ничего распознать вокруг. Нужно было садиться как можно скорее.

- Алеша, - сказал я штурману, - выводи на Воронеж, а аэродром я с закрытыми глазами найду.

Наконец я увидел контуры города и с ходу пошел на посадку, еще не видя полосы. Приземлился наугад. Оказывается, после отражения вечернего налета немцев на город, аэродром до утра был закрыт. Но на стоянках оказались техники, которые помогли погасить пожар.

В начале лета 1942 года у деревни Паханок под Курском немцы сосредоточили танки. Командир полка, ставя задачу на их уничтожение, сказал мне:

- Пойдешь первым. Отыщешь рощу и обозначишь ее РРАБами с зажигательными бомбами. Штурманом будет у тебя капитан Дубяго. САБов не будет. Обстановку уточните у начальника разведки.

Разведчики на крупномасштабных картах обозначили крестиком рощицу у деревни. Выбрав опорные ориентиры, мы были готовы к вылету.

На внешних замках - РРАБы, внутри - бомбы. Радисты, как это делали они уже не раз, на всякий случай взяли с собой в кабину пару восьмикилограммовых осколочных бомб АО-8. Когда впереди вдруг вспыхивали лучи немецкого прожектора, наш штурман давал команду, и радисты через створки нижнего входного люка сбрасывали бомбу на прожектор.

На Паханок вылетели засветло и в сумерках вышли на цель. Сопоставили с картой окружающие ориентиры - сомнений быть не могло: перед нами та самая рощица, где должны стоять танки. Но там ни малейшего признака жизни. Вот-вот подойдут наши бомбардировщики, а цели нет. Нервы были на пределе. Ругаюсь и уже ничему не верю. Теряю высоту, кручусь над рощицей. Не сводя с нее глаз, хорошо различаю кроны деревьев, но под ними - мертво.

- Неженцев, - сказал я стрелку-радисту, - приготовь-ка свою бомбу!

Иван Лаврентьевич подправил курс к центру предполагаемой цели, и бомбочка, по его команде, так, на всякий случай, полетела вниз.

Немцы все-таки дрогнули - не выдержали взрыва одной несчастной бомбочки!

Что началось! Из этой рощи в одно мгновение лавиной взметнулись к нам десятки зенитных трасс.

- Уходи, Вася, уходи скорее! - закричал Лаврентьич.

РРАБы сбрасывать было нельзя: высота для них слишком мала, не успеют раскрыться. Поднялись на нужную высоту - 1500 метров. И уже вместе с другими самолетами разбомбили танковую стоянку. Зенитный огонь немцев теперь был хорошим целеуказанием для всех наших бомбардировщиков.

На наших глазах рощица преобразилась: из нее валил дым, вырывались языки пламени. После второго захода от сброса зажигательных бомб образовались новые очаги пожаров.

Рощицу у деревни Паханок мы бомбили еще два раза, вперемежку с ударами по такой же танковой группировке у деревни Фроловка под Мценском.

Страшнее гроз только грозы

В ночь на 21 июля я шёл на Кенигсберг. Под вечер пересекли линию фронта севернее Великих Лук и углубились на территорию, занятую противником.

Мы шли на высоте 4500 метров. Впереди обозначилась черная стена грозовых облаков. Она возникла сразу за линией фронта, гораздо раньше чем нам обещали синоптики.

Мы продолжали идти по курсу. Самолет стало бросать из стороны в сторону. Броски становились все более опасными. Я смягчал их рулями, как только мог. После почти полукилометрового броска к земле, машина резко взмыла вверх, раздался металлический треск, моторы «захлебнулись», а в кабине закрутился конец оборванного троса. На штурвале исчезли нагрузки.

- Прыгать, всем прыгать! - заорал я по СПУ.

Самолет падал. Открыв фонарь, я с трудом перевалился через правый борт самолета.

Приземление было жестким - в лесное болото. Пошевелил руками, ногами – цел! Вокруг - темень. Идет дождь. Парашютный купол повис на ветках.

Рядом оказался поваленный ствол. Подтянулся к нему, вылез на твердое место. Освободился от парашютных лямок, стянул купол и утопил его в болоте.

Я был в унтах и меховом комбинезоне. Под ним солдатская гимнастерка без знаков различия и брюки. В карманах лежали часы, нож, компас и спички. На ремне брюк закреплена кобура с пистолетом «ТТ».

Сориентировался по компасу и пошёл на восток. В грозовых отсветах увидел деревню. У леса была небольшая изба, куда я и зашел. Здесь жил старик со своим внуком.

Степан Петрович рассказал мне, что деревня называется Чернушки, немцев в ней нет, но наши иногда заходят, хотя чаще всего приходят в Рассвет или Брутово.

Я все не мог понять, каким образом в этих местах бывают наши.

Я спросил у Степана Петровича, нет ли у него хоть какой-нибудь обуви и одежды в обмен на комбинезон, унты, гимнастерку и бриджи. Он смог найти только пару разбитых, моего размера, башмаков. Комбинезон и унты Степан Петрович бережно сложил, обернул тряпьем и запихнул под трубу.

Он показал мне дороги в деревни, где иногда, по его словам, бывают «красные». Деревня Брутово находилась справа за лесом, и идти к ней нужно было через мост. Это опасно. Деревня Рассвет была хорошо видна впереди. К ней по открытому полю напрямую вела проселочная дорога, а по дуге слева ее охватывал лес.

Я попрощался со стариком и сразу сошёл с дороги в лес.

Уже за полдень подошел к деревне Рассвет.

Не выходя из леса, я долго наблюдал за деревней. Люди в деревне были - кто-то прошел по улице, кое-где работали во дворах.

Я направился по узкой тропинке к ближайшему домику.

В доме оказались две женщины и девочка лет пятнадцати. На мое «здравствуйте» - никакого ответа.

Вдруг за окном, что было ближе к двери, мелькнула тень.

- Дядя Ваня! - произнесла девочка.

На пороге замер, глядя на мой чуть приподнятый пистолет, младший лейтенант. Я опустил пистолет и положил его на лавку. Младший лейтенант шагнул в комнату.

Это был командир взвода 953-го стрелкового полка 3-й ударной армии Сафонов. Я рассказал командиру обо всем случившемся.

Сафонов, несмотря на то что у меня не было документов, мне поверил.

- Помогите мне перейти линию фронта, - попросил я его.

- У нашего взвода есть боевая задача. Мы должны идти дальше.

- Тогда возьми меня с собой.

Взвод растянулся по дороге. Мне показалось, что он идет вразброд, неорганизованной толпой, но потом я стал различать группы боевого охранения.

Через некоторое время у меня распух и разболелся левый коленный сустав. Пришлось взять палку и дальше идти, опираясь на неё. Болели и ребра. Но шел я со взводом не отставая.

В этих лесистых местах, в немецком тылу, наши подразделения вели диверсионные действия: то расстреляют фашистский гарнизон или уничтожат колонну войск, то разгромят станцию со всеми ее эшелонами, и обратно, к своим, за линию фронта. На этот раз стояла задача уничтожить немецкий штаб в Юхове.

Снова пошел дождь. В сумерках, изрядно промокшие, мы вышли к реке Локня и в небольшом заброшенном хуторе остановились на ночлег.

Дождь лил несколько дней. Бой в такую погоду мог оказаться для взвода безуспешным. На четвертый день

вечером на хуторе послышались оклики дозорных постов, оживленные голоса, и в комнату, где находились Сафонов и я, вошел старший политрук.

Старший политрук Станкевич привел батальон. Поговорив со мной, он сказал:

- Бой будет тяжелым, потери неизбежны, и я не имею права рисковать жизнью боевого летчика. Ты гораздо нужнее там, в самолете, в своем полку. Завтра тебя переведут через линию фронта.

К вечеру следующего дня два пожилых солдата, назначенные моими проводниками, привели меня к берегу Ловати. Увидев густые и высокие заросли на той стороне, солдаты подали свистом условный сигнал. Вскоре на лодке мы переплыли на нашу территорию.

На другой день в штабе авиации 3-й ударной армии меня подробно расспрашивали, что со мной произошло. Среди авиационных командиров, рядом с их начальником полковником Абаниным, по манере задавать вопросики, угадывались работники особого отдела контрразведки «СМЕРШ» (аббревиатура означает «смерть шпионам»). Хотя они мне и поверили, но отпускать в полк не торопились.

В сарайчике, куда меня отвели на ночлег, был еще кто-то.

- Вот с ним и будешь ночевать! - сказал мне солдат. - Его только что привели сюда. Говорит, тоже летчик.

Это был лейтенант Иван Душкин, летчик из братской дивизии дальних бомбардировщиков.

Утром нам выдали документы. Через двое суток добрались до станции Бологое, а затем на поезде приехали в Москву.

Из штаба АДД Душкин уехал на легковой машине в Монино. За мной командир прислал самолет «У-2».

Когда мы прощались, Ваня снял свой командирский ремень и отдал мне, взяв на память мой, солдатский.

Встреча в полку была шумной. Из комнат высыпали летчики, штурманы - и ровесники, и старшие командиры.

Среди собравшихся не было Николая Тарелкина. Я спросил о нем. Сказали, что 23 июля Тарелкин бомбил войска у переправ через реку Дон недалеко от Ростова и не вернулся.

В комнате общежития, где прежде жили мы с Василием, стояли голые койки. Чемоданы хранились в каптерке, а документы в штабе. Полковой врач Мацевич обнаружил у меня трещины на двух ребрах. Командир полка приказал отправить меня на пару недель на лечение.

После лечения я прибыл на аэродром, находившийся у города Гусь-Хрустальный.

Штурманом моего экипажа стал Петр Степанович Архипов. Когда я собирал экипаж, вернулся Николай Митрофанов. Он был зачислен ко мне стрелком-радистом. А стрелком в моём экипаже стал молоденький Вася Штефурко.

Первый наш боевой вылет был на железнодорожный узел города Вязьма.

Берлин сорок второго

Командующий АДД около двухсот экипажей направил на бомбардировку Берлина, Будапешта, Бухареста, Варшавы, Штеттина, Кенигсберга и Данцига.

Стоял жаркий август.

Сначала я должен был бомбить Кенигсберг. Город был виден плохо, мешали прожекторы. Наши «осветители» из-за грозы долетели к нему не все. Но мой штурман цель нашел быстро и сбросил на нее бомбы.

По-иному было над Варшавой. Под десятками САБов, висевших целыми гроздьями, город был хорошо освещен. Немецкая зенитная артиллерия била наугад и вразброс, не видя целей.

Архипов вывел меня на боевой курс - к центральному вокзалу. Его пути, забитые немецкими составами, после сброса бомб с других самолетов, еще просматривались сквозь пелену огня и дыма. Там упали, просверкав белыми огнями взрывов, и наши бомбы. Ушли спокойно.

Будапешт не обороной был страшен. На обход грозы мы потеряли очень много времени, и теперь я думал только о том, удастся ли дотянуть хотя бы до своей территории. Бензина в баках уже давно осталось меньше половины. К Будапешту еще минут 20, да разворот, да к этой точке, где я сейчас, тоже 20.

Нет, дальше ни шагу! Резко разворачиваюсь на обратный курс и кричу штурману:

- Петя, лучше не дойти до Будапешта, чем до линии фронта! Ищи другую хорошую цель!

- Командир, где я тебе найду хорошую? А те, что есть, они и наших бомб не стоят. По пути будет Ковель.

Да, он прав. Я не перестаю щелкать бензиномером и считать километры, минуты и литры. Хорошо бы освободиться от бомб, но они уже предназначены для Ковеля. Там узел железных дорог, по ним с запада на юг и восток немцы переправляют эшелонами свои войска и технику.

Наконец Ковель. Здесь мы сбросили бомбы и стали легче на целую тонну. Страхи постепенно улетучились. Днём, с последними литрами горючего, сели у себя дома.

В тот день только Вихорев, Лукиенко и Душкин не пришли на свои аэродромы. Истратив на обход гроз слишком много времени, Душкин все-таки пошел на Будапешт, но ему не хватило бензина, чтобы дотянуть даже до линии фронта. Приземлился он в белорусских лесах на фюзеляж и объявился в полку через месяц вместе с экипажем. Вернулся и Вихорев, а Лукиенка вызволили из плена только в конце войны.

Готовился новый удар и по Берлину, и по Будапешту в ночь на 10 сентября. Погода в пути на обе столицы ожидалась трудной, и старшие командиры метались, переставляя экипажи в своих плановых таблицах с объекта на объект. Мне снова достался Будапешт.

На рассвете, подвесив в люки бомбы, мы ломаными курсами, обходя города и деревни, прижимаясь к земле, мчались к фронтовому аэродрому Луга, под Торопцом, и там, после посадки, рулили к лесу, разворачивали машины хвостами к зарослям и на руках заталкивали их под зеленые кроны, маскировали сетями и ветками. Техники заправляли баки, ввинчивали взрыватели.

Над аэродромом появились немецкие разведчики. За ними устремились наши истребители. Потом все исчезли. Сидели тихо, носа не показывали. Жара стояла не по сезону.

Наконец-то пора. Обливаясь потом, натянули на себя, поругиваясь, меховые комбинезоны и унты. Взлет по времени. Никаких сигналов. Из лесных укрытий один за другим

выруливали, ревя моторами, до отказа груженные бомбардировщики.

Густая пыль подтормаживает интенсивность взлета. Экипажи торопились в воздух - над нами снова кружили немецкие разведчики. На старте увидел красный флажок. По крылу к кабине подошел кто-то из штабистов, проорал в ухо:

- Вам на Берлин! - и скатился вниз.

В тот же миг по курсу взлета вижу белый флажок. Даю полный газ, отпускаю тормоза. Бежим долго, подпрыгивая и качаясь на буграх. Скорость растет медленно.

- Петя, - наконец говорю штурману, - нам на Берлин.

Архипов по этому поводу высказал замысловатую фразу и начал разматывать карты. Их у нас - на любой случай.

В этом районе нас должны прикрывать истребители, но их нигде нет. Оно, может, и к лучшему - не перепутали бы с немцами. Над территорией, занятой противником, кое-где постреливают зенитки.

Наш маршрут лежал через Литву к береговой черте, затем, с небольшим изломом влево, Балтийским морем к точке южнее острова Борнхольм и мимо Штеттина - на Берлин.

Не только над Прибалтикой, но и над Балтийским морем - грозовой фронт. Самолет шёл в жесткой болтанке.

Настроиться на немецкие радиостанции не удается - они еще далеко, а может, и не работают. По расчетам - береговая линия. Ориентиров нет, идем на ощупь. Поднялись выше, летим в кислородных масках.

Вскоре начали поблескивать звезды, и Петр Степанович настроил секстант. Точность звездных вычислений невысока, но в пределах допустимых отклонений мы идем правильно. Радистам задач не ставлю, нам в эфир выходить нельзя.

Над морем с непривычки почудилось, будто сменился тембр звука моторов. Я прислушивался к ним, всматривался в шкалы приборов. Стрелки замерли. Моторы работали ровно.

Высота около 6500 метров. Справа опять зарницы. Постепенно входим в рваные, а затем и в плотные облака. Включил фару, чтоб осмотреться. Идет снег. Не хватало обледенения! Следим за кромками крыльев и оперения.

Прошли Борнхольм. Впереди слева виден Штеттин. Мы обошли его стороной. Последняя прямая. Берлин еще далеко.

Мы шли с потерей высоты. Вероятность прямого попадания меньше, чем от поражения взрывом. На пяти тысячах потянули по горизонту. Ниже нельзя - можно нарваться на аэростаты.

Стал виден Берлин. Там, внизу, поблескивали взрывы, кое-где полыхали пожары. Петя Архипов у прицела. Слышны его команды: «Пять влево, три вправо». На последней команде замираю. Машина в зоне плотного зенитного огня. Сброс!

Наши бомбы рвались вдоль станционных сооружений. Резкая вспышка, а потом яркий всплеск пламени. Лучи прожекторов потянулись и к нам. На нашем пути оказалась небольшая зона облачности, прошли над ней, выбирались, сопровождаемые беспорядочным зенитным огнем.

За кольцом зенитного обстрела сзади нас появилась пара немецких истребителей. Мы шли ломаными курсами, меняли высоту. Но они шли за нами, не отставали. Когда дистанция сближения стала опасной, круто и со снижением мы развернулись им навстречу. «Сто десятые» проскочили мимо, потеряли нас и исчезли в темноте. Мы снова взяли прежний курс.

Рассвет начался до того, как мы подлетели к линии фронта. Чтобы нас не увидели фашистские истребители, мы перешли на бреющий полет. Когда промелькнула линия фронта, снова перешли в набор высоты. Митрофанов затребовал аэродром. Наш аэродром был закрыт туманом. Дали Калинин, там и сели.

Самолётов на стоянке собралось много, поскольку закрыт был не только Серпухов, да и горючее в баках оказалось у всех на исходе.

Умолкли моторы. Мы покинули кабины.

Когда наш полк завершил посадку, выяснилось: нет Ломова. Он передал о выполнении задания, об отказе мотора и больше на связь не выходил.

Июнь 2015 года

Продолжение следует

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Соколов Антон Вячеславович,*** *студент Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Рунов
Борис Александрович

Сопротивление бесполезно, вы будете уничтожены

(продолжение, начало в 1-м томе)

Когда жизнь «висела на ниточке»

Я родился 24 мая 1925 года в поселке Жуковка Богородского уезда Московской губернии. По национальности - русский.

В апреле 1943 года я был призван в армию и направлен в военно-инженерное училище, расположенное в городе Болшево Московской области.

Жизнь в училище была тяжелой. Особенно не хватало продуктов питания. Молодые 18-летние ребята вынуждены были делить хлеб за столом так, чтобы было справедливо всем. Один отворачивался, а другой, показывая кусок хлеба, просил назвать, кому он достанется. Радостью был наряд на кухню. Но после этого наряда у многих болели животы, расстраивались желудки. Мать приезжала навещать меня, привозила хлеба и картошки.

Жизнь в училище научила многому, а главное - заповеди: сапер ошибается в жизни только раз. Много раз потом в боевых условиях попадал в тяжелые переплеты, когда жизнь «висела на ниточке», и только благодаря тщательной проверке

удавалось остаться живым. Особенно рискованно было разминировать немецкие мины с хитрыми взрывателями. В конце войны мы широко использовали против немцев их же мины, атаковали немецкие танки и бронетранспортеры их же фаустпатронами.

Обучение в училище велось по сокращенной программе. Курсанты в основном были со средним образованием. Школу-десятилетку пришлось окончить без выпускных экзаменов, так как в апреле 1943 года был призыв в ряды Красной Армии, и нас аттестовали по четвертным отметкам.

Московское военно-инженерное училище, расположенное в городе Болшево Московской области, имело большую славную историю.

В нашем батальоне была рота курсантов-офицеров, которые получали инженерное образование, но уже побывали на фронте. Мы многому учились у них. В училище с них временно сняли погоны лейтенантов и капитанов, как и мы, они носили погоны курсантов. Потом, когда они окончили курс обучения, им снова вернули их погоны. Учеба им давалась тяжело, и не столько учеба, сколько порядок в училище. Он их тяготил.

Окончание училища было отмечено торжественно, с вручением нам погонов младших лейтенантов, с наставлением и напутствием начальника училища.

После окончания училища я был направлен в действующую армию и после месячного пребывания на фронте принял первое боевое крещение на Сандомирском плацдарме. В одном из боев я был тяжело ранен осколком танкового снаряда в правую ногу. Осколок глубоко вошел в бедро, раздробив при этом кость.

В детстве мать мне сказала, что я родился «в рубашке».

Воевал всего около года, но опасных эпизодов на фронте хватало.

Мы строили мосты большой грузоподъемности, под 60 тонн, для прохода по ним танков и тяжелых самоходных орудий.

В 1-м томе мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» есть мой рассказ о строительстве мостов через реку Нейсе и реку Эльба весной 1945 года для переправы наших танков, а также как под Берлином я взял в

плен 700 немцев, за что мне присвоили звание Героя Советского Союза.

Было еще несколько случаев. Например, когда немецкая фугасная бомба весом 200 килограммов в трех метрах от меня врезалась в землю и не взорвалась: кто-то нарочно или по ошибке не вставил в головку взрывное устройство.

Месяц спустя после окончания войны я разбился на автомобиле: врезались 12-тонным грузовиком в двухэтажный каменный дом. Меня с шофером из кабины вытаскивали с большим трудом, так как кабина была сильно искорежена, а у меня была переломана нога и рука.

Из армии демобилизовался в сентябре 1945 года по ранениям. Хотел поступить в Военно-инженерную академию - не приняли, не прошел медкомиссию. Поступить в Энергетический институт также не удалось, так как прием уже прошел, а терять еще год не хотелось.

Кто-то из соседей по Жуковке сказал об Институте механизации и электрификации сельского хозяйства. Я поехал в институт, и меня там, как фронтовика, приняли без экзаменов на факультет электрификации.

Учился в институте с 1945 по 1950 год, затем был аспирантом с 1950 по 1953 год. После аспирантуры работал ассистентом и доцентом до 1960 года. Затем работал секретарем комитета комсомола института, заведующим сектором сельскохозяйственного отдела ЦК КПСС, советником Посольства СССР в Канаде.

В 1970 году меня назначили заместителем министра сельского хозяйства СССР. На этой должности я работал 15 лет до дня ликвидации министерства в 1985 году.

В 1972 году я окончил Высшую школу управления при Совете Министров СССР, в 1973 году стал доктором сельскохозяйственных наук, в 1975 году - профессором, в 1988 году - академиком Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ, с 1992 года - Российская академия сельскохозяйственных наук), с 2013 года – академик Российской академии наук.

С 1985 по 1995 год работал в Госагропроме СССР, в ВАСХНИЛ был академиком-секретарем, затем начальником отдела внедрения науки и передового опыта в Российской

академии сельскохозяйственных наук. С 2014 года - академик РАН.

В настоящее время являюсь главным научным сотрудником Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки, профессором Российского государственного аграрного университета - МСХА имени К.А. Тимирязева (ТСХА). Продолжаю читать лекции студентам в ТСХА.

В апреле 2014 года был факелоносцем олимпийского огня «Сочи-2014» у стен Кремля в Александровском саду. Побывал на Северном полюсе с группой Героев Советского Союза.

Имею более 300 печатных работ, том числе 15 книг, монографий и брошюр. Одна из книг была переиздана в пяти странах, другая четырежды переиздавалась.

Награждён: званием Героя Советского Союза (1945), медалью «Золотая звезда» (1945), орденом Ленина (1945), двумя орденами Красной Звезды (1944, 1945), орденом Трудового Красного Знамени (1975), орденом Отечественной войны 1-й степени (1985), орденом «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени (2005), а также 30 медалями, среди них - «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», золотыми медалями Будзко и Тимирязева, «За освоение целинных и залежных земель» и медалями иностранных государств, почетными грамотами Президента Российской Федерации.

В 1975 году мне было присвоено звание Почетного солдата Советской Армии, а в 1995 году – звание Заслуженного деятеля науки и техники Российской Федерации.

Апрель 2015 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Кузнецов Олег Вячеславович****, студент Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Рыбалка
Виталий Викторович

Моя четвёрка сбила
пять фашистских истребителей

Я родился 14 апреля 1923 года в городе Харькове в семье москвичей. По национальности - русский, вероисповедание – православный. Член КПСС, с 1990 года - член КПРФ.

Родители: отец - служащий Народного комиссариата путей сообщения СССР, кавалер ордена Красного Знамени, полковник, артиллерист. Мать - главный врач больницы имени П.Б Ганнушкина. Оба - участники Великой Отечественной войны 1941-1945 годов.

Учился в школе №7 в Москве в Скорняжном переулке.

В 1939 году, в 9-м классе школы, я записался в аэроклуб Осоавиахима (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) Бауманского района. Одновременно с окончанием 10 классов школы в 1940 году завершил программу летной подготовки в аэроклубе, получив право самостоятельно управлять самолетом У-2.

Из-за желания стать военным летчиком я поступил в Борисоглебское военное авиационное училище. Аттестат авиаклуба давал право на прохождение ускоренной программы обучения.

Согласно приказу Народного комиссариата обороны в 1940 году школа стала носить имя В.П. Чкалова и выпускать пилотов в звании сержанта вместо лейтенанта, как было до

этого. По окончании училища мне присвоили звание сержанта. Я был направлен в действующую армию, в 122-й истребительный авиационный полк (ИАП) Западного фронта.

Ежедневно, до мая 1945 года, практически в любую погоду, я совершал боевые вылеты по обеспечению и поддержке войск, на воздушную разведку, воздушные бои, штурмовку, сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков. Были небольшие паузы в боевой работе: травмы и ранения, получение пополнения полка из-за неизбежных в боях потерь.

В сентябре 1941 года я уже участвовал в Московской битве.

Парад 1941 года

Мой 122-й истребительский полк должен был участвовать в параде на Красной площади 7 ноября 1941 года в составе 300 самолетов (92 самолёта из Московского военного округа, а остальные с фронта, в их числе и наш 122-й ИАП). Это было ответственным заданием.

Во второй половине 6 ноября, в условиях строжайшей секретности, мой командир ИАП полковник Николаев (герой войны в Испании) дал мне указание об участии в параде, о месте и действиях в строю. В случае появления врага он приказал не дать пройти ни одному фашистскому самолёту, приняв для этого все возможные меры – вплоть до тарана, что было показателем чрезвычайной серьезности.

Но неблагоприятные метеоусловия помешали проведению «воздушной части» парада.

Чудом спасшийся

В конце 1941 года, во время штурмового удара по вражеской колонне, рвущейся к Москве, мой самолет был сбит зенитной артиллерией. Оказавшись на территории противника, я стал пробираться в расположение наших войск. Ориентировался по гулу своих или вражеских самолётов. Я передвигался только ночью по лесам.

Иногда целые сутки приходилось пережидать вражеские колонны, зарываясь в снег под каким-нибудь деревом. Один

раз я наткнулся на немецкого автоматчика. Я успел выстрелить из «нагана», который всегда держал наготове. Немец упал, схватившись за живот, а я побежал в лес.

На исходе десятых суток в полубессознательном состоянии, с обмороженными ногами, я был обнаружен нашими войсковыми разведчиками в районе Истры и доставлен в расположение наших частей. Это было в ночь на 5 декабря 1941 года.

После лечения, по пути из госпиталя на фронт, заехал домой. Накануне моего приезда мать получила «похоронку» и, увидев меня, упала в обморок. Чуть больше часа побыв дома, я сказал, что нужно идти. Она была огорчена, но ответила спокойно: «В путь добрый, сынок. Иди».

Не числом, а умением

За активное участие в обороне Москвы я был награжден медалью «За Отвагу». На тот момент мне было 18 лет. Вскоре мне присвоили офицерское звание лейтенанта, а 122-й истребительный полк был награжден орденом Красного Знамени.

В 1943 году меня назначили командиром авиационной эскадрильи. За успешно проведённые бои получил правительственные награды, благодарности, в том числе благодарность Верховного Главнокомандующего товарища И.В. Сталина.

В мае 1944 года в армейской фронтовой газете было написано о жестоком бое. Заглавие гласит: «Не числом, а умением. Истребители Рыбалка сбили пять самолетов врага». В статье сообщалось о том, как группу из шести штурмовиков «Ил-2», под прикрытием четвёрки истребителей под моим командованием, атаковала большая группа истребителей «Мессершмитт-109».

В первой же схватке, отражая нападение, я и капитан Овечкин сбили по одному «мессершмитту». Атаки противника по штурмовикам следовали одна за другой. Но на их пути вставали истребители сопровождения. Мои лётчики сбили ещё два «мессершмитта». Продолжая бой, я в лобовой атаке поджёг ещё один. Таким образом, моя четвёрка летчиков,

сбила пять фашистских истребителей, не потеряв ни одного своего.

Моя группа благополучно вернулась на свой аэродром. Все летчики получили боевые награды.

Я участвовал в боях за освобождение Украины (1943-1944), Румынии, Венгрии и Чехословакии (1944) в составе 5-го смешанного авиационного Винницкого Краснознаменного орденов Богдана Хмельницкого и Суворова корпуса на 1-м, 2-м и 3-м Украинских фронтах.

Участник «Десяти сталинских ударов».

Я был награжден орденом Красного Знамени за успешное командование авиаэскадрильей во время проведения Львовско-Сандомирской операции. Награжден орденом Александра Невского. Дивизия, в которой я воевал, получила название «Львовская».

Венгрия

Осенью 1944 года – в начале 1945 года на территории Венгрии шли тяжелые бои.

В один из обычных боевых дней с аэродрома Ястребень взлетела возглавляемая мной шестёрка «Як-3», с целью сопровождения восьмерки штурмовиков. Штурмовикам «Ил-2» и прикрывающим их истребителям, чтобы пробиться к цели, надо было преодолеть завесу огня противника с земли и заслон из его истребителей. На подходе к цели я обнаружил четверку взлетающих истребителей противника. Сколько их было в воздухе - неизвестно, но что в воздухе будет жарко, поняли все!

Когда первый «Ил-2» уже начал обработку цели, на него бросилась четверка «фокке-вульфов». Мои истребители накинулись на врага. Уже горит один «фоккер» - замысел противника сорван. Друзья-штурмовики в безопасности и могут продолжать свою работу.

Но у противника было численное превосходство, его вторая четверка бросилась на нас, завязывался воздушный бой, в котором основной задачей оставалось обеспечение безопасности штурмовиков. Вот запылал и пошел к земле второй фашистский самолет.

Штурмовики «Ил-2» ушли домой, а истребители продолжали отражать одну атаку за другой: горит ещё один «фоккер».

Меня беспокоила мысль: «Не кончились бы патроны». Бой затих. Задание выполнено, вся группа благополучно произвела посадку на аэродроме.

Вскоре завершился разгром окруженной группировки немцев в Будапеште. В воздухе постоянно шли кровопролитные бои. На долю истребителей выпала большая нагрузка. За успешные боевые действия 122-му истребительному авиаполку было присвоено звание «Будапештский», а все авиаторы полка были награждены медалью за «Взятие Будапешта». Я был награжден орденом Красного Знамени.

Окончание воинского пути - освобождение Чехословакии (1944-1945).

За весь период Великой Отечественной войны я выполнил более 300 боевых вылетов на разведку, штурмовку войск противника и сопровождение штурмовиков Ил-2 и бомбардировщиков. Провел 40 успешных воздушных боев, в которых сбил 14 самолетов противника. Принимал участие в более ста сопровождениях штурмовиков, действующих по войскам противника, в которых не было потерь штурмовиков.

Участвовал в параде Победы 24 июня 1945 года, за что имею особый знак отличия.

После войны в звании майора стал слушателем Краснознаменной Военно-воздушной академии. По окончании академии командовал авиационными полками, дивизией, корпусом.

В 1960 году поступил в академию Генерального штаба, после чего был назначен командующим 73-й воздушной армией.

В 1980 году, по истечении установленного срока службы, по выслуге лет, я был уволен в запас в звании генерал-лейтенанта авиации, военный лётчик 1-го класса.

Во время московской Олимпиады 1980 года работал в отделе пресс-службы Олимпийского комитета. Был начальником службы гражданской обороны Центра космической связи, сотрудником научно-исследовательского института.

Неоднократно участвовал в юбилейных парадах Победы.

Награждён: медалью «За отвагу» (№307482), орденом Ленина (№324866), тремя орденами Красного Знамени (№171328, №167897, №430866), орденом Александра Невского (№21590), орденом Александра Невского 1-й степени (№118), двумя орденами Красной Звезды (№3232682, №3309483), двумя орденами Отечественной войны 1-й степени (№114309), двумя медалями «За боевые заслуги».

Имею публикации:

В.В. Рыбалка, Л.М. Шишов «Крылья Родины» - ДОСААФ СССР, 1983, 285с.;

В.В. Рыбалка «Командующие воздушными армиями» – Патриот, 2006, 396с.

Апрель 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Телышев Антон Витальевич****, студент 1-го курса факультета «Информатика и системы управления» Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Рябчун Константин Прокофьевич

Выскочил на дорогу и открыл из пулемёта огонь

Я родился 12 июня 1926 года в станице Пашковской Азово-Черноморского края России (сейчас - Краснодарский край). По национальности – русский.

В 1943 году учился в 8 классе. Среднюю школу окончил после войны в 1952 году. В 1949 году окончил Военное командное училище в городе Орджоникидзе (сейчас – город Владикавказ, Северная Осетия). В 1958 году окончил Военно-политическую академию имени В.И. Ленина в Москве.

Призван в армию в апреле 1943 года. До апреля 1944 года служил в запасном полку в городе Кунгур Пермской области.

В мае 1944 года наша маршевая рота призывников с Дона и Кубани прибыла в 290-ю стрелковую дивизию, занимавшую оборонительный рубеж по реке Проня в Могилевской области (2-й Белорусский фронт).

С июня 1944 года начал воевать рядовым разведчиком 6-й батареи 1420-го артиллерийского полка 290-й стрелковой дивизии, а с августа 1944 года - командиром отделения разведки батареи.

Командиром батареи был капитан И.А. Найко, командир полка - полковник Токарь, командир дивизии - гвардии майор

И.Г. Гаспарян, командующий 2-м Белорусским фронтом - генерал-полковник Г.Ф. Захаров.

Боевое крещение я получил 23 июня 1944 года во время прорыва нашими войсками немецкой обороны.

Восточная Пруссия

Особенно запомнились мне тяжелые бои в январе-феврале 1945 года на территории Восточной Пруссии. Бои шли без передышки, круглосуточно. Обе стороны несли большие потери. К 19 января была полностью прорвана тактическая зона обороны врага и созданы условия для развития успеха на Кенигсбергском направлении. Противник начал отходить. Преследуя отступающих, полки нашей дивизии углубились в большой лесной массив.

Продвигаясь вместе с группой разведчиков, мы приблизились к месту интенсивной перестрелки, а через несколько минут сами приняли участие в преследовании отступающих немцев. Окружив их, увидели неподалёку прислонившегося спиной к дереву офицера. На требование сдаться он не отреагировал, а увидев, что мы приближаемся, медленно поднял руку и выстрелил себе в висок. Я сказал своим ребятам, чтобы взяли его документы и пистолет.

Бывало и такое. Однажды мы ехали на машинах, почти все спали, а рядом по дороге двигалась пешая колонна. Один из водителей съехал на обочину, вышел из машины и оторопел: вдоль дороги шли немцы. На его крик все стали выпрыгивать из машин, завязалась перестрелка. Немецкие солдаты бросились вглубь леса, человек 15-20 сдались в плен.

На подступах к Кенигсбергу

Особенно мне врезался в память бой 10 февраля 1945 года, когда пришлось отражать контратаку чуть ли не целого немецкого батальона.

Вот как разворачивались события. В начале февраля 290-я стрелковая дивизия начала прорыв оборонительной позиции фашистов на подступах к Кенигсбергу (сейчас – город Калининград). Полкам дивизии, обескровленным в тяжелых боях, с трудом удалось прорвать первую полосу обороны

города. При подходе ко второй полосе обороны в полках осталось по 350-400 человек, в батальонах - по 50-100 человек. Дошло до того, что все три стрелковых полка свели в один.

Враг начал контратаковать и теснить нас на многих направлениях. Вместе со своими разведчиками мы выбрали наблюдательный пункт в доме у дороги. Перед нами на возвышенности проходил передний край обороны противника. Наши пехотинцы, человек тридцать, окапывались у подножия возвышенности, поддерживаемые гаубичной батареей. Это всё, что осталось от полнокровного батальона в 300 человек.

Командир батареи капитан И.А. Найко провел пристрелку и скорректировал огонь батареи по основным ориентирам на переднем крае. Его неожиданно вызвали в штаб дивизиона: там снаряд попал в штабной автобус, был ранен начальник штаба, а три человека погибли. Нашего комбата назначили руководить штабом.

Перед убытием комбат проинструктировал меня на случай обострения обстановки. Со мной остались два разведчика: Иван Варзанов и Саша Воронов. Мы установили пулемёт у дороги рядом с домом, в котором мы оборудовали наблюдательный пункт. Оставив одного разведчика вести наблюдение за передним краем и поддерживать телефонную связь с нашей батареей, я и второй разведчик легли отдохнуть.

Не успели крепко уснуть, как услышали автоматную стрельбу и разрывы гранат. Вскочив, я бросился к распахнутому окну. Вижу: плотным строем во весь рост, стреляя на ходу, идут в атаку 50-60 человек. Они оттеснили не успевших окопаться пехотинцев и двигались прямо на наш наблюдательный пункт. Я тут же отдал приказ Ивану Варзанову связаться по телефону с батареей и вызвать огонь по основным ориентирам, расположенным между нашим наблюдательным пунктом и траншеей немцев. Сашу Воронова направил в батальон, который мы поддерживали. Сам выскочил на дорогу и открыл из пулемёта огонь на поражение. Расчет был удачным, расстояние - не более 150 метров. Вижу, как падают подкошенные огнем пулемета атакующие, как реже становится их строй.

Обстановка осложнялась тем, что вместе с наступающими двигались самоходки. Хорошо, что их вывели из строя

артиллеристы. Нам отходить было нельзя: позади в пятидесяти метрах располагался полковой медпункт с ранеными.

Немцы дважды делали попытки прорваться к нашему наблюдательному пункту, но каждый раз их встречал плотный пулемётный огонь и смертельные разрывы рвущихся среди них снарядов нашей батареи. Когда они залегли в очередной раз, я быстро сменил место стрельбы, укрылся за кладкой дров и стал вести огонь короткими очередями, не давая им возможности продолжить атаку.

Вдруг вижу: ползёт человек и зовет: «Ребята, помогите! Я командир батальона, у меня ранена нога!»

Стреляю и кричу: «Капитан, ползи, мы тебя прикроем!»

Обстановка не позволяла прекратить стрельбу и броситься на помощь. В это время артиллерия начала крыть огнём укрывшихся фашистов, но они успели обнаружить, откуда стрелял пулемёт.

Внезапно я почувствовал удар в голову. Почувствовал, как льется из раны кровь. Пуля попала в лицо, перебила челюсть и вышла через шею. Меня перевязали, после чего я ещё раз открыл огонь по уже убегавшим в свою траншею солдатам противника. Возле дома перевязывали командира батальона. Мы его прикрыли надежно. В это время на помощь прибыл Саша Воронов с пятью пехотинцами из батальона, который поддерживала наша батарея.

Так закончился этот тяжелый и трудный бой, длившийся более трёх часов.

За этот подвиг мы были удостоены высоких наград. Меня наградили орденом Боевого Красного Знамени, а Варзанова и Воронова - орденами Красной Звезды.

Наша дивизия прорвала и второй рубеж обороны вокруг Кенигсберга. После этого её доукомплектовали прибывшим пополнением и срочно в составе 3-й армии А.В. Горбатова перебросили под Берлин. Меня же отправили в специализированный госпиталь в городе Даугавпилс.

Окончание боевого пути

Военные боевые действия закончил под Кенигсбергом 10 февраля 1945 года в составе 290-й стрелковой дивизии, входившей в состав 3-й армии, в должности командира

отделения разведки 6-й батареи 1420-го артиллерийского полка.

Из госпиталя в Даугавпилсе убыл во фронтовой запасной артиллерийский полк в Восточной Пруссии. В мае 1945 года убыл в Минский учебный артиллерийский лагерь, откуда вернулся в свою 290-ю стрелковую дивизию, после войны дислоцировавшуюся в Могилеве. В июне 1946 года дивизию расформировали.

Потом служил в Советской армии до января 1971 года.

Выписка от 11 февраля 1945 года из представления к ордену Ленина (орфография сохранена):

«10.2.45 года в боях по ликвидации окруженной группировки немцев под д. Мигенен Восточной Пруссии, во время отражения контратаки батальона пехоты врага поддержанного самоходными орудиями, находясь со своим передовым наблюдательным пунктом батареи в боевых порядках батальона 885 СКП, оставшись один на поле боя, бросился к пулемету, расчет которого был выведен из строя, и в течение 4-х часов отбивался один против батальона немцев. Подпуская гитлеровцев на 100-150 метров от себя, ураганным огнём косил ихние наступающих цепи. Немцы любой ценой решили уничтожить пулемет, для этого на 200 метров выкатили противотанковое орудие.

Тов. РЯБЧУН будучи тяжело раненым в голову осколком вражеского снаряда, продолжал расстреливать гитлеровцев. Подоспев, наши пехотинцы насчитали вокруг отважного разведчика более 50 трупов, из коих более половины оказались унтер-офицеры. Вражеские самоходные орудия, оставшись без пехоты, поспешно отошли назад, а наша пехота решительными действиями овладела дер. Мигенен и продвинулась дальше на северо-запад».

Награжден: медалью «За боевые заслуги» (№ 1257307, 1944, Польша), орденом Славы 3-й степени (№ 222565, декабрь 1944, Польша), орденом Боевого Красного Знамени (№ 155040, июнь 1946, Могилёв), медалью «За отвагу» (№ 3210077, июнь 1946, Могилёв), орденом Красной Звезды; орденом Отечественной войны 1-й степени; медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и «За

отличие в охране госграницы СССР» а также иностранными наградами, юбилейными и ветеранскими медалями.

Ноябрь 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Хлобостин Сергей Валерьевич****, студент 2-го курса факультета «Радиоэлектроника летательных аппаратов» и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Седельников Петр Иванович

На бреющем полёте

Я родился 27 декабря 1921 года в городе Свободный Амурской губернии. Русский.

В 1939 году в 41-й школе города Кемерово окончил 10 классов. Учился в Кемеровском аэроклубе. Член КПСС с июня 1944 года.

В 1940 году поступил в Новосибирскую военную авиационную школу, а затем меня направили в Чкаловскую военную авиационную школу, которую я окончил в 1943 году. В этом же году окончил курсы командиров эскадрилий.

В июле 1943 года я прибыл на Юго-Западный фронт в 237-й штурмовой авиационный полк 305-й штурмовой авиадивизии. На штурмовике Ил-2 принимал участие в боях на Курской дуге.

6 сентября 1943 года, на 10-м вылете, при нанесении бомбоштурмового удара по железнодорожным эшелонам на станции Барвенково (Харьковская область) на втором заходе в мой самолет попал зенитный снаряд и пробил масляный радиатор. Мотор стал давать перебои, пришлось снизить скорость, чтобы дотянуть до своей территории.

Во время другого полета осколками снаряда был перебит фюзеляж и повреждена тяга руля высоты. Самолет стал терять высоту. Пришлось совершить вынужденную посадку на поле, не выпуская шасси. У Ил-2 нижняя часть фюзеляжа

бронированная, машина смогла выдержать такую сильную нагрузку и не взорвалась. Я был контужен.

Участвуя в освобождении Донбасса, Запорожья, Одессы, Днепропетровска, Никополя, Кривого Рога, я выполнил 52 боевых вылета на штурмовку скоплений техники и живой силы врага.

За 11 боевых вылетов был награжден орденом Красной Звезды, за 20 боевых вылетов – орденом Отечественной войны 1-й степени, за 21-й боевой вылет - орденом Отечественной войны 2-й степени.

В июле 1944 года 237-й штурмовой авиаполк был перебазирован на 3-й Прибалтийский фронт в состав 14-й воздушной армии. Командуя звеном, я принимал участие в прорыве немецкой обороны на реке Великая, в освобождении городов Псков, Остров, Тарту, Малупе, Рига.

Выполняя боевые задания командования, в составе 17-й и 14-й воздушных армий, совершил 47 вылетов и был награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени. Вот как об этом написано в выписках из архива:

«…Ведя дальнейшую боевую работу по уничтожению немецких войск в районе Николаевка, в марте сего года отлично выполнил еще 25 боевых вылетов. При выполнении боевого задания 27.03.1944 по уничтожению огневых точек в районе Дмитриевка (в настоящее время район города Гродно, Беларусь), лично уничтожил 2 орудия полевой артиллерии, взорвал склад боеприпасов и с бреющего полета расстрелял 15 вражеских солдат. За 25 боевых вылетов уничтожил: 32 автомашины военной полевой артиллерии, уничтожил роту солдат и офицеров, 23 повозки с военным имуществом. Приказом 17-й ВА 3-го Украинского фронта от 30 мая 1944 года №023/Н, от имени Президиума Верховного Совета СССР, лейтенант Седельников П.И., командир звена 237-го ШАП, награжден орденом Красного Знамени».

«…30.07.1944 выполняя боевое задание в районе города Малупе (Латвия) по уничтожению артиллерии и войск противника при низкой облачности и при сильном противодействии противника, лично уничтожил орудие полевой артиллерии, один миномет, подавил огонь пулеметной точки противника и, снизившись до бреющего полета, в упор расстрелял живую силу врага. За 22 боевых

вылета лично уничтожил: 17 автомашин с боеприпасами и военными грузами, 10 повозок с военным имуществом, 4 орудия полевой артиллерии и 6 орудий зенитной артиллерии, 2 миномета, взорвал склад боеприпасов. Приказом 14-й ВА от 28 августа 1944 года №046-Н, от имени Президиума Верховного Совета СССР, старший лейтенант Седельников Петр Иванович, командир звена 237-го ШАП, награжден орденом Красного Знамени».

К сентябрю 1944 года звено, которым я командовал, выполнило 195 успешных боевых вылетов. При этом было уничтожено 164 автомашины с боеприпасами и военными грузами, 12 танков, 2 паровоза, 26 вагонов, 98 повозок с военным имуществом, 11 орудий полевой артиллерии, 9 батарей полевой артиллерии, 3 бензозаправщика, 4 миномета, 89 складов горючего, потоплено вражеское судно. Я совершил 111 вылетов.

За успешное выполнение боевых заданий и большой урон, нанесенный врагу, 23 февраля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за мужество и героизм, проявленные при нанесении штурмовых ударов по врагу, мне было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда».

Я участвовал в Параде Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года и 9 мая 1990 года.

В 1946 году я окончил Высшую офицерскую школу ВВС. В 1954 году окончил летно-тактические курсы усовершенствования офицерского состава.

Службу я закончил в звании подполковника и работал начальником штаба гражданской обороны в Гидрометцентре СССР, затем работал в течение 25 лет в Московском институте управления.

Награжден: званием Героя Советского Союза (23.02.1945), медалью «Золотая Звезда» (23.02.1945), орденом Ленина (23.02.1945), двумя орденами Красного Знамени (30.05.1944 и 28.08.1944), двумя орденами Отечественной войны 1-й степени (29.01.1944 и 11.03.1985), орденом Отечественной войны 2-й степени (3.01.1944), двумя орденами Красной Звезды (16.09.1943), а также юбилейными медалями.

Апрель 2015 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Егошин Евгений Олегович****, студент 2-го курса Аэрокосмического факультета и Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Тихонов Иван Семёнович

На врага обрушились тысячи мин

До службы в армии я окончил Совпартшколу и работал председателем сельсовета. 22 года прожил в деревне.

В армию меня призвали в октябре 1936 года.

Служил я вначале курсантом школы младших командиров понтонно-инженерного батальона, который дислоцировался в районном городке Белоруссии на станции Быхов. Это была технически хорошо оснащенная часть, которая имела понтоны, по которым можно было переправлять самую тяжёлую технику: танки, артиллерию. Мы могли быстро и качественно возводить не только временные, но и постоянные переправы. Батальон имел пневматические копры для забивки свай, пилорамы и другую деревообрабатывающую технику.

Через полгода меня избрали секретарём бюро ВЛКСМ батальона, с освобождением от занятий в школе младших командиров.

В июле 1938 года меня направили на курсы младших политруков, которые я окончил в январе 1939 года. Был направлен политруком роты в 15-й сапёрный батальон 2-й Белорусской дивизии. Батальон занимался укреплением западной границы. Я принял роту, в которой было 40 человек кадрового состава и 250 человек вольнонаёмных (вневойсковиков). Мы заливали бетоном долговременные огневые точки (ДОТы), состоящие из трёх этажей с лобовой

стеной до трёх метров. Предполагалось, что с помощью таких укреплений будет невозможно пропустить врага в глубь страны.

Но 17 сентября нас сняли с границы. В составе 2-й сапёрной дивизии нас направили защищать народ Западной Белоруссии.

Наш путь лежал через города: Лида, Гродно и Августов. Боёв особых не было, но иногда мы попадали в засады, которые устраивали польские офицеры, нападавшие на наш обоз. Из моей роты 4 человека были убиты и 7 человек были ранены.

После решения о присоединении Западной Белоруссии к СССР, нашу 2-ю сапёрную дивизию расквартировали в старинной русской крепости Осовец.

Я окончил курсы младших политруков, поэтому меня в сентябре 1940 года направили на учёбу в Военно-политическое училище, созданное на базе тех же курсов, которые я окончил полтора года назад. Это училище перед нашим досрочным выпуском стало называться Минским танковым военно-политическим училищем. В мае 1941 года, окончив училище, я был направлен в 17-й танковый корпус, которым командовал Герой Советского Союза генерал Петров. Звание Героя он получил в Испании.

Прибыв в политотдел 27-й танковой дивизии, я был избран секретарём партбюро полка. Полк находился в стадии формирования в составе двух дивизионов: дивизиона 152-мм пушек и дивизиона 122-мм пушек-гаубиц. Коммунистов было всего 18 человек. Рядовой состав был набран не из новобранцев, а из моряков с Тихоокеанского флота.

В танковые полки дивизии ещё не поступили танки, а артиллеристы не имели ни пушек, ни тягачей. Занимались мы боевой подготовкой, формированием расчётов и батарей. Командовал полком майор Соколов, участник боёв с финнами. Полк размещался в городе Новогрудок.

22 июня часов в 7 утра к нам на квартиру прибежал вестовой и сообщил, что полк по тревоге выведен в лес. Учебная тревога - обычное дело. Мы надели выходное обмундирование и с попутной машиной прибыли в расположение полка. Помощник командира полка упрекнул нас за легкомыслие и предложил поехать переодеться в

полевую форму, так как учение могло продлиться не один день.

Мы вернулись в город, переоделись и стали ждать хозяйственную машину, чтобы доехать в лес, в расположение нашего полка. Это было уже часов в 10-11 дня. Вдруг мы услышали шум моторов самолётов и взрывы от падавших на землю бомб! Это бомбили военный городок танкового полка и город.

В городе началась паника. Люди толпами бросились бежать из города. Прибыв в расположение полка, мы доложили командованию об увиденном. Нам сказали, что это просто провокация.

А где-то в час дня в полк приехал начальник штаба дивизии и объявил о начале войны. Полку было приказано к утру 23 июня прибыть к городу Барановичи. Командир полка назначил начальника штаба руководить движением нашей колонны, а заместителем по политчасти назначил меня.

К утру наша колонна подошла к Барановичам. В городе уже находились танковые батальоны и тыловые части.

Мотострелковый полк дивизии, мотострелковые батальоны танковых полков и рота автоматчиков заняли оборону западнее города Барановичи. Мы заняли оборону в лесу между двух дорог.

В середине дня, часов в 15-16, командир полка направил разведчиков к командиру дивизии. На автомашине выехали 24 курсанта полковой школы во главе с её начальником.

В час ночи вернулся один из курсантов, выехавших на разведку. Он доложил, что они, отъехав от нас километров на 6-7, оказались в расположении немцев, все погибли, а он случайно уцелел.

Напряжение возросло до предела, а приказа на отступление всё не было. Где-то около двух часов ночи приехал командир корпуса генерал Петров и приказал отходить самостоятельно.

Полк ушел, а я побежал к опушке леса, где находились местные жители, и предупредил их, чтобы они тоже уходили. Меня ждал шофер с машиной. Я сел в машину, и мы отправились догонять полк.

Выехав из леса, мы увидели мостик через ручей, у которого скопились повозки местных крестьян. С трудом мы

пробились через эту пробку. Выехали на дорогу и увидели, что к ручью идут немецкие танки. Их было порядка 30-40 штук в боевом порядке, не в колонне.

Проехав километров 8-10 и не заметив нужную нам проселочную дорогу, мы вдруг увидели, что нам навстречу на расстоянии 1,5 километров движется колонна мотоциклистов. Шофёр повернул обратно. Увидев проселочную дорогу и свернув на неё, минут через 20-25 догнали командира полка и группу штабных офицеров дивизии.

Однако не прошло и 15-20 минут, как немецкие самолёты начали бомбить наши автомашины. Машины загорелись.

Командир полка приказал отходить в пешем порядке к городу Шклов. Пройдя около 70 километров, мы подошли к городу Борисов, где встретили солдат, которые сказали нам, что в городе немцы. Тогда мы направились в город Березино. Но, не доходя до него 5 километров, были обстреляны из миномётов. Оказалось, что город Березино тоже был занят немцами.

Переплыв через реку Березина, мы добрались до пункта сбора у города Шклов. Там уже находились начальник штаба, заместитель по политчасти и личный состав нескольких батарей.

Через несколько дней пришли бойцы остальных батарей. Всего из окружения вышло около 800 человек.

Отступая, мы вступали в бои с фашистами и задержали их продвижение на несколько недель.

Части корпуса сначала отвели под город Починок, затем - под Вязьму. У города Павлов Посад из личного состава корпуса был сформирован артиллерийский полк.

В марте 1942 года меня с группой политработников полка направили на учёбу в артиллерийскую академию имени Дзержинского в город Самарканд. В августе 1942 года я, в звании старшего политрука, был направлен в штаб формирования миномётных частей. В этом же месяце был назначен военным комиссаром 554-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона. Командиром дивизиона был назначен Тарасенко Никифор Павлович.

В конце сентября дивизион железнодорожным эшелоном был отправлен на Калининский фронт. Разгрузились в городе Торопец. Затем пешим строем дивизион дошел до станции

Нелидово и лесными дорогами вышел к линии фронта, находившейся километрах в 25-30 от станции. Западнее станции Нелидово был сосредоточен Сибирский добровольческий механизированный корпус.

Корпус должен был провести боевую операцию, чтобы отвлечь внимание противника от подготовки наших войск к наступлению под Сталинградом.

Наши десять дивизионов должны были подавить огневые точки противника и обеспечить прорыв корпуса к дороге Велиж - Невель - Великие Луки.

Место было лесное, для огневых позиций пришлось вырубать лес. Противник обнаружил наши огневые позиции и разбомбил их.

Наше командование решило изменить место прорыва. Мы должны были переместить огневые позиции на 10-12 километров севернее прежних. Транспорта у нас было мало. Выпал снег.

Мы перетащили установки (а это очень простые рамы) волоком по снегу на новые огневые позиции, в лощину у деревни Клемятино. На холме, в 500-600 метрах от нас, находились позиции противника. Командный пункт всех наших десяти дивизионов находился на другой высоте, в одном километре от деревни, в большом блиндаже.

На следующий день в 10.00 наши десять дивизионов открыли огонь. На врага обрушились тысячи мин. Пехота и танки корпуса двинулись в атаку и преодолели передний край, почти не встретив сопротивления.

Корпус свою задачу выполнил, но был окружён немцами и понёс большие потери. Вышедшие из окружения были направлены в Москву на переформирование.

Наш дивизион вошёл в состав 23-й гвардейской миномётной бригады 5-й гвардейской миномётной дивизии.

20 января 1943 года мы получили приказ своим ходом следовать на Брянский фронт для обеспечения прорыва обороны противника войсками 13-й армии, в направлении поселка Касторное.

10 июля 1943 года, после тяжелых боев, нас опять отправили в Москву на переформирование. Мне поручили сформировать дивизион «Катюш».

В августе 1943 года я был назначен заместителем командира 126-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона 9-го танкового корпуса 2-й танковой армии. В Корсунь-Шевченковской операции наш танковый корпус освободил поселок Лысянка.

Был март месяц 1944 года. Наступила распутица. Наши «студебекеры», с установленными на них «Катюшами», проезжали всего несколько километров в сутки.

Мы форсировали реку Южный Буг. Наши войска, продвигаясь по Правобережной Украине, вышли к реке Днестр. В городе Ямполь форсировали Днестр.

Освободив город Бельцы, мы вышли к румынской границе в районе города Яссы.

Нам было приказано скрытно передислоцироваться к городу Ковель. В это время немцы ещё были под Брестом. Мы должны были освободить город Люблин, выйти к реке Висла и захватить плацдарм.

Потом мы участвовали в освобождении города Демблин. Наш мотострелковый корпус форсировал Вислу. Мы подошли к польской столице.

В марте 1945 года мы вышли к реке Одер на Кюстренский плацдарм. Во время наступления на Берлин мой дивизион участвовал в артподготовке. Потом был штурм Берлина.

Демобилизовался я в 1958 году в звании полковника.

Награждён: орденом Боевого Красного Знамени (за бои на Калининском фронте), орденом Красной Звезды (за бои на Курской Дуге), орденом Отечественной войны 1-й степени (за освобождение Украины и Молдавии), орденом Отечественной войны (за освобождение Варшавы и выход на реку Одер), орденом Боевого Красного Знамени (за штурм Берлина), медалью «За боевые заслуги» (за 10 лет службы в армии), орденом Красной Звезды (за 15 лет службы в армии), орденом Боевого Красного Знамени (за 20 лет службы в армии), орденом Отечественной войны 2-й степени (в честь 50-летия Победы).

Декабрь 2003 года

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Калюжная Надежда Сергеевна****, студентка 1-го курса 5-го факультета Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Ткачев Владимир Яковлевич

Форсирование Дуная

Я родился 3 мая 1925 года в хуторе Извещательном Шпаковского района Ставропольского края, в крестьянской семье. Русский. Член ВЛКСМ с 1940 года. Член КПСС с 1953 года.

В 1941 году я окончил 7 классов средней школы. Когда началась Великая Отечественная война, мой отец ушел на фронт, а я поступил на курсы трактористов и работал на тракторе ЧТЗ.

18 июля 1942 года добровольно ушел в армию. Призван был Кагальницким РВК и направлен связистом в запасной полк.

Затем служил три месяца в отдельной роте связи 4-й стрелковой бригады. Удовлетворив мою просьбу, меня перевели в разведку.

В декабре 1942 года в степях Калмыкии во время проводимой разведки рядом с нашим танком Т-70 разорвался снаряд. Семь бойцов взрывом сбросило с танка, четверо из них погибли. Я был ранен и попал в госпиталь, расположенный на окраине Махачкалы.

После госпиталя был направлен в трофейную роту, где на тракторе буксировал вышедшую из строя военную технику в город Ростов-на-Дону для её восстановления и отправки обратно на фронт.

В сентябре 1943 года я был направлен в 118-ю стрелковую дивизию. 16 декабря 1943 года во время боя в селе Верхний Рогачик (Украина) получил второе ранение.

В начале апреля 1944 года меня направили в 108-ю гвардейскую Краснознаменную Николаевскую ордена Суворова 2-й степени стрелковую дивизию, которая входила в состав 3-го Украинского фронта.

Бои в Венгрии

В ночь с 4 на 5 декабря 1944 года наша дивизия форсировала Дунай в районе города Эрчи, южнее венгерской столицы.

Наши лодки с бойцами бесшумно плыли ночью к правому берегу Дуная. Вдруг начался артиллерийский обстрел. Но большая часть нашего полка уже преодолела реку. Наша артиллерия в ответ открыла беглый огонь.

При форсировании Дуная был ранен командир стрелкового взвода. Командование этим подразделением я принял на себя. Мы вступили в рукопашный бой с противником, в результате которого наш взвод занял позиции на правом берегу реки Дунай и отражал контратаки фашистов. На удерживаемый нами участок берега высадились две роты десанта.

Попытка противника отбросить наших бойцов с этого плацдарма не удалась. Продвигаясь с боями по траншеям немецкой обороны, мы вышли к крайним домам города в тыл противника.

Здесь мы отбили у врага три пушки, подожгли грузовую автомашину, гранатами подбили бронетранспортер и захватили минометную батарею. Мы уничтожили до 50 гитлеровцев. В этом бою лично я убил 16 солдат противника. Во время этого боя я был ранен.

За выполнение боевого задания и проявленные мужество и героизм при форсировании Дуная и закреплении захваченного плацдарма 17-ти солдатам и офицерам нашей дивизии, в том числе и мне, было присвоено звание Героя Советского Союза.

В марте 1945 года был направлен в 41-ю стрелковую дивизию помощником командира взвода. Участвовал в боях в Австрии, в 50-60 км юго-западнее Вены.

После войны работал на строительстве Невинномысского, Право-Егорлыкского и Большого Ставропольского каналов начальником базы «Ставропольстрой». Затем был директором Невинномысского кирпичного завода.

Награжден: званием Героя Советского Союза (24 марта 1945 года), орденом Ленина (№ 57589), медалью «Золотая Звезда» (№ 8877), орденом Славы 3-й степени (№ 500010), орденом Отечественной войны 1-й степени (№ 1411527) и юбилейными медалями.

28 апреля 2005 года мне присвоено звание Почетного гражданина города Невинномысска.

Октябрь 2010 года

В подготовке воспоминаний оказал помощь ***Малеваный Кирилл Викторович****, студент Невинномысского государственного гуманитарно-технического института и заочного отделения Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна, член Союза журналистов России*

Федотов Николай Федорович

Оборудовали переправу во время десятиминутного артиллерийского налёта

.

Я родился 2 декабря 1921 года в селе Тюбяк-Чекурга Арского кантона Татарской АССР, в семье крестьян. Русский.

В 1939 году окончил Казанский водный рабфак и поступил в Горьковский институт инженеров водного транспорта. Учиться в институте пришлось недолго, в том же году был призван в ряды Красной Армии и направлен для прохождения службы в 39-й инженерный батальон в город Ростов Ярославской области. В этом батальоне в течение шести месяцев учился в школе младших командиров, по окончании которой мне было присвоено воинское звание сержанта.

Для прохождения дальнейшей службы был направлен в 14-й понтонный батальон 14-й танковой дивизии в город Наро-Фоминск. К началу Великой Отечественной войны был помощником командира взвода.

За несколько дней до начала войны я приехал на родину в отпуск. О её начале узнал 22 июня вечером на митинге в городе Арске.

24 июня вернулся в свою часть.

26 июня 14-я танковая дивизия начала выдвигаться на запад и через два дня сосредоточилась в лесах восточнее города Витебска.

Первый бой. Отступление

Рано утром 5 июля 1941 года 14-я танковая дивизия, совместно с другими дивизиями 7-го механизированного корпуса, нанесла контрудар по наступавшим войскам фашистской Германии восточнее города Лепель (Белоруссия).

В начале контрудар развивался успешно, дивизия отбросила передовые части немцев километров на 10-15. Наш батальон навел понтонный мост через реку Западная Двина. По этому мосту на западный берег реки переправились два полка дивизии, которые там встретили упорное сопротивление противника. А в восемь часов утра над частями дивизии появилось около трех десятков самолетов противника, которые непрерывно, в течение всего дня, наносили бомбовые удары и обстреливали из пулеметов части дивизии. Такая массированная бомбардировка привела к ощутимым потерям личного состава и боевой техники, а главное подорвала моральное состояние личного состава.

К концу дня дивизия начала с боями отходить в направлении города Витебска и далее к автомагистрали Москва-Минск.

В эти дни над районом, где отходили части дивизии, немецкие самолеты сбросили листовки, из которых мы узнали, что сын Сталина Яков Джугашвили, который служил в артиллерийском полку нашей дивизии, попал в плен к немцам.

В первые дни и недели войны мы никак не могли понять, что же происходит. Почему Красная Армия, в силу которой мы верили, терпит поражения? Почему в небе нет ни одного нашего самолета, а нас беспощадно бомбят немецкие самолеты? Нам казалось все это какой-то чудовищной ошибкой. И у всех возникал вопрос: «Знает ли об этом товарищ Сталин?» И мы надеялись, что как только он узнает, что происходит на фронте, то немедленно примет меры, чтобы исправить положение.

Захватив город Ярцево, немцы перерезали автомагистраль Москва-Минск. Для отхода наших войск осталась лишь узкая горловина в районе деревень Соловьево и Радчино, расположенных на берегу реки Днепр. Наш 14-й понтонный батальон вышел к Соловьевской переправе.

Мы увидели тысячи различных машин: танков, автомобилей с пушками на прицепе, автомобилей со снарядами, горючим, санитарных и других машин, которые в 10-15 рядов вытянулись на несколько километров вдоль полевой дороги, ведущей к полуразрушенному мосту через реку Днепр. Немецкие самолеты непрерывно совершали налеты на переправу. Часть машин горела, взрывались боеприпасы, бочки с бензином. Раздавались команды, повсюду крики, стоны.

К вечеру удалось подтянуть к реке часть понтонного парка нашего батальона, и мы навели понтонный мост через реку Днепр в нескольких сотнях метров от деревянного моста, который к этому времени уже был разрушен.

За ночь по мосту было переправлено на восточный берег Днепра несколько тысяч машин и повозок. С утра возобновились налеты авиации на переправу. Все понтоны были пробиты осколками от авиабомб, заполнились водой и опустились на дно. Над мостом образовался слой воды в 20-30 сантиметров, но по нему могли двигаться автомобили и другая боевая техника. Мост стал менее видимым для авиации противника. В таком подводном положении мост прослужил 10 или 12 дней. За это время по нему прошло в обоих направлениях более ста тысяч единиц техники и повозок. Мост несколько раз повреждался авиабомбами, но мы его восстанавливали.

Мост частично был разобран, частично разрушен только тогда, когда к переправе вплотную подошли немецкие войска.

После ликвидации переправы наш батальон был преобразован в 64-й фронтовой понтонный батальон.

После непродолжительного отдыха личный состав батальона на автомашинах был переброшен в полосу обороны 20-й армии. Весь сентябрь месяц мы строили там различные фортификационные сооружения, взрывным способом отрывали противотанковые рвы. 2 октября противник попытался прорвать оборону 20-й армии, но все его атаки были отбиты.

Поздно вечером 3 октября батальон получил приказ срочно отходить в направлении городов Дорогобуж и Вязьма. Целую ночь на автомашинах двигались до города Дорогобуж,

утром переехали по мосту через реку Днепр и начали продвигаться к городу Вязьма.

На половине пути от Дорогобужа до Вязьмы наша колонна была остановлена, нам сообщили, что город Вязьма уже занят немецкими войсками. Машины свернули в ближайший лес, в котором уже было много различных машин, повозок, военнослужащих. Военнослужащие были из разных воинских частей и подразделений, и единого командования не было. Вечером нас построили, и командир батальона майор Пантелеев объявил, что мы окружены немецкими войсками и ночью пойдем на прорыв из окружения.

Как только стемнело, построились в колонны и по полевым дорогам двинулись на восток. Выбили немцев из первой деревни, оказавшейся на нашем пути. Повели наступление на вторую деревню, но выбить из нее немцев не удалось. С помощью танков, минометов и стрелкового оружия они отбили нашу атаку. Во время атаки на вторую деревню я был ранен осколком мины в левую руку.

После неудавшейся атаки вновь построились в колонны и двинулись по другой дороге в направлении на юго-восток. К рассвету мы вновь наткнулись на немецкие войска, остановились и рассредоточились по ближайшим лесам. Эти небольшие перелески были сплошь забиты людьми, машинами, повозками и непрерывно обстреливались из минометов. Здесь я был еще раз ранен осколком мины, опять в левую руку.

Я, как и абсолютное большинство солдат, сержантов и офицеров, оказавшихся в окружении, больше всего боялся попасть в плен.

На рассвете следующего дня мы услышали крики «Ура!» и увидели, что из соседнего леса выбежала большая группа солдат и офицеров и устремилась на позиции немцев. Мы сделали то же. Получилась мощная атака, в которой участвовало несколько тысяч человек.

Добежали до позиции, где располагалась немецкая минометная батарея, перебили минометчиков и устремились к видневшемуся вдали лесу. До него было километра полтора. Слева и справа стали подъезжать автомашины, в кузовах которых находились немецкие солдаты. Они, не вылезая из машин, из автоматов открыли огонь по бегущим. Много

людей падало убитыми и ранеными. Оставшиеся добежали до леса.

Страшно хотелось пить, внутри все горело. На опушке леса в колеях дороги скопилась дождевая вода, покрытая тонким слоем льда. Каждый, добежавший до леса, ложился и жадно пил эту воду.

Отдышавшись, мы пошли в глубь леса и вышли к большой поляне, вокруг которой под деревьями сидели и лежали солдаты, сержанты и офицеры. Мы присоединились к ним. Часам к трем дня вокруг поляны собралось более трех тысяч человек. Старшим здесь оказался комбриг Гордяев (в петлицах у него было по одному ромбу). Он объявил, что из всех нас организуется отряд, командование которым он берет на себя. Были назначены комиссар отряда и командиры рот. Командиры рот тут же начали формировать роты.

С наступлением темноты отряд выстроился и двинулся на восток. Шли ночами по лесам и полям, так как все дороги и населенные пункты уже контролировались немецкими войсками. Днем отдыхали в каком-либо лесном массиве. Питались капустой и картошкой, которые иногда удавалось найти на полях. Два раза съели по половине банки мясных консервов, которые захватили после разгрома немецкого обоза. Через 15 дней мы вышли из окружения в районе небольшого городка Верея и двинулись на пункт формирования в город Звенигород.

Стойкость и мужество советских воинов, оказавшихся в окружении, были поразительными. При выходе из окружения шли ночами, по грязи, в мокрой одежде, спали на голой земле, были голодными, многие были ранены. Но никто не ныл! У всех была одна цель - выйти к своим.

На пункте формирования нас накормили и в тот же день направили в формировавшиеся воинские части. Меня направили в формировавшийся на станции Кубинка 2-й инженерно-саперный батальон. Офицеров не хватало, и меня назначили командиром взвода.

В ходе оборонительной операции 2-й инженерно-саперный батальон, в том числе и мой взвод, устанавливали фугасы на дорогах и минные поля на танкодоступных направлениях, минировали мосты.

К началу контрнаступления под Москвой наш батальон был передан в состав 5-й армии, получил новый номер и стал именоваться 296-м армейским инженерным батальоном (296-й АИБ). В составе этого батальона я прошел все годы войны.

Наступление

Наступление в полосе 5-й армии началось дней через пять после начала контрнаступления под Москвой. Армия продвигалась вперед медленно. По глубокому снегу трудно было наступать пехоте, мало было танков. Мы, саперы, в ходе наступления выполняли в основном задачи по разминированию дорог и очистки их от снега. Все работы выполнялись вручную, иногда приходилось работать сутками без отдыха.

В начале февраля 1942 года меня отправили на учебу на курсы младших лейтенантов. Учеба продолжалась до июля месяца. В июле мне присвоили воинское звание младшего лейтенанта и направили в тот же 296-й АИБ.

Наступление Красной Армии зимой 1941-1942 годов на западном направлении приостановилось на границе Московской и Смоленской областей. В течение года здесь шли бои местного значения и проводились операции с ограниченными целями. Наш батальон и мой взвод строили колейные дороги, устанавливали минные поля, прокладывали колонные пути по снегу, делали проходы в минных полях.

В феврале 1943 года наши войска перешли в наступление, пытаясь прорвать оборону, которая создавалась немцами в течение года.

Ночью наша рота получила приказ сделать проходы в минных полях противника в полосе наступления 29-й гвардейской стрелковой дивизии. Моему взводу было приказано сделать три прохода. На каждый проход было направлено по группе саперов (7-8 человек). Все группы со щупами и миноискателями поползли по указанным направлениям в сторону противника.

Но уже наступил рассвет, начали стрелять снайперы, во всех группах были убитые и раненые. И это еще на расстоянии около 300 метров от первой траншеи противника. А как же

сделать проходы в минных полях, которые установлены в 20-50 метрах от первой траншеи противника?

Стало ясно, что в светлое время суток сделать проходы не удастся. Я понимал, что в назначенное время танки пойдут в атаку и, если не будет проходов, то они подорвутся на минах, и атака будет сорвана. Я решил попытаться сделать хотя бы один проход. Собрал людей, которые не были задействованы в группах разминирования, объяснил им задачу и тактику действий. Передвигаться будем не ползком, а короткими перебежками: 5-6 шагов бежать, затем падать и перекатываться в сторону, чтобы у снайперов противника не было времени для прицеливания.

Такая тактика оправдала себя. Моей группе удалось без потерь добраться до проволочных заграждений противника и там, в маленьком овражке, укрыться от пуль. Началась артиллерийская подготовка атаки. Минут через 15 артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, на поле боя появились наши танки.

Пулеметный и автоматный огонь со стороны противника ослаб. Мы быстро разрезали проволоку и начали делать проход в минном поле. Наши танкисты приняли нас за солдат противника, которые устанавливают минное поле, и открыли по нам огонь из пушек и пулеметов. Единственное место, где мы могли укрыться, была траншея противника. И мы спрыгнули в неё. Через несколько минут по проходу, сделанному нами, прошло несколько танков. Вместе с саперами, сопровождавшими танки, в траншее собралось нас человек 25-30. Этими силами мы очистили от солдат противника метров 800 траншеи и целый день обороняли её под жесточайшим обстрелом артиллерии противника. Вечером нас сменили стрелки, а мы отошли в тыл.

В этом бою наша инженерно-саперная рота понесла тяжелые потери, в строю осталось только 14 человек, остальные были либо ранены, либо убиты.

За выполнение поставленной задачи командующим 5-й армии я был награжден орденом Красной Звезды (№ 154598).

На этом рубеже бои продолжались еще несколько дней. Оборона противника была взломана, войска 5-й армии, преследуя противника, в марте 1943 года освободили города Гжатск и Вязьму и продвинулись в сторону города

Дорогобужа километров на 50. Бои здесь продолжались до конца июля 1943 года.

И вот настал день наступления. Утром началась артподготовка. В ней участвовало такое большое количество орудий, что от их грохота не слышно было даже говорившего рядом человека. Через два часа после начала артподготовки, из установленных в первой траншее динамиков, зазвучала песня «Священная война». Это было сигналом к началу атаки. Под звуки песни пехота пошла в атаку, быстро захватила первую траншею противника и продвинулась в глубь его обороны. По проделанным нами проходам в минных полях за пехотой двинулись танки.

С боями наши войска продвигались к городу Смоленску. В ходе наступления саперы 296-й АИБ, в том числе и саперы роты, которой я командовал, разминировали дороги и строили мосты через реки и речушки.

В большинстве случаев мосты приходилось строить ночью под артиллерийским и минометным огнем противника. Один из низководных деревянных мостов через реку Днепр мы построили около деревни Радчино. Это всего в нескольких километрах от того места, где в 1941 году при отступлении я участвовал в наводке понтонного моста. Войска 5-й армии постепенно приближались к городу Смоленску и в сентябре выбили противника из города.

Вслед за дивизиями первого эшелона вошел в город и наш батальон. Город был сильно разрушен, многие оставшиеся здания заминированы, мосты через Днепр взорваны, населения в городе почти не было.

В первый же день мы построили деревянный мост через Днепр, чтобы соединить северную и южную части города. Мост строили на месте взорванного моста, а в качестве опор строящегося моста использовали остатки свай, кое-где торчавшие из воды, и волнорезы, которые не были взорваны. При строительстве моста саперы работали стоя по горло в воде.

На следующий день батальон приступил к разминированию города. Роте, которой я командовал, было поручено разминировать театр, библиотеку, элеватор и ряд других зданий.

При проверке на минирование здания театра в подвале было обнаружено более тонны взрывчатых веществ, засыпанных каменным углем. Саперы извлекли взрывчатые вещества и предотвратили разрушение театра. Из здания элеватора было вывезено несколько авиационных бомб, подготовленных к взрыву. Были спасены от взрыва еще ряд зданий.

За успешное выполнение задач по инженерному обеспечению продвижения наших войск к Смоленску и за разминирование Смоленска я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 22825).

Осенью 1943 года войска 5-й армии вышли к границам Белоруссии и были остановлены на подступах к городам Витебск и Орша. Здесь немецкие войска подготовили оборонительные рубежи, бои приняли затяжной характер и продолжались до лета 1944 года. За этот период инженерно-саперная рота, которой я командовал, участвовала в сооружении двух командных пунктов армии, построила командно-наблюдательный пункт, обеспечила (в инженерном отношении) наступательный бой стрелковой дивизии.

В один из дней февраля 1944 года меня вызвали в штаб 5-й армии. Начальник инженерных войск армии полковник Савостьянов М.В. поставил задачу моей роте: обеспечить инженерную поддержку наступательного боя дивизии. Для этого нам была временно придана рота одной из стрелковых дивизий.

Ночью рота прибыла на командный пункт дивизии. Командир дивизии поставил задачи: сделать проходы в своих минных полях, обеспечить переправу стрелковых батальонов через небольшую речку, сделать проходы в минных полях противника, а после захвата высот на противоположном берегу реки приступить к прикрытию их противотанковыми минными полями. Наступление должно было начаться на следующий день в пять часов утра, в темное время суток.

Весь день мы готовились к выполнению задачи, а вечером вышли в первую траншею, где сосредоточились два стрелковых батальона, один из которых был штрафной. Именно ему и моей роте отводилась главная роль. Второй стрелковый батальон должен был наступать во втором эшелоне и закрепиться на захваченных позициях.

Саперы нашей роты быстро проделали проходы в наших минных полях и произвели разведку реки. Река находилась на расстоянии около двухсот метров от нашего переднего края, ширина её была не более десяти метров. Вода была незамерзшей и в некоторых местах имела очень тонкий ледяной покров, поэтому нужно было строить наплавные мостики.

Мы подтащили к нашей первой траншее труднозатопляемые резиновые лодки. Но мне было совершенно ясно, что наводить наплавные мостики до начала артналета нельзя. Противник это обнаружит и перестреляет либо саперов во время наводки этих мостиков, либо стрелков, которые побегут по ним во время атаки. Целесообразно было оборудовать переправу во время десятиминутного артиллерийского налета, который был запланирован. Я договорился с командирами штрафного и стрелкового батальонов, что мы наведем переправу во время нашего артналета.

Часа в 3 ночи по телефону позвонил командир дивизии и потребовал доклада о готовности к наступлению. Я доложил о том, что мы сделали и когда собираемся наводить переправу. Он сказал, что переправу надо оборудовать до начала артналета. Я вновь посоветовался с командирами батальонов, и мы решили не делать этого. Мы договорились, что если будет звонить командир дивизии, то ему доложим, что переправа готова. Так и доложили, когда он позвонил около пяти часов утра.

С первыми залпами немногочисленной дивизионной артиллерии саперы по проходам бегом подтащили лодки к реке, спустили их на воду и уложили на лодки щиты из досок. Штрафной батальон быстро переправился на противоположный берег и стремительной атакой захватил высоты. За ним переправился стрелковый батальон, и вместе они начали закрепляться на новых позициях. Саперы нашей роты приступили к установке минных полей.

Атака двух наших батальонов была для немцев неожиданной. В результате этого нам удалось захватить две высоты, господствующие над местностью, и взять в плен около тридцати солдат противника, понеся при этом небольшие потери.

Днем меня вызвали в штаб дивизии. Командир дивизии сразу же спросил, почему я не выполнил его приказ и не оборудовал переправу до начала артналета. Я ответил, что если бы мы так сделали, то едва ли удалось бы захватить высоты. Командир дивизии назвал меня мальчишкой и сказал, что если бы атака сорвалась, то вину за это свалили бы на меня, а за невыполнение приказа я был бы отправлен в штрафную роту. Затем, подумав, сказал, что поскольку операция удалась, и саперы в ней сыграли большую роль, то на всех саперов, участвовавших в этом бою, представить наградные листы. Через несколько дней командир дивизии наградил всех саперов, участвовавших в этом бою, орденами и медалями.

Моя рота стала первой на Западном фронте, в которой все солдаты, сержанты и офицеры были награждены орденами и медалями.

Весной 1944 года 296-й армейский инженерный батальон был включен в состав 32-й инженерно-саперной бригады 39-й армии и стал 203-м инженерно-саперным батальоном. А я был назначен заместителем командира этого батальона.

Проводилась подготовка к операции по освобождению Белоруссии. Задачей нашего батальона на первом этапе было строительство или восстановление моста через реку Лучеса, а в дальнейшем обеспечение путей продвижения 5-го гвардейского стрелкового корпуса.

Строительство моста через реку Лучеса было сложной задачей, так как река протекает в овраге с крутыми берегами, что затрудняет сооружение мостовых опор и требует много строительных материалов. На западном берегу реки располагалась первая позиция обороны противника, поэтому мост надо было строить под огневым воздействием противника.

Наступление началось 23 июня и развивалось настолько стремительно, что немцы не успели взорвать мосты через реку Лучеса, и строить мост нам не пришлось.

На второй день наступления войска 39-й армии западнее города Витебска соединились с войсками 43-й армии, наступавшими севернее города. Город Витебск и находившиеся там немецкие войска были полностью окружены.

На третий день наступления немецкие войска стали пытаться прорваться из окружения, и все роты нашего батальона вынуждены были занять оборону, препятствуя прорыву немцев из окружения. Я с одной из рот целую ночь оборонял деревню Песочное. Утром мы увидели, что недалеко от деревни прорывается из окружения большая группа немцев, мы атаковали ее и взяли в плен более сотни немецких солдат и офицеров.

После того, как группировка немецких войск в районе Витебска была частично уничтожена, а частично взята в плен, перед нашей армией и соседними армиями создалась обстановка, какой не было за все три предыдущих года войны - перед войсками нашей армии противника не было. Войска быстро продвигались вперед.

39-й армии пришлось продвигаться через «Партизанский край» Белоруссии. Находился он на восточном берегу реки Березина, в лесах, и занимал территорию порядка 1000 квадратных километров. Каждая дорога, ведущая в лес, во многих местах была партизанами перекопана глубокими канавами. На опушках леса были сделаны лесные завалы. Местами дороги были заминированы. Все это партизаны сделали для того, чтобы в лесах не могли проехать немецкие танки и другая военная техника. Немцы в эти леса не пошли, а нашей армии надо было пройти через них. Мы, саперы, должны были расчистить дороги для дальнейшего продвижения наших войск. И саперы с этой задачей справились. Белорусские партизаны помогли нам выполнить эту задачу.

После ликвидации группировки немецких войск в районе Витебска войска 39-й армии встретили сопротивление противника только в Литве. Немецкие войска нанесли ряд контрударов, которые были отбиты, и наши войска возобновили наступление.

Здесь войска 39-й армии должны были форсировать широкую водную преграду - реку Неман.

Для обеспечения форсирования реки Неман 113-му стрелковому корпусу был придан наш 203-й инженерно-саперный батальон и понтонная рота. Я и командиры рот нашего батальона пытались произвести разведку

предполагаемого участка форсирования реки в районе города Юрбаркас.

Из-за сильного минометного и пулеметного огня противника подойти к реке не удалось. Стало ясно, что даже ночью подвезти понтоны к реке и организовать переправу не удастся. Нужно было найти другое решение. Я предложил следующий вариант действий. Для обеспечения внезапности форсирования и сокращения потерь, ночью к небольшой безымянной речке, протекающей западнее города Юрбаркас, подвезти понтоны, спустить их на воду, посадить на них гребцов из числа саперов и десант - по взводу стрелков на каждый. Течение вынесет понтоны к реке Неман, где потом с помощью гребцов можно будет быстро достичь противоположного берега.

Все одобрили этот вариант. Но нужно было согласие командира корпуса. Когда мы ему доложили об этом варианте, то он согласился на него весьма неохотно. Трудность его реализации состояла в том, что безымянная речка, по которой мы собирались сплавлять понтоны с десантом, была правой разграничительной линией полосы наступления корпуса, и реализация плана требовала определенной перегруппировки войск.

С наступлением темноты подвезли понтоны к безымянной речке и сгрузили их на землю. В течение 20-30 минут спустили на воду девять понтонов. В каждый понтон посадили за весла по отделению саперов и десант - по стрелковому взводу с вооружением.

Понтоны с десантом начали бесшумно сплавляться в сторону реки Неман. Течением понтоны вынесло почти на середину реки, затем стали интенсивно работать гребцы, и буквально через несколько минут понтоны с десантом достигли противоположного берега. Это было так неожиданно для противника, что он открыл огонь уже после того, как десант оказался на берегу.

Переправившийся батальон захватил на противоположном берегу плацдарм, а переправленный вторым рейсом батальон стрелков расширил его. Это дало нам возможность перенести место посадки на понтоны непосредственно на берег Немана и сократить время рейсов.

Часа через 3-4 после начала форсирования наши саперы из тех же понтонов собрали паромы и начали переправу орудий и легких тягачей. Днем на переправу приехали командир 113-го стрелкового корпуса генерал-майор Олешев и начальник инженерных войск 39-й армии генерал-майор Гнедовский. Они поблагодарили нас за успешное проведение форсирования.

Через некоторое время приехал командующий армией генерал-полковник И.И. Людников и объявил, что за инициативу и мужество, проявленные при форсировании реки Неман, награждает меня орденом Отечественной войны 1-й степени (№ 93557). Были также награждены солдаты и офицеры, отличившиеся при форсировании.

Через несколько дней, после форсирования реки Неман, войска 39-й армии вышли к реке Шешупе и пересекли границу Восточной Пруссии. Здесь отличились разведчики нашего батальона. Когда шли бои за пограничный городок Науместис, они пробрались на его западную окраину и захватили мост через реку Шешупе. Они предотвратили взрыв моста и удерживали его до подхода наших войск, не позволив отступавшим немецким войскам воспользоваться им. За этот подвиг командир взвода разведки старшина Зимин В.П. был представлен к званию Героя Советского Союза, а несколько человек из его взвода были награждены орденами Красного Знамени.

В октябре 1944 года наши войска захватили приграничные районы Восточной Пруссии. 13 января 1945 года войска 39-й армии прорвали оборону противника и двинулись на город Инстербург, а затем - на город Кенигсберг.

Наш 203-й инженерно-саперный батальон во время всех боев по разгрому немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии обеспечивал инженерную поддержку продвижения 5-го гвардейского стрелкового корпуса (командир генерал-лейтенант Безуглый): снимал мины на дорогах, строил мосты и переправы на многочисленных речках и каналах.

Части корпуса вышли к реке Дайме. Мосты на реке были разрушены. На западном берегу реки находились долговременные фортификационные сооружения, занятые немецкими войсками.

Нашему батальону было приказано восстановить один из мостов. Ночью мы вышли к этому мосту и увидели, что мост состоит из трех частей: двух береговых на свайных опорах и средней части, состоящей из двух металлических барж. Все три части были сильно повреждены взрывами. Восстановление моста оказалось сложной задачей как с технической точки зрения, так и по условиям ведения работ. Противник непрерывно вел минометный огонь по мосту и по дороге, ведущей к нему, поэтому подвезти строительный материал (бревна), каким-либо видом транспорта было невозможно. Среди солдат, сержантов и офицеров были убитые и раненые. Еще в начале ночи был ранен и отправлен в госпиталь командир батальона майор Р.А. Токарь. Командование батальоном я принял на себя.

Несмотря на все трудности к утру мост был восстановлен. За успешное выполнение ранее поставленных задач и восстановление этого моста я был награжден орденом Красного Знамени (№ 219824).

После штурма города Кенигсберга и разгрома группировки немецких войск на Земландском полуострове, войска 39-й армии после непродолжительного отдыха были отправлены на восток. В конце июня месяца эшелоны с войсками прибыли на станцию Баян-Тумэн (Монголия). Началась подготовка к операции по разгрому японских войск в Маньчжурии.

В период подготовки к операции нашему батальону и мне, как его командиру, пришлось решать одну из важнейших задач в условиях жаркого монгольского лета - водоснабжение войск, выдвигавшихся к границе Маньчжурии. Для этого мы оборудовали водоподъемниками существующие колодцы и рыли новые колодцы. Но воды все равно не хватало, её выдавали частям по 3-5 литров на человека в сутки.

Кроме этого, шла подготовка личного состава к выполнению боевых задач в ходе предстоящего наступления. А особенность этого наступления состояла в том, что на первом этапе предстояло преодолеть горы Большого Хинганского хребта. Мне было поручено подготовить две роты (одну саперную и одну понтонную) для обеспечения продвижения передового отряда.

С рассветом 9 августа 1945 года наш передовой отряд пересек границу Монголии с Китаем. На местности граница никак не была обозначена, населенных пунктов на сотни километров вокруг не было. Кругом была ровная степь.

За день передовой отряд продвинулся более чем на 100 километров и вышел к реке Халхин-Гол. Мы навели через неё понтонный мост и переправили передовой отряд на восточный берег. Передовой отряд занял ближайшие высоты Хинганских гор.

Весь следующий день поднимались в горы и остановились там, где нас застала ночь. С рассветом снова двинулись вверх и часа через два достигли перевала. Там уничтожили гарнизон железобетонного огневого сооружения японцев и начали спускаться с гор в Маньчжурию. На это ушел весь остаток дня.

Восточные районы Маньчжурии в то время были отсталыми в экономическом и культурном отношении. В деревнях люди жили в фанзах, построенных из глины, в окнах не было стекол, не было дверей. Внутри фанз кроме циновок не было никаких постелей. Да и в городах Ванемяо, Таонань и Таоань, через которые мы проходили, положение было не намного лучше.

Сопротивление японских войск было сломлено в первые же дни наступления наших войск в Маньчжурии. Император Японии отдал приказ своей армии о капитуляции. 3 сентября сопротивление японских войск прекратилось.

Через несколько дней части и подразделения, составлявшие передовой отряд, вошли в город Порт-Артур.

Мне с группой саперов было приказано принять капитуляцию одной из дивизий японской армии и установить Красное знамя на монументе «Победа», который японцы построили на горе Перепелиная в городе Порт-Артуре в честь победы японской армии над армией России 1904 -1905 годах.

За успешное выполнение задач по инженерному обеспечению боевых действий передового отряда я был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени (№ 743149). Это был пятый орден, полученный мной за время войн с Германией и Японией.

Мирные дни

Первый год после окончания войны я занимался организацией демобилизации старших возрастов военнослужащих и отправкой их на родину.

В 1947 году я был направлен на учебу в Военно-инженерную академию, которую с отличием окончил в 1953 году. После окончания академии, я был оставлен в ней для прохождения дальнейшей службы. И вся моя дальнейшая служба в Вооруженных Силах проходила в стенах этой академии и в её учебном центре.

Здесь я учился в адъюнктуре, защитил диссертации на присвоение ученых степеней кандидата и доктора технических наук, а затем мне были присвоены ученые звания доцента и профессора.

Президиум Верховного Совета РСФСР указом от 23 января 1980 года, за заслуги в области науки и техники и многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность, присвоил мне почетное звание Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

За время службы в Военно-инженерной академии я участвовал в проведении ряда важных научных исследований, разработке ряда учебников и учебных пособий по военно-техническим вопросам для слушателей академии.

Уволился из Вооруженных Сил в отставку в 1987 году с должности начальника кафедры в звании генерал-майора.

После увольнения в отставку еще 10 лет работал по вольному найму в должности профессора Военно-инженерной академии.

Ноябрь 2003 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Дедков Николай Андреевич****, курсант 5-го курса факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета)*

Хомяков
Иван Борисович

Пинский десант

Я родился 25 августа 1914 года в Орловской области Болховского района, в деревне Бетово.

В октябре 1936 года был принят на военную службу. В октябре 1940 года окончил Высшее военное командное училище имени Верховного Совета, где служил до середины 1943 года, занимаясь подготовкой молодых офицеров.

Свой фронтовой путь начал под Орлом в июле 1943 года в должности командира стрелкового батальона. В октябре 1943 года был назначен начальником штаба 1323-го стрелкового полка 415-й стрелковой дивизии. В этой должности воевал в составе Брянского, Белорусского, 1-го Украинского, Прибалтийского фронтов. Принимал участие в Берлинской операции. Участвовал в освобождении Украины и Белоруссии, городов Риги и Варшавы. В боях за Берлин был ранен.

Шел июль 1944 года, в решающую фазу вступила борьба за освобождение Белоруссии.

Возвратившись из штаба дивизии, командир полка Молчанов Г.А. сообщил ожидавшим его офицерам суть новой боевой задачи: «1323-му полку приказано в ночь на 12 июля на бронекатерах 1-й бригады Днепровской флотилии прорваться по реке Припяти в тыл врага. Захватить плацдарм в

городе Пинске. Обеспечить высадку 1321-го полка, совместно с ним овладеть городом Пинск и удерживать до подхода наших войск».

Выступление назначалось на 23 часа.

Я, начальник штаба полка, произвел необходимые расчеты посадки бойцов на катера и стал контролировать ход подготовки десанта.

Когда над Припятью сгустились сумерки, командир полка объявил посадку десанта на катера. До нас донеслась необычная, чуть приглушенная команда командиров батальонов: «По кораблям! По кораблям!» Вполголоса её тут же повторили командиры рот. Казалось, они уже почувствовали близость противника и старались ничем не выдать своего присутствия.

Все готово к рейду. Командир полка подал сигнал «Вперед!», и в 23.00 колонна катеров двинулась к Пинску.

Впереди на полуглиссере плыли офицеры и матросы флотилии. Они то и дело измеряли шестом глубину реки, определяя фарватер. Это было очень важно. Сесть на мель - означало угрозу срыва операции. Вслед за ними шел первый эшелон полка.

Катера шли на малой скорости. Работа их двигателей была еле слышна. Она сливалась с гулом моторов самолетов, которые наносили в это время бомбовый удар по позициям противника и по объектам в глубине его обороны. Это маскировало наше движение.

Вскоре подошли к линии фронта. Наш катер сбавил и без того небольшую скорость и, притаившись в тени поросшего кустарником крутого берега, осторожно двигался вперед.

Около часа ночи на горизонте замаячили темные силуэты зданий окраины города. Немного спустя предрассветную тишину разорвала автоматная перестрелка, затем раздался сильный взрыв. На набережной вспыхнуло яркое пламя пожара. Затем перестрелка усилилась, распространяясь в сторону восточной окраины.

Это вступила в бой находившаяся на головном катере рота капитана Еремеева. Рота, развернувшись на берегу, уничтожила мелкие группы противника, преодолела железобетонный забор с оттяжками из колючей проволоки и,

не дожидаясь выгрузки других подразделений, начала продвигаться к центру города.

Противник, застигнутый врасплох, разрозненными группами оказывал огневое сопротивление и контратаковал.

Необходимо было срочно усилить первый эшелон и ускорить его продвижение, чтобы не дать фашистам прийти в себя. Командир полка решил ввести в бой роту автоматчиков.

Получив задачу, автоматчики, пробираясь дворами и переулками, атаковали фашистов с флангов и с тыла. То в одной, то в другой стороне слышались приглушенные разрывы гранат, пулеметные и автоматные очереди.

Мы слышали, как бой удалялся все дальше и дальше, к центру города, и, расчленяясь на отдельные очаговые схватки, то затихал, то возникал вновь. Только в восточных кварталах стояла подозрительная тишина. Там по времени уже должны были развернуться боевые действия батальона второго эшелона. Но оттуда не доносилось ни выстрелов, ни взрывов.

Развернув КП в доте и примыкавшей к нему траншее, выслав разведку в направлении восточной окраины города, мы с офицером флотилии Александром Талепаевым направились к месту выгрузки второго эшелона, чтобы выяснить причину задержки.

По пути мы увидели залегшую у самой реки головную роту второго эшелона, хотя огня по ней противник не вел. Перед фронтом этой роты, метрах в 50 находился крутой берег и большой курган, не было ни обзора, ни обстрела.

- Почему лежите? - спросил я первого повстречавшегося в расположении роты офицера.

- Такой приказ, - ответил он.

Мы поспешили к командиру батальона капитану Стаценко. У причалившего последнего катера он отдавал офицерам какие-то распоряжения.

- Почему не выполняете поставленную задачу? - спросил я у комбата.

- Надо собрать батальон, потом выполнять.

- Думаете, немцы будут сидеть и ждать, пока вы соберете всех до одного солдата?

Стаценко промолчал.

- Поднимайте батальон и за мной, - приказал я Стаценко.

Комбат подал команду ротам, и мы вместе двинулись к высокому кургану, находившемуся неподалеку от КП полка. За нами следом, построившись без шума, шли роты. От кургана одна из них направилась по немецкой траншее в сторону юго-восточной окраины Пинска, другая - в направлении Лунинецкого шоссе, немного севернее. Минут через двадцать роты натолкнулись на противника и в районе фабрики вступили в бой.

Роту, выгрузившуюся последней, капитан Стаценко расположил в немецких траншеях фронтом на юго-восток, прикрывая полк с тыла и с правого фланга.

Бой теперь шел на всех направлениях.

Я вернулся на КП и доложил командиру полка о положении дел в 1-м батальоне.

К трем часам утра полк овладел большей частью города. Наступило затишье. На КП полка были доставлены пленные немцы, 190 освобожденных из плена бывших советских солдат, одетых в немецкую форму.

Утром 12 июля разведка доложила о сосредоточении пехоты и танков противника у восточной и западной окраины Пинска. Мы стали ждать атак фашистов вдоль полотна железной и шоссейной дорог, а также в южной части города и на флангах обороны полка.

Гитлеровцы хотели отрезать десант от реки, чтобы потом окружить и уничтожить. Колонна крытых автомашин противника быстро приближалась к южной окраине Пинска.

- Подпускай ближе и бей машины с запасных позиций, - приказал Молчанов майору Лопатину, - Не раскрывайся полностью.

Головные машины сразу были подбиты. Колонна остановилась. В метрах ста от дороги с машин высадился батальон немецкой пехоты, развернувшись фронтом к Пинску.

Водители некоторых опустевших машин попытались на узкой дороге развернуться и уйти из-под обстрела, но второй батальон, открывший огонь, не дал гитлеровцам возможности отступить. Лишь нескольким машинам удалось задним ходом уйти в обратном направлении, остальные остались на месте под непрерывным огнем наших пулеметов и минометов.

Часов в девять утра немцы атаковали наши позиции вдоль юго-восточной и южной окраин. Десантники отразили эти первые атаки с большими потерями для противника.

Перенося усилия с одного направления на другое, противник продолжал атаковать. В двенадцатом часу после массированного артиллерийского налета, немцы, численностью до полка, атаковали оба наших батальона из района Вышевичи и из района Подпинск. Направления немецких атак сходились теперь к центру города. Немцы хотели расчленить оборону десанта.

Десантники отбили и этот натиск. Тогда противник повторил артналет, на левом фланге первого батальона против роты лейтенанта В.В. Маленкова ввел свежие силы, подошедшие с востока, с направления Сошно, и атаковал снова.

Солдаты Маленкова, минометчики Колесникова и артиллеристы уже в который раз останавливали атакующие цепи гитлеровцев. Вражеская артиллерия повторяла обстрел десантников, а немецкая пехота поднималась и вновь бросалась в атаку.

Во время очередной атаки фашисты ворвались на позицию левофлангового взвода роты Маленкова. Взвод, потеряв половину своего состава, не выдержал атаки, превосходящего втрое противника, и отошел.

К месту прорыва немцы начали подтягивать новые силы.

Маленков принял решение контратаковать противника, вклинившегося на левый фланг его роты.

Взвод старшего лейтенанта И.Я. Каплуна уничтожил фашистов, атакующих подразделения Маленкова с тыла.

Командир минометной роты капитан А.П. Колесников взял на себя командование остатком роты Маленкова на переднем крае, состоявшем всего лишь из одного усиленного стрелкового взвода, боевой порядок которого растянулся по всей линии обороны роты. Против них для атаки сосредоточилась немецкая пехота численностью до батальона. Соотношение сил складывалось примерно один к десяти в пользу противника.

Тяжелые бои шли и в остальных секторах города.

Колесников позвонил комбату.

- Положение роты становится угрожающим. Главное сейчас - закрыть брешь в обороне и отразить атаку резерва противника. Дайте хоть отделение.

- Обходитесь своими силами, организуйте огонь и бейте резервы фашистов! - ответил комбат Колесникову.

- Тогда прошу немедленно поддержать артогнем!

Командир полка майор Молчанов приказал начальнику артиллерии выполнять запросы Колесникова на поддержку огнем.

Колесников приказал минометной роте сдержать огнем подходившие к месту прорыва резервы противника. На опустевшие позиции 3-го взвода были скрытно выдвинуты два пулеметных расчета: младшего сержанта В.Ф. Кузнецова (станковый пулемет) и С.М. Гончаренко (ручной пулемет).

Вскоре по атакующим фашистам ударили пулеметные очереди расчета Гончаренко - Ковальчука. Послышалась стрельба бойцов 1-го взвода и станкового пулемета младшего сержанта В.Ф. Кузнецова. Затем начался обстрел из наших минометов и артиллерийских орудий.

Капитан Колесников корректировал огонь минометов и артиллерии. Недосягаемыми оставались лишь позиции немецкой артиллерии, и она безнаказанно обстреливала, сосредоточенным огнем, участок за участком нашей обороны.

Немцы были вынуждены отступить. Первоначальное положение на левом фланге нашего 1-го батальона было восстановлено.

Старший лейтенант Каплун увел автоматчиков на прежние позиции.

Во время контратаки Маленков был ранен, но тоже оставался в строю, как и Колесников.

По позициям роты снова ударила артиллерия противника. После артиллерийского налета перешла в очередную атаку гитлеровская пехота, теперь уже усиленная танками. Танки наползали на траншеи, били прямой наводкой из пушек и пулеметов по нашим огневым точкам.

Отражая атаку, раненый Степан Гончаренко отсек своим пулеметным огнем вражескую пехоту от наползавших на траншею гитлеровских танков, бросился на танки и подбил один танк противотанковой гранатой. Отважный пулеметчик погиб. Во время боя был убит Маленков.

Прорвавшиеся на левом фланге 1-го батальона фашисты продвигались к центру города и в сторону Припяти. Создавалась угроза расчленения обороны полка.

Под напором фашистов остатки роты Маленкова отступали к главным силам батальона. Командование ротой взял на себя капитан Колесников. Лишь минометчики Колесникова и расчет 45-мм орудия сержанта Попугаева, оставшись без прикрытия пехоты, на своих позициях продолжали бой.

Основные силы 1-го батальона удерживали свой район обороны (от Припяти до Лунинецкого шоссе). В западном, северо-западном и северном секторах Пинска бойцы 2-го батальона и автоматчики отражали атаки противника.

Чтобы остановить фашистов, командир полка сосредоточил по наступавшим гитлеровцам огонь артиллерии Днепровской флотилии, а потом и полка 38-й артиллерийской бригады. Из своего резерва перебросил к центру города саперный взвод, во главе с полковым инженером капитаном Б.М. Чупилко, для установки минно-взрывных заграждений на пути фашистов и два взвода автоматчиков с северной окраины, где гитлеровцы атаковали нас незначительными силами. На центральное направление был отправлен первый помощник начальника штаба капитан П.Е. Чижов с двумя отделениями полковых разведчиков. Он должен был на месте уточнить обстановку, в соответствии с ней создать новый рубеж обороны силами подразделений, перебрасываемых к месту прорыва.

Навстречу фашистам, продвигавшимся к Припяти, были выдвинуты полковой и батальонный резервы под командованием заместителя командира 1-го батальона по политической части капитана Дмитрия Косторонова.

1-й батальон капитана И.А. Стаценко должен был задержать продвижение противника до подхода резервов.

Батальону майора М.Ф. Лопатина ставилась задача удерживать свои позиции, учитывая угрозу с тыла. Для этого отделение разведчиков Лопатина на виду у противника провело демонстративное усиление позиций автоматчиков батальона. Мой помощник по разведке капитан А.В. Ильинский помогал командиру роты автоматчиков капитану К.Н. Финогенову скрытно вывести его взводы с переднего

края и, как можно скорее, направить в распоряжение капитана П.Е. Чижова.

Я с начальником связи полка капитаном В.К. Кукариным и помощником старшим лейтенантом А.В. Темляковым оставался на КП. Я давал целеуказания артиллерии для нанесения удара.

Минометчики капитана Колесникова вели огонь по гитлеровской пехоте с максимальной скорострельностью. Они пропустили танки и своим огнем не давали продвигаться немецкой пехоте. Израсходовав мины, минометчики отошли по приказу Колесникова и продолжали отражать атаки, уже как стрелки, в составе стрелковой роты.

Капитану Колесникову было приказано атаковать левый фланг противника, захватить выгодную позицию в тылу прорвавшейся роты врага и содействовать ее разгрому. Командир полка приказал мне согласовать атаку с действиями резерва. Наши резервы состояли из стрелкового взвода и усиленного стрелкового отделения под командованием Героя Советского Союза сержанта Владимира Николаевича Камышева. Командовал резервом капитан Косторнов.

Я указал им рубеж обороны, поставил задачу остановить немцев, продвигавшихся к Припяти, и согласовал по времени их действия с действиями капитана Колесникова.

Рубеж, на который выдвигался наш резерв, оказался уже занятым немцами, и они прошли дальше, к Припяти.

Капитан Косторнов приказал отделению сержанта Камышева занять оборону, преградить путь противнику и своим огнем поддержать контратаку наших бойцов. А сам со взводом вышел во фланг противника, выждав момент, контратаковал его и задержал дальнейшее продвижение.

Почти одновременно атаковали фашистов десантники Колесникова и вскоре заняли намеченный рубеж. Атакованные с трех сторон фашисты не выдержали натиска и стали отходить. Десантники закрепились на выгодных позициях в юго-восточном секторе города.

Во второй половине дня 12 июля противник возобновил атаки на всем фронте обороны полка.

В первые же минуты боя стало ясно, что основные усилия фашистов будут направлены против 2-го батальона. Батальон атаковала немецкая пехота численностью до двух батальонов с

шестью танками и самоходками. После массированного огня артиллерии, гитлеровцы атаковали правый фланг батальона, на котором оборонялась рота капитана В.А. Еремеева.

Более часа враг безуспешно пытался захватить позиции десантников и, ценою больших потерь, начал теснить часть сил нашего батальона вдоль Брестского шоссе в центре обороны, и роту Еремеева на правом фланге. В районы прорыва фашисты подтягивали резервы.

Мы сосредоточили по противнику огонь артиллерии. Он помог десантникам остановить фашистов у шоссе. С ротой капитана В.А. Еремеева в это время прекратилась связь. В роту капитана Еремеева я выслал связистов. Я сообщил им, где находилась рота час тому назад и где она может находиться.

С узла связи полка телефонисты потянули к Еремееву самостоятельную линию. На указанных рубежах они связывались со штабом и докладывали обстановку.

Вскоре старший сержант В.И. Лобанов доложил:

- Вижу около роты немцев. Шум боя смещается к западу. Слева слышу «Ура» и непрекращающуюся перестрелку. Справа нас обстреливает немецкий пулемет. Впереди наступила тишина. Ни выстрела.

Я понял, что оборона Еремеева прорвана. Телефонисты оказались между нашими и немецкими боевыми порядками. Я приказал В.И. Лобанову дальше не продвигаться и искать пути обхода противника.

Они отошли назад и двинулись в обход наступавших фашистов, чтобы попасть в роту Еремеева, расположение которой определили по оружейной стрельбе.

Связисты доложили капитану Еремееву, что связь со штабом восстановлена. Еремеев сообщил командиру полка о занятых позициях. Я нанес их на план города - они были в полукольце фашистов. Я передал информацию артиллеристам и приказал им подготовиться поддержать роту огнем. Через считанные минуты Еремеев попросил у командира полка артиллерийской поддержки.

К месту обороны 5-й роты на левом фланге 2-го батальона (юго-западнее Пинска) противник начал сосредотачивать танки. Южнее Брестского шоссе перебрасывалась немецкая

пехота с юго-западной окраины Пинска и от моста через реку Пину. Положение десантников с каждым часом осложнялось.

Против танков была выдвинута артиллерия капитана Филкова. Из-за отсутствия лошадей, которые остались за линией фронта, артиллеристы впряглись в лямки, передвинули орудия на левый фланг 5-й роты и заняли позиции на заданном рубеже.

Командир 5-й роты доложил по телефону комбату:

- Из района Подпинск по шоссе движется колонна танков и автомашин. На танках - десант.

- Вижу, подпускай на действительный огонь и бей перекрестным, когда втянутся в огневой мешок. Сейчас на тебя будет работать артиллерия.

Как только колонна врага углубилась в оборону батальона, на нее обрушился массированный огонь артиллерии капитана Филкова, минометов, противотанковых ружей роты капитана Л.П. Добродаева, пулеметчиков и стрелков 5-й роты.

Головной танк был подбит на первых минутах боя. Остальные танки свернули с дороги и, разделившись попарно, ринулись на позиции 5-й роты.

Немецким танкам удалось прорваться на позиции роты. За танками шла пехота численностью до двух рот и атаковала десантников.

Обстановка становилась критической.

Мы решили ввести в бой освобожденных утром из плена 190 советских солдат. Некоторые из них без всякого разрешения подбирали оружие убитых, занимали их места в боевом порядке и отражали атаки противника вместе с воинами 1-го батальона.

В это время позвонил комдив. Я коротко доложил и попросил дать распоряжение как можно скорее доставить нам боеприпасы.

На реке Припять мы увидели бронекатер, который приближался к нашим позициям, несмотря на заградительный огонь немецкой артиллерии.

Когда катер стал подходить к причалу, немецкие танки открыли по нему прямой огонь. Происходило это поблизости от КП полка.

Артиллеристы бронекатера открыли огонь по фашистским танками. Мы услышали глухой удар, похожий на удар по пустой металлической емкости. За ним последовал второй удар с металлическим звоном и треском. Это были удары снарядов по бронекатеру.

Моряки пришвартовали пробитый бронекатер к причалу. На борту бронекатера находилась учебная рота 415-й дивизии под командованием капитана Корнеева.

С правого борта бронекатера, подав какую-то команду, прыгнул в воду офицер. За ним стали прыгать за борт курсанты. Преодолевая течение воды, они быстро приближались к берегу. Мы узнали офицера. Им был командир учебной роты капитан Корнеев.

Одновременно, с левого борта, около взвода курсантов во главе с майором Ф.Х. Трегубовым под огнем противника устремились на берег по причалу. Рота быстро достигла берега, проскочила неширокую пойму и добралась до траншеи на окраине города, где их ждал командир полка.

В это время наша артиллерия нанесла мощный огневой удар по танкам и пехоте, обстреливавшим наш бронекатер и КП полка.

Вместе с бойцами 5-й роты, курсанты оттеснили немцев, вклинившихся в оборону 2-го батальона на левом фланге.

На том же бронекатере полку были доставлены боеприпасы.

Наступавшие с севера и северо-востока немцы вышли к центру города, противник не прекращал атаки на позиции 1-го батальона в восточном секторе.

Наша оборона кое-где превратилась в очаговую. Наши ослабевшие подразделения с трудом сдерживали напор врага. Учебную роту пришлось в срочном порядке перебросить на правый фланг 2-го батальона, развернуть фронтом на север и создать новую линию обороны, опираясь на позиции роты Еремеева и автоматчиков.

Получив отпор, фашисты начали сосредотачивать свои силы против 1-го батальона. Имея численный перевес, фашисты атаковали 1-й батальон на всем фронте. На стыке рот вклинились в оборону батальона и начали двигаться в направлении нашего КП (юго-восточная окраина города). Сил

для отражения атаки фашистов здесь у батальона было недостаточно.

Мы решили ввести в бой бывших пленных. Задача была не из легких. В ней фактически ставился вопрос о доверии сразу двум сотням людей, о которых мы практически ничего не знали.

Трудно было решиться вооружить людей, только вчера работавших на немцев. Но другого выхода у нас не было.

Бывших пленных, численностью около ста человек, капитан Пожогин решил ввести в бой под своим командованием как самостоятельное подразделение. Эта рота представляла собой значительную силу, способную на многое.

Время показало, что мы напрасно сомневались в них.

В контратаку рота шла без артиллерийской подготовки и без стрельбы, во главе с капитаном Пожогиным, капитаном Ляшко, старшим лейтенантом Темляковым и лейтенантом Сулеймановым. Солдаты шли в немецкой форме. По ним долго немцы не стреляли, пока не грянуло русское «Ура!» и атакующие не открыли огонь. Внезапность контратаки лишила противника возможности оказать организованное сопротивление.

К исходу дня подразделения полка закрепились в нескольких кварталах юго-восточной части города на участке 1,5 километра по фронту и 700-900 метров в глубину.

На этом заканчивались первые сутки. Бои затихали. Только в центральном и северо-западном районах еще гремели выстрелы и разрывы гранат.

12 июля войска 61-й армии, наступая по всему фронту, продвинулись на 6-15 километров, освободили 16 населенных пунктов и вышли на рубеж: Любель, Крупятычи, Московичи, Хойно.

С фронта все слышнее доносилась интенсивная артиллерийская канонада. Войска армии медленно, но все ближе и ближе подходили к Пинску.

После войны окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. Служил в Советской Армии по 1959 год. Был уволен в запас в звании полковника.

Награжден: двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 3-й степени, орденом Кутузова 3-й степени, двумя

орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды и юбилейными медалями.

Почетный гражданин города Речица Брестской области.

Май 2005 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Хомяков Борис Иванович,*** *подполковник внутренней службы в отставке, генеральный директор фирмы «ХОМБИ»*

Челяпин Алексей Иванович

В третьей траншее мы пошли врукопашную

Я родился 3 сентября 1926 года в крестьянской семье. Жили мы в селе Глазок Мичуринского района Тамбовской области.

В 8 лет поступил в сельскую школу. После окончания школы в 1942 году, работал в колхозе.

О войне я узнал по радио.

Через 3 дня стали призывать на войну мужчин нашего села, родившихся до 1925 года. Я был призван только в 1942 году.

Меня привезли поездом на станцию Чаадаевка, затем автомашиной в поселок Мичуринский Пензенской области. В конце октября 1942 года в местном клубе мы приняли воинскую присягу. Затем нас отправили в Марийскую АССР для завершения курса молодого бойца. Я был зачислен автоматчиком.

В начале мая 1943 года нам выдали теплую одежду, снаряжение и направили в район боевых действий (на Курскую дугу).

Ехали ночью, а днем останавливались. Мы прибыли на станцию Малоархангельск, которая находилась недалеко от поселка Поныри. Там нас распределили по ротам.

Я был зачислен в отдельную автоматную роту 800-го полка 143-й стрелковой дивизии 13-й армии. В составе этой роты я воевал до конца войны.

В боях на Курской дуге мы не участвовали. У нас продолжались обыкновенные тренировки, какие были на курсах молодого бойца. Мы охраняли наблюдательные пункты (НП) и контрольно-пропускные пункты (КПП).

Каждый боец становится героем

После битвы на Курской дуге 13-я армия наступала на город Конотоп. Наша и 132-я стрелковая дивизия наступала со стороны железнодорожного вокзала. Нам помогало танковое соединение и авиация. 6 сентября город был освобожден. Нашей дивизии за эту победу присвоили почетное наименование «Конотопская».

После освобождения Конотопа мы освободили еще несколько населенных пунктов: Бахмач, Нежин, Козелец, Остер.

Мы подошли к Днепру и форсировали эту реку в районе села Страхолесье, севернее Киева. С первой попытки форсировать реку не удалось. Наша армия была не полностью подтянута к месту сражения, так как техника отстала. Мы совсем не были готовы к выполнению операции, форсировали реку как могли: на лодках, на бревнах, вплавь. А расположение у немцев было выгоднее: они находились на противоположном берегу на возвышенности, что давало им огромное преимущество. Погибло очень много наших солдат.

К моменту нашей второй попытки подошли танки, артиллерия, были наведены понтонные мосты. С такой поддержкой мы смогли быстро форсировать Днепр.

22 сентября мы освободили город Чернобыль, затем поселок Иванков и город Малин, а 17 ноября – город Коростень, за что нашей дивизии присвоено второе почетное наименование "Коростеньская".

К январю 1944 года мы вытеснили противника из села Белокоровичи, города Олевска, поселка Ракитного. Потом отбили Сарны, за что наша дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Преодолев речки Случь и Стир, к началу лета освободили Рафаловку и Маневичи.

Тернистый путь через Польшу

В начале марта 143-ю дивизию перевели на Белорусский фронт в 47-ю армию. Нам было приказано наступать на Ковель, к которому немцы подтянули тяжелую технику.

5 июня 1944 года наш полк находился в селе Облапы. В ночь с 4 на 5 июля нашей роте и взводу разведки приказали произвести разведку боем. Перед боем у нас забрали комсомольские билеты и военные книжки. К гимнастерке с внутренней стороны сказали пришить лоскут ткани, на котором написать фамилию, имя и отчество, а также адрес кого-нибудь из родственников, их фамилию, имя, отчество, чтобы в случае нашей гибели можно было сообщить родственникам. Так мы все и поступили.

В этом бою мы смогли выбить немцев с окраины города, взять несколько «языков» и вернуться живыми. Утром 5-го июля началась масштабная операция по штурму Ковеля. И у наших, и у немецких войск были огромные потери. Бои в городе продолжались до утра 6 июля.

21 июля 1944 года мы форсировали Западный Буг. Форсировать реку было достаточно сложно, потому что немцы расположили на противоположном берегу огромное количество техники.

Враг вел мощный обстрел наших войск, начавших форсирование реки, но наша артиллерия своевременно нанесла удар по немецкой обороне. Переплывали реку на подручных средствах. Я переплыл реку на бревне.

14 сентября мы освободили предместье Варшавы на восточном берегу Вислы. Мне присвоили звание старшего сержанта и назначили командиром роты.

На следующий день нам было приказано двигаться к городку Яблонна-Легионово. Когда мы освободили городок, поступил приказ форсировать реку Вислу.

На противоположном берегу у немцев было 3 ряда траншей, из которых они вели беспрерывный огонь, не давая нашим войскам форсировать реку.

14 января 1945 года нам приказали захватить эти траншеи. Мы с большими потерями перебрались на противоположный берег и пошли в атаку. Немцы стали отступать, но за каждую траншею они дрались до последнего.

К моменту захвата второй траншеи, у меня и почти у всех наших солдат не осталось патронов. У немцев патроны тоже были на исходе.

В третьей траншее мы пошли друг на друга врукопашную. Немцы стали отступать.

Нам приказали остановиться.

Другие войсковые части стали перебираться на другой берег реки по железнодорожному мосту.

Варшава была освобождена 17 января 1945 года.

Автоматчик и разведчиком быть может

Наша дивизия 30 января перешла границу Германии с Польшей.

Захватив 2 марта город Дойч-Кроне, мы подошли к реке Одер. Немцы были на вершине холма, а мы - в низине. При малейшем движении они нас сразу обстреливали.

Меня вызвали к командиру полка. Командир полка приказал узнать, где находятся огневые точки и, по возможности, взять «языка».

Я взял с собой двух своих солдат. Шли налегке и бесшумно. Мы обнаружили расположение двух пулеметов, проникли в штаб и захватили «языка». Вернулись к своим, сдали языка и доложили командиру полка.

За выполнение этого задания меня представили к ордену Красного Знамени.

143-я стрелковая дивизия 47-й армии стояла у реки Шпрее на подступах к городу Альтдам. 10 апреля 1945 года я был тяжело ранен.

За время войны я был награжден орденом Красного Знамени (за бой под Берлином), орденом Красной Звезды (за форсирование реки Вислы), медалями «За освобождение Варшавы» и «За Победу над фашистской Германией».

Март 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказали помощь ***Соколов Никита Андреевич и Королева Влада Александровна****, студенты 1-го курса факультета фундаментальных наук Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана*

Яковлев Сергей Иванович

Техники насчитали более 120 пробоин

Я родился 17 сентября 1922 года в городе Москве в семье рабочего. Учился с 1930 по 1940 год в средней школе №14, находившейся на Большой Калужской улице.

Учась в девятом классе, поступил в аэроклуб Ленинского района города Москвы. С 4 июля 1940 года стал курсантом Гостомельской авиашколы пилотов ВВС. С сентября 1941 года по апрель 1943 года был слушателем КОВАУ (Краснодарское объединенное военное авиационное училище), которое окончил в звании лейтенанта. Меня назначили командиром авиазвена.

Воевал на самолете Ил-2 в 94-м гвардейском штурмовом авиационном полку 5-й гвардейской штурмовой Запорожской Краснознаменной ордена Суворова авиационной дивизии на Юго-Западном, 3-м и 1-м Украинском фронтах, выполнил 92 боевых вылета.

Все боевые задачи выполнялись группами штурмовиков в условиях мощного противодействия противовоздушной обороны немецких войск.

С ноября 1941 года по 11 мая 1945 года наша дивизия потеряла более 200 экипажей. 94-й гвардейский штурмовой Владимир-Волынский ордена Богдана Хмельницкого авиационный полк потерял в боях 118 экипажей. Из летчиков, начавших воевать во время Сталинградской битвы, до Победы

дошли только 5 человек: Рахимов, Антонов, Бабич, Тухланов и Шаронов. Командовал дивизией полковник Коломейцев Леонид Викторович.

При каждом боевом вылете мой самолет получал повреждения от зенитных установок среднего калибра, реже - в ходе атак истребителей фашистов «мессершмиттов» и «фокке-вульфов».

19 сентября 1943 года при уничтожении немецких войск и боевой техники на узловой железнодорожной станции Синельниково, что восточнее города Запорожья, я был атакован двумя «мессерами» одновременно справа и слева сзади. У стрелка Ивана Лукина заклинило пулемет Березина (турельный). Два «мессера» стали стрелять по моему самолету.

Увидел, как дырявится обшивка крыльев. Резко перевел свой самолет в набор и убрал газ. Самолет потерял скорость, завис, а «мессеры» проскочили мимо и не смогли повторить обстрел. Самолет был очень сильно поврежден, но на бреющем полете я дотянул до своего аэродрома базирования в городе Краматорске. Самолет ремонту не подлежал.

25 сентября 1943 года при выполнении боевого задания по уничтожению штаба пехотной дивизии немцев в селе Балабино, юго-восток города Запорожье, огнем передвижных спаренных установок «Эрликон» самолет был поврежден, мотор стал сильно перегреваться. Пришлось совершить посадку на аэродром 6-й штурмовой авиационной дивизии. Через сутки после ремонта перелетел на свой аэродром.

В октябре 1943 года шла напряженная боевая работа экипажами 94-го штурмового авиационного полка по ликвидации плацдарма немцев на восточном берегу реки Днепр у города Запорожье. Уничтожали танки, артиллерию, переправы через реку Днепр в городах Запорожье и Мелитополь. Полки 5-й штурмовой авиационной дивизии потеряли много экипажей. При уничтожении железнодорожного моста в городе Запорожье двумя группами Ил-2 по 5 самолетов было потеряно 5 экипажей, самолет лейтенанта Петра Потанина сел на фюзеляж, стрелок был убит. Потанина укрыли на хуторе крестьяне. В ходе боев по ликвидации плацдарма у города Запорожье потери 94-го штурмового авиационного полка – 8 экипажей.

Мне, в ноябре месяце, была поставлена задача: произвести аэрофотосъемку плотины Днепрогэс. Правительству нужно было знать её степень разрушения. Погода все дни стояла нелетная: низкая сплошная облачность и видимость 1-2 километра. На западном берегу Днепра плотина и остров Хортица имели мощное прикрытие зенитной артиллерией. Задачу выполнили со второй попытки. Первую сделал командир 2-й авиационной эскадрильи А. Тухланов, вторую сделал я, заместитель командира 1-й авиационной эскадрильи.

После освобождения города Запорожье и до конца февраля 1944 года 94-й гвардейский авиационный полк выполнял боевые задачи по обеспечению наступления Советской Армии на берегах Днепра. Полк перебазировался на аэродром Жовта Балка, но из-за весеннего таяния снега грунтовые аэродромы стали непригодными для полетов. Командир 5-й авиационной дивизии решил на аэродроме Мокрое с бетонной взлетно-посадочной полосой разместить 2 группы по 2 самолета в каждой от 93-го штурмового авиационного полка и 94-го штурмового авиационного полка. Парой Ил-2 94-го штурмового авиационного полка командовал я.

Несколько дней летали по команде с командного пункта дивизии на разведку и уничтожение опорных пунктов противника. Наступление в распутицу успешно развивала конница под командованием генерала П.А. Белова. 13 марта, выполняя боевую задачу с ведомым А. Мигуновым, я заметил, что наши кавалеристы намереваются форсировать разлившуюся в половодье реку Ингулец у населенного пункта Давыдов Брод. На высоком западном берегу реки у немцев был большой опорный пункт. На площади села дымили 2 походные кухни. Уничтожили их в первом же заходе.

Но из-за кучевого облака самолет Мигунова внезапно атаковал Ме-110 и подбил его. Самолет Мигунова спланировал и приземлился на фюзеляж в расположении наших конников. Я же, более 20 минут, сделав 15-17 заходов, атаковал немцев, заставляя их прятаться в укрытиях.

Конники вплавь, держась за лошадей, переправились через реку и ворвались в опорный пункт. Мой самолет из-за обстрела был сильно поврежден. Когда я вернулся на

аэродром Мокрое, техники насчитали более 120 пробоин. Самолет был списан.

94-й штурмовой авиационный полк с 22 по 28 февраля вел напряженную боевую работу по поддержке частей Советской Армии на правобережной Украине в направлении на город Кривой Рог. В день выполняли по 2-4 вылета. Немецкие позиции прикрывали их истребители, которые часто атаковали наших штурмовиков.

22 февраля погиб командир 3-й авиационной эскадрильи капитан Суворов. Сразу же после выполнения в этот день второго боевого вылета меня вызвал на командный пункт командир полка Николаев. Мне поставили задачу: выполнить показательно-контрольный вылет с группой, состоящей из 7 самолетов 3-й авиационной эскадрильи, на уничтожение железнодорожных составов на станции Блакитное. После гибели Суворова ведущих в этой авиационной эскадрилье не было, а к вылетам были подготовлены самолеты только 3-й авиационной эскадрильи.

Накануне в полк прибыла группа летчиков авиационной эскадрильи с Дальнего Востока с командиром капитаном В.А. Киселевым. На фронте он группы ещё не водил. К концу дня обнаружили на станции Блакитное четыре эшелона с войсками и техникой врага. Выполнили только один заход, так как светлого времени оставалось очень мало. Уничтожили все эшелоны. Впоследствии этот боевой вылет был основой оформления документа на присвоение В.А. Киселеву звания Героя Советского Союза.

25 февраля мы совершали боевые вылеты на штурмовки фашистов, начавших контрнаступление у населенного пункта Широкое. При подлете к району цели нашу группу атаковали «мессеры».

Командир группы из 8 самолетов Ил-2, составленной из самых опытных летчиков, гвардии майор Рахимов организовал боевое построение «круг». Атакуя позиции немцев и, одновременно, отражая атаки «мессеров», выполнили задачу по штурмовке немецких подразделений. Над целью были более 30 минут и сбили 3 «мессершмитта». Закончили бой на высоте 200 метров и видели, как наши красноармейцы, стоя во весь рост, подбрасывали вверх шапки. Наступление наших войск успешно продолжалось.

В начале марта, после освобождения города Кривой Рог, авиация 17-й воздушной армии 1-го гвардейского смешанного авиационного корпуса была размещена на единственном в этом районе аэродроме с бетонной взлетно-посадочной полосой. Было всего четыре самолета Ил-2. Основная группировка - истребители Як-3. Бензин для заправки самолетов доставляли даже самолетами. Грунтовые дороги были непроходимыми. Выполняли боевые задания на разведку и штурмовку отходящих немецких войск.

В составе 17-й воздушной армии наша 5-я авиационная дивизия на Юго-Западном и на 3-м Украинском фронте воевала до июля 1944 года. Операция по освобождению правобережной Украины закончилась захватом плацдарма на правом берегу Днестра. 18 мая 1944 года, за обеспечение захвата плацдарма в поселке Шерпены, мне была объявлена благодарность командующим войсками 3-го Украинского фронта. Бои были тяжелые и напряжённые. Боевые потери в дивизиях также были большими.

Все боевые задачи, которые ставились мне командиром полка, командиром дивизии, командиром смешанного авиационного корпуса Героем Советского Союза генералом Шевченко, успешно выполнял.

В составе 5-й авиационной дивизии воевал и на 1-м Украинском фронте во 2-й воздушной армии. За успешные боевые действия с 11 по 28 августа 1944 года по удержанию Сандомирского плацдарма на реке Висле мне была объявлена благодарность командующим войсками 1-го Украинского фронта маршалом СССР И.С. Коневым.

Последний боевой вылет сделал в Силезию 11 мая 1945 года.

Декабрь 2014 года

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь ***Ларионов Алексей Александрович****, студент Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета)*

Оргкомитет по изданию 17-го тома мемуаров

в составе:

Руководителя Оргкомитета – президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Дементьева Василия Дмитриевича, Лидяевой Наталии Игоревны, Луценко Виктора Николаевича, Пархоменко Владимира Ивановича;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Антошкина Николая Тимофеевича, Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Карабанова Дмитрия Ивановича, Балагурова Алексея Кузьмича, Азарова Виктора Яковлевича;
членов Оргкомитета от Московского комитета ветеранов войны – Слухая Ивана Андреевича и Нижегородова Анатолия Григорьевича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

старшему преподавателю подполковнику Ткачеву Дмитрию Александровичу, преподавателю подполковнику Забнину Юрию Николаевичу и начальнику Учебного военного центра факультета военного обучения Московского авиационного института (национального исследовательского университета) полковнику Араеву Сергею Ивановичу, заведующему кафедрой истории Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана профессору Земцову Борису Николаевичу, а также доценту кафедры истории Московского авиационного института (национального исследовательского университета) Юрченко Ивану Юрьевичу.

выражает благодарность за помощь в создании макета настоящего тома:

редакторам: Лидяевой Наталии Игоревне и Федуловой Татьяне Михайловне

выражает благодарность за финансирование издания настоящего тома:

Президенту Российской Федерации Путину Владимиру Владимировичу, Министру культуры Российской Федерации Мединскому Владимиру Ростиславовичу, первому заместителю Министра культуры Российской Федерации Аристархову Владимиру Владимировичу, заместителю Министра культуры Российской Федерации Маниловой Алле Юрьевне, директору департамента туризма и региональной политики Яриловой Ольге Сергеевне и заместителю директора департамента туризма и региональной политики Алексеевой Жанне Владимировне.

Мемуары

От солдата до генерала
Воспоминания о войне

Том 17

ИБ№424

Подписано в печать 20.11.2015. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 31,25 Тираж 1000 экз. Заказ № 424
Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20.
Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

ISSN 1818-6688 ISBN 978-5-903076-30-7